

Пушкинъ.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Пушкину

Портретъ А. С. Пушкина, рисованный и гравированный
Райтомъ (Wright).

Сочиненія и письма
А. С. Пушкина.

Томъ третій.

Сочиненія и письма

А. С. Пушкина.

Критически провѣренное и дополненное по рукописямъ изданіе, съ біографическимъ очеркомъ, вступительными статьями, объяснительными примѣчаніями и художественными приложеніями,

подъ редакціей

П. О. Морозова.

С.-Петербургъ.

Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“, 7 рота, 20.

Городская контора: Невскій 50.

Сочиненія и письма

А. С. Пушкина.

Томъ третій.

Поэмы, повѣсти и драматическія произведенія въ стихахъ (1820—1833).

С.-Петербургъ.

Типографія Товарищества „Просвѣщеніе“, 7 рота, 20.

1903.

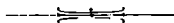
Бумага без примѣси древесной массы.

Оглавленіе.

	Стр.		Стр.
I. Русланъ и Людмила:		V. Вадимъ (отрывки изъ драмы и поэмы):	
Введеніе	1	Введеніе	163
Предисловіе Пушкина	15	Изъ драмы	166
Посвященіе	22	„ поэмы	167
Прологъ	23	VI. Бахчисарайскій Фонтанъ:	
Пѣснь первая	25	Введеніе	175
„ вторая	40	Поэма	180
„ третья	55	VII. Отрывки изъ поэмы:	
„ четвертая	68	Введеніе	199
„ пятая	78	Отрывки	203
„ шестая	98	VIII. Цыганы:	
Эпилогъ	104	Введеніе	211
II. Кавказскій Плъникъ:		Поэма	215
Введеніе	109	Эпилогъ	235
Предисловіе Пушкина	117	IX. Комедія о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ:	
Посвященіе	118	Введеніе	239
Часть первая	120	Борисъ Годуновъ	264
„ вторая	131	Пропущенная сцена	355
Эпилогъ	140	X. Графъ Нулинъ:	
Приписки къ поэмѣ	142	Введеніе	361
III. Программа и отрывки комедіи	145	Поэма	368
IV. Братья-разбойники:			
Введеніе	151		
Поэма	154		

	Стр.		Стр.
XI. Сцена изъ Фауста:		XVI. Каменный гость:	
Введеніе	381	Введеніе	511
Фаустъ и Мефистофель	383	Сцена первая	514
XII. Полтава:		„ вторая	521
Введеніе	391	„ третья	530
Предисловіе Пушкина	399	„ четвертая	539
Посвященіе	401	XVII. Пиръ во время чумы	549
Пѣснь первая	402	XVIII. Русалка:	
„ вторая	418	Введеніе	563
„ третья	435	Сцена первая	566
XIII. Домикъ въ Коломнѣ	451	„ вторая	576
XIV. Скупой рыцарь:		„ третья	580
Введеніе	471	„ четвертая	582
Сцена первая	474	„ пятая	587
„ вторая	482	„ шестая	589
„ третья	486	XIX. Галубъ:	
XV. Моцартъ и Сальери:		Введеніе	593
Введеніе	495	Поэма	595
Сцена первая	498	Примѣчанія	605
„ вторая	504		

Списокъ иллюстрацій.

	Стр.
Портретъ А. С. Пушкина, рисованный и гравированный Райтомъ (Wright)	I
Бахчисарайскій фонтанъ, съ картины К. П. Брюллова	175
А. С. Пушкинъ. Гипсовый бюстъ работы С. И. Гальберга	401
Принадлежитъ Пушкинскому музею Императорскаго Александровскаго лица. Воспроизведено непосредственно съ оригинала.	
Сказка о царѣ Салтанѣ. Оригинальная акварель А. П. Рябушкина	561
Исключительная собственность Т-ва „Просвѣщеніе“. Воспроизведено непосредственно съ оригинала.	
Дуэль А. С. Пушкина. Картина К. Н. Чичагова	605
Воспроизведено непосредственно съ оригинала.	

I.

Русланъ и Людмила

1817—1820.

Въ годы ранней юности, еще на лицейской скамьѣ, Пушкинъ, подъ вліяніемъ разнообразнаго литературнаго чтенія и бесѣдъ съ своими товарищами, останавливался на мысли написать какое-нибудь крупное поэтическое произведеніе. Такъ, мы знаемъ, что въ концѣ 1815 г. онъ началъ писать аллегорическую повѣсть, — вѣроятно, въ стилѣ Вольтера, подъ заглавіемъ: „Фатама, или разумъ человѣческой“; въ то же время имъ начата была комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, „Философъ“ и задумана „ириическая“ поэма „Игорь и Ольга“. Еще ранѣе, по его собственному свидѣтельству въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 27 марта 1816 г., Батюшковъ „завоевалъ“ у него сюжетъ „Бовы-королевича“. Въ относящихся къ этому времени тетрадяхъ поэта П. В. Анненковъ видѣлъ *) „множество программъ для русской сказки, въ числѣ которыхъ наиболѣе понятная и разборчивая назначаетъ героемъ поэмы плѣннаго Бову, попавшаго въ руки злого царя и спасающаго свою жизнь разгадываніемъ его загадокъ и исполненіемъ его неисполнимыхъ задачъ, при помощи, съ одной стороны, дочери царя, царевны Мельчигреи, а съ другой — добраго волшебника...“ Среди наскоро набросанной программы сказки о Бовѣ, которую П., какъ извѣстно, началъ, но скорѣе оставилъ (см. I, 420), находятся слова: „Rousslane et Ludmila“. Въ формѣ этого французскаго заглавія представилась Пушкину первоначальная идея поэмы, которая скорѣе овладѣла его мыслями и досугомъ.

Такимъ образомъ, П. началъ писать „Руслана и Людмилу“ еще въ Лицеѣ. Затѣмъ, по окончаніи курса, онъ продолжалъ работать надъ своей поэмой въ Михайловскомъ, куда уѣхалъ въ іюнѣ 1817 г., а вернувшись въ Петербургъ, время отъ времени, обращался къ ней въ той маленькой

*) Пушк., 125. Въ собраніи Моск. Муз. этихъ листовъ нѣтъ.

комнаткѣ, на Фонтанкѣ, у Калинкина моста, гдѣ онѣ въ ту пору жилъ. Среди черновыхъ набросковъ поэмы въ рукописи Моск. Муз. № 2364, л. 52 об., находимъ нѣсколько стиховъ, которые могутъ служить какъ бы эпиграфомъ ко всему этому произведенію:

Такъ я, бывало, провождалъ
Златые дни свободы праздной
И свой досугъ однообразный
Игривой лирой оживлялъ.
Я пѣлъ и вымыслы живые...

Друзья поэта — Дельвигъ, Батюшковъ, Жуковскій и др. — очень интересовались ходомъ его работы и постоянно спрашивались о ней. Въ половинѣ 1818 г. Кюхельбекеръ, въ посланіи къ Пушкину и Дельвигу (Сын. Отеч., ч. 48 № 33, стр. 129, и Благонамѣр. 1818, III, 133), уже привѣтствуетъ друга, какъ автора новой поэмы:

Тебя, мой огненный, чувствительный пѣвецъ
Любви и добраго Руслана,
Тебя, на чьемъ челѣ предвижу я вѣнецъ
Арьоста и Парни, Петрарки и Баяна.

Батюшковъ 9 мая 1818 г. сообщалъ Вяземскому, что „молодой Пушкинъ пишетъ прелестную поэму и зрѣетъ“; онъ же спрашивалъ А. И. Тургенева: „Сверчокъ что дѣлаетъ? Кончилъ ли свою поэму? Не худо бы его запереть въ Геттингенъ и кормить три года молочнымъ супомъ и логикою. Изъ него ничего путнаго не выйдетъ, если онъ самъ не захочетъ; потомство не отличить его отъ двухъ однофамильцевъ, если онъ забудетъ, что для поэта и чело-вѣка должно быть потомство... Какъ ни великъ талантъ Сверчка, онъ его промотаетъ, если... Но да спасутъ его музы и молитвы наши!“

Въ особенности внимательно слѣдилъ за работою молодого своего друга А. И. Тургеневъ, который еще въ концѣ 1817 г. настойчиво требовалъ отъ Пушкина окончанія поэмы (см. I, 523) и затѣмъ постоянно сообщалъ кн. Вяземскому о томъ, какъ подвигается это дѣло. Такъ, 3 дек. 1818 г. онъ писалъ: „Пушкинъ уже на 4-й пѣснѣ своей поэмы, которая

будеть имѣть всего шесть. То ли дѣло, какъ 20 лѣтъ ему стукнетъ! Эй, старички, не плошайте!“ (Остаф. Арх. I, 160).

Извѣстно, что юноша-поэтъ, закружившись, вмѣстѣ съ „минутными друзьями своей минутной молодости“, въ вихрѣ свѣтскихъ проказъ, „среди оргій жизни шумной“, три раза въ теченіе двухъ лѣтъ былъ серьезно и опасно боленъ и спасся отъ смерти только благодаря своей крѣпкой молодой натурѣ. Въ дни вынужденнаго бездѣйствія, лежа въ постели „съ поэмой въ головѣ, съ лѣкарствами въ желудкѣ“ (I, 550 - 551), онъ обращался къ своей заброшенной работѣ и наверстывалъ потерянное время. „Сверчокъ прыгаетъ по бульвару и по —“, писалъ Тургеневъ Вяземскому 18 дек. 1818 (Ост. Арх. I, 174). „Но, при всемъ безпутномъ образѣ жизни его, онъ кончаетъ четвертую пѣснь поэмы. Если бы еще два или три —, такъ и дѣло въ шляпѣ. Первая — болѣзнь была и первою кормилицею его поэмы“. Изъ письма 12 февр. 1819 г. (тамъ же, 191) мы узнаемъ, что „Пушкинъ слегъ: старое пристало къ новому, и пришлось ему опять за поэму приниматься“. Вслѣдъ за тѣмъ (стр. 200) Т. сообщаетъ, что „П. уже на ногахъ и идетъ въ военную службу“, а изъ писемъ 18 и 25 июня, 1 и 16 іюля 1819 г. (стр. 253, 256, 260, 267), мы узнаемъ, что онъ опять простудился, опасно заболѣлъ и, нѣсколько поправившись, въ половинѣ іюля уѣхалъ въ деревню. Оттуда онъ вернулся, въ половинѣ августа, „обритый и съ шестою пѣснью“ (стр. 293) и вскорѣ (стр. 296) читалъ своимъ друзьямъ пятую пѣснь, въ деревнѣ сочиненную. „Что изъ этой головы лѣзеть!“ пишетъ Тургеневъ: „Жаль, если онъ ея не сносить... Здѣсь онъ возобновилъ прежній родъ жизни. Волось уже нѣтъ, и онъ ходитъ блѣдный, но не унылый“. Наконецъ 25 февраля 1820 г. Т. пишетъ: „Племянникъ почти кончилъ свою поэму, и на сихъ дняхъ я два раза слушалъ ее. Пора въ печать. Я надѣюсь отъ печати и другой пользы, личной для него: увидѣвъ себя въ числѣ напечатанныхъ и, слѣдовательно, уважаемыхъ авторовъ, онъ и самъ станетъ уважать себя и нѣсколько остепенится. Теперь его знаютъ только по мелкимъ стихамъ и крупнымъ шалостямъ, но по выходѣ въ печать его поэмы будутъ искать въ немъ если не парикъ академической, то, по крайней мѣрѣ, не перво-степеннаго повѣсу. А кто знаетъ, — можетъ быть, схватятъ и въ Академію? Тогда и поминай, какъ звали!“ (II, 23).

Поэма была окончена въ мартѣ 1820 г., и по этому случаю Жуковскій подарилъ Пушкину свой портретъ съ надписью: „Побѣдителю ученику отъ побѣжденнаго учителя, въ сей высокаторжественный день, въ который онъ окончилъ поэму „Русланъ и Людмила“, — 1820, марта 26, великая пятница.“

Въ печати прежде всего явился небольшой отрывокъ изъ III-й пѣсни — въ Сынѣ Отечества 1820, ч. 61, № 15, стр. 120 - 128 и № 16, стр. 160 - 165, гдѣ поэма названа была еще „Людмила и Русланъ“. Затѣмъ Пушкинъ рѣшилъ приступить къ изданію поэмы, но 6 мая ему пришлось уѣхать изъ Петербурга, и хлопоты по изданію взялъ на себя Н. И. Гнѣдичъ. Братъ поэта Левъ и С. А. Соболевскій наблюдали за печатаніемъ; А. Н. Оленинъ сочинилъ виньетку для заглавнаго листа. Поэма вышла въ концѣ мая (Спб., въ тип. Н. Греча, 8°, 142 стр.; цензурное одобрение Тимковского подписано 15 мая); затѣмъ прибавленія къ ней (изъ VI-й пѣсни) и эпилогъ, съ помѣтой: „26 іюня 1820. Кавказъ“, явились въ Сынѣ Отечества 1820, ч. 64, № 38, стр. 229 - 231 (книжка эта вышла 18 сентября). Изданіемъ своего перваго крупнаго произведенія Пушкинъ былъ очень доволенъ и писалъ Гнѣдичу изъ Кишинева, 24 марта 1821 г. „Платье, сшитое по заказу вашему на Руслана и Людмилу, прекрасно. И вотъ, уже четыре дня, какъ печатные стихи, виньета и переплетъ дѣтски утѣшаютъ меня. Чувствительно благодарю почтеннаго АО (Оленина): эти черты — сладкое для меня доказательство любезной благосклонности“. Въ маѣ слѣдующаго (1822) года, какъ видно изъ одного письма къ Гнѣдичу, Пушкинъ подумывалъ уже о второмъ изданіи поэмы, но оно состоялось только въ 1828 г. (Русланъ и Людмила, поэма въ шести пѣсняхъ. Сочиненіе А. Пушкина. Изданіе второе, исправленное и умноженное. Спб., въ тип. Деп. Народн. Просвѣщенія. 1828, 8°, XV и 159 стр.). Въ это изданіе внесены были „прибавленія“, появившіяся въ Сынѣ Отеч. 1820, нѣкоторыя мѣста поэмы передѣланы и помѣщенъ вновь написанный Прологъ, а также—предисловіе. При книжкѣ былъ приложенъ портретъ автора, гравированный Уткинымъ съ оригинала Кипренскаго и явившійся первоначально при Сѣв. Цвѣтахъ на 1828 г.

Въ послѣдній разъ при жизни Пушкина поэма была напечатана въ собраніи его „Поэмъ и повѣстей“, Спб. 1835,

Черновые наброски поэмы находятся въ рукописи Моск. Публ. Муз. № 2364 (въ разбивку, отдѣльные куски изъ разныхъ пѣсенъ). П. В. Анненковъ имѣлъ въ рукахъ еще „отдѣльные листы“, составляющіе дополненіе къ этой тетради, которыми онъ въ свое время не воспользовался, а теперь они куда-то исчезли. Судя по этимъ черновымъ время, употребленное на созданіе „Руслана и Людмилы“, опредѣляется четырьмя или даже пятью годами. „Ни одна изъ поэмъ“, говоритъ Анненковъ, „не стоила Пушкину столькихъ усилій, какъ та, которою онъ начиналъ свое поприще и которая, повидимому, не должна была очень затруднять автора: только необычайная отдѣлка всѣхъ ея частей могла бы изобличить тайну ея произведенія, но объ этомъ никто не догадывался: тогда вообще думали, что Пушкину достается все даромъ. Дни и ночи необычайнаго труда положены были на эту полу-шутливую, полу-серьезную фантастическую сказочку, и мы знаемъ, что даже основная ея мысль, идея и содержаніе достались Пушкину послѣ долгихъ и долгихъ исканій“. Недаромъ и самъ поэтъ, и его друзья придавали этому труду очень серьезное значеніе и высказывали надежду, что „Русланомъ“ онъ можетъ завоевать себѣ исключительное положеніе въ литературѣ.

Изъ отзывовъ о поэмѣ выдающихся современниковъ Пушкина намъ извѣстны мнѣнія Карамзина, Дмитріева и Сперанскаго. А. И. Тургеневъ, въ письмѣ къ Дмитріеву отъ 9 янв. 1820, говоря о скоромъ выходѣ въ свѣтъ поэмы Пушкина, замѣчаетъ: „Не смѣю послать вамъ ее, ибо вы, какъ слышу, осудили ее, по отрывкамъ, почти на ничтожество“ (Русск. Арх. 1867, ст. 656). На это Дмитріевъ отвѣчалъ 2 августа: „Позвольте дружески попенять вамъ, что не прислали ко мнѣ „Руслана“. Я не уничтожалъ ее, а только отозвался, что въ напечатанныхъ отрывкахъ еще ничего не видѣлъ чудеснаго или необыкновенно хорошаго. Можетъ быть, въ цѣломъ она и прекрасна, и безсмертна; по крайней мѣрѣ, я искренно того желаю“ (Остаф. Арх., II, 427). Въ другомъ письмѣ къ Тургеневу, отъ 19 сентября, Дм. говоритъ: „Кто поссорилъ меня съ Воейковымъ, будто я сердитъ на него, что онъ расхвалилъ молодого Пушкина? Не только не думалъ о томъ, но еще хвалилъ его, что онъ умѣлъ выставить удачнѣе самого автора лучшіе стихи изъ его поэмы. Я не критиковалъ и прежнихъ

образчиковъ, а только давалъ вамъ чувствовать, что по предварительной молвѣ ожидалъ чего-то большаго. Напротивъ того, въ разборѣ Пушкина съ удовольствіемъ увидѣлъ два-три мѣста истинно пѣитическія и въ большомъ родѣ. Пушкинъ былъ поэтъ еще и до поэмы. Я хотя и инвалидъ, но еще не лишился чутья къ изящному. Какъ же мнѣ хотѣтъ унижать талантъ его?“ (Тамъ же). Въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 18 октября того же года Дм. спрашиваетъ: „Что скажете вы о нашемъ „Русланъ“, о которомъ такъ много кричали? Мнѣ кажется, это — недоносокъ преумнаго отца и прекрасной матери (музы). Я нахожу въ немъ очень много блестящей поэзіи, легкости въ разсказѣ; но жаль, что часто впадаетъ въ бюрлескъ, и еще больше жаль, что не поставилъ въ эпиграфъ извѣстный стихъ, съ легкою перемѣною: „La mère en défendra la lecture à sa fille“ Безъ этой предосторожности поэма его съ четвертой страницы выпадетъ изъ рукъ добрая матери“ (Старина и Новизна, II, 141). Этотъ отзывъ сталъ извѣстенъ Пушкину и вызвалъ съ его стороны горькія строки въ предисловіи ко 2-му изданію поэмы. Карамзинъ не соглашался съ приговоромъ своего стараго друга: „Ты не отдаешь справедливости таланту или поэмкѣ молодого Пушкина, сравнивая ее съ Энеидою Осипова“, писалъ онъ Дмитріеву 7 іюня 1820: „въ ней есть живость, легкость, остроуміе, вкусъ; только нѣтъ искуснаго расположенія частей, нѣтъ или мало интереса; все сметано на живую нитку“ (Письма К. къ Дмитріеву, стр. 290, 0134).

М. М. Сперанскій писалъ своей дочери, 16 ноября. 1820, изъ Тробольска: „Руслана я знаю по нѣкоторымъ отрывкамъ. Онъ дѣйствительно имѣетъ замашку и крылья генія. Не отчаявайся, — вкусъ придетъ: онъ есть дѣло опыта и упражненія. Самая неправильность полета означаетъ тутъ силу и предприимчивость. Я такъ же, какъ и ты, замѣтилъ сей метеоръ. Онъ не безъ предвѣщанія для нашей словесности“ (Гротъ, Пушк., 248).

Что касается критики журнальной, то общій ея характеръ вѣрно опредѣленъ самимъ Пушкинымъ, въ предисловіи ко 2-му изданію поэмы и въ сохранившейся въ его бумагахъ отдѣльной замѣткѣ:

„Руслана и Людмилу“, говоритъ поэтъ, — вообще приняли благосклонно. Кромѣ одной статьи въ „Вѣстникѣ

Европы *), въ которой побранили весьма неосновательно и весьма дѣльныхъ вопросовъ, избличающихъ слабость со-зданія поэмы **), кажется, не было объ ней сказано худого слова. Никто не замѣтилъ даже, что она холодна. Обвиняли ее въ безнравственности за нѣкоторыя слегка сладострастные описанія, за стихи, мною выпущенные во второмъ изданіи:

О страшный видъ! Волшебникъ хилый
Ласкаетъ сморщенной рукой etc.,

за вступленіе, не помню, которой пѣсни:

Напрасно вы въ тѣни таились etc.

и за пародію Двѣнадцати спящихъ дѣвъ. За послѣднее можно было бы меня пожурить порядкомъ, какъ за недостатокъ эстетическаго чувства. Непростительно было (особенно въ мои лѣта) пародировать, въ угожденіе черни, дѣвственное поэтическое созданіе. Были прочіе упреки, довольно пустые. Есть ли въ „Русланѣ“ хоть одно мѣсто, которое въ вольности шутокъ могло быть сравнено съ шалостями хоть, напримѣръ, Аріоста, о которомъ поминутно твердили мнѣ? Да и выпущенное мною мѣсто было очень смягченное подражаніе Аріосту“.

Критическія и полемическія статьи и замѣтки, вызванныя появленіемъ поэмы Пушкина, распадаются на двѣ группы: порицательныя и одобрительныя. Органами первыхъ были Вѣстникъ Европы и Невскій Зритель; вторыя явились въ Сынѣ Отечества, Благонамѣреннымъ и Рецензентѣ. Нападки на поэму открылись „Письмомъ къ редактору“ Жителя Бутырской Слободы въ В. Е. 1820, ч. 111, № 11, стр. 213 - 220 ***); отвѣтъ на это письмо за подписью: „...евъ“, появился въ Сынѣ Отеч., ч. 63, № 31; Житель Бутырской Слободы

*) 1820, № 11.

**) Статья молодого гвардейца Д. П. Зыкова въ Сынѣ Отеч. 1820, ч. 64, № 38, стр. 226 - 229, подъ заглавіемъ: „Письмо къ сочинителю критики на поэму „Р. и Л.“ и съ подписью NN. Эту статью П. приписывалъ сначала П. А. Катенину.

***) Выдержки изъ этой статьи приведены въ предисловіи Пушкина ко 2-му изданію поэмы,

отвѣчалъ тоже письмомъ въ В. Е., ч. 112, № 16, стр. 283. „Замѣчанія на Поэму Русланъ и Людмила“ явились въ Невскомъ Зрителѣ 1820, № 7, стр. 67 - 80. Въ Сынѣ Отечества напечатаны: небольшая библиографическая замѣтка — въ ч. 63, № 32, стр. 326 - 327; подробный разборъ поэмы, подписанный буквою В. (А. Θ. Воейкова) — въ ч. 64, № 34, стр. 12 - 32, № 35, стр. 66 - 83, № 36, стр. 97 - 114 и № 37, стр., 145 - 155; вызванное этой статьей „Письмо къ сочинителю критики на поэму Русланъ и Людмила“, за подписью NN, о которомъ сказано выше, — въ ч. 64, № 38, и отвѣтъ на него, подъ заглавіемъ: „Замѣчанія на разборъ поэмы Р. и Л.“, за подписью: „П. К-въ“ (Алексѣй Перовскій, см. Остаф. Арх., II, 72, 421) — въ ч. 65, № 42, стр. 72 - 86; „Замѣчанія на письмо къ сочинителю критики на поэму Р. и Л.“, за подписью: „К. Григорій Б-въ“, — въ ч. 64, № 41, стр. 39 - 44, и „Скромный отвѣтъ на нескромное замѣчаніе г. К-ва“, за подписью: „М. К-въ“, — въ ч. 65, № 43, стр. 112 - 121. Кромѣ того, въ Сынѣ Отеч. 1821, № 5, напечатана статья члена петербургскаго Общества Любителей россійской словесности Николая Кутузова „Аполлонъ съ семействомъ“, въ которой, между прочимъ, говорилось: „Пожалѣемъ, что перо Пушкина, юнаго питомца музъ, одушевлено не чувствами, а чувственностью. Даря насъ своими мечтами, подъ именемъ поэмы, онъ показалъ прелестныя дарованія, но и великія заблужденія“, и пр. Неодобрительная замѣтка объ этой статьѣ, съ подписью: „И. К.“, появилась въ В. Е. 1821, ч. 116, № 3, стр. 218 - 221; тамъ же, № 4, стр. 287 - 308, напечатано письмо къ редактору С. Осетрова о поэмѣ Пушкина. Въ Благонамѣренномъ 1820, № 11, стр. 403 - 406, помѣщена библиографическая замѣтка о выходѣ поэмы; въ Рецензентѣ 1821, № 5, небольшая статейка: „Мои мысли о романтической поэмѣ Пушкина Р. и Л.“. Кромѣ того, въ бумагахъ Пушкина сохранился слѣдующій отзывъ о поэмѣ, выписанный имъ изъ французскаго журнала *Revue Encyclopedique*, février 1821, p. 382 (Рук. Моск. Муз. № 2366, л. 1. ср. Остаф. Арх. II, 501):

„Un ouvrage publié dernièrement dans cette ville a fixé

*) Всѣ эти статьи перепечатаны въ сборникъ В. Зелинскаго, Рус. критич. литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина, ч. I, М. 1887: стр. 1 - 86.

l'attention de tous les amis des lettres; c'est un poème romantique en dix (!) chants, intitulé Rouslane et Ludmila. Son auteur M. Pouchkine, ancien élève du Lycée de Tsarskoë-Sélo et attaché dans ce moment au gouverneur-général de la Bessarabie, n'a guère que 22 ans. Ce poème est tiré des contes nationaux du temps du grand prince Vladimir; il est rempli de beautés de premier ordre; le style est tantôt énergique et tantôt gracieux, mais toujours élégant et pur, et fait concevoir de son jeune auteur les plus grandes espérances*.

П. В. Анненковъ справедливо замѣчаетъ, что въ разборахъ „Руслана и Людмилы“ сказалось младенческое состояніе тогдашней нашей критики. Уже съ этой ранней эпохи всѣ рецензіи на Пушкина были ниже его, и онъ имѣлъ полное право говорить въ послѣдствіи, что ничему отъ нихъ не научился. Не передавая замѣчаній за и противъ поэмы, приведемъ здѣсь только слова Бѣлинскаго, въ одной изъ позднѣйшихъ его статей (1844):

„Нельзя ни съ чѣмъ сравнить восторга и негодованія, возбужденныхъ первою поэмою Пушкина“, писалъ Бѣлинскій. „Слишкомъ немногимъ геніальнымъ твореніямъ удавалось производить столько шуму, сколько произвела эта дѣтская и нисколько не геніальная поэма. Поборники новаго увидѣли въ ней колоссальное произведеніе, и долго послѣ того величали они Пушкина забавнымъ титломъ „пѣвца Руслана и Людмилы“. Представители другой крайности, слѣпые поклонники старины, были оскорблены появленіемъ поэмы. Они увидѣли въ ней все, чего въ ней нѣтъ, — чуть не безбожіе, и не увидѣли въ ней ничего изъ того, что именно есть въ ней, т. е. хорошихъ, звучныхъ стиховъ, ума, эстетическаго вкуса и, мѣстами, проблесковъ поэзіи... Въ поэмѣ все было ново: и стихи, и поэзія, и шутка, и сказочный характеръ съ серьезными картинами...“

Немудрено, что общій тонъ критики того времени вызвалъ ѣдкія эпиграммы, изъ которыхъ одна, написанная Крыловымъ, цитируется самимъ Пушкинымъ въ предисловіи ко 2-му изданію поэмы, а другая, приписываемая Дельвигу, напечатана была рядомъ съ первою въ Сынѣ Отеч. 1820, ч. 64, стр. 233:

Хоть надъ поэмою и долго ты корпишь, —
Красотъ ей не придашь и не умалишь:

Браня, всѣмъ кажется — ее ты хвалишь;
Хваля, — ее бранишь.

Что касается источниковъ поэмы, то еще въ статьѣ неизвѣстнаго автора въ Рецензентѣ 1821 г. указано было на сходство ея съ мотивами Роланда Аріосто, Оберона Виланда, Ричардета Фортигверры *) и, „можетъ быть“, — Дѣвственницы Вольтера. Позднѣйшіе изслѣдователи значительно расширили кругъ литературныхъ вліяній, отразившихся на „Русланъ и Людмилъ“. Прежде всего обращено было вниманіе на источники русскіе, — на сказку о Ерусланѣ Лазаревичѣ, извѣстную Пушкину по лубочнымъ изданіямъ, на „Древнія російскія стихотворенія“ Кирши Данилова (1804) и на основанное почти всецѣло на „Русскихъ сказкахъ, содержащихъ древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ“, М. Чулкова, сочиненіе Николая Радищева: „Богатырскія повѣсти въ стихахъ“ (2 части, М. 1801: „Альоша Поповичъ, богатырское пѣснопѣніе, соч. Н. я Р. а“ и „Чурила Пленковичъ“ — тоже). Въ первомъ изъ указанныхъ „пѣснопѣній“ Алеша увозитъ у соннаго витязя красавицу Людмилу, которая похищена отвратительнымъ колдуномъ Челубеемъ, сыномъ Яги. Алешѣ и Людмилѣ помогаетъ жрица-предсказательница и даетъ Людмилѣ чудесное кольцо, дѣлающее ее невидимкой. Но Челубей погрузилъ Алешу въ сонъ и похитилъ Людмилу. Алеша ѣдетъ на поиски и прежде всего встрѣчаетъ старца въ темной пещерѣ, и пр. Указывалось также на поэму Хераскова „Бахаріана, или Незвѣстный“, нѣкоторые эпизоды которой, дѣйствительно, могли послужить образцомъ для Пушкина, и на сказку Карамзина „Илья-Муромецъ“, откуда взято имя Черномора. Имена нѣкоторыхъ другихъ лицъ поэмы также нашлись въ болѣе раннихъ русскихъ источникахъ: Рогдай — у Жуковского въ „Марьиной Рощѣ“ и у Карамзина, Ист. Гос. Рос., т. I, гл. IX; Русланъ — у Богдановича, въ драмѣ „Славяне“; Ратмиръ (Радмиръ) — у Батюшкова, въ повѣсти „Предслава и Добрыня“; Фарлафъ — въ договорѣ Игоря съ греками, у Карамзина, И. Г. Р., гл. V. Отмѣчены были,

*) Niccolò Fortiguerra, итальянскій поэтъ (1674 - 1735). Комическая поэма его „Ricciardetto“ — сатира на духовенство — вышла во франц. переводѣ въ 1776 г.

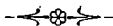
далѣ, нѣкоторыя общія черты поэмы съ „Душенькой“ Богдановича и „Причудницей“ Дмитриева, съ балладой Каменева „Громвалъ“ (1803) и параллельныя мѣста изъ повѣсти Жуковскаго „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“, о которой самъ Пушкинъ говоритъ въ началѣ 4-й пѣсни. Въ отношеніи иностранныхъ источниковъ указано, что, напр., битва Руслана съ Черноморомъ напоминаетъ битву волшебника Атланта съ царемъ Градассомъ и Рожеромъ въ 5-й пѣснѣ „Неистоваго Орланда“ Аріосто (строфы 48 - 53). Л. И. Поливановъ обратилъ вниманіе на сказки Гамильтона (см. I, 391), въ которыхъ дѣйствуютъ добрые и злые волшебники и волшебницы и иногда рассказывается о похищеніи красавицъ; но сходство „Руслана и Людмилы“ съ этими сказками — только общее и довольно отдаленное.

См. „Соч. Пушкина“, изд. Л. Поливанова, т. II; П. В. Владиміровъ, Происхожденіе „Р. и Л.“ — Кіевск. Унив. Извѣстія 1895, № 6, стр. 1-11; его же: Пушк. и его предшественники въ рус. лит. — въ сборникѣ кіевскихъ профессоровъ: „Памяти Пушкина“, К. 1899; А. И. Кирпичниковъ, Мелкія замѣтки о П. и его произведеніяхъ — въ Рус. Стар. 1899, т. 97, стр. 439-440; Н. И. Черняевъ, Крит. статьи и замѣтки о П., Харьк. 1900; П. Н. Шефферъ, Изъ замѣтокъ о П. — Русланъ и Людмила, — въ сборникѣ „Памяти Л. Н. Майкова“, Спб. 1902, стр. 503-522 и отд.

Поэма Пушкина еще при жизни автора неоднократно служила матеріаломъ для театральныхъ представленій. Такъ, кн. А. А. Шаховской обработалъ одинъ ея эпизодъ — отношенія Финна къ Наинѣ — въ видѣ волшебной трилогіи „Финнъ“, въ стихахъ (представлена въ Спб. 7 ноября 1824, въ Москвѣ — 26 іюня 1831, см. Молву 1831, № 26); танцоръ и балетмейстеръ при московскомъ театрѣ Глушковскій, ученикъ знаменитаго Дидло, сдѣлалъ изъ „Руслана“ — „героико-трагическую пантомиму“ (предст. въ Москвѣ 15 мая 1831, см. Молву, № 20), а Дидло — большой балетъ, предст. въ Спб. 8 декабря 1824: „Русланъ и Людмила, или низверженіе Черномора, злого волшебника“.

Въ настоящемъ изданіи „Русланъ и Людмила“ печатается по тексту 1835 г.; въ подстрочныхъ выноскахъ при-

водятся стихи, пропущенные Пушкинымъ во 2-мъ изданіи поэмы, а въ примѣчаніяхъ — нѣкоторые варианты изъ рукописей Моск. Музея № 2364 и Имп. Публ. Библіотеки и параллельныя мѣста изъ русскихъ и иностранныхъ произведеній, оказавшихъ вліяніе на созданіе поэмы.

Предисловіе къ 2-му изданію поэмы.

Автору было двадцать лѣтъ отъ роду, когда кончилъ онъ Руслана и Людмилу. Онъ началъ свою поэму, будучи еще воспитанникомъ Царскосельскаго Лицея, и продолжалъ ее среди самой разсѣянной жизни. Этимъ до нѣкоторой степени можно извинить ея недостатки.

При ея появленіи, въ 1820 году, тогдашніе журналы наполнились критиками болѣе или менѣе снисходительными *). Самая пространная писана г. Воейковымъ и помѣщена въ „Сынъ Отечества“. Вслѣдъ за нею появились вопросы неизвѣстнаго. Приведемъ изъ нихъ нѣкоторые.

„Начнемъ съ первой пѣсни. *Commençons par le commencement*:

„Зачѣмъ Финнъ дожидался Руслана?

„Зачѣмъ онъ рассказываетъ свою исторію, и какъ можетъ Русланъ въ такомъ несчастномъ положеніи съ жадностію внимать рассказы (или по-русски разсказамъ) старца?

„Зачѣмъ Русланъ присвистываетъ, отправляясь

*) Одна изъ нихъ подала поводъ къ эпиграммѣ, приписываемой Крылову:

Напрасно говорятъ, что критика легка;
Я критику читалъ Руслана и Людмилы:
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка.

мають. Если вы намъ объясните ихъ, то мы скажемъ: *cujusvis hominis est errare; nullius, nisi insipientis, in errore perseverare* (Philippis. XII, 2).“

Tes pourquoi, dit le dieu, ne finiront jamais.

Конечно, многія обвиненія сего допроса основательны, особенно послѣдній. Нѣкто взялъ на себя трудъ отвѣчать на оныя. Его антикритика остроумна и забавна.

Впрочемъ, нашлись рецензенты совѣмъ иного разбора. Напр. въ Вѣстникѣ Европы, № 11, 1820, мы находимъ слѣдующую благонамѣренную статью:

„Теперь прошу обратить ваше вниманіе на новый ужасный предметъ, который, какъ у Камозенса Мысь Бурь, выходитъ изъ нѣдръ морскихъ и показывается посреди океана россійской словесности. Пожалуйте, напечатайте мое письмо: быть можетъ, люди, которые грозятъ нашему терпѣнію новымъ бѣдствіемъ, опомнятся, разсмѣются и оставятъ намѣреніе сдѣлаться изобрѣтателями новаго рода русскихъ сочиненій.

„Дѣло вотъ въ чемъ: вамъ извѣстно, что мы отъ предковъ получили небольшое бѣдное наслѣдство литературы, т. е. сказки и пѣсни народныя. Что о нихъ сказать? Если мы бережемъ старинныя монеты, даже самыя безобразныя, то не должно-ли тщательно хранить и остатки словесности нашихъ предковъ? Безъ всякаго сомнѣнія. Мы любимъ вспоминать все, относящееся къ нашему младенчеству, къ тому счастливому времени дѣтства, когда какая-нибудь пѣсня или сказка служила намъ невинною забавой и составляла все богатство познаній. Видите сами, что я не прочь отъ собиранія и изысканія русскихъ сказокъ и пѣсенъ; но когда узналъ я, что

наши словесники приняли странныя пѣсни совѣмъ съ другой стороны, громко закричали о величіи, плавности, силѣ, красотахъ, богатствѣ нашихъ старинныхъ пѣсень, начали переводить ихъ на нѣмецкій языкъ, и наконецъ, такъ влюбились въ сказки и пѣсни, что въ стихотвореніяхъ XIX вѣка заблестали Ерусланы и Бовы на новый манеръ, то я вамъ слуга покорный.

„Чего добраго ждять отъ повторенія болѣе жалкихъ, нежели смѣшныхъ лепетаній?.. Чего ждять, когда наши поэты начинаютъ пародировать Киршу Данилова?

„Возможно-ли просвѣщенному, или хоть немного свѣдущему человѣку терпѣть, когда ему предлагаютъ новую поэму, написанную въ подражаніе Еруслану Лазаревичу? Извольте же заглянуть въ 15 и 16 №№ Сына Отечества. Тамъ неизвѣстный пѣтъ на образчикъ выставляетъ намъ отрывокъ изъ поэмы своей Людмила и Русланъ (не Ерусланъ-ли?). Не знаю, что будетъ содержать цѣлая поэма; но образчикъ хоть кого выведетъ изъ терпѣнія. Пѣтъ оживаетъ мужичка самъ съ нготь, и борода съ локоть, придаетъ ему еще безконечные усы (С. От. стр. 121), показываетъ намъ вѣдьму, шапочку-невидимку и проч. Но вотъ что всего драгоцѣннѣе: Русланъ наѣзжаетъ въ полѣ на побитую рать, видитъ богатырскую голову, подъ которою лежитъ мечъ-кладенецъ; голова съ нимъ разглагольствууетъ, сражается... Живо помню, какъ все это, бывало, я слушалъ отъ няньки моей; теперь, на старости, сподобился вновь то же самое услышать отъ поэтовъ нынѣшняго времени!.. Для большей точности, или чтобы лучше выразить всю прелесть стариннаго нашего пѣснословія, поэтъ и

въ выраженіяхъ уподобился Ерусланову расказащѣку, напѣримъ:

... Шутите вы со мною —
Всѣхъ удавлю васъ бородою!..

Каково?

... Обѣхаль голову кругомъ,
И сталь предъ носомъ молчаливо,
Щекотить ноздри копіемъ...

Картина, достойная Кирши Данилова!

„Далѣе: чихнула голова, за нею и эхо чихаетъ...

Я ѣду, ѣду, не свищу,
А какъ наѣду, не спущу...

„Потомъ витязь ударяетъ въ щеку тяжелой рукавицей... Но увольте меня отъ подробнаго описанія, и позвольте спросить: если бы въ московское благородное собраніе какъ нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ), гость съ бородою, въ армякѣ, въ лаптяхъ, и закричалъ бы зычнымъ голосомъ: здорово, ребята! Неужели бы стали такимъ проказникомъ любоваться? Бога ради, позвольте мнѣ, старику, сказать публикѣ, посредствомъ вашего журнала, чтобы она каждый разъ жмурила глаза при появленіи подобныхъ странностей. Зачѣмъ допускать, чтобы плоскія шутки старины снова являлись между нами? Шутка грубая, не одобряемая вкусомъ просвѣщеннымъ, отвратительна, а нимало не смѣшна и не забавна. Dixi“.

Долгъ искренности требуетъ также упомянуть и о мнѣніи одного изъ увѣнчанныхъ, первоклассныхъ отечественныхъ писателей, который, прочитавъ Руслана и Людмилу, сказалъ: я тутъ не вижу ни мыслей, ни чувства, вижу только чувственность. Другой (а можетъ быть и тотъ же) увѣнчанный, первоклассный отечественный писатель привѣтствовалъ сей опытъ молодого поэта слѣдующимъ стихомъ:

Мать дочери велить на эту сказку плюнуть.

12 февраля 1828.

Посвященіе.

Для васъ, души моей царицы,
Красавицы, для васъ однихъ
Временъ минувшихъ небылицы,
Въ часы досуговъ золотыхъ,
Подъ шопоть старины болтливой
Рукою вѣрной я писалъ;
Примите жъ вы мой трудъ игривый!
Ничьихъ не требуя похвалъ,
Счастливъ ужъ я надеждой сладкой,
Что дѣва съ трепетомъ любви
Посмотритъ, можетъ быть, украдкой
На пѣсни грѣшныя мои.

Прологъ.

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо — пѣснь заводитъ,
Налѣво — сказку говоритъ.

Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынуть волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ,
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ, передъ народомъ,
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ Бабою-Ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;

Тамъ царь Кошей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ русскій духъ... Тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ,
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ, и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню — сказку эту
Повѣдаю теперь я свѣту...

1828.

Пѣснь первая.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Въ толпѣ могучихъ сыновей,
Съ друзьями, въ gridsницѣ высокой
Владиміръ-солнце пировалъ;
Меньшую дочь онъ выдавалъ
За князя храбраго Руслана,
И медь изъ тяжкаго стакана
За ихъ здоровье выпивалъ.
Не скоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.
Они веселье въ сердце лили,
Шипѣла пѣна по краямъ,
Ихъ важно чашники носили
И низко кланялись гостямъ.

Слилися рѣчи въ шумъ невнятный;
Жужжитъ гостей веселый кругъ;
Но вдругъ раздался гласъ пріятный
И звонкихъ гуслей бѣглый звукъ.
Всѣ смолкли, слушаютъ баяна:
И славить сладостный пѣвецъ
Людмилу-прелесть и Руслана
И Лелемъ свитый имъ вѣнецъ.

Но, страстью пылкой утомленный,
 Не ѣсть, не пьеть Русланъ влюбленный,
 На друга милаго глядить,
 Вздыхаетъ, сердится, горить
 И, щипля усь отъ нетерпѣнья,
 Считаетъ каждая мгновенья.
 Въ унынѣ, съ пасмурнымъ челомъ,
 За шумнымъ свадебнымъ столомъ
 Сидятъ три витязя молодые;
 Безмолвны, за ковшомъ пустымъ,
 Забыли кубки круговые,
 И брашна неприятны имъ;
 Не слышатъ вѣщаго баяна,
 Потупили смущенный взглядъ:
 То три соперника Руслана;
 Въ душѣ несчастные таятъ
 Любви и ненависти ядъ.
 Одинъ — Рогдай, воитель смѣлый,
 Мечемъ раздвинувшій предѣлы
 Богатыхъ кіевскихъ полей;
 Другой — Фарлафъ, крикунъ надменный,
 Въ пирахъ никѣмъ не побѣжденный,
 Но воинъ скромный средь мечей;
 Послѣдній, полный страстной думы,
 Младой хазарскій ханъ Ратмиръ.
 Всѣ трое блѣдны и угрюмы,
 И пиръ веселый имъ не въ пиръ.

Вотъ, конченъ онъ; встаютъ рядами,
 Смѣшались шумными толпами,
 И всѣ глядятъ на молодыхъ:
 Невѣста очи опустила,
 Какъ будто сердцемъ приуныла,
 И свѣтель радостный женихъ.
 Но тѣнь объемлетъ всю природу,
 Ужъ близко къ полночи глухой;
 Бояре, задремавъ отъ меду,

Съ поклономъ убрались домой.
Женихъ въ восторгѣ, въ упоеньѣ:
Ласкаеть онъ въ воображеньѣ
Стыдливой дѣвы красоту;
Но съ тайнымъ, грустнымъ умиленьемъ
Великій князь благословеньемъ
Даруетъ юную чету.

И вотъ, невѣсту молодую
Ведутъ на брачную постель;
Огни погасли... и ночную
Лампаду зажигаетъ Лель.
Свершились милыя надежды;
Любви готовятся дары;
Падутъ ревнивыя одежды
На цареградскіе ковры...
Вы слышите ль влюбленный шопоть,
И поцѣлуевъ сладкій звукъ,
И прерывающійся ропоть
Послѣдней робости?... Супругъ
Восторги чувствуетъ заранѣ;
И вотъ, они настали... Вдругъ
Громъ грянулъ, свѣтъ блеснулъ въ туманѣ,
Лампада гаснетъ, дымъ бѣжитъ,
Кругомъ все смеркло, все дрожить,
И замерла душа въ Русланѣ...
Все смолкло. Въ грозной тишинѣ
Раздался дважды голосъ странный,
И кто-то въ дымной глубинѣ
Взвился чернѣ мглы туманной...
И снова теремъ пусть и тихъ.
Встаетъ испуганный женихъ;
Съ лица катится потъ остылый;
Трепеща, хладною рукой
Онъ вопрошаетъ мракъ нѣмой...
О горе, нѣтъ подруги милой!
Хватаетъ воздухъ онъ пустой;

Людмилы нѣтъ во тѣмъ густой,
Похищена безвѣстной силой!

Ахъ, если мученикъ любви
Страдаетъ страстью безнадежно,
Хоть грустно жить, друзья мои,
Однако жить еще возможно.
Но послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ
Обнять влюбленную подругу,
Желаній, слезъ, тоски предметъ,
И вдругъ минутную супругу
Навѣкъ утратить... О, друзья,
Конечно, лучше бъ умеръ я!

Однако живъ Русланъ несчастный.
Но что сказалъ великій князь?
Сраженный вдругъ молвой ужасной,
На зятя гнѣвомъ распалясь,
Его и дворъ онъ созываетъ:
„Гдѣ, гдѣ Людмила?“ вопрошаетъ
Съ ужаснымъ, пламеннымъ челомъ.
Русланъ не слышитъ. — „Дѣти, други!
„Я помню прежнія заслуги:
„О, сжальтесь вы надъ старикомъ!
„Скажите, кто изъ васъ согласенъ
„Скакать за дочерью моею?
„Чей подвигъ будетъ не напрасенъ,
„Тому — терзайся, плачь, злодѣй!
„Не могъ сберечь жены своей! —
„Тому я дамъ ее въ супруги
„Съ полцарствомъ прадѣдовъ моихъ.
„Кто жъ вызовется, дѣти, други?..“
— Я! молвилъ горестный женихъ.
„Я! я!“ воскликнули съ Рогдаемъ
Фарлафъ и радостный Ратмиръ:
„Сейчасъ коней своихъ сѣдлаемъ,
„Мы рады весь извѣздить міръ;

„Отецъ нашъ, не продлимъ разлуки;
 „Не бойся, ѣдемъ за княжной!“
 И съ благодарностью нѣмой
 Въ слезахъ къ нимъ простираетъ руки
 Старикъ, измученный тоской.

Всѣ четверо выходятъ вмѣстѣ:
 Русланъ унынѣемъ какъ убитъ;
 Мысль о потерянной невѣстѣ
 Его терзаетъ и мертвитъ.
 Садятся на коней ретивыхъ;
 Вдоль береговъ Днѣпра счастливыхъ
 Летятъ въ клубящейся пыли;
 Уже скрываются вдали;
 Ужъ всадниковъ не видно болѣ...
 Но долго все еще глядитъ
 Великій князь въ пустое поле,
 И думой имъ вослѣдъ летитъ.

Русланъ томился молчаливо,
 И мысль, и память потерявъ.
 Черезъ плечо глядя спѣсиво
 И важно подбочась, Фарлафъ
 Надувшись, ѣхалъ за Русланомъ.
 Онъ говоритъ: „Насилу я
 „На волю вырвался, друзья!
 „Ну, скоро ль встрѣчусь съ великаномъ?
 „Ужъ то-то крови будетъ течь,
 „Ужъ то-то жертвъ любви ревнивой!..
 „Повеселись, мой вѣрный мечъ,
 „Повеселись, мой конь ретивый!“

Хазарскій ханъ, въ умѣ своемъ
 Уже Людмилу обнимая,
 Едва не пляшетъ надъ сѣдломъ;
 Въ немъ кровь играетъ молодая,
 Огня надежды полонъ взоръ;

То скачетъ онъ во весь опоръ,
 То дразнить бѣгуна лихого,
 Кружить, подъемлетъ на дыбы,
 Иль дерзко мчитъ на холмы снова.

Рогдай угрюмъ, молчить — ни слова...
 Страшась невѣдомой судьбы
 И мучась ревностью напрасной,
 Всѣхъ больше беспокоенъ онъ,
 И часто взоръ его ужасный
 На князя мрачно устремленъ.

Соперники одной дорогой
 Всѣ вмѣстѣ ѣдутъ цѣлый день.
 Днѣпра сталъ темень брегъ отлогій;
 Съ востока льется ночи тѣнь;
 Туманы надъ Днѣпромъ глубокимъ;
 Пора конямъ ихъ отдохнуть.
 Вотъ, подъ горой путемъ широкимъ
 Широкий пересѣкъся путь.
 „Разѣдемся, пора!“ сказали,
 „Безвѣстной ввѣримся судьбѣ“.
 И каждый конь, не чуя стали,
 По волѣ путь избралъ себѣ.²

Что дѣлаешь, Русланъ несчастный,
 Одинъ въ пустынной тишинѣ?
 Людмилу, свадьбы день ужасный,
 Все, мнится, видѣлъ ты во снѣ!
 На брови мѣдный шлемъ надвинувъ,
 Изъ мощныхъ рукъ узду покинувъ,
 Ты шагомъ ѣдешь межъ полей,
 И медленно въ душѣ твоей
 Надежда гибнетъ, гаснетъ вѣра...

Но вдругъ предъ витяземъ пещера;
 Въ пещерѣ свѣтъ. Онъ прямо къ ней

Идетъ подъ дремлющiе своды,
Ровесники самой природы.
Вошелъ съ уныньемъ; что же зрить?
Въ пещерѣ старецъ: ясный видъ,
Спокойный взоръ, брада сѣдая;
Лампада передъ нимъ горитъ;
За древней книгой онъ сидитъ,
Ее внимательно читая.
— Добро пожаловать, мой сынъ!
Сказалъ съ улыбкой онъ Руслану:
— Ужъ двадцать лѣтъ я здѣсь одинъ
Во мракѣ старой жизни вяну;
Но наконецъ дождался дня,
Давно предвидѣннаго мною.
Мы вмѣстѣ сведены судьбою;
Садись и выслушай меня.
Русланъ, лишился ты Людмилы;
Твой твердый духъ теряетъ силы;
Но зла промчится быстрый мигъ:
На время рокъ тебя постигъ.
Съ надеждой, вѣрою веселой
Иди на все, не унывай;
Впередъ! мечемъ и грудью смѣлой
Свой путь на полночь пробивай.

— Узнай, Русланъ: твой оскорбитель —
Волшебникъ страшный Черноморъ,
Красавицъ давнiй похититель,
Полнощныхъ обладатель горъ.
Еще ничей въ его обитель
Не проникалъ донинѣ взоръ;
Но ты, злыхъ козней истребитель,
Въ нее ты вступишь, и злодѣй
Погибнетъ отъ руки твоей!
Тебѣ сказать не долженъ болѣ.
Судьба твоихъ грядущихъ дней,
Мой сынъ, въ твоей отнынѣ волѣ.

Нашъ витязь старцу палъ къ ногамъ,
 И въ радости лобзаетъ руку.
 Свѣтлѣетъ мѣръ его очамъ,
 И сердце позабыло муку.
 Вновь ожилъ онъ, — и вдругъ опять
 На вспыхнувшемъ лицѣ кручина...
 — Ясна тоски твоей причина,
 Но грусть не трудно разогнать, —
 Сказалъ старикъ: тебѣ ужасна
 Любовь сѣдого колдуна;
 Спокойся, знай — она напрасна
 И юной дѣвѣ не страшна.
 Онъ звѣзды сводитъ съ небосклона,
 Онъ свистнетъ — задрожитъ луна;
 Но противъ времени закона
 Его наука не сильна.
 Ревнивый, трепетный хранитель
 Замковъ безжалостныхъ дверей,
 Онъ только немощный мучитель
 Прелестной плѣнницы своей:
 Вокругъ нея онъ молча бродитъ,
 Клянетъ жестокой жребій свой...
 Но, добрый витязь, день проходитъ,
 А нуженъ для тебя покой.

Русланъ на мягкій мохъ ложится
 Предъ умирающимъ огнемъ;
 Онъ ищетъ позабыться сномъ,
 Вдыхаетъ, медленно вертится...
 Напрасно! Витязь, наконецъ:
 „Не спится что-то, мой отецъ!
 „Что дѣлать! боленъ я душою,
 „И сонъ не въ сонъ какъ тошно жить!
 „Позволь мнѣ сердце освѣжить
 „Твоей бесѣдою святою.
 „Прости мнѣ дерзостный вопросъ,
 „Откройся: кто ты, благодатный,

„Судьбы наперсникъ непонятный?
„Въ пустыню кто тебя занесъ?“

Вздохнувъ съ улыбкою печальной,
Старикъ въ отвѣтъ: Любезный сынъ,
Ужь я забылъ отчизны дальной
Угрюмый край. Природный финнъ,
Въ долинахъ, намъ однимъ извѣстныхъ,
Гоняя стадо сель окрестныхъ,
Въ безпечной юности я зналъ
Однѣ дремучія дубравы,
Ручьи, пещеры нашихъ скалъ,
Да дикой бѣдности забавы.
Но жить въ отрадной тишинѣ
Дано не долго было мнѣ.

— Тогда близъ нашего селенья,
Какъ милый цвѣтъ уединенья,
Жила Наина. Межь подругъ
Она гремѣла красотою.
Однажды, утренней порою,
Свои стада на темный лугъ
Я гналъ, волынку надувая;
Передо мной шумѣлъ потокъ;
Одна, красавица младая
На берегу плела вѣнокъ.
Меня влекла моя судьбина...
Ахъ, витязь, то была Наина!
Я къ ней — и пламень роковой
За дерзкій взоръ мнѣ былъ наградой,
И я любовь узналъ душой,
Съ ея небесною отрадой,
Съ ея мучительной тоской.

— Умчалась года половина;
Я съ трепетомъ открылся ей,
Сказалъ: „Люблю тебя, Наина!“

Но робкой горести моей
 Наина съ гордостью внимала,
 Лишь прелести свои любя,
 И равнодушно отвѣчала:
 „Пастухъ, я не люблю тебя!“

— И все мнѣ дико, мрачно стало:
 Родная куща, тѣнь дубровъ,
 Веселы игры пастуховъ —
 Ничто тоски не утѣшало.
 Въ унынѣ сердце сохло, вяло;
 И, наконецъ, задумалъ я
 Оставить финскія поля,
 Морей невѣрныя пучины
 Съ дружиной братской переплыть,
 И бранной славой заслужить
 Вниманье гордое Наины.
 Я вызвалъ смѣлыхъ рыбаковъ
 Искать опасностей и злата.
 Впервые тихій край отцовъ
 Услышалъ бранный звукъ булата
 И шумъ немирныхъ челноковъ.
 Я вдаль уплылъ, надежды полный,
 Съ толпой безстрашныхъ земляковъ;
 Мы десять лѣтъ снѣга и волны
 Багрили кровію враговъ.
 Молва неслась: цари чужбины
 Страшились дерзости моей,
 Ихъ горделивыя дружины
 Бѣжали сѣверныхъ мечей.
 Мы весело, мы грозно бились,
 Дѣлили дани и дары,
 И съ побѣжденными садились
 За дружелюбные пиры.
 Но сердце, полное Наиной,
 Подъ шумомъ битвы и пировъ
 Томилось тайною кручиной,

Искало финскихъ береговъ.
 „Пора домой, сказалъ я, други!
 „Повѣсимъ праздныя кольчуги
 „Подъ сѣнью хижины родной“.
 Сказалъ — и весла зашумѣли;
 И, страхъ оставя за собой,
 Въ заливъ отчизны дорогой
 Мы съ гордой радостью влетѣли.

— Сбылись давнишнія мечты,
 Сбылися пылкія желанья!
 Минута сладкаго свиданья,
 И для меня блеснула ты!
 Къ ногамъ красавицы надменной
 Принесъ я мечъ окровавленный,
 Кораллы, злато и жемчугъ;
 Предъ нею, страстью упоенный,
 Безмолвнымъ роемъ окруженный
 Ея завистливыхъ подругъ,
 Стоялъ я плѣнникомъ послушнымъ;
 Но дѣва скрылась отъ меня,
 Примолвля съ видомъ равнодушнымъ:
 „Герой, я не люблю тебя!“ *)

— Къ чему рассказывать, мой сынъ,
 Чего пересказать нѣтъ силы?
 Ахъ, и теперь одинъ, одинъ,
 Душой уснувъ, въ дверяхъ могилы,
 Я помню горечь, и порой,
 Какъ о минувшемъ мысль родится,

*) Послѣ этихъ стиховъ въ изданіи 1820 г. было еще:

— Русланъ, не знаешь ты мученья
 Любви, отверженной навѣкъ.
 Увы! ты не сносилъ презрѣнья ...
 И что же, странный челоуѣкъ!
 И ты жъ тоскою сердце губишь.
 Счастливецъ! ты любимъ, какъ любишь!

По бородѣ моей сѣдой
Слеза тяжелая катится.

— Но слушай: въ родинѣ моей,
Между пустынныхъ рыбаей
Наука дивная таится.
Подъ кровомъ вѣчной тишины,
Среди лѣсовъ, въ глуши далекой
Живутъ сѣдые колдуны;
Къ предметамъ мудрости высокой
Всѣ мысли ихъ устремлены;
Все слышитъ голосъ ихъ ужасный,
Что было и что будетъ вновь,
И грозной волѣ ихъ подвластны
И гробъ, и самая любовь.

— И я, любви искатель жадный,
Рѣшился въ грусти безотрадной
Наину чарами привлечь,
И въ гордомъ сердцѣ дѣвы хладной
Любовь волшебствами зажечь.
Спѣшилъ въ объятія свободы,
Въ уединенный мракъ лѣсовъ;
И тамъ, въ ученѣ колдуновъ,
Провелъ невидимые годы.
Насталъ давно желанный мигъ,
И тайну страшную природы
Я свѣтлой мыслию постигъ:
Узналъ я силу заклинаньямъ;
Вѣнецъ любви, вѣнецъ желаньямъ!
„Теперь, Наина, ты моя!
„Побѣда наша!“ думалъ я.
Но въ самомъ дѣлѣ побѣдитель
Былъ рокъ, упорный мой гонитель.

— Въ мечтахъ надежды молодой,
Въ восторгѣ пылкаго желанья,

Творю поспѣшно заклинанья,
 Зову духовъ — и въ тьмѣ лѣсной *)
 Стрѣла промчалась громовая,
 Волшебный вихорь поднялъ вой,
 Земля вздрогнула подъ ногой...
 И вдругъ сидить передо мной
 Старушка дряхлая, сѣдая,
 Глазами впалыми сверкая,
 Съ горбомъ, съ трясучей головой,
 Печальной ветхости картина.
 Ахъ, витязь, то была Наина!..
 Я ужаснулся и молчалъ,
 Глазами страшный призракъ мѣрилъ,
 Въ сомнѣннѣ все еще не вѣрилъ,
 И вдругъ заплакалъ, закричалъ:
 „Возможно ль! ахъ, Наина, ты ли?
 „Наина, гдѣ твоя краса?
 „Скажи, ужели небеса
 „Тебя такъ страшно измѣнили?
 „Скажи, давно ль, оставя свѣтъ,
 „Разстался я съ душой и съ милой?
 „Давно ли?.. — „Ровно сорокъ лѣтъ!
 Былъ дѣвы роковой отвѣтъ:
 „Сегодня семьдесятъ мнѣ било.
 „Что дѣлать?“ мнѣ пищитъ она:
 „Толпою годы пролетѣли,
 „Прошла моя, твоя весна —
 „Мы оба постарѣть успѣли.
 „Но, другъ, послушай: не бѣда

*) Въмѣсто этихъ четырехъ стиховъ въ изд. 1820 г. было:

Въ надеждѣ сладостныхъ отрадъ,
 Въ восторгѣ пылаго желанья,
 Творю поспѣшно заклинанья,
 Зову духовъ — и, виновать!
 Безумный, дерзостный губитель,
 Достойный Черномора братъ,
 Я сталъ Наины похититель:
 Лишь загадалъ, во тьмѣ лѣсной...

„Невѣрной младости утрата.
 „Конечно, я теперь сѣда,
 „Немножко, можетъ быть, горбата,
 „Не то, что въ старину была,
 „Не такъ жива, не такъ мила;
 „За то (прибавила болтунья)
 „Открою тайну: я колдунья!“

— И было въ самомъ дѣлѣ такъ.
 Нѣмой, недвижный передъ нею,
 Я совершенный былъ дуракъ
 Со всей премудростью моею.

— Но вотъ ужасно: колдовство
 Вполнѣ свершилось, по несчастью:
 Мое сѣдое божество
 Ко мнѣ пылало новой страстью.
 Скрививъ улыбкой страшный ротъ,
 Могильнымъ голосомъ уродъ
 Бормочетъ мнѣ любви признанье.
 Вообрази мое страданье!
 Я трепеталъ, потупя взоръ;
 Она сквозь кашель продолжала
 Тяжелый, страстный разговоръ:
 „Такъ, сердце я теперь узнала;
 „Я вижу, вѣрный другъ, оно
 „Для нѣжной страсти рождено;
 „Проснулись чувства, я сгораю,
 „Томлюсь желаньями любви...
 „Приди въ объятія мои...
 „О, милый, милый, умираю!..“

— И между тѣмъ она, Русланъ,
 Мигала томными глазами,
 И между тѣмъ за мой кафтанъ
 Держалась тощими руками;
 И между тѣмъ — я обмиралъ,

Отъ ужаса зажмура очи;
 И вдругъ терпѣть не стало мочи;
 Я съ крикомъ вырвался, бѣжалъ.
 Она во слѣдъ: „О недостойный!
 „Ты возмутилъ мой вѣкъ спокойный,
 „Невинной дѣвы ясны дни!
 „Добился ты любви Наины,
 „И презираешь — вотъ мужчины!
 „Измѣной дышутъ всѣ они!
 „Увы, сама себя вини;
 „Онъ обольстилъ меня, несчастный!
 „Я отдалась любви страстной...
 „Измѣнникъ! извергъ! о позоръ!
 Но трепещи, дѣвичій воръ!“

— Такъ мы разстались. Съ этихъ поръ
 Живу въ своемъ уединеньѣ
 Съ разочарованной душой,
 И въ мѣрѣ старцу утѣшенье
 Природа, мудрость и покой.
 Уже зоветь меня могила;
 Но чувства прежнія свои
 Еще старушка не забыла,
 И пламя позднее любви
 Съ досады въ злобу превратила. ⁴
 Душою черной зло любя,
 Колдунья старая, конечно,
 Возненавидитъ и тебя;
 Но горе на землѣ не вѣчно. —

Нашъ витязь съ жадностью внималъ
 Разказы старца; ясны очи
 Дремотой легкой не смыкалъ,
 И тихаго полета ночи
 Въ глубокой думѣ не слыхалъ.
 Но день блистаетъ лучезарный...
 Со вздохомъ витязь благодарный

Объемлетъ старца-колдуна;
 Душа надеждою полна;
 Выходить вонъ. Ногами стиснулъ
 Руеланъ заржавшаго коня,
 Въ сѣдлѣ оправился, присвистнулъ:
 „Отець мой, не оставь меня!“
 И скачетъ по пустому лугу.
 Съдой мудрецъ младому другу
 Кричить во слѣдъ: „Счастливыи путь!
 „Прости, люби свою супругу,
 „Совѣтовъ старца не забудь!“

Пѣснь вторая.

Соперники въ искусствѣ брани,
 Не знайте мира межъ собой;
 Несите мрачной славѣ дани
 И упивайтесь враждой!
 Пусть мѣръ предъ вами цѣпенѣтъ,
 Дивяся грознымъ торжествамъ:
 Никто о васъ не пожалѣтъ,
 Никто не помѣшаетъ вамъ.
 Соперники другого рода,
 Вы, рыцари парнасскихъ горъ,
 Старайтесь не смѣшить народа
 Нескромнымъ шумомъ вашихъ ссоръ;
 Бранитесь, только осторожно.
 Но вы, соперники въ любви,
 Живите дружно, если можно.
 Повѣрьте мнѣ, друзья мои:
 Кому судьбою непремѣнной
 Дѣвичье сердце суждено,
 Тотъ будетъ милъ на зло вселенной;¹
 Сердиться глупо и грѣшно*).

*) Въ изд. 1820 г. было прибавлено:
 Ужели Богъ намъ далъ одно
 Въ подлунномъ мѣрѣ наслажденье?
 Намъ остаются въ утѣшенье
 Война, и музы, и вино.

Когда Рогдай неукротимый,
 Глухимъ предчувствіемъ томимый,
 Оставя спутниковъ своихъ,
 Пустился въ край уединенный,
 И ѣхалъ межъ пустынь лѣсныхъ,
 Въ глубоку думу погруженный, —
 Злой духъ тревожилъ и смущалъ
 Его тоскующую душу,
 И витязь пасмурный шепталъ:
 „Убью!.. преграды всѣ разрушу...
 „Русланъ!.. узнаешь ты меня...
 „Теперь-то дѣвица поплачетъ...“
 И вдругъ, поворотивъ коня,
 Во весь опоръ назадъ онъ скачетъ.

Въ то время доблестный Фарлафъ,
 Все утро сладко продремавъ,
 Укрывшись отъ лучей полдневныхъ,
 У ручейка, наединѣ,
 Для подкрѣпленья силъ душевныхъ,
 Обѣдалъ въ мирной тишинѣ.
 Какъ вдругъ, онъ видитъ, кто-то въ полѣ,
 Какъ буря, мчится на конѣ;
 И, времени не тратя болѣ,
 Фарлафъ, покинувъ свой обѣдъ,
 Копье, кольчугу, шлемъ, перчатки,
 Вскочилъ въ сѣдло, и безъ оглядки
 Летитъ — а тотъ за нимъ вослѣдъ.
 „Остановись, бѣглець безчестный!“
 Кричитъ Фарлафу неизвѣстный:
 „Презрѣнный, дай себя догнать!
 „Дай голову съ тебя сорвать!“
 Фарлафъ, узнавши гласъ Рогдая,
 Со страха скорчась, обмиралъ
 И, вѣрной смерти ожидая,
 Коня еще быстрѣе гналъ.
 Такъ точно заяцъ торопливый,

Прижавши уши боязливо,
 По кочкамъ, полемъ, сквозь лѣса
 Скачками мчится ото пса.
 На мѣстѣ славнаго побѣга
 Весной растопленнаго снѣга
 Потоки мутные текли
 И рыли влажну грудь земли.
 Ко рву примчался конь ретивый,
 Взмахнулъ хвостомъ и бѣлой гривой,
 Бразды стальные закусилъ
 И черезъ ровъ перескочилъ;
 Но робкій всадникъ вверхъ ногами
 Свалился тяжело въ грязный ровъ,
 Земли не взвидѣлъ съ небесами,
 И смерть принять ужь былъ готовъ.
 Рогдай къ оврагу подлетаетъ;
 Жестокій мечъ ужь занесенъ;
 „Погибни, трусь! умри!“ вѣщаетъ...
 Вдругъ узнаетъ Фарлафа онъ;
 Глядитъ, — и руки опустились;
 Досада, изумленье, гнѣвъ
 Въ его чертахъ ² изобразились;
 Скрипя зубами, онѣмѣвъ,
 Герой, съ поникшею главою
 Скорѣй отъѣхавъ ото рва,
 Бѣсился... но едва-едва
 Самъ не смѣялся надъ собою.

Тогда онъ встрѣтилъ подъ горой
 Старушечку, чуть-чуть живую,
 Горбатую, совсѣмъ сѣдую.
 Она дорожною клюкой
 Ему на сѣверъ указала:
 „Ты тамъ найдешь его“, сказала.
 Рогдай весельемъ закипѣлъ
 И къ вѣрной смерти полетѣлъ.

А нашъ Фарлафъ? Во рву остался,
Дохнуть не смѣя; про себя
Онъ, лежа, думалъ: „Живъ ли я?
„Куда соперникъ злой дѣвался?“
Вдругъ слышитъ прямо надъ собой
Старухи голосъ гробовой:
„Встань, молодецъ, все тихо въ полѣ;
„Ты никого не встрѣтишь болѣ;
„Я привела тебѣ коня;
„Вставай, послушайся меня“.

Смущенный витязь поневолѣ
Ползкомъ оставилъ грязный ровъ;
Окрестность робко озирая,
Вздыхнулъ и молвилъ, оживая:
„Ну, слава Богу, я здоровъ!“

„Повѣры!“ старуха продолжала:
„Людмилу мудрено сыскать;
„Она далеко забѣжала;
„Не намъ съ тобой ее достать.
„Опасно развѣзжать по свѣту;
„Ты, право, будешь самъ не радъ.
„Послѣдуй моему совѣту,
„Ступай тихохонько назадъ.
„Подъ Кіевомъ, въ уединеньѣ,
„Въ своемъ наслѣдственномъ селеньѣ,
„Останься лучше безъ заботъ:
„Отъ насъ Людмила не уйдетъ“.

Сказавъ, исчезла. Въ нетерпѣньѣ
Благоразумный нашъ герой
Тотчасъ отправился домой,
Сердечно позабывъ о славѣ
И даже о княжнѣ младой;
И шумъ малѣйшій по дубравѣ,

Полетъ синицы, ропотъ водъ
Его бросали въ жаръ и потъ.

Межь тѣмъ Русланъ далеко мчится;
Въ глуши лѣсовъ, въ глуши полей
Привычной думою стремится
Къ Людмилѣ, радости своей,
И говорить: „Найду-ли друга?
„Гдѣ ты, души моей супруга?
„Увижу ль я твой свѣтлый взоръ?
„Услышу ль нѣжный разговоръ?
„Иль суждено, чтобъ чародѣя
„Ты вѣчной плѣнницей была
„И, скорбной дѣвою старѣя,
„Въ темницѣ мрачной отцвѣла?
„Или соперникъ дерзновенный
„Придетъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ безцѣнный,
„Еще при мнѣ мой вѣрный мечъ,
„Еще глава не пала съ плечъ“.

Однажды, темною порою,
По камнямъ, берегомъ крутымъ
Нашъ витязь ѣхалъ надъ рѣкою.
Все утихало. Вдругъ за нимъ
Стрѣлы мгновенное жужжанье,
Кольчуги звонъ, и крикъ, и ржанье,
И топотъ по полю глухой...
„Стой!“ грянулъ голосъ громовой.
Онъ оглянулся: въ полѣ чистомъ,
Поднявъ копье, летитъ со свистомъ
Свирѣпый всадникъ — и грозой
Помчался князь ему навстрѣчу.
„Ага! догналъ тебя! постой!“
Кричитъ наѣздникъ удалой:
„Готовься, другъ, на смертну сѣчу;
„Теперь ложись средь здѣшнихъ мѣстъ,
„А тамъ ищи своихъ невѣстъ“.

Русланъ вспылалъ, вздрогнулъ отъ гнѣва;
Онъ узнаеть сей буйный гласъ...

Друзья мои, а наша дѣва?
Оставимъ витязей на часъ;
О нихъ опять я вспомню вскорѣ;
А то давно пора бы мнѣ
Подумать о молодой княжнѣ
И объ ужасномъ Черноморѣ.

Моей причудливой мечты
Наперсникъ иногда нескромный,
Я рассказалъ, какъ ночью темной
Людмилы нѣжной красоты
Отъ воспаленнаго Руслана
Сокрылись вдругъ среди тумана.
Несчастливая! когда злодѣй,
Рукою мощною своею
Тебя сорвавъ съ постели брачной,
Взвился какъ вихорь къ облакамъ
Сквозь тяжкій дымъ и воздухъ мрачный,
И вдругъ умчалъ къ своимъ горамъ, —
Ты чувствъ и памяти лишилась,
И въ страшномъ замкѣ колдуна,
Безмолвна, трепетна, блѣдна,
Въ одно мгновенье очутилась.

Съ порога хижины моей
Такъ видѣлъ я, средь лѣтнихъ дней,
Когда за курицей трусливой
Султанъ курятника спѣсивый,
Пѣтухъ мой по двору бѣжалъ
И сладострастными крылами
Уже подругу обнималъ;
Надъ ними хитрыми кругами
Цыплятъ селенья старый воръ,
Пріявъ губительныя мѣры,

Носился, плавалъ коршунъ сѣрый,
 И палъ какъ молнія на дворъ.
 Взвился, летить. Въ когтяхъ ужасныхъ
 Во тьму разсѣлинь безопасныхъ
 Уносить бѣдную злодѣй.
 Напрасно, горестью своей
 И хладнымъ страхомъ пораженный,
 Зоветъ любовницу пѣтухъ...
 Онъ видитъ лишь летучій пухъ,
 Летучимъ вѣтромъ занесенный.

До утра юная княжна
 Лежала, тягостнымъ забвеньемъ,
 Какъ будто страшнымъ сновидѣньемъ,
 Объята; наконецъ она
 Очнулась, пламеннымъ волненъемъ
 И смутнымъ ужасомъ полна;
 Душой летить за наслажденьемъ,
 Кого-то ищетъ съ упоеньемъ:
 „Гдѣ жъ милый“, шепчетъ, „гдѣ супругъ?“
 Зоветъ — и помертвѣла вдругъ.
 Глядитъ съ боязнію вокругъ...
 Людмила, гдѣ твоя свѣтлица? *)
 Лежить несчастная дѣвица
 Среди подушекъ пуховыхъ,
 Подъ гордой сѣнью балдахина;
 Завѣсы, пышная перина
 Въ кистяхъ, въ узорахъ дорогихъ;
 Повсюду ткани парчевыя;
 Играютъ яхонты, какъ жаръ;
 Кругомъ курильницы златыя
 Подъемяютъ ароматный паръ;

*) Въ изданіи 1820 г. прибавлено:

Гдѣ ложе радости молодой?
 Одна, съ ужасной тишиной
 Лежить... и т. д.

Довольно . . . благо, мнѣ не надо
 Описывать волшебный домъ:
 Уже давно Шехеразада
 Меня предупредила въ томъ.
 Но свѣтлый теремъ не отрада,
 Когда не видимъ друга въ немъ *).

Три дѣвы красоты чудесной
 Въ одеждѣ легкой и прелестной
 Княжнѣ явились, подошли
 И поклонились до земли.
 Тогда неслышными шагами
 Одна поближе подошла;
 Княжнѣ воздушными перстами
 Златую косу заплела
 Съ искусствомъ, въ наши дни не новымъ,
 И обвила вѣнцомъ перловымъ
 Окружность блѣднаго чела.
 За нею, скромно взоръ склоняя,
 Потомъ приблизилась другая:
 Лазурный, пышный сарафанъ
 Одѣлъ Людмилы стройный станъ;
 Покрылись кудри золотыя,
 И грудь, и плечи молодыя
 Фатой, прозрачной какъ туманъ.
 Покровъ завистливый лобзааетъ

*) Далѣе въ изданіи 1820 г. читалось:

Вы знаете, что наша дѣва
 Была одѣта въ эту ночь,
 По обстоятельствамъ, точь-въ-точь
 Какъ наша прабабушка Ева.
 Нарядъ невинный и простой,
 Нарядъ Амура и природы!
 Какъ жаль, что вышелъ онъ изъ моды!

Предъ изумленною княжной
 Три дѣвы красоты чудесной
 Въ одеждѣ легкой и прелестной
 Явились, молча подошли . . .

Красы, достойныя небесъ,
И обувь легкая сжимаетъ
Двѣ ножки, чудо изъ чудесъ.
Княжнѣ послѣдняя дѣвица
Жемчужный поясъ подаетъ.
Межъ тѣмъ незримая пѣвица
Веселы пѣсни ей поетъ.
Увы! Ни камни ожерелья,
Ни сарафанъ, ни перловъ рядъ,
Ни пѣсни лести и веселья
Ея души не веселятъ;
Напрасно зеркало рисуетъ
Ея красы, ея наряды;
Потупя неподвижный взглядъ,
Она молчить, она тоскуетъ.

Тѣ, кои, правду возлюбя,
На темномъ сердца днѣ читали,
Конечно, знаютъ про себя,
Что если женщина въ печали,
Сквозь слезъ, украдкой, какъ-нибудь,
На зло привычкѣ и разсудку,
Забудеть въ зеркало взглянуть —
То грустно ей ужъ не на шутку.

Но вотъ, Людмила вновь одна.
Не зная, что начать, она
Къ окну рѣшетчату подходитъ,
И взоръ ея печально бродитъ
Въ пространствѣ пасмурной дали.
Все мертво. Снѣжныя равнины
Коврами яркими легли;
Стоять угрюмыхъ горъ вершины
Въ однообразной бѣлизнѣ,
И дремлютъ въ вѣчной тишинѣ;
Кругомъ не видно дымной кровли,
Не видно путника въ снѣгахъ,

И звонкій рогъ веселой ловли
Въ пустынныхъ не трубитъ горахъ;
Лишь изрѣдка съ унылымъ свистомъ
Бунтуетъ вихорь въ полѣ чистомъ,
И на краю сѣдыхъ небесъ
Качаетъ обнаженный лѣсъ.

Въ слезахъ отчаянья, Людмила
Отъ ужаса лицо закрыла.
Увы, что ждетъ ее теперь?
Бѣжить въ серебряную дверь;
Она съ музыкой отворилась,
И наша дѣва очутилась
Въ саду. Плѣнительный предѣлъ:
Прекраснѣе садовъ Армиды
И тѣхъ, которыми владѣлъ
Царь Соломонъ иль князь Тавриды.
Предъ нею зыблются, шумятъ
Великолѣпныя дубровы;
Аллеи пальмъ и лѣсъ лавровый,
И благовонныхъ миртовъ рядъ,
И кедровъ гордыя вершины,
И золотыя апельсины
Зерцаломъ водъ отражены;
Пригорки, рощи и долины
Весны огнемъ оживлены;
Съ прохладой вѣется вѣтеръ майскій
Средь очарованныхъ полей,
И свищетъ соловей китайскій
Во мракъ трепетныхъ вѣтвей;
Летятъ алмазные фонтаны
Съ веселымъ шумомъ къ облакамъ;
Подъ ними блещутъ истуканы
И, мнится, живы; Фидій самъ,
Питомецъ Феба и Паллады,
Любуясь ими, наконецъ
Свой очарованный рѣзецъ

Изъ рукъ бы выронилъ съ досады.
 Дробясь о мраморны преграды,
 Жемчужной, огненной дугой
 Валятся, плещуть водопады;
 И ручейки въ тѣни лѣсной
 Чуть выются сонною волной.
 Приютъ покоя и прохлады,
 Сквозь вѣчну зелень здѣсь и тамъ.
 Мелькають свѣтлыя бесѣдки;
 Повсюду розъ живыя вѣтки
 Цвѣтуть и дышуть по тропамъ.
 Но безутѣшная Людмила
 Идетъ, идетъ, и не глядитъ;
 Волшебства роскошь ей постыла,
 Ей грустенъ нѣги свѣтлый видъ *).
 Куда — сама не зная, бродить,
 Волшебный садъ кругомъ обходить,
 Свободу горькимъ давъ слезамъ,
 И взоры мрачныя возводитъ
 Къ неумолимымъ небесамъ.
 Вдругъ освѣтился взоръ прекрасной;
 Къ устамъ она прижала перстъ;
 Казалось, умыселъ ужасный
 Рождался... Страшный путь отверстъ:
 Высокій мостикъ надъ потокомъ
 Предъ ней виситъ на двухъ скалахъ;
 Въ унынѣ тяжкомъ и глубокомъ
 Она подходитъ — и въ слезахъ
 На воды шумныя взглянула,

*) Въ изданіи 1820 г. это мѣсто читалось такъ:

Цвѣтуть и дышуть по тропамъ,
 Усыяннымъ пескомъ алмазнымъ;
 Игривымъ и разнообразнымъ
 Волшебствомъ дивный садъ блестить,
 Но безутѣшная Людмила
 Идетъ, идетъ и не глядитъ;
 Ей роскошь свѣтлая постыла,
 Ей грустенъ нѣги пышный видъ...

Ударила, рыдая, въ грудь,
 Въ волнахъ рѣшила утонуть —
 Однако въ воды не прыгнула
 И далѣ продолжала путь *).

Моя прекрасная Людмила,
 По солнцу бѣгая съ утра,
 Устала, слезы осушила,
 Въ душѣ подумала: пора!
 На травку сѣла, оглянулась —
 И вдругъ надъ нею сѣнь шатра,
 Шумя, съ прохладой развернулась;
 Обѣдъ роскошный передъ ней;
 Приборъ изъ яркаго кристалла;
 И въ тишинѣ изъ-за вѣтвей
 Незрима арфа заиграла.
 Дивится плѣнная княжна;
 Но втайнѣ думаетъ она:
 „Вдали отъ милаго, въ неволѣ,
 „Зачѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ болѣ?
 „О ты, чья гибельная страсть
 „Меня терзаетъ и лелѣетъ!
 „Мнѣ не страшна злодѣя власть:
 „Людмила умереть умѣетъ!
 „Не нужно мнѣ твоихъ шатровъ,
 „Ни скучныхъ пѣсень, ни пировъ —
 „Не стану ѣсть, не буду слушать,
 „Умру среди твоихъ садовъ!“
 Подумала—и стала кушать. ⁴

*) Въ изд. 1820 г. послѣ этихъ стиховъ было еще:

О люди, странныя созданья!
 Межъ тѣмъ какъ тяжкія страданья
 Тревожатъ, убиваютъ васъ,
 Обѣда лишь наступитъ часъ —
 И вмигъ вамъ жалобно доносить
 Пустой желудокъ о себѣ,
 И имъ заняться тайно просить. ³
 Что скажемъ о такой судьбѣ?

И ты прекрасная Людмила и т. д.

Княжна встаетъ, и вмигъ шатерьъ,
 И пышной роскоши приборъ,
 И звуки арфы — все пропало;
 По-прежнему все тихо стало;
 Людмила вновь одна въ садахъ
 Скитается изъ рощи въ рощи;
 Межь тѣмъ въ лазурныхъ небесахъ
 Плыветъ луна, царица нощи;
 Находить мгла со всѣхъ сторонъ
 И тихо на холмахъ почила;
 Княжну неволью клонить сонъ;
 И вдругъ невѣдомая сила
 Нѣжнѣй, чѣмъ вешній вѣтерокъ,
 Ее на воздухъ поднимаетъ,
 Несетъ по воздуху въ чертогъ,
 И осторожно опускаетъ,
 Сквозь еиміамъ вечернихъ розъ,
 На ложе грусти, ложе слезъ.
 Три дѣвы вмигъ опять явились
 И вокругъ нея засуетились,
 Чтобъ на ночь пышный снять уборъ;
 Но ихъ унылый, смутный взоръ
 И принужденное молчанье
 Являли втайнѣ состраданье
 И немощный судьбамъ укоръ.
 Но поспѣшимъ: рукой ихъ нѣжной
 Раздѣта сонная княжна;
 Прелестна прелестью небрежной,
 Въ одной сорочкѣ бѣлоснѣжной
 Ложится почивать она.
 Со вздохомъ дѣвы поклонились,
 Скорѣй какъ можно удалились
 И тихо притворили дверь.
 Что жъ наша плѣнница теперь?
 Дрожить какъ листь, дохнуть не смѣеть;
 Хладѣютъ перси, взоръ темнѣеть;
 Мгновенный сонъ отъ глазъ бѣжитъ;

Не спить, удвоила вниманье,
Недвижно въ темноту глядить...
Все мрачно, мертвое молчанье!
Лишь сердца слышитъ трепетанье...
И мнится — шепчетъ тишина;
Идутъ... идутъ къ ея постелѣ;
Въ подушки прячется княжна,
И вдругъ... о страхъ!.. и въ самомъ дѣлѣ
Раздался шумъ; озарена
Мгновеннымъ блескомъ тьма ночная,
Мгновенно дверь отворена;
Безмолвно, гордо выступая,
Нагими саблями сверкая,
Араповъ длинный рядъ идетъ
Попарно, чинно сколь возможно,
И на подушкахъ осторожно
Сѣдую бороду несетъ;
И входитъ съ важностью за нею,
Подъявъ величественно шею,
Горбатый карликъ изъ дверей:
Его-то головѣ обритой,
Высокимъ колпакомъ покрытой,
Принадлежала борода.
Ужь онъ приблизился; тогда
Княжна съ постели соскочила,
Сѣдого карлу за колпакъ
Рукою быстрой ухватила,
Дрожащій занесла кулакъ,
И въ страхъ завизжала такъ,
Что всѣхъ араповъ оглушила.
Трепеща, скорчился бѣднякъ,
Княжны испуганной блѣднѣе;
Зажавши уши, поскорѣе
Хотѣлъ бѣжать, но въ бородѣ
Запутался, упалъ и бьется;
Встаетъ, упалъ; въ такой бѣдѣ
Араповъ черный рой мятется;

Шумяць, толкаются, бѣгутъ,
 Хватають колдуна въ охапку,
 И вонь распутывать несутъ,
 Оставляя у Людмилы шапку.

Но что-то добрый витязь нашъ?
 Вы помните ль неожиданну встрѣчу?
 Бери свой быстрый карандашъ,
 Рисуй, Орловскій, ночь и сѣчу! ⁵
 При свѣтѣ трепетномъ луны
 Сразились витязи жестоко;
 Сердца ихъ гнѣвомъ стѣснены;
 Ужь копья брошены далеко,
 Уже мечи раздроблены,
 Кольчуги кровію покрыты,
 Щиты трещать, въ куски разбиты...
 Они схватились на коняхъ;
 Взрывая къ небу черный прахъ,
 Подъ ними борзы кони бьются;
 Борцы, недвижно сплетены,
 Другъ друга стиснувъ, остаются,
 Какъ бы къ сѣдлу пригвождены;
 Ихъ члены, злобой сведены,
 Переплелись и костенѣють;
 По жиламъ быстрый огонь бѣжить;
 На вражьей груди грудь дрожить —
 И вотъ колеблются, слабѣють —
 Кому-то пасть?.. Вдругъ витязь мой,
 Вскипѣвъ, желѣзною рукой
 Съ сѣдла наѣздника срываетъ,
 Подъемлетъ, держать надъ собой —
 И въ волны съ берега бросаетъ.
 „Погибни!“ грозно восклицаетъ:
 „Умри, завистникъ злобный мой!“

Ты догадался, мой читатель,
 Съ кѣмъ бился доблестный Русланъ:

То былъ кровавыхъ битвъ искатель,
 Рогдай, надежда кievлянъ,
 Людмилы мрачный обожатель.
 Онъ вдоль днѣпровскихъ береговъ
 Искаль соперника слѣдовъ;
 Нашель, настигъ, — но прежня сила
 Питомцу битвы измѣнила,
 И Руси древній удалецъ
 Въ пустынь свой нашель конецъ.
 И слышно было, что Рогдая
 Тѣхъ водъ русалка молодая
 На хладны перси приняла
 И, жадно витязя лобзая,
 На дно со смѣхомъ увлекла.
 И долго послѣ, ночью темной,
 Бродя близъ тихихъ береговъ,
 Богатыря призракъ огромный
 Пугаль пустынныхъ рыбаковъ.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Напрасно вы въ тѣни таились
 Для мирныхъ, счастливыхъ друзей,
 Стихи мои! Вы не сокрылись
 Отъ гнѣвныхъ зависти очей.
 Ужь бѣдный критикъ, ей въ услугу,
 Вопросъ мнѣ сдѣлалъ роковой;
 Зачѣмъ Русланову подругу,
 Какъ бы на смѣхъ ея супругу,
 Зову и дѣвой, и княжной?
 Ты видишь, добрый мой читатель,
 Тутъ злобы черную печать!
 Скажи зоиль, скажи, предатель,
 Ну, какъ и что мнѣ отвѣчать?
 Краснѣй, несчастный, Богъ съ тобою!
 Краснѣй, я спорить не хочу;
 Довольный тѣмъ, что правъ душою,

Въ смиренной кротости молчу.
 Но ты поймешь меня, Климена,
 Потупишь томные глаза,
 Ты, жертва скучнаго Гимена...
 Я вижу: тайная слеза
 Падеть на стихъ мой, сердцу внятнѣй;
 Ты покраснѣла, взоръ погасъ;
 Вздохнула молча... вздохъ понятнѣй!
 Ревнивецъ, бойся — близокъ часъ!
 Амуръ съ Досадою своенравной
 Вступили въ смѣлый заговоръ,
 И для главы твоей безславной
 Готовъ ужъ мстительный уборъ.

Ужъ утро хладное сіяло
 На темени полнощныхъ горъ;
 Но въ дивномъ замкѣ все молчало
 Въ досадѣ скрытой, Черноморъ,
 Безъ шапки, въ утреннемъ халатѣ,
 Зѣвалъ сердито на кровати;
 Вокругъ брады его сѣдой
 Рабы толпились молчаливы,
 И нѣжно гребень костяной
 Расчесывалъ ея извивы.
 Межъ тѣмъ, для пользы и красы,
 На безконечные усы
 Лились восточны ароматы,
 И кудри хитрые вились;
 Какъ вдругъ, откуда ни возьмись,
 Въ окно влетаетъ змій крылатый:
 Гремя желѣзной чешуей,
 Онъ въ кольца быстрья согнулся
 И вдругъ Наинной обернулся
 Предъ изумленною толпой.
 „Привѣтствую тебя“, сказала,
 „Собрать, издавна чтимый мной!
 „Досель я Черномора знала

„Одною громкою молвой;
 „Но тайный рокъ соединяетъ
 „Теперь насъ общею враждой;
 „Тебѣ опасность угрожаетъ,
 „Нависла туча надъ тобой;
 „И голосъ оскорбленной чести
 „Меня къ отмщенію зоветъ“.

Со взоромъ, полнымъ хитрой лести,
 Ей карла руку подаетъ,
 Вѣщая: „Дивная Наина!
 „Мнѣ драгоцѣненъ твой союзъ.
 „Мы посрадимъ коварство Финна;
 „Но мрачныхъ козней не боюсь:
 „Противникъ слабый мнѣ не страшень;
 „Узнай чудесный жребій мой:
 „Сей благодатной бородой
 „Не даромъ Черноморъ украшенъ.
 „Доколь власовъ ея сѣдыхъ
 „Враждебный мечъ не перерубить,
 „Никто изъ витязей лихихъ,
 „Никто изъ смертныхъ не погубить
 „Малѣйшихъ замысловъ моихъ;
 „Моею будетъ вѣкъ Людмила,
 „Русланъ же гробу обреченъ!“
 И мрачно вѣдьма повторила:
 „Погибнетъ онъ! погибнетъ онъ!“
 Потомъ три раза прошипѣла,
 Три раза топнула ногой,
 И чернымъ зміемъ улетѣла.

Блистая въ ризѣ парчевой,
 Колдунъ, колдуньей ободренный,
 Развеселясь, рѣшилъся вновь
 Нести къ ногамъ дѣвицы плѣнной
 Усы, покорность и любовь.
 Разряженъ, карликъ бородатый,

Опять идетъ въ ея палаты;
Проходить длинный комнату рядъ:
Княжны въ нихъ нѣтъ. Онъ далѣ, въ садъ,
Въ лавровый лѣсъ, къ рѣшеткѣ сада,
Вдоль озера, вокругъ водопада,
Подъ мостики, въ бесѣдки... нѣтъ!
Княжна ушла, пропалъ и слѣдъ!
Кто выразить его смущенье,
И ревъ, и трепеть изступленья?
Съ досады дня не взвидѣлъ онъ.
Раздался карлы дикій стонъ:
„Сюда, невольники, бѣгите!
„Сюда! Надѣюсь я на васъ!
„Сейчасъ Людмилу мнѣ сыщите!
„Скорѣе, слыщите ль? сейчасъ!
„Не то — шутите вы со мною —
„Всѣхъ удавлю васъ бородою!“

Читатель, расскажу ль тебѣ,
Куда красавица дѣвалась?
Всю ночь она своей судьбѣ
Въ слезахъ дивилась и — смѣялась.
Ее пугала борода;
Но Черноморъ ужь былъ извѣстенъ,
И былъ смѣшонъ, а никогда
Со смѣхомъ ужась не совмѣстенъ.
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ
Постель оставила Людмила,
И взоръ невольный обратила
Къ высокимъ, чистымъ зеркаламъ;
Невольно кудри золотыя
Съ лилейныхъ плечъ приподняла;
Невольно волосы густые
Рукой небрежной заплела;
Свои вчерашніе наряды
Нечаянно въ углу нашла;
Вздыхнувъ, одѣлась, и съ досады

Тихонько плакать начала;
 Однако съ вѣрнаго стекла,
 Вздыхая, не сводила взора,
 И дѣвицѣ пришло на умъ,
 Въ волненьѣ своенравныхъ думъ,
 Примѣрять шапку Черномора.
 Все тихо, никого здѣсь нѣтъ,
 Никто на дѣвушку не взглянетъ...
 А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ
 Какая шапка не пристанетъ?
 Рядиться никогда не лѣнь!
 Людмила шапкой завертѣла;
 На брови, прямо, на бекрень,
 И задомъ напередъ надѣла.
 И что жь? О чудо старыхъ дней!
 Людмила въ зеркалѣ пропала;
 Перевернула — передъ ней
 Людмила прежняя предстала;
 Назадъ надѣла — снова нѣтъ;
 Сняла — и въ зеркалѣ! „Прекрасно!
 „Добро, колдунъ! добро, мой свѣтъ!
 „Теперь мнѣ здѣсь ужь безопасно,
 „Теперь избавлюсь отъ хлопотъ!“
 И шапку стараго злодѣя
 Княжна, отъ радости краснѣя,
 Надѣла задомъ напередъ.

Но возвратимся же къ герою.
 Не стыдно ль заниматься намъ
 Такъ долго шапкой, бороною,
 Руслана поруча судьбамъ?
 Свершивъ съ Рогдаемъ бой жестокий,
 Проѣхалъ онъ дремучій лѣсъ;
 Предъ нимъ открылся долъ широкій
 При блескѣ утреннихъ небесъ. ¹
 Трепещетъ витязь поневолѣ:
 Онъ видитъ старой битвы полѣ.

Вдали все пусто; здѣсь и тамъ
 Желтѣють кости; по холмамъ
 Разбросаны колчаны, латы:
 Гдѣ сбруя, гдѣ заржавый щитъ;
 Въ костяхъ руки здѣсь мечъ лежитъ;
 Травой обросъ тамъ шлемъ косматый,
 И старый черепъ тлѣеть въ немъ;
 Богатыря тамъ остовъ цѣлый
 Съ его поверженнымъ конемъ
 Лежитъ недвижимъ; копыя, стрѣлы
 Въ сырую землю вонзены,
 И мирный плющъ ихъ обвиваетъ...
 Ничто безмолвной тишины
 Пустыни сей не возмущаетъ,
 И солнце съ ясной вышины
 Долину смерти озаряетъ.

Со вздохомъ витязь вкругъ себя
 Взираетъ грустными очами.
 „О поле, поле, кто тебя
 „Усѣялъ мертвыми костями?
 „Чей борзый конь тебя топталъ
 „Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
 „Кто на тебѣ со славой палъ?
 „Чьи небо слышало молитвы?
 „Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
 „И поросло травой забвенья?..
 „Временъ отъ вѣчной темноты,
 „Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!
 „Быть можетъ, на холмѣ нѣмомъ
 „Поставятъ тихій гробъ Руслановъ,
 „И струны громкія баяновъ
 „Не будутъ говорить о немъ!“

Но вскорѣ вспомнилъ витязь мой,
 Что добрый мечъ герою нуженъ
 И даже панцырь; а герой

Съ послѣдней битвы безоруженъ.
Обходить поле онъ вокругъ,
Въ кустахъ, среди костей забвенныхъ,
Въ громадѣ тлѣющихъ кольчугъ,
Мечей и шлемовъ раздробленныхъ
Себѣ доспѣховъ ищетъ онъ.
Проснулись гуль и степь нѣмая,
Поднялся въ полѣ трескъ и звонъ;
Онъ поднялъ щитъ, не выбирая,
Нашелъ и шлемъ, и звонкій рогъ,
Но лишь меча сыскать не могъ.
Долину брани объѣзжая,
Онъ видитъ множество мечей,
Но всѣ легки, да слишкомъ малы,
А князь красавецъ былъ не вялый,
Не то, что витязь нашихъ дней.
Чтобъ чѣмъ-нибудь играть отъ скуки,
Копье стальное взялъ онъ въ руки,
Кольчугу онъ надѣлъ на грудь,
И далѣе пустился въ путь.

Ужъ поблѣднѣлъ закатъ румяный,
Надъ усыпленную землей
Дымятся синіе туманы
И всходитъ мѣсяцъ золотой.
Померкла степь. Тропою темной,
Задумчивъ, ѣдетъ нашъ Русланъ,
И видитъ: сквозь ночной туманъ
Вдали чернѣетъ холмъ огромный,
И что-то страшное храпитъ.
Онъ ближе къ холму, ближе — слышитъ:
Чудесный холмъ какъ будто дышитъ.
Русланъ внимаетъ и глядитъ
Безтрепетно, съ покойнымъ духомъ;
Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упирается, дрожитъ,
Трясетъ упрямой головою,

И грива дыбомъ поднялась.
 Вдругъ холмъ, безоблачной луною
 Въ туманѣ блѣдно озарясь,
 Яснѣеть. Смотрить храбрый князь —
 И чудо видитъ предъ собою.
 Найду ли краски и слова?
 Предъ нимъ — живая голова. ²
 Огромны очи сномъ объаты;
 Храпить, качая шлемъ пернатый;
 И перья въ темной высотѣ
 Какъ тѣни ходятъ, развѣваясь.
 Въ своей ужасной красотѣ
 Надъ мрачной степью возвышаясь,
 Безмолвіемъ окружена,
 Пустыни сторожъ безымянный,
 Руслану предстоитъ она
 Громадой грозной и туманной.
 Въ недоумѣньѣ хочетъ онъ
 Таинственный разрушить сонъ.
 Вблизи осматривая диво,
 Обвѣхаль голову кругомъ,
 И сталъ предъ носомъ молчаливо,
 Щекотитъ ноздри копіемъ. —
 И, сморщась, голова зѣвнула,
 Глаза открыла и чихнула...
 Поднялся вихоръ, степь дрогнула,
 Взвилася пыль; съ рѣсницъ, съ усовъ,
 Съ бровей слетѣла стая совъ;
 Проснулись рощи молчаливы,
 Чихнуло эхо, — конь ретивый
 Заржалъ, запрыгаль, отлетѣлъ,
 Едва самъ витязь усидѣлъ;
 И вслѣдъ раздался голосъ шумный:
 „Куда ты, витязь неразумный?
 „Ступай назадъ; я не шучу!
 „Какъ разъ нахала проглочу!“
 Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся,

Браздами удержалъ коня,
 И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
 „Чего ты хочешь отъ меня?“
 Нахмурясь, голова вскричала:
 „Вотъ, гостя мнѣ судьба послала!
 „Послушай, убирайся прочь!
 „Я спать хочу, теперь ужь ночь,
 „Прощай!“ Но витязь знаменитый,
 Услыша грубыя слова,
 Воскликнулъ съ важностью сердитой:
 „Молчи, пустая голова!
 „Слыхалъ я истину, бывало:
 „Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!
 „Я ѣду, ѣду, не свищу,
 „А какъ наѣду, не спущу!“

Тогда, отъ ярости нѣмѣя,
 Стѣсненной злобой пламенѣя,
 Надулась голова; какъ жарь,
 Кровавы очи засверкали;
 Напѣнясь, губы задрожали;
 Изъ усть, ушей поднялся парь;
 И вдругъ она что было мочи
 Навстрѣчу князю стала дуть;
 Напрасно конь, зажмуря очи,
 Склонивъ главу, натужа грудь,
 Сквозь вихорь, дождь и сумракъ ночи
 Невѣрный продолжаетъ путь;
 Объятый страхомъ, ослѣпленный,
 Онъ мчится вновь, изнеможенный,
 Далече въ полѣ отдохнуть.
 Вновь обратиться витязь хочетъ —
 Вновь отраженъ, надежды нѣтъ!
 А голова ему вослѣдъ,
 Какъ сумасшедшая, хохочетъ,
 Грemitъ: „Ай, витязь! Ай, герой!
 „Куда ты? Тише, тише, стой!

„Эй, витязь, шею сломишь даромъ;

„Не трусъ, наѣздникъ, и меня

„Порадуй хоть однимъ ударомъ,

„Пока не заморилъ коня.“

И между тѣмъ она героя

Дразнила страшнымъ языкомъ.

Русланъ, досаду въ сердцѣ кроя,

Грозить ей молча копіемъ,

Трясетъ его рукой свободной,

И, задрожавъ, булатъ холодный

Вонзился въ дерзостный языкъ,

И кровь изъ бѣшенаго зѣва

Рѣкою побѣжала вмигъ.

Отъ удивленья, боли, гнѣва

Въ минуту дерзости лишась,

На князя голова глядѣла,

Желѣзо грызла и блѣднѣла...

Въ спокойномъ духѣ горячась,

Такъ иногда средь нашей сцены

Плохой питомецъ Мельпомены,

Внезапнымъ свистомъ оглушень;

Ужъ ничего не видитъ онъ,

Блѣднѣетъ, ролю забываетъ,

Дрожить, поникнувъ головой,

И, заикаясь, умолкаетъ

Передъ насмѣшливой толпой. —

Счастливымъ пользуюсь мгновеньемъ

Къ объятой головѣ смущеньемъ,

Какъ ястребъ, богатырь летитъ

Съ подъятой, грозною десницей,

И въ щеку тяжелой рукавицей

Съ размаха голову разить.

И степь ударомъ огласилась;

Кругомъ росистая трава

Кровавой пѣной обагрилась,

И, зашатавшись, голова

Перевернулась, покатилась,

И шлемъ чугунный застучаль.
 Тогда на мѣстѣ опустѣломъ
 Мечъ богатырскій засверкаль.
 Нашъ витязь въ трепетѣ веселомъ
 Его схватилъ, и къ головѣ
 По окровавленной травѣ
 Бѣжить съ намѣреньемъ жестокимъ —
 Ей носъ и уши обрубить;
 Уже Русланъ готовъ разить,
 Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ —
 Вдругъ, изумленный, внемлетъ онъ
 Главы молящей жалкій стонъ...
 И тихо мечъ онъ опускаетъ;
 Въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираетъ,
 И мщенье бурное падетъ
 Въ душѣ, моленьемъ умиренной;
 Такъ на долину таетъ ледъ,
 Лучемъ полудня пораженный.

— Ты вразумилъ меня, герой!
 Со вздохомъ голова сказала:
 — Твоя десница доказала,
 Что я виновенъ предъ тобой.
 Отнынѣ я тебѣ послушенъ;
 Но, витязь, будь великодушень!
 Достоинъ плача жребій мой.
 И я былъ витязь удалой!
 Въ кровавыхъ битвахъ супостата
 Себѣ я равнаго не зрѣлъ;
 Счастливъ, когда бы не имѣлъ
 Соперникомъ меньшого брата!
 Коварный, злобный Черноморъ,
 Ты, ты всѣхъ бѣдъ моихъ виною!
 Семейства нашего позоръ,
 Рожденный карлой, съ бородою,
 Мой дивный ростъ отъ юныхъ дней
 Не могъ онъ безъ досады видѣть, ³

И сталь за то въ душѣ своей
 Меня, жестокій, ненавидѣть.
 Я былъ всегда немного простъ,
 Хотя высокъ; а сей несчастный,
 Имѣя самый глупый ростъ,
 Умень какъ бѣсъ—и золь ужасно.
 Притомъ же, знай: къ моей бѣдѣ,
 Въ его чудесной бородѣ
 Таится сила роковая,
 И, все на свѣтѣ презирая, —
 Доколѣ борода цѣла, —
 Измѣнникъ не страшится зла.
 Вотъ онъ, однажды, съ видомъ дружбы,
 „Послушай“, хитро мнѣ сказалъ,
 „Не откажись отъ важной службы:
 „Я въ черныхъ книгахъ отыскалъ,
 „Что за восточными горами,
 „На тихихъ моря берегахъ,
 „Въ глухомъ подвалѣ, подъ замками,
 „Хранится мечъ — и что же? страхъ!
 „Я разобралъ во тьмѣ волшебной,
 „Что волею судьбы враждебной
 „Сей мечъ извѣстенъ будетъ намъ;
 „Что насъ обоихъ онъ погубить:
 „Мнѣ бороду мою отрубить,
 „Тебѣ — главу; суди же самъ,
 „Сколь важно намъ приобрѣтенье
 „Сего созданья злыхъ духовъ!“
 — Ну, что же? гдѣ тутъ затрудненье?
 Сказалъ я карлѣ: я готовъ;
 Иду, хоть за предѣлы свѣта. —
 И сосну на плечо взвалилъ,
 А на другое, для совѣта,
 Злодѣя-брата посадилъ;
 Пустился въ дальнюю дорогу,
 Шагаль, шагаль и, слава Богу,
 Какъ бы пророчеству на зло,

Все счастливо сначала шло.
За отдаленными горами
Нашли мы роковой подвалъ;
Я разметалъ его руками
И потаенный мечъ досталъ.
Но нѣтъ! судьба того хотѣла:
Межь нами сора закипѣла —
И было, признаюсь, о чемъ!
Вопросъ: кому владѣть мечемъ?
Я спорилъ, карла горячился;
Бранились долго; наконецъ
Уловку выдумалъ хитрецъ,
Притихъ и будто бы смягчился.
„Оставимъ бесполезный споръ“,
Сказалъ мнѣ важно Черноморъ:
„Мы тѣмъ союзъ нашъ обезславимъ;
„Разсудокъ въ мирѣ жить велить;
„Судьбѣ рѣшить мы предоставимъ,
„Кому сей мечъ принадлежить.
„Къ землѣ приникнемъ ухомъ оба“
(Чего не выдумаетъ злоба!),
„И кто услышитъ первый звонъ,
„Тотъ и владѣй мечемъ до гроба.“
Сказалъ и легъ на землю онъ.
Я сдуру также растянулся;
Лежу, не слышу ничего,
Смекая: обману его!
Но самъ жестоко обманулся.
Злодѣй въ глубокой тишинѣ,
Привставъ, на цыпочкахъ ко мнѣ
Подкрался сзади, размахнулся,
Какъ вихорь свистнулъ острый мечъ,
И прежде, чѣмъ я оглянулся,
Ужь голова слетѣла съ плечъ —
И сверхъестественная сила
Въ ней жизни духъ остановила.
Мой остовъ терніемъ обросъ;

Вдали, въ странѣ, людьми забвенной,
 Истлѣлъ мой прахъ непогрѣбленный;
 Но злобный карла перенесъ
 Меня въ сей край уединенный,
 Гдѣ вѣчно долженъ былъ стеречь
 Тобой сегодня взятый мечъ.
 О витязь, ты хранимъ судьбою!
 Возьми его, — и Богъ съ тобою!
 Быть можетъ, на своемъ пути
 Ты карлу-чародѣя встрѣтишь —
 Ахъ, если ты его замѣтишь,
 Коварству, злобѣ отомсти!
 И наконецъ я счастливъ буду,
 Спокойно мѣръ оставлю сей,
 И въ благодарности моей
 Твою пощечину забуду!

Пѣснь четвертая.

Я каждый день, возставъ отъ сна.
 Благодарю сердечно Бога
 За то, что въ наши времена
 Волшебниковъ не такъ ужъ много.
 Къ тому же — честь и слава имъ!
 Женитьбы наши безопасны...
 Ихъ замыслы не такъ ужасны
 Мужьямъ, дѣвицамъ молодымъ. *)
 Но есть волшебники другіе,
 Которыхъ ненавижу я:
 Улыбка, очи голубыя
 И голосъ милый — о друзья!

*) Въ изд. 1820 г. было прибавлено:
 Не правъ Фернейскій злой крикунъ
 Все къ лучшему: теперь колдунъ
 Иль магнетизмомъ лѣчитъ бѣдныхъ
 И дѣвушекъ худыхъ и блѣдныхъ,
 Пророчить, издастъ журналъ, —
 Дѣла, достойныя похвалъ.

Не вѣрьте имъ, они лукавы!
 Страшитесь, подражая мнѣ,
 Ихъ упоительной отравы,
 И почивайте въ тишинѣ.

Поэзіи чудесный геній,
 Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
 Любви, мечтаній и чертей,
 Могиль и рая вѣрный житель,
 И музы вѣтренной моей
 Наперсникъ, пѣстунъ и хранитель!
 Прости мнѣ, сѣверный Орфей,
 Что въ повѣсти моей забавной
 Теперь вослѣдъ тебѣ лечу
 И лиру музы своенравной
 Во лжи прелестной обличу. ¹

Друзья мои, вы всѣ слышали,
 Какъ бѣсу въ древни дни злодѣй
 Предалъ сперва себя съ печали,
 А тамъ и души дочерей;
 Какъ послѣ щедрымъ подаянемъ,
 Молитвой, вѣрой и постомъ
 И непритворнымъ покаяньемъ
 Снискалъ заступника въ святомъ;
 Какъ умеръ онъ, и какъ заснули
 Его двѣнадцать дочерей; —
 И насъ плѣнили, ужаснули
 Картины тайныхъ сихъ ночей,
 Сіи чудесныя видѣнья,
 Сей мрачный бѣсъ, сей Божій гнѣвъ,
 Живыя грѣшника мученья
 И прелесть непорочныхъ дѣвъ.
 Мы съ ними плакали, бродили
 Вокругъ зубчатыхъ замка стѣнъ,
 И сердцемъ тронутымъ любили
 Ихъ тихій сонъ, ихъ тихій плѣнъ;

Душой Вадима призывали,
 И пробужденье зрѣли ихъ,
 И часто инокинь святыхъ
 На гробъ отцовскій провожали...
 И что жь, возможно ль?... намъ солгали!
 Но правду возвѣщу ли я?... *)

Младой Ратмиръ, направля къ югу
 Нетерпѣливый бѣгъ коня,
 Ужь думалъ предъ закатомъ дня
 Нагнать Русланову супругу.
 Но день багряный вечерѣлъ;
 Напрасно витязь предъ собою
 Въ туманы дальніе смотрѣлъ:
 Все было пусто надъ рѣкою.
 Зари послѣдній лучъ горѣлъ
 Надъ ярко-позлащеннымъ боромъ.
 Нашъ витязь мимо черныхъ скалъ
 Тихонько проѣзжалъ, и взоромъ
 Ночлега межъ деревъ искалъ.
 Онъ на долину выѣзжаетъ
 И видитъ: замокъ на скалахъ ³
 Зубчаты стѣны возвышаетъ;
 Чернѣютъ башни на углахъ;
 И дѣва по стѣнѣ высокой,
 Какъ въ морѣ лебедь одинокій,
 Идетъ, зарей освѣщена;
 И дѣвы пѣснь едва слышна
 Долины въ тишинѣ глубокой.

„Ложится въ полѣ мракъ ночной;

*) Въмѣсто этого стиха, въ изд. 1820 г. было:

Дерзну ли истину вѣщать?
 Дерзну ли ясно описать ³
 Не монастырь уединенный,
 Не робкихъ инокинь соборъ,
 Но... трепещу! въ душѣ емущенной
 Дивлюсь — и потупляю взоръ.

„Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный.
„Ужь поздно, путникъ молодой!
„Укройся въ теремъ нашъ отрадный!

„Здѣсь ночью нѣга и покой,
„А днемъ и шумъ, и пированье.
„Приди на дружное призванье,
„Приди, о путникъ молодой!

„У насъ найдешь красавиць рой;
„Ихъ нѣжны рѣчи и лобзанье.
„Приди на тайное призванье,
„Приди, о путникъ молодой!

„Тебѣ мы съ утренней зарей
„Наполнимъ кубокъ на прощанье.
„Приди на мирное призванье,
„Приди, о путникъ молодой!

„Ложится въ полѣ мракъ ночной;
„Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный.
„Ужь поздно, путникъ молодой!
„Укройся въ теремъ нашъ отрадный!“

Она манить, она поетъ, —
И юный ханъ ужъ подъ стѣною;
Его встрѣчаютъ у воротъ
Дѣвицы красныя толпою;
При шумѣ ласковыхъ рѣчей
Онъ окружень; съ него не сводятъ
Онѣ плѣнительныхъ очей;
Двѣ дѣвицы коня уводятъ;
Въ чертоги входитъ ханъ младой,
За нимъ отшельницъ милыхъ рой;
Одна снимаетъ шлемъ крылатый,
Другая — кованыя латы,
Та мечъ беретъ, та пыльный щитъ;
Одежда нѣги замѣнить

Желѣзные доспѣхи брани.
 Но прежде юношу ведутъ
 Къ великолѣпной русской банѣ.
 Ужь волны дымныя текутъ
 Въ ея серебряные чаны,
 И брызжутъ хладныя фонтаны;
 Разостланъ роскошью коверъ —
 На немъ усталый ханъ ложится;
 Прозрачный паръ надъ нимъ клубится.
 Потупя нѣги полный взоръ,
 Прелестныя, полунагія,
 Въ заботѣ нѣжной и нѣмой,
 Вкругъ хана дѣвы молодыя
 Тѣснятся рѣзвою толпой.
 Надъ рыцаремъ иная машеть
 Вѣтвями молодыхъ березъ,
 И жаръ отъ нихъ душистый пышетъ;
 Другая сокомъ вешнихъ розъ
 Устала члены прохлаждаетъ,
 И въ ароматахъ потопляетъ
 Темнокудрявые власы.
 Восторгомъ витязь упоенный
 Уже забылъ Людмилы плѣнной
 Недавно милая красы;
 Томится сладостнымъ желаньемъ;
 Бродящій взоръ его блеститъ
 И, полный страстнымъ ожиданьемъ,
 Онъ таетъ сердцемъ, онъ горитъ. ⁴

Но вотъ, выходитъ онъ изъ бани.
 Одѣтый въ бархатныя ткани,
 Въ кругу прелестныхъ дѣвъ, Ратмиръ
 Садится за богатый пиръ.
 Я не Омеръ: въ стихахъ высокихъ
 Онъ можетъ воспѣвать одинъ
 Обѣды греческихъ дружинъ,
 И звонъ, и пѣну чашъ глубокихъ.

Милѣ по слѣдамъ Парши
Мнѣ славить лирою небрежной
И наготу въ ночной тѣни,
И поцѣлуй любви нѣжной!
Луною замокъ озарень;
Я вижу теремъ отдаленный,
Гдѣ витязь томный, воспаленный
Вкушаетъ одинокій сонъ;
Его чело, его ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ горять;
Его уста полуоткрыты
Лобзанье тайное манять;
Онъ страстно, медленно вздыхаетъ,
Онъ видитъ ихъ — и въ пылкомъ снѣ
Покровы къ сердцу прижимаетъ.
Но вотъ, въ глубокой тишинѣ
Дверь отворилась; полъ ревнивый
Скрипитъ подъ ножкой торопливой,
И при серебряной лунѣ
Мелькнула дѣва. Сны крылаты,
Сокройтесь, отлетите прочь!
Проснись — твоя настала ночь!
Проснися — дорогъ мигъ утраты!..
Она подходитъ; онъ лежитъ
И въ сладострастной нѣгѣ дремлетъ;
Покровъ его съ одра скользитъ
И жаркій пухъ чело объемлетъ.
Въ молчаньѣ дѣва передъ нимъ
Стоитъ недвижна, бездыханна,
Какъ лицемѣрная Діана
Предъ милымъ пастыремъ своимъ;
И вотъ, она на ложе хана
Колѣномъ опершись однимъ,
Вздохнувъ, лицо къ нему склоняетъ
Съ томленьемъ, съ трепетомъ живымъ,
И сонъ счастливца прерываетъ
Лобзаньемъ страстнымъ и нѣмымъ...

Но, други, дѣвственная лира
Умолкла подъ моей рукой,
Слабѣтъ робкій голосъ мой, —
Оставимъ юнаго Ратмира;
Не смѣю пѣсней продолжать:
Русланъ насъ долженъ занимать,
Русланъ, сей витязь безпримѣрный,
Въ душѣ герой, любовникъ вѣрный

Упорнымъ боемъ утомленъ,
Подъ богатырской головою
Онъ сладостный вкушаетъ сонъ.
Но вотъ, ужь раннею зарею
Сіяетъ тихій небосклонъ;
Все ясно; утра лучъ игривый
Главы косматой лобъ златить.
Русланъ встаетъ, — и конь ретивый
Ужь витязя стрѣлою мчить.

И дни бѣгутъ; желтѣютъ нивы;
Съ деревъ спадаетъ дряхлый листь;
Въ лѣсахъ осенній вѣтра свистъ
Пѣвицъ пернатыхъ заглушаетъ;
Тяжелый, пасмурный туманъ
Нагіе холмы обвиваетъ;
Зима приближилась, — Русланъ
Свой путь отважно продолжаетъ
На дальный сѣверъ; съ каждымъ днемъ
Преграды новыя встрѣчаетъ:
То бьется онъ съ богатыремъ,
То съ вѣдьмою, то съ великаномъ,
То лунной ночью видитъ онъ,
Какъ будто сквозь волшебный сонъ,
Окружены сѣдымъ туманомъ,
Русалки, тихо на вѣтвяхъ
Качаясь, витязя младого

Съ улыбкой хитрой на устахъ
Манять, не говоря ни слова...
Но тайнымъ промысломъ хранимъ,
Безстрашный витязь невредимъ;
Въ его душѣ желанье дремлетъ;
Онъ ихъ не видитъ, имъ не внемлетъ, —
Одна Людмила всюду съ нимъ.

Но между тѣмъ, никѣмъ не зрима,
Отъ нападений колдуна
Волшебной шапкою хранима,
Что дѣлаетъ моя княжна,
Моя прекрасная Людмила?
Она, безмолвна и уныла,
Одна гуляетъ по садамъ,
О другъ мыслить и вздыхаетъ,
Иль, волю давъ своимъ мечтамъ,
Къ родимымъ кievскимъ полямъ
Въ забвеньѣ сердца улетаетъ;
Отца и братьевъ обнимаетъ,
Подружекъ видитъ молодыхъ
И старыхъ мамушекъ своихъ —
Забуты плѣнъ и разлученье!
Но вскорѣ бѣдная княжна
Свое теряетъ заблужденье,
И вновь уныла и одна.
Рабы влюбленнаго злодѣя,
И день и ночь, сидѣть не смѣя,
Межъ тѣмъ по замку, по садамъ
Прелестной плѣнницы искали,
Метались, громко призывали,
Однако все по пустякамъ.
Людмила ими забавлялась:
Въ волшебныхъ рощахъ иногда
Безъ шапки вдругъ она являлась
И кликала: „Сюда, сюда!“
И всѣ бросались къ ней толпою,

Но въ сторону — незрима вдругъ —
Она неслышную стопою
Отъ хищныхъ убѣгала рукъ.
Вездѣ всечасно замѣчали
Ея минутные слѣды:
То позлащенные плоды
На шумныхъ вѣтвяхъ исчезали,
То капли ключевой воды
На лугъ измятый упали:
Тогда навѣрно въ замкѣ знали,
Что пьетъ иль кушаетъ княжна.
На вѣтвяхъ кедра иль березы
Скрываясь по ночамъ, она
Минутнаго искала сна —
Но только проливала слезы,
Звала супруга и покой,
Томила грустью и зѣвотой,
И рѣдко-рѣдко, предъ зарей,
Склонясь ко древу головой,
Дремала тонкою дремотой.
Едва рѣдѣла ночи мгла, —
Людмила къ водопаду шла
Умыться хладною струею:
Самъ карла утренней порою
Однажды видѣлъ изъ палатъ,
Какъ подъ невидимой рукою
Плескалъ и брызгалъ водопадъ.
Съ своей обычною тоскою
До новой ночи, здѣсь и тамъ,
Она бродила по садамъ;
Нерѣдко подъ вечеръ слышали
Ея пріятный голосокъ;
Нерѣдко въ рощахъ поднимали
Иль ея брошенный вѣнокъ,
Или клочки персидской шали,
Или заплаканный платокъ.

Жестокой страстью уязвленный,
 Досадой, злобой омраченный,
 Колдунъ рѣшился, наконецъ,
 Поймать Людмилу непременно.
 Такъ Лемноса хромой кузнецъ,
 Пріявъ супружескій вѣнецъ
 Изъ рукъ прелестной Цитереи,
 Раскинувъ сътъ ея красамъ,
 Открылъ насмѣшливымъ богамъ
 Киприды нѣжныя затѣи . . .

Скучая, бѣдная княжна
 Въ прохладѣ мраморной бесѣдки
 Сидѣла тихо близъ окна
 И сквозь колеблемыя вѣтки
 Смотрѣла на цвѣтущей лугъ.
 Вдругъ слышитъ — кличутъ: „Милый другъ!“
 И видитъ вѣрнаго Руслана:
 Его черты, походка, станъ;
 Но блѣденъ онъ, въ очахъ туманъ,
 И на бедрѣ живая рана . . .
 Въ ней сердце дрогнуло. „Русланъ!
 „Русланъ!.. Онъ, точно!“ И стрѣлою
 Къ супругу плѣнница летитъ,
 Въ слезахъ, трепеща, говоритъ:
 „Ты здѣсь . . . ты раненъ . . . что съ тобою?“
 Уже достигла, обняла . . .
 О ужась . . . призракъ исчезаетъ!
 Княжна въ сѣтяхъ; съ ея чела
 На землю шапка упадаетъ.
 Хладѣя, слышитъ грозный крикъ:
 „Она моя!“ — и въ тотъ же мигъ
 Зритъ колдуна передъ очами.
 Раздался дѣвы жалкій стонъ,
 Падетъ безъ чувствъ — и дивный сонъ
 Объялъ несчастную крылами.

Что будетъ съ бѣдною княжною!
 О, страшный видъ: волшебникъ хилый
 Ласкаетъ дерзостной рукой
 Младья прелести Людмилы!
 Ужели счастливъ будетъ онъ? *)
 Чу... вдругъ раздался рога звонъ,
 И кто-то карлу вызываетъ.
 Въ смятеньѣ, блѣдный чародѣй
 На дѣву шапку надѣваетъ;
 Трубятъ опять; звучнѣй, звучнѣй!
 И онъ летитъ къ безвѣстной встрѣчѣ,
 Закинувъ бороду за плечи.

Пѣснь пятая.

А хъ, какъ мила моя княжна! ¹
 Мнѣ нравъ ея всего дороже:
 Она чувствительна, скромна,
 Любви супружеской вѣрна,
 Немножко вѣтрена... такъ что же?
 Еще милѣе тѣмъ она.
 Всечастно прелестію новой
 Умѣетъ насъ она плѣнить;
 Скажите, можно ли сравнить

*) Въ изд. 1820 г. это мѣсто читалось такъ:
 О, страшный видъ: волшебникъ хилый
 Ласкаетъ сморщенной рукой
 Младья прелести Людмилы.
 Къ ея плѣнительнымъ устамъ
 Прильнувъ увядшими устами,
 Онъ, вопреки своимъ годамъ,
 Ужь мыслить хладными трудами
 Сорвать сей нѣжный, тайный швѣтъ,
 Хранимый Лелемъ для другого;
 Уже... но бремя позднихъ лѣтъ
 Тягчить безстыдника сѣдого —
 Стоная, дряхлый чародѣй,
 Въ бѣзсильной дерзости своей,
 Предъ сонной дѣвой упадаетъ;
 Въ немъ сердце ноетъ, плачетъ онъ,
 Но вдругъ раздался рога звонъ...

Ее съ Дельфиною суровой?
Одной — судьба послала даръ
Обворожать сердца и взоры;
Ея улыбка, разговоры
Во мнѣ любви рождаютъ жаръ.
А та — подъ юпкою гусаръ,
Лишь дайте ей усы да шпоры!
Блаженъ, кого подъ вечерокъ
Въ уединенный уголокъ
Моя Людмила поджидаетъ
И другомъ сердца назоветъ!
Но, вѣрьте мнѣ, блаженъ и тотъ,
Кто отъ Дельфиры убѣгаетъ
И даже съ нею незнакомъ.²
Да впрочемъ, дѣло не о томъ!
Но кто трубилъ? Кто чародѣя
На сѣчу грозну вызывалъ?
Кто колдуна перепугалъ?
Русланъ. Онъ, местию пламенѣя,
Достигъ обители злодѣя.
Ужь витязь подъ горой стоитъ,
Призывный рогъ какъ буря воетъ,
Нетерпѣливый конь кипитъ
И снѣгъ копытомъ мощнымъ роетъ.
Князь карлу ждетъ. Внезапно онъ
По шлему крѣпкому, стальному
Рукой незримой пораженъ;
Ударъ упалъ подобно грому;
Русланъ подьѣмлетъ смутный взоръ
И видитъ — прямо надъ главою —
Съ подъятой, страшной булавою
Летаетъ карла Черноморъ.
Щитомъ покрывшись, онъ нагнулся,
Мечемъ потрясъ и замахнулся;
Но тотъ взвился подъ облака,
На мигъ исчезъ — и свысока,
Шумя летитъ на князя снова,

Проворный витязь отлетѣлъ,
И въ снѣгъ съ размаха рокового
Колдунъ упаль — да тамъ и сѣлъ.
Русланъ, не говоря ни слова,
Съ коня долой, къ нему спѣшитъ,
Поймалъ, за бороду хватаетъ;
Волшебникъ силится, кряхтитъ,
И вдругъ съ Русланомъ улетаетъ...
Ретивый конь вослѣдъ глядитъ;
Уже колдунъ подъ облаками;
На бородѣ герой виситъ;
Летятъ надъ мрачными лѣсами,
Летятъ надъ дикими горами,
Летятъ надъ бездною морскою;
Отъ напряженья костенѣя,
Русланъ за бороду злодѣя
Упорной держится рукой.
Межъ тѣмъ, на воздухъ слабѣя
И силѣ русской изумясь,
Волшебникъ гордому Руслану
Коварно молвить: „Слушай, князь!
„Тебѣ вредить я перестану;
„Младое мужество любя,
„Забуду все, прощу тебя,
„Спущусь — но только съ уговоромъ...“
— Молчи, коварный чародѣй!
Прервалъ нашъ витязь: съ Черноморомъ,
Съ мучителемъ жены своей,
Русланъ не знаетъ договора!
Сей грозный мечъ накажетъ вора,
Лети хоть до ночной звѣзды,
А быть тебѣ безъ бороды! —
Боязнь объемлетъ Черномора;
Въ досадѣ, въ горести нѣмой,
Напрасно длинной бородой
Усталый карла погрясаеть:
Русланъ ея не выпускаетъ

И щиплетъ волосы порой.
 Два дня колдунъ героя носить,
 На третій онъ пощады просить:
 „О рыцарь, сжался надо мной;
 „Едва дышу; нѣтъ мочи болѣ;
 „Оставь мнѣ жизнь, въ твоей я волѣ;
 „Скажи — спущусь, куда велишь...“
 — Теперь ты нашъ; ага, дрожишь!
 Смирись, покорствуй русской силѣ!
 Неси меня къ моей Людмилѣ.

Смиренно внемлетъ Черноморь;
 Домой онъ съ витяземъ пустился;
 Летитъ — и мигомъ очутился
 Среди своихъ ужасныхъ горъ.
 Тогда Русланъ одной рукою
 Взялъ мечъ сраженной головы,
 И, бороду схвативъ другою,
 Отсѣкъ ее, какъ горсть травы,
 „Знай нашихъ!“ молвилъ онъ жестоко;
 „Что, хищникъ, гдѣ твоя краса?
 „Гдѣ сила?“ и на шлемъ высокій
 Съдые вяжетъ волоса;
 Свистя, зоветъ коня лихого;
 Веселый конь летитъ и ржетъ;
 Нашъ витязь карлу чуть живого
 Въ котомку за сѣдло кладетъ,
 А самъ, боясь мгновенья траты,
 Спѣшитъ на верхъ горы крутой,
 Достигъ, и съ радостной душой
 Летитъ въ волшебныя палаты.
 Вдали завидя шлемъ брадатый,
 Залогъ побѣды роковой,
 Предъ нимъ араповъ чудный рой,
 Толпы невольницъ боязливыхъ,
 Какъ призраки, со всѣхъ сторонъ
 Бѣгутъ — и скрылись. Ходитъ онъ

Одинъ средь храминъ горделивыхъ,
 Супругу милую зоветъ ³ —
 Лишь эхо сводовъ молчаливыхъ
 Руслану голосъ подаетъ;
 Въ волненьѣ чувствъ нетерпѣливыхъ
 Онъ отворяетъ двери въ садъ —
 Идетъ, идетъ — и не находитъ;
 Кругомъ смущенный взоръ обводитъ ---
 Все мертво: рощицы молчать,
 Бесѣдки пусты; на стремнинахъ,
 Вдоль береговъ ручья, въ долинахъ,
 Нигдѣ Людмилы слѣду нѣтъ,
 И ухо ничего не вномяетъ.
 Внезапный князя хладъ объемлетъ,
 Въ очахъ его темнѣетъ свѣтъ,
 Въ умѣ возникли мрачны думы...
 „Быть можетъ, горестъ... плѣнь угрюмый...
 „Минута... волны...“ Въ сихъ мечтахъ
 Онъ погруженъ. Съ нѣмой тоскою
 Поникнулъ витязь головою;
 Его томить невольный страхъ;
 Недвижимъ онъ, какъ мертвый камень;
 Мрачится разумъ; дикій пламень
 И ядъ отчаянной любви
 Уже текутъ въ его крови.
 Казалось, тѣнь княжны прекрасной
 Коснулась трепетнымъ устамъ...
 И вдругъ, неистовый, ужасный,
 Стремится витязь по садамъ;
 Людмилу съ воплемъ призываетъ,
 Съ холмовъ утесы отрываетъ,
 Все рушить, все крушить мечемъ —
 Бесѣдки, роши упадаютъ,
 Древа, мосты въ волнахъ ныряютъ,
 Степь обнажается кругомъ!
 Далеко гулы повторяютъ
 И ревъ, и трескъ, и шумъ, и громъ;

Повсюду мечъ звенить и свищеть,
 Прелестный край опустошенъ —
 Безумный витязь жертвы ищетъ,
 Съ размаха вправо, влѣво онъ
 Пустынный воздухъ разсѣкаетъ...
 И вдругъ — нечаянный ударъ
 Съ княжны невидимой сбиваетъ
 Прощальный Черномора даръ...
 Волшебства вмигъ исчезла сила:
 Въ сѣтяхъ открылася Людмила:
 Не вѣря самъ своимъ очамъ,
 Нежданнымъ счастьемъ упоенный,
 Нашъ витязь падаетъ къ ногамъ
 Подруги вѣрной, незабвенной,
 Цѣлуетъ руки, сѣти рветъ,
 Любви, восторга слезы льетъ,
 Зоветь ее — но дѣва дремлетъ,
 Сомкнуты очи и уста,
 И сладострастная мечта
 Младую грудь ея подѣмлетъ.
 Русланъ съ нея не сводитъ глазъ,
 Его терзаетъ вновь кручина...
 Но вдругъ знакомый слышитъ гласъ,
 Гласъ добродѣтельнаго Финна:

„Мужайся, князь! Въ обратный путь
 „Ступай со спящею Людмилой;
 „Наполни сердце новой силой,
 „Любви и чести вѣренъ будь;
 „Небесный громъ на злобу грянетъ,
 „И воцарится тишина —
 „И въ свѣтломъ Кіевѣ княжна
 „Передъ Владиміромъ возстанетъ
 „Отъ очарованнаго сна.“

Русланъ, симъ гласомъ оживленный,
 Беретъ въ объятія жену,

И тихо съ ношей драгоцѣнной
Онъ оставляетъ вышину
И сходить въ доль уединенный.

Въ молчаньѣ, съ карлой за сѣдломъ,
Поѣхалъ онъ своимъ путемъ;
Въ его рукахъ лежитъ Людмила,
Свѣжа какъ вешняя заря,
И на плечо богатыря
Лицо спокойное склонила.
Власами, свитыми въ кольцо,
Пустынный вѣтерокъ играетъ;
Какъ часто грудь ея вздыхаетъ!
Какъ часто тихое лицо
Мгновенной розою пылаетъ!
Любовь и тайная мечта
Руслановъ образъ ей приносятъ,
И съ томнымъ шопотомъ уста
Супруга имя произносятъ...
Въ забвеньѣ сладкомъ ловить онъ
Ея волшебное дыханье,
Улыбку, слезы, нѣжный стонъ
И сонныхъ персей волнованье...

Межъ тѣмъ по доламъ, по горамъ,
И въ бѣлый день, и по ночамъ,
Нашъ витязь ѣдетъ непрестанно.
Еще далекъ предѣлъ желанный,
А дѣва спить. Но юный князь,
Безплоднымъ пламенемъ томясь,
Ужель, страдалецъ постоянный,
Супругу только сторожилъ,
И въ цѣломудренномъ мечтаньѣ,
Смиривъ нескромное желанье,
Свое блаженство находилъ?
Монахъ, который сохранилъ
Потомству вѣрное преданье

О славномъ витязѣ моемъ,
Насъ увѣряетъ смѣло въ томъ. —
И вѣрю я! Безъ раздѣленья
Унылы, грубы наслажденья:
Мы прямо счастливы вдвоемъ. ⁴
Пастушки! Сонъ княжны прелестнои
Не походилъ на ваши сны,
Порой томительной весны,
На муравъ, въ тѣни древесной.
Я помню маленькій лужокъ
Среди березовой дубравы,
Я помню темный вечерокъ,
Я помню Лиды сонъ лукавый . . .
Ахъ! первый поцѣлуй любви
Дрожащій, легкій, торопливый
Не разогналъ, друзья мои,
Ея дремоты терпѣливой . . . ⁵
Но полно, я болтаю вздоръ!
Къ чему любви воспоминанье?
Ея утѣха и страданье
Забыты мною съ давнихъ поръ,
Теперь влекутъ мое вниманье
Княжна, Русланъ и Черноморь.

Предъ ними стелется равнина,
Гдѣ ели изрѣдка взошли;
И грознаго холма вдали
Чернѣетъ круглая вершина
Небесъ на яркой синевѣ.
Русланъ глядитъ — и догадался,
Что подѣзжаетъ къ головѣ.
Быстрѣе борзый конь помчался;
Ужь видно чудо изъ чудесъ:
Она глядитъ недвижнымъ окомъ;
Власы ея какъ черный лѣсъ,
Поросшій на челѣ высокомъ;
Ланиты жизни лишены,

Свинцовой блѣдностью покрыты;
 Уста огромныя открыты,
 Огромны зубы стѣснены...
 Надъ полумертвой головою
 Послѣдній день ужь тяготѣлъ.
 Къ ней храбрый рыцарь прилетѣлъ
 Съ Людмилой, съ карлой за спиною.
 Онъ крикнулъ: „Здравствуй, голова!
 „Я здѣсь! наказанъ твой измѣнникъ!
 „Гляди: вотъ онъ, злодѣй нашъ — плѣнникъ!“
 И князя гордыя слова
 Ес внезапно оживили,
 На мигъ въ ней чувство разбудили,
 Очнулась, будто ото сна,
 Взглянула, страшно застонала...
 Узнала витязя она,
 И брата съ ужасомъ узнала.
 Надулись ноздри; на щекахъ
 Багровый огонь еще родился,
 И въ умирающихъ глазахъ
 Послѣдній гнѣвъ изобразился.
 Въ смятенѣ, въ бѣшенствѣ нѣмомъ
 Она зубами скрежетала,
 И брату хладнымъ языкомъ
 Укоръ невнятный лепетала...
 Уже ея въ тотъ самый часъ
 Кончалось долгое страданье *):
 Чела мгновенный пламень гасъ,
 Слабѣло тяжкое дыханье,
 Огромный закатился взоръ,
 И вскорѣ князь и Черноморъ

*) Въ изд. 1820 г. было:

Въ рукахъ Руслана чародѣй
 Томился въ мукахъ ожиданья:
 И князь не могъ отвѣсть очей
 Отъ непонятнаго созданья...
 Но головы въ тотъ самый часъ
 Кончалось долгое страданье.

Узрѣли смерти содроганье . . .
Она почила вѣчнымъ сномъ.
Въ молчаньѣ витязь удалился;
Дрожащій карликъ за сѣдломъ
Не смѣлъ дышать, не шевелился,
И чернокнижнымъ языкомъ
Усердно демонамъ молился.

На склонѣ темныхъ береговъ
Какой-то рѣчки безымянной,
Въ прохладномъ сумракѣ лѣсовъ,
Стоялъ поникшей хаты кровъ,
Густыми соснами вѣнчанный.
Въ теченьѣ медленномъ рѣка
Вблизи плетень изъ тростника
Волною сонной омывала,
И вокругъ него едва журчала
При легкомъ шумѣ вѣтерка.
Долина въ сихъ мѣстахъ таилась,
Уединенна и темна;
И тамъ, казалось, тишина
Съ начала міра воцарилась.
Русланъ остановилъ коня.
Все было тихо, безмятежно;
Отъ разсвѣтающаго дня
Долина съ рощею прибрежной
Сквозь утренній сіяла дымъ.
Русланъ на лугъ жену слагаетъ,
Садится близъ нея, вздыхаетъ
Съ уныньемъ сладкимъ и нѣмымъ;
И вдругъ онъ видитъ предъ собою
Смиренный парусъ челнока
И слышитъ пѣсню рыбака
Надъ тихоструйною рѣкою.
Раскинувъ неводъ по волнамъ,
Рыбакъ, на весла наклоненный,
Плыветъ къ лѣсистымъ берегамъ,

Къ порогу хижины смиренной.
 И видитъ добрый князь Русланъ:
 Челнокъ ко берегу приплываетъ;
 Изъ темной хаты выбѣгаетъ
 Младая дѣва; стройный станъ,
 Власы небрежно распущенны,
 Улыбка, тихій взоръ очей,
 И грудь, и плечи обнаженны,
 Все мило, все плѣняетъ въ ней.
 И вотъ, они, обнявъ другъ-друга,
 Садятся у прохладныхъ водъ,
 И часъ безпечнаго досуга
 Для нихъ съ любовью настаеть.
 Но въ изумленьѣ молчаливомъ
 Кого же въ рыбацкѣ счастливомъ
 Нашъ юный витязь узнаеть?
 Хазарскій ханъ, избранный славой,
 Ратмиръ, въ любви, въ войнѣ кровавой
 Его соперникъ молодой,
 Ратмиръ въ пустынѣ безмятежной
 Людмилу, славу позабылъ,
 И имъ навѣки измѣнилъ
 Въ объятяхъ подруги нѣжной.

Герой приближился, и вмигъ
 Отшельникъ узнаеть Руслана,
 Встаетъ, летить. Раздался крикъ —
 И обнялъ князь младого хана.
 „Что вижу я?“ спросилъ герой:
 „Зачѣмъ ты здѣсь? зачѣмъ оставилъ
 „Тревоги жизни боевой,
 „И мечъ, который ты прославилъ?“
 — Мой другъ, отвѣтствовалъ рыбацъ:
 Душѣ наскучилъ бранной славы
 Пустой и гибельный призракъ.
 Повѣрь, невинныя забавы,
 Любовь и мирныя дубравы

Милѣ сердцу во сто кратъ.
Теперь, утративъ жажду брани,
Престалъ платить безумству дани,
И, вѣрнымъ счастиемъ богатъ,
Я все забылъ, товарищъ милый,
Все, даже прелести Людмилы. —
„Любезный ханъ, я очень радъ!“
Сказалъ Русланъ: „она со мною“.
— Возможно ли, какой судьбою?
Что слышу? Русская княжна...
Она съ тобою, гдѣ жь она?
Позволь... но нѣтъ, боюсь измѣны;
Моя подруга мнѣ мила;
Моей счастливой перемѣны
Она виновницей была;
Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость!
Она мнѣ возвратила вновь
Мою утраченную младость,
И миръ, и чистую любовь.
Напрасно счастье мнѣ сулили
Уста волшебницъ молодыхъ;
Двѣнадцать дѣвъ меня любили:
Я для нея покинулъ ихъ,
Оставилъ теремъ ихъ веселый,
Въ тѣни хранительныхъ дубровъ,
Сложилъ и мечъ, и шлемъ тяжелый,
Забылъ и славу, и враговъ;
Отшельникъ мирный и безвѣстный,
Остался въ счастливой глуши
Съ тобой, другъ милый, другъ прелестный,
Съ тобою, свѣтъ моей души! —

Пастушка милая внимала
Друзей открытый разговоръ
И, устремивъ на хана взоръ,
И улыбалась, и вздыхала.
Рыбакъ и витязъ на брегахъ

До темной ночи просидѣли
 Съ душой и сердцемъ на устахъ.
 Часы невидимо летѣли.
 Чернѣетъ лѣсъ, темна гора;
 Встаетъ луна — все тихо стало;
 Герою въ путь давно пора.
 Накинувъ тихо покрывало
 На дѣву спящую, Русланъ
 Идетъ и на коня садится;
 Задумчиво безмолвный ханъ
 Душой вослѣдъ ему стремится,
 Руслану счастья, побѣдъ,
 И славы, и любви желаетъ,
 И думы гордыхъ, юныхъ лѣтъ
 Невольной грустью оживляетъ.

Зачѣмъ судьбой не суждено
 Моей непостоянной лирѣ
 Геройство воспѣвать одно,
 И съ нимъ (незнаемая въ мѣрѣ)
 Любовь и дружбу старыхъ лѣтъ?
 Печальной истины поэтъ,
 Зачѣмъ я долженъ для потомства
 Порокъ и злобу обнажать,
 И тайны козни вѣроломства
 Въ правдивыхъ пѣсняхъ обличать?

Княжны искатель недостойный,
 Охоту къ славѣ потерявъ,
 Никѣмъ неизвестный, Фарлафъ
 Въ пустынѣ дальней и спокойной
 Скрывался и Наины ждалъ.
 И часъ торжественный насталь:
 Къ нему волшебница явилась,
 Вѣщая: „Знаешь ли меня?
 „Ступай за мной, сѣдай коня!“
 И вѣдьма кошкой обратилась,

Осѣдланъ конь; она пустилась
Тропами мрачными дубравъ;
За нею слѣдуетъ Фарлафъ.

Долина тихая дремала,
Въ ночной одѣтая туманъ;
Луна во мглѣ перебѣгала
Изъ тучи въ тучу, и курганъ
Мгновеннымъ блескомъ озаряла.
Подъ нимъ въ безмолвіи Русланъ
Сидѣлъ съ обычною тоскою
Предъ усыпленную княжнюю;
Глубоку думу думалъ онъ,
Мечты летѣли за мечтами,
И непримѣтно вѣялъ сонъ
Надъ нимъ холодными крылами.
На дѣву смутными очами
Въ дремотѣ томной онъ взглянулъ
И, утомленную главою
Склоняясь къ ногамъ ея, заснулъ.

И снится вѣщій сонъ герою:
Онъ видитъ, будто бы княжна
Надъ страшной бездны глубиною
Стоитъ, недвижна и блѣдна...
И вдругъ Людмила исчезаетъ,
Стоитъ одинъ надъ бездной онъ...
Знакомый гласъ, призывный стонъ
Изъ тихой бездны вылетаетъ...
Русланъ стремится за женой;
Стремглавъ летитъ во тьмѣ глубокой...
И видитъ вдругъ передъ собой:
Владиміръ въ-gridницѣ высокой,
Въ кругу сѣдыхъ богатырей,
Между двѣнадцатю сынами,
Съ толпою названныхъ гостей,
Сидитъ за браными столами.

И такъ же гнѣвенъ старый князь,
 Какъ въ день ужасный разставанья;
 И всѣ сидятъ, не шевелясь,
 Не смѣя перервать молчанья.
 Утихъ веселый шумъ гостей,
 Не ходитъ чаша круговая...
 И видитъ онъ среди гостей
 Въ бою сраженнаго Рогдая;
 Убитый, какъ живой, сидитъ;
 Изъ опѣннаго стакана
 Онъ весель, пьеть и не глядитъ
 На изумленнаго Руслана.
 Князь видитъ и младого хана,
 Друзей и недруговъ... и вдругъ
 Раздался гуслей бѣглый звукъ
 И голосъ вѣщаго баяна,
 Пѣвца героевъ и забавъ.
 Вступаетъ въ гридницу Фарлафъ,
 Ведетъ онъ за руку Людмилу;
 Но старецъ, съ мѣста не привставъ,
 Молчитъ, склонивъ главу унылу;
 Князья, бояре — всѣ молчать,
 Душевные движенья кроя,
 И все исчезло — смертный хладъ
 Объемлетъ спящаго героя.
 Въ дремоту тяжко погруженъ,
 Онъ льетъ мучительныя слезы,
 Въ волненьѣ мыслить: „Это сонъ!“
 Томится, но зловѣщей грезы,
 Увы, прервать не въ силахъ онъ.

Луна чуть свѣтитъ надъ горою;
 Объяты рощи темнотою;
 Долина въ мертвой тишинѣ...
 Измѣнникъ ѣдетъ на конѣ.

Предъ нимъ открылася поляна;
 Онъ видитъ сумрачный курганъ;

У ногъ Людмилы спитъ Русланъ,
 И ходитъ конь кругомъ кургана.
 Фарлафъ съ боязнію глядитъ;
 Въ туманѣ вѣдьма исчезаетъ;
 Въ немъ сердце замерло, дрожитъ;
 Изъ хладныхъ рукъ узду роняетъ,
 Тихонько обнажаетъ мечъ,
 Готовясь витязя безъ боя
 Съ размаха на-двое разсѣчь...
 Къ нему подѣхаль. Конь героя,
 Врага почуя, закипѣлъ,
 Заржалъ и топнулъ. Знакъ напрасный!
 Русланъ не внемлетъ — сонъ ужасный,
 Какъ грузъ, надъ нимъ отяготѣлъ!..
 Измѣнникъ, вѣдьмой ободренный,
 Герою въ грудь рукой презрѣнной
 Вонзаетъ трижды хладну сталь...
 И мчится боязливо вдаль
 Съ своей добычей драгоцѣнной.

Всю ночь безчувственный Русланъ
 Лежалъ во мракѣ подъ горою.
 Часы летѣли. Кровь рѣкою
 Текла изъ воспаленныхъ ранъ.
 Поутру, взоръ открывъ туманный,
 Пуская тяжкій, слабый стонъ,
 Съ усильемъ приподнялся онъ,
 Взглянулъ, поникъ главою бранной —
 И палъ недвижный, бездыханный.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Ты мнѣ велишь, о другъ мой нѣжный, ¹
 На лирѣ легкой и небрежной
 Старинны были напѣвать,
 И музѣ вѣрной посвящать
 Часы безцѣннаго досуга...

Ты знаешь, милая подруга:
 Поссорясь съ вѣтреной молвой,
 Твой другъ, блаженствомъ упоенный,
 Забыль и трудъ уединенный,
 И звуки лиры дорогой.
 Отъ гармонической забавы
 Я, нѣгой упоенъ, отвыкъ . . .
 Дышу тобой — и гордой славы
 Невнятенъ мнѣ призывный кликъ!
 Меня покинулъ тайный геній
 И вымысловъ, и сладкихъ думъ;
 Любовь и жажда наслажденій
 Однѣ преслѣдуютъ мой умъ. ²
 Но ты велишь, но ты любила
 Разказы прежніе мои,
 Преданья славы и любви;
 Мой богатырь, моя Людмила,
 Владиміръ, вѣдьма, Черноморъ
 И Финна, вѣрныя печали,
 Твое мечтанье занимали;
 Ты, слушая мой легкій вздоръ,
 Съ улыбкой иногда дремала,
 Но иногда свой нѣжный взоръ
 Нѣжнѣе на пѣвца бросала . . .
 Рѣшусь; влюбленный говорунъ,
 Касаюсь вновь лѣнивыхъ струнъ;
 Сажусь у ногъ твоихъ, и снова
 Бренчу ³ про витязя младого.

Но что сказалъ я? Гдѣ Русланъ?
 Лежить онъ мертвый въ чистомъ полѣ;
 Ужь кровь его не льется болѣ;
 Надъ нимъ летаетъ жадный вранъ;
 Безгласенъ рогъ, недвижны латы,
 Не шевелится шлемъ косматый.

Вокругъ Руслана ходитъ конь,
 Поникнувъ гордой головою;

Въ его глазахъ исчезъ огонь;
Не машеть гривой золотою,
Не тѣшится, не скачетъ онъ
И ждетъ, когда Русланъ воспрянетъ...
Но князя крѣпокъ хладный сонъ,
И долго щить его не грянетъ. ⁴

А Черноморъ? Онъ за сѣдломъ,
Въ котомкѣ, вѣдьмою забытый,
Еще не знаетъ ни о чемъ.
Усталый, сонный и сердитый,
Княжну, героя моего
Бранилъ отъ скуки молчаливо.
Не слыша долго ничего,
Волшебникъ выглянулъ — о диво!
Онъ видитъ: богатырь убитъ,
Въ крови потопленный лежитъ;
Людмилы нѣтъ, все пусто въ полѣ;
Злодѣй отъ радости дрожитъ
И мнить: „Свершилось, я на волѣ!“
Но старый карла былъ не правъ.

Межъ тѣмъ, Наиной осѣненный
Съ Людмилой, тихо усыпленной,
Стремится къ Кіеву Фарлафъ;
Летить, надежды, страха полный;
Предъ нимъ уже днѣпровски волны
Въ знакомыхъ пажитяхъ шумятъ;
Ужъ видитъ златоверхій градъ;
Уже Фарлафъ по граду мчится,
И шумъ на стогнахъ возстаетъ;
Въ волненьѣ радостномъ народъ
Валить за всадникомъ, тѣснится;
Бѣгутъ обрадовать отца —
И вотъ, измѣнникъ у крыльца. ⁵

Влача въ душѣ печали бремя,
Владиміръ-солнышко въ то время

Въ высокомъ теремѣ своемъ
Сидѣлъ, томясь привычной думой.
Бояре, витязи кругомъ
Сидѣли съ важностью угрюмой.
Вдругъ внемлетъ онъ передъ крыльцомъ
Волненье, крики, шумъ чудесный;
Дверь отворилась; передъ нимъ
Явился воинъ неизвѣстный;
Всѣ встали съ шопотомъ глухимъ,
И вдругъ смутились, зашумѣли:
„Людмила здѣсь! Фарлафъ... ужели?“
Въ лицѣ печальномъ измѣнясь,
Встаетъ со стула старый князь,
Спѣшитъ тяжелыми шагами
Къ несчастной дочери своей,
Подходить, отчими руками
Онъ хочетъ прикоснуться къ ней;
Но дѣва милая не внемлетъ
И, очарованная, дремлетъ
Въ рукахъ убійцы. Всѣ глядятъ
На князя въ смутномъ ожиданьи;
И старецъ безпокойный взглядъ
Вперилъ на витязя въ молчаньи.
Но хитро персть къ устамъ прижавъ,
„Людмила спитъ!“ сказалъ Фарлафъ:
„Я такъ нашелъ ее недавно
„Въ пустынныхъ муромскихъ лѣсахъ
„У злого лѣшаго въ рукахъ;
„Тамъ совершилось дѣло славно:
„Три дня мы бились; луна
„Надъ боемъ трижды подымалась;
„Онъ палъ, а юная княжна
„Мнѣ въ руки сонною досталась,
„И кто прерветъ сей дивный сонъ?
„Когда настанетъ пробужденье?
„Не знаю — скрыть судьбы законъ!

„А намъ надежда и терпѣнье
„Однѣ остались въ утѣшенъе.“

И вскорѣ съ вѣстью роковой
Молва по граду полетѣла;
Народа пестрою толпой
Градская площадь закипѣла;
Печальный теремъ всѣмъ открыть;
Толпа волнуется, валить
Туда, гдѣ на одрѣ високомъ,
На одѣялѣ парчевомъ
Княжна лежитъ во снѣ глубокомъ;
Князья и витязи кругомъ
Стоять унылы; гласы трубны,
Рога, тимпаны, гусли, бубны
Гремятъ надъ нею. Старый князь,
Тоской тяжелой изнурясь,
Къ ногамъ Людмилы сѣдинами
Приникъ съ безмолвными слезами;
И блѣдный близъ него Фарлафъ
Въ нѣмомъ раскаянѣ, въ досадѣ,
Трепещеть, дерзость потерявъ.

Настала ночь. Никто во градѣ
Очей безсонныхъ не смыкалъ;
Шумя, тѣснились всѣ другъ къ другу;
О чудѣ всякій толковалъ;
Мдадой супругъ свою супругу
Въ свѣтлицѣ скромной забывалъ.
Но только свѣтъ луны двурогой
Исчезъ предъ утренней зарей,
Весь Кіевъ новою тревогой
Смутился. Клики, шумъ и вой
Возникли всюду. Кіевляне
Толпяся на стѣнѣ градской
И видятъ: въ утреннемъ туманѣ
Шатры бѣлѣютъ за рѣкой,

Щиты какъ зарево блистають,
 Въ поляхъ наѣздники мелькають,
 Вдали, подъемля черный прахъ,
 Идутъ походныя телѣги,
 Костры пылають на холмахъ. . . .
 Бѣда, возстали печенѣги! ⁶

Но въ это время вѣщій Финнъ,
 Духовъ могучій властелинъ,
 Въ своей пустынѣ безмятежной,
 Съ спокойнымъ сердцемъ ожидалъ,
 Чтобъ день судьбины неизбѣжной,
 Давно предвидѣнный, возсталъ.

Въ нѣмой глуши степей горючихъ,
 За дальней цѣпью дикихъ горъ,
 Жилища вѣтровъ, бурь гремячихъ,
 Куда и вѣдмы смѣлый взоръ
 Проникнуть въ поздній часъ боится,
 Долина чудная таится,
 И въ той долинѣ два ключа:
 Одинъ течетъ волной живою,
 По камнямъ весело журча;
 Тотъ льется мертвою водою.
 Кругомъ все тихо, вѣтры спятъ,
 Прохлада вешняя не вѣетъ,
 Столѣтні сосны не шумятъ,
 Не вьются птицы, лань не смѣетъ
 Въ жаръ лѣтній пить изъ тайныхъ водъ;
 Чета духовъ съ начала міра,
 Безмолвная на лонѣ мира,
 Дремучій берегъ стережетъ. . . .
 Съ двумя кувшинами пустыми
 Предсталъ отшельникъ передъ ними;
 Прервали духи дивный сонъ
 И удалились, страха полны.
 Склонившись, погружаетъ онъ

Сосуды въ дѣвственныя волны;
 Наполнилъ, въ воздухѣ пропаль,
 И очутился въ два мгновенья
 Въ долинѣ, гдѣ Русланъ лежалъ
 Въ крови, безгласный, безъ движенья;
 И сталъ надъ рыцаремъ старикъ,
 И вспрыснулъ мертвою водою —
 И раны засіяли вмигъ,
 И трупъ чудесной красотой
 Процвѣлъ; тогда водой живою
 Героя старецъ окропилъ,
 И бодрый, полный новыхъ силъ,
 Трепеща жизнью молодою
 Встаетъ Русланъ, на ясный день
 Очами жадными взираетъ;
 Какъ безобразный сонъ, какъ тѣнь,
 Предъ нимъ минувшее мелькаетъ.
 Но гдѣ Людмила? Онъ одинъ!
 Въ немъ сердце, вспыхнувъ, замираетъ.
 Вдругъ витязь вспрынулъ. Вѣщій Финнъ
 Его зоветъ и обнимаетъ:
 „Судьба свершилась, о мой сынъ!
 „Тебя блаженство ожидаетъ;
 „Тебя зоветъ кровавый пиръ;
 „Твой грозный мечъ бѣдою грянетъ;
 „На Кіевъ снидетъ кроткій миръ,
 „И тамъ она тебѣ предстанетъ.
 „Возьми завѣтное кольцо,
 „Коснися имъ чела Людмилы, —
 „И тайныхъ чаръ исчезнутъ силы;
 „Враговъ смутитъ твое лицо;
 „Настанетъ миръ, погибнетъ злоба.
 „Достойны счастья будьте оба.
 „Прости надолго, витязь мой!
 „Дай руку... тамъ, за дверью гроба —
 „Не прежде — свидимся съ тобой!“

Сказалъ, исчезнулъ. Упоенный
Восторгомъ пылкимъ и нѣмымъ,
Русланъ, для жизни пробужденный,
Подъемлетъ руки вслѣдъ за нимъ...
Но ничего не слышно болѣ!
Русланъ одинъ въ пустынномъ полѣ;
Запрыгавъ, съ карлой за сѣдломъ,
Руслановъ конь нетерпѣливый
Бѣжитъ и ржетъ, махая гривой;
Ужъ князь готовъ, ужъ онъ верхомъ,
Ужъ онъ летитъ, живой и здравый,
Черезъ поля, черезъ дубравы.

Но между тѣмъ — какой позоръ
Являетъ Кіевъ осажденный!
Тамъ, устремивъ на нивы взоръ,
Народъ, уныньемъ пораженный,
Стоитъ на башняхъ и стѣнахъ
И въ страхѣ ждетъ небесной казни;
Стенанья робкія въ домахъ,
На стогнахъ тишина боязни.
Одинъ, близъ дочери своей,
Владиміръ въ горестной молитвѣ;
И храбрый сонмъ богатырей
Съ дружиной вѣрною князей
Готовится къ кровавой битвѣ.

И день насталъ. Толпы враговъ
Съ зарею двинулись съ холмовъ;
Неукротимыя дружины,
Волнуясь, хлынули съ равнины
И потекли къ стѣнѣ градской;
Во градѣ трубы загремѣли,
Бойцы сомкнулись, полетѣли
Навстрѣчу рати удалой,
Сошлись — и заварился бой.
Почуя смерть, взыграли кони,

Пошли стучать мечи о брони,
Со свистомъ туча стрѣлъ взвилась;
Равнина кровью залилась;
Стремглавъ наѣздники помчались;
Дружины конныя смѣшались;
Сомкнутой, дружною стѣной
Тамъ рубится со строемъ строй;
Со всадникомъ тамъ пѣшій бьется;
Тамъ конь испуганный несется;
Тамъ русскій палъ, тамъ печенѣгъ,
Тамъ клики битвы, тамъ побѣгъ;
Тотъ опрокинуть булавою,
Тотъ легкой пораженъ стрѣлою;
Другой, придавленный щитомъ,
Растоптанъ бѣшенымъ конемъ...
И длился бой до темной ночи;
Ни врагъ, ни нашъ не одолѣлъ.
За горами кровавыхъ тѣлъ
Бойцы сомкнули томны очи,
И крѣпокъ былъ ихъ бранный сонъ;
Лишь изрѣдка на полѣ битвы
Былъ слышенъ падшихъ скорбный стогъ
И русскихъ витязей молитвы.

Блѣднѣла утренняя тѣнь,
Волна серебрилася въ потокѣ,
Сомнительный рождался день
На отуманенномъ востокѣ.
Яснѣли холмы и лѣса,
И просыпались небеса.
Еще въ бездѣйственномъ покоѣ
Дремало поле боевое;
Вдругъ сонъ прервался; вражій станъ
Съ тревогой шумною воспрянулъ,
Внезапный крикъ сраженій грянулъ;
Смутилось сердце кievлянъ;
Бѣгутъ нестройными толпами

И видятъ: въ полѣ, межъ врагами,
Блестая въ латахъ какъ въ огнѣ,
Чудесный воинъ на конѣ
Грозой несется, колетъ, рубить,
Въ ревущій рогъ, летая, трубить...
То былъ Русланъ. Какъ божій громъ
Нашъ витязь палъ на басурмана;
Онъ рыщетъ, съ карлой за сѣдломъ,
Среди испуганнаго стана.
Гдѣ ни просвищетъ грозный мечъ,
Гдѣ конь сердитый ни промчится,
Вездѣ главы слетаютъ съ плечъ,
И съ воплемъ строй на строй валится;
Въ одно мгновенье бранный лугъ
Покрываетъ холмами тѣль кровавыхъ,
Живыхъ, раздавленныхъ, безглавыхъ,
Громадой копій, стрѣлъ, кольчугъ...
На трубный звукъ, на голосъ боя
Дружины конныя славянъ
Помчались по слѣдамъ героя,
Сразились... гибни, басурманъ!
Объемлетъ ужасъ печенѣговъ;
Питомцы бурные набѣговъ
Зовутъ разсѣянныхъ коней;
Противиться не смѣютъ болѣ,
И съ дикимъ воплемъ въ пыльномъ полѣ
Бѣгутъ отъ кievскихъ мечей,
Обречены на жертву аду;
Ихъ сонмы русскій мечъ казнить;
Ликуеть Кіевъ... Но по граду
Могучій богатырь летитъ;
Въ десницѣ держитъ мечъ побѣдный;
Копье сіяетъ какъ звѣзда;
Струится кровь съ кольчуги мѣдной;
На шлемѣ вьется борода;
Летитъ, надеждой окрыленный,
По стогнамъ шумнымъ въ княжій домъ,

Народъ, восторгомъ упоенный,
Толпится съ кликами кругомъ, —
И князя радость оживила;
Въ безмолвный теремъ входитъ онъ,
Гдѣ дремлетъ чуднымъ сномъ Людмила;
Владиміръ, въ думу погружень,
У ногъ ея стоялъ унылый.
Онъ былъ одинъ. Его друзей
Война влекла въ поля кровавы.
Но съ нимъ Фарлафъ, чуждаясь славы,
Вдали отъ вражескихъ мечей,
Въ душѣ презрѣвъ тревоги стана,
Стоялъ на стражѣ у дверей.
Едва злодѣй узналъ Руслана,
Въ немъ кровь остыла, взоръ погасъ,
Въ устахъ открытыхъ замеръ гласъ,
И палъ безъ чувствъ онъ на колѣна...
Достойной казни ждетъ измѣна!
Но, помня тайный даръ кольца,
Русланъ летитъ къ Людмилѣ спящей,
Ея спокойнаго лица
Касается рукой дрожащей...
И, чудо — юная княжна,
Вздохнувъ, открыла свѣтлы очи!
Казалось, будто бы она
Дивилася столь долгой ночи;
Казалось, что какой-то сонъ
Ее томилъ мечтой неясной;
И вдругъ узнала — это онъ!
И князь въ объятіяхъ прекрасной.
Воскреснувъ пламенной душой,
Русланъ не видитъ, не внимаетъ,
И старецъ въ радости нѣмой,
Рыдая, милыхъ обнимаетъ.

Чѣмъ кончу длинный мой рассказъ?
Ты угадаешь, другъ мой милый!

Неправый старца гнѣвъ погасъ;
 Фарлафъ предъ нимъ и предъ Людмилой
 У ногъ Руслана объявилъ
 Свой стыдъ и мрачное злодѣйство;
 Счастливый князь ему простилъ;
 Лишенный силы чародѣйства,
 Былъ принятъ карла во дворецъ;
 И, бѣдствій праздную конецъ,
 Владиміръ въ гридницѣ высокой
 Запироваль въ семьѣ своей.

Дѣла давно минувшихъ дней,
 Преданья старины глубокой ?

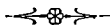

Э п и л о г ъ .

Т акъ, міра житель равнодушный,
 На лонѣ праздной тишины,
 Я славилъ лирою послушной
 Преданья темной старины.
 Я пѣлъ — и забываль обиды
 Слѣпого счастья и враговъ,
 Измѣны вѣтреной Дориды
 И сплетни шумныя глупцовъ.
 На крыльяхъ вымысла носимый,
 Ужь улеталь за край земной;
 И между тѣмъ грозы незримой
 Сбиралась туча надо мной!..
 Я погибаль... Святой хранитель
 Первоначальныхъ, бурныхъ дней,
 О дружба, нѣжный утѣшитель
 Болѣзненной души моей! ¹
 Ты умолила непогоду,
 Ты сердцу возвратила миръ,
 Ты сохранила мнѣ свободу,

Кипящей младости кумиръ!
Забытый свѣтомъ и молвою, ²
Далече отъ бреговъ Невы,
Теперь я вижу предъ собою
Кавказа гордыя главы.
Надъ ихъ вершинами крутыми,
На скатѣ каменныхъ стремнинъ,
Питаюсь чувствами нѣмыми
И чудной прелестью картинъ
Природы дикой и угрюмой;
Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой —
Но огонь поэзіи погасъ.
Ищу напрасно впечатлѣній! ³
Она прошла, пора стиховъ,
Пора любви, веселыхъ сновъ,
Пора сердечныхъ вдохновеній! ⁴
Восторговъ ⁵ краткій день протекъ ---
И скрылась отъ меня навѣкъ
Богиня тихихъ пѣснопѣній... ⁶

26 іюня 1820. Кавказъ.

Кавказскій Плѣнникъ.

1820-1821.

Oh felice chi mai non pose il piede
Fuori della nativa sua dolce terra:
Egli il cuor non lascia fitto in oggetto
Che di più riveder non ha speranza,
E ciò, che vive, morto non plange.

Pindemonte.

Gieb meine Jugend mir zurück!

Goethe.

Удаленный изъ Петербурга по Высочайшему повелѣнію 5 мая 1820 г., Пушкинъ долженъ былъ отправиться на службу въ Екатеринославъ, въ канцелярію главнаго попечителя колонистовъ Южнаго края, генераль-лейтенанта Инзова, которому министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Несельроде написалъ по этому поводу особое письмо, одобренное государемъ, съ характеристикой молодого поэта (см. Рус. Стар. 1887, т. 53, стр. 239-240). Вскорѣ послѣ пріѣзда на мѣсто своего назначенія Пушкинъ заболѣлъ, — по всей вѣроятности, рецидивомъ прежней болѣзни. Больного принялъ на свое попеченіе генераль Раевскій, случайно въ это время проѣзжавшій черезъ Екатеринославъ, по дорогѣ къ Кавказу, и упросившій Инзова отпустить поэта вмѣстѣ съ нимъ на минеральныя воды. Семейство Раевскихъ отправилось черезъ землю Войска Донскаго въ Ставрополь, Георгіевскъ и Горячеводскъ, гдѣ Пушкинъ вскорѣ оправился отъ своей болѣзни и написалъ эпилогъ къ „Руслану и Людмилѣ“, помѣченный: „26 іюня 1820. Кавказъ“. Величественная природа Кавказа сильно поразила воображеніе Пушкина, и девять лѣтъ спустя, въ первой главѣ своего „Путешествія въ Арзрумъ“, онъ еще вспоминалъ это первое впечатлѣніе. Съ Кавказскихъ водъ поэтъ, вмѣстѣ съ Раевскими, поѣхалъ землею Черноморскихъ казаковъ въ Крымъ. „Онъ ѣхалъ по Кубани, бокъ-о-бокъ съ воинственными и всегда опасными племенами черкесовъ. Усть-Лабинская крѣпость, столица черноморцевъ Екатеринодаръ, — были наполнены воспоминаніями ихъ набѣговъ и геройскихъ подвиговъ казаковъ. Путешественниковъ во многихъ мѣстахъ сопровождалъ конвой съ заряженной пушкой, и Пушкинъ радовался военной обстановкѣ своего вояжа, любовался казаками, шумомъ и говоромъ, сопровождавшими переѣздъ его. Поэма, связанная съ Кавказомъ и бытомъ его обитателей, уже тогда представлялась его воображенію...“ (Анн. Мат. 68).

Первая мысль этой поэмы выразилась въ небольшомъ отрывкѣ, набросанномъ въ августѣ 1820 года, во время пребыванія Пушкина въ Юрзуфѣ. Въ записной книжкѣ поэта, хранящейся въ И. П. Б-кѣ, этотъ отрывокъ озаглавленъ: „Кавказъ, поэма“, съ припиской: „1820. Августъ. Юрзуфъ“, и сопровождается нѣсколькими программами:

1. [Буря. Бешту. Пѣснь. Игры. Черкесь. Дѣва. Воспоминанья]. Нападенье. (Прощанья). Побѣгъ.

2. Черкесь. Бой. Бѣгъ. Ауль. Плѣнникъ. Дѣва. (Къ этой программѣ относятся приводимые ниже стихи).

3. Ауль. Плѣнникъ. Дѣва. Любовь. Бешту. Черкесы. Пыры. Пѣсни. Воспоминанья. Тайна. Набѣгъ. Ночь. Побѣгъ.

I.

Одинъ, въ глуши кавказскихъ горъ,
 Покрытый буркой боевою,
 Черкесь надъ шумною рѣкою
 Въ кустахъ таился. Жадный взоръ
 Онъ устремлялъ на путь далекій,
 Булатной шашкою сверкалъ,
 И грозно, въ тишинѣ глубокой,
 Своей добычи ожидалъ.
 Товарищъ вѣрный, терпѣливый,
 Питомецъ горныхъ табуновъ,
 Стоялъ недвижно конь ретивый,
 Въ тѣни древесъ у береговъ.

II.

Прохлада вѣетъ надъ водами;
 Одѣлся тѣнью небосклонъ...
 И вдругъ пустыни мертвый сонъ
 Прервался... Пыль взвилась клубами,
 Гремятъ колеса. Конь кипитъ —
 Черкесь верхомъ, черкесь летитъ.

III.

Зачѣмъ, о юноша несчастный,
 Зачѣмъ на гибель ты спѣшишь?
 Порывомъ смѣлости напрасной
 Своей главы не защитишь.
 Его настигнулъ врагъ летучій;

Нѣсчастнѣй палъ на чуждый брегъ —
 И слабого питомца нѣтъ
 Къ горамъ повлекъ арканъ могучій.
 Помчался конь межъ дикихъ горъ
 На крыльяхъ огненной отваги;
 Все путь ему — болота, боръ,
 Кусты, утесы и овраги.
 Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
 И гуль пустынный раздается;
 Сѣдой потокъ предъ нимъ шумить, —
 Онъ въ глубь кипящую несется.

На темной синевѣ небесъ
 Луна вечерняя блеснула;
 Вотъ кущи дальнаго аула
 Бѣлѣютъ межъ густыхъ деревьевъ.
 Съ полей, подъ хладными скалами,
 Влекутся съ праздными сохами
 Четы медлительныхъ воловъ,
 И глухо вторятся горами
 И шумъ, и топотъ табуновъ...
 Въ косматыхъ буркахъ, съ чубуками,
 Черкесы дружными толпами
 Въ дыму сидѣли вокругъ огней...
 бьются подъ браздами
 Четы испуганныхъ коней...

[Дальше все исчеркано].

Конецъ 3-й строфы этого наброска перенесенъ и въ самую поэму, которую Пушкинъ первоначально хотѣлъ назвать, по имени предполагавшагося героя, Владиміромъ, какъ видно изъ помѣты при второй программѣ.

Къ первоначальнымъ наброскамъ поэмы относятся также слѣдующія исчерканныя и неразборчивыя строки, набросанныя карандашомъ въ той же рукописи И. П. Б-ки:

Я видѣлъ Азіи безплодные предѣлы,
 Кавказа дальній край обгорѣлый,
 Жилище дикое черкесскихъ табуновъ...

 Я видѣлъ Машука [и Эльбруса] вершины,
 Обвитыя вѣнцомъ холодныхъ облаковъ,

И закубанскія равнины.
 Ужасный край чудесь! тамъ жаркіе ручьи
 Кипятъ въ утесахъ раскаленныхъ,
 Тамъ изливаются цѣлебныя струи,
 Надежда вѣрная страдальцевъ изнуренныхъ...
 И старость хилая въ печальныхъ сѣдинахъ...

.

Самая поэма закончена въ Каменкѣ (имѣніи Раевскихъ), 20 февраля 1821 г., но эпилогъ написанъ уже въ Одессѣ, 15 мая. Изъ одного письма Пушкина къ кн. Вяземскому видно, что сначала онъ хотѣлъ взять эпитафій изъ посланія Вяземскаго къ „американцу“ Ѳ. И. Толстому:

Подъ бурей рока — твердый камень,
 Въ волненьяхъ страсти — легкій листъ (ср. I, 580).

Въ записной книжкѣ поэта 1820 - 1821 гг. (Имп. Публ. Б-ка) находимъ еще одинъ эпитафій, также отброшенный при перепискѣ поэмы:

C'est donc fini comme une histoire
 Qu' une grand' mère dans ses vieux ans
 Vient de chercher dans sa mémoire
 Pour la conter à ses enfants.

Въ настоящее время „Кавказскій Плѣнникъ“ извѣстенъ въ четырехъ собственноручныхъ рукописяхъ Пушкина:

1) Первоначальная редакція, чернилами и карандашемъ, сильно исчерканная, въ записной книжкѣ 1820 - 1821 гг. (И. П. Б.), съ заглавіемъ: „Кавказъ, поэма“ (въ нашихъ примѣчаніяхъ обозначается буквою И).

2) Набѣло переписанный, но испещренный затѣмъ поправками, текстъ, еще близкій къ первоначальному, въ рукописи Моск. Публ. Муз. № 2365, лл. 1 - 24 (И). Эта рукопись описана В. Е. Якушкинымъ въ Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 87 - 90.

3) Недавно найденный среди бумагъ княжны О. Г. Чагадаевой и подробно описанный В. Ѳ. Боцяновскимъ въ сборникѣ „Памяти Л. Н. Майкова“ (Спб. 1902, стр. 469 — 488) списокъ, близкій къ музейному, но представляющій нѣкоторыя отъ него отличія (Ч).

4) Бѣловой списокъ, посланный Пушкинымъ Гнѣдичу, для напечатанія, изъ Кишинева, при письмѣ отъ 29 апрѣля 1822 г. и хранящійся въ Имп. Публ. Б-кѣ (Г).

Первое изданіе поэмы напечатано Н. И. Гнѣдичемъ въ Спб., въ августъ 1822 г. (16^о, 53 стр., цензурное дозволеніе А. Бирукова 12 іюня), съ приложеніемъ портрета юноши-Пушкина, гравированнаго Е. Гейтманомъ (см. настоящаго изд. т. I). Отрывки явились въ альманахѣ „Новыя Аониды“, М. 1823.

„Думаемъ“, сказано въ предисловіи, „что пріятно сохранить юныя черты поэта, котораго первыя произведенія ознаменованы даромъ необыкновеннымъ“. — „Александръ Пушкинъ мастерски литографированъ, но не знаю, похожъ ли; примѣчаніе издателей очень лестно, — не знаю, справедливо ли“, писалъ Пушкинъ Гнѣдичу 27 октября. Въ Художественной Газетѣ 1837, №№ 9 и 10, сказано, что „портретъ этотъ нарисованъ былъ съ памяти, безъ натуры, художникомъ К. Б., въ нѣжной молодости обратившимъ на себя вниманіе“. Эти слова дали поводъ приписывать портретъ Карлу Брюллову; по другимъ свѣдѣніямъ, онъ нарисованъ бывшимъ лицейскимъ гувернеромъ С. Г. Чириковымъ. За изданіе поэмы Пушкинъ получилъ отъ Гнѣдича одинъ печатный экземпляръ и 500 руб. ассигнаціями. Этимъ скуднымъ вознагражденіемъ онъ былъ очень недоволенъ и долго съ досадою вспоминалъ объ этомъ (Анн., Мат., 75). Подробности объ изданіи поэмы см. въ письмахъ Пушкина (т. VIII, по указателю).

Въ 1824 г. полицейскій чиновникъ Ольдекопъ самовольно перепечаталъ „Кавказскаго Плѣнника“ съ нѣмецкимъ переводомъ Вульфферта. Пушкинъ жаловался на это самоуправство, но никакого удовлетворенія не получилъ.

Второе, исправленное изданіе выпущено было самимъ Пушкинымъ въ Спб. 1828 (8^о 60 стр.). Здѣсь помѣщено небольшое предисловіе и посвященіе Н. Н. Раевскому, съ цензурными измѣненіями, устраненными только въ настоящемъ изданіи, см. стр. 118 - 119.

Въ третій разъ поэма напечатана въ книгѣ: „Поэмы и повѣсти Александра Пушкина“, Спб. 1835, ч. I.

Приписки къ поэмѣ находятся въ рук. Моск. Муз. № 2365, л. 23. Онѣ напечатаны впервые Анненковымъ, съ ошибками, указанными въ Рус. Стар. 1884, т. 42,

стр. 90. Въ нихъ выражается впечатлѣніе поэта отъ критическихъ статей о „Русланѣ“, въ особенности — отъ статей Вѣстн. Европы, о которыхъ П. говорилъ (въ письмѣ къ Вяземскому 6 февр. 1823): „Читая рецензіи..., мнѣ казалось, что подслушиваю у калитки литературные толки пріятельницъ Варюшки и Буянова“.

Въ настоящемъ изданіи воспроизведенъ текстъ 1835 года, а въ примѣчаніяхъ указаны варианты изъ рукописей и перваго изданія поэмы; посвященіе исправлено по рукописи Г.

Собственное мнѣніе Пушкина о своемъ пронаведеніи высказано въ черновомъ наброскѣ письма къ Гнѣдичу (29 апр. 1822):

„Недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно, такъ ясны, что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать. Простота плана близко подходитъ къ бѣдности изобрѣтенія, описаніе нравовъ черкесскихъ не связано съ происшествіемъ и есть не иное что, какъ географическая статья или отчетъ путешественника. Характеръ главнаго лица (и всего-то ихъ двое) приличенъ болѣе роману, нежели поэмѣ; да и что за характеръ? Кого займетъ изображеніе молодого человѣка, потерявшаго чувствительность сердца въ какихъ-то несчастіяхъ, неизвѣстныхъ читателю? Его бездѣйствіе, его равнодушіе къ дикой жестокости горцевъ и къ прелестямъ кавказской дѣвы могутъ быть очень естественны; но что тутъ трогательнаго? Легко было бы оживить рассказъ происшествіями, которыя сами-собою истекали бы изъ предметовъ. Черкесь, плѣннвшій моего русскаго, могъ быть любовникомъ его избавительницы; мать, отецъ и братья ея могли бы имѣть каждый свою роль, свой характеръ; всѣмъ этимъ я пренебрегъ: во-первыхъ, отъ лѣни; во-вторыхъ, оттого, что разумныя эти размышленія пришли мнѣ на умъ тогда, когда обѣ части поэмы были уже кончены, а сызнова начинать не имѣлъ я духа... Вы видите, что отеческая нѣжность не ослѣпляетъ меня насчетъ Кавказскаго Плѣнника; но, признаюсь, люблю его, самъ не зная, за что: въ немъ есть стихи моего сердца...“

„Замѣчанія твои, моя радость, очень справедливы и слишкомъ снисходительны“, писалъ Пушкинъ, около того же времени, В. П. Горчакову. „Зачѣмъ не утопился мой Плѣнникъ вслѣдъ за черкешенкой? Какъ человѣкъ, онъ посту-

пиль очень благоразумно, но въ героѣ поэмы не благоразуміе требуется. Характеръ Плѣнника неудаченъ. Это доказываетъ, что я не гожусь въ герои романтическаго стихотворенія. Я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи XIX вѣка. Конечно, поэму приличнѣе было бы назвать Черкешенкой; я объ этомъ не подумалъ.

„Черкесы, ихъ обычаи и нравы занимаютъ большую и лучшую часть моей повѣсти, но все это ни съ чѣмъ не связано и есть истинный *hors d'oeuvre*. Вообще, я своей поэмой очень недоволенъ и почитаю ее гораздо ниже Руслана, — хотъ стихи въ ней зрѣлѣе. — Прощай, моя радость“.

Впослѣдствіи, въ 1829 г., во время путешествія въ Арзрумъ, П. нашелъ въ Ларсѣ „измаранный списокъ“ своей поэмы — „и, признаюсь, говоритъ онъ, — перечелъ его съ большимъ удовольствіемъ. Все это слабо, молодо, неполно, но многое угадано и выражено вѣрно“.

Строго судить онъ о поэмѣ и въ одной изъ своихъ критическихъ замѣтокъ: „Кавказскій Плѣнникъ“, читаемъ здѣсь, — „первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я насилу сладилъ. Онъ былъ принятъ лучше всего, что я ни написалъ, благодаря нѣкоторымъ элегическимъ и описательнымъ стихамъ. Но за то Николай и Александръ Раевскіе и я, — мы вдоволь надъ нимъ посмѣялись“.

Изъ отзывовъ современниковъ о поэмѣ Пушкина намъ извѣстны слова Карамзина въ письмѣ къ Дмитріеву (Письма Кар. къ Дм., стр. 337): „Въ поэмѣ либерала П. слогъ живописенъ; я недоволенъ только любовнымъ похожденіемъ. Талантъ дѣйствительно прекрасный; жаль, что нѣтъ устройства и мира въ душѣ, а въ головѣ — ни малѣйшаго благоразумія“.

Князю Вяземскому Карамзинъ писалъ 13 іюня 1822: „Пушкинъ написалъ Узника: слогъ живъ, черты рѣзкія, а сочиненіе плохо: какъ въ его душѣ, такъ и въ стихотвореніи нѣтъ порядка“.

Вяземскій, написавшій о поэмѣ критическую статью въ Сынѣ Отеч. 1822, ч. 82, № 49, былъ недоволенъ эпилогомъ: „Мнѣ жаль“, писалъ онъ А. И. Тургеневу 27 сентября (Ост. Арх., II, 274), „что Пушкинъ окровавилъ послѣдніе стихи своей повѣсти. Что за герой Котляревскій, Ермоловъ? Что тутъ хорошаго, что онъ какъ черная за-

раза губилъ, ничтожилъ племена? Отъ такой славы кровь стынетъ въ жилахъ, и волосы дыбомъ становятся. Если мы просвѣщали бы племена, то было бы что воспѣть. Поэзія — не союзница палачей; политикъ они могутъ быть нужны, — и тогда суду исторіи рѣшить, можно ли ее оправдывать или нѣтъ; но гимны поэта никогда не должны быть славословіемъ рѣзни. Мнѣ досадно на Пушкина: такой восторгъ — настоящій анахронизмъ. Досадно и то, что, разумѣется, мнѣ о томъ и намекнуть нельзя будетъ въ моей статьѣ. Человѣколюбивое и нравственное чувство мое покажется движеніемъ мятежническимъ и бѣсовскимъ внушеніемъ въ глазахъ нашихъ христіанскихъ цензоровъ“.

П. Я. Чаадаевъ, по словамъ Пушкина, „вымылъ ему голову“ за Плѣнника, находя, что онъ „недостаточно blasé...“

Кромѣ упомянутой статьи кн. Вяземскаго въ Сынѣ Отечества (см. также Соч. Вяз., I, 73), другія рецензіи на поэму написаны были Плетневымъ — въ Трудахъ вольн общ. люб. рос. слов. 1822, XX, 24 (ср. Соч. Пл., I, 68) и М. П. — въ Вѣстн. Евр. 1823, № 1, стр. 35; мелкія замѣтки явились въ Благонамѣренномъ 1822, XIX, гдѣ былъ перепечатанъ и отрывокъ изъ поэмы, подъ заглавіемъ: „Воинскія упражненія и игры черкесовъ“; въ Сынѣ Отеч., № 35, и Рус. Инвалидѣ, № 213. См. В. Зелинскаго, Рус. Критич. література о произв. А. С. П., ч. I, 87—119.

Въ 1823 г. балетмейстеръ Дидло составилъ изъ поэмы Пушкина „большой древній національно-пантомимный балетъ“, подъ названіемъ „Кавказскій Плѣнникъ или тѣнь невѣсты“, съ музыкою Кавоса, поставленный сначала въ Петербургѣ (съ Истоминой въ роли черкешенки), а затѣмъ и въ Москвѣ (см. Дамскій Журн. 1827, № 20).

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть и о вызванныхъ поэмою подражаніяхъ; „Киргизскій Плѣнникъ, повѣсть въ стихахъ Н. Муравьева, взятая съ истиннаго происшествія Оренбургской линіи“, М. 1828 (рец. въ Моск. Телегр. № 12 и Сѣв. Пч. № 94), и „Московскій Плѣнникъ, повѣсть въ стихахъ, соч. О. С—ва“, М. 1829. Въ 1832 г. Н. В. Станкевичъ, въ сотрудничествѣ съ Н. А. Мельгуновымъ, напечаталъ въ „Молвѣ“ (№ 75) пародію на поэмы безталанныхъ подражателей Пушкина и Баратынскаго, подъ заглавіемъ: „Калмыцкій Плѣнникъ“.

Кавказскій Плѣнникъ.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Сія повѣсть, снисходительно принятая публикою, обязана своимъ успѣхомъ вѣрному, хотя слегка означенному, изображенію Кавказа и горскихъ нравовъ. Авторъ также соглашается съ общимъ голосомъ критиковъ, справедливо осудившимъ характеръ Плѣнника, нѣкоторыя отдѣльныя черты и пр.

1828.

П о с в я щ е н і е.

Николаю Николаевичу Раевскому.

Прими съ улыбкою, мой другъ,
Свободной музы приношенье:
Тебѣ я посвятилъ изгнанной лиры пѣнье
И вдохновенный свой досугъ.
Когда погибалъ безвинный, безотрадный,
И шопоть клеветы внималъ со всѣхъ сторонъ,
Когда кинжалъ измѣны хладный,
Когда любви тяжелый сонъ
Меня терзали и мертвили —
Я близъ тебя еще спокойство находилъ,
Я сердцемъ отдыхалъ: другъ-друга мы любили, ¹
И бури надо мной свирѣпость утомили —
Я въ мирной пристани боговъ благословилъ...
Во дни печальные разлуки ²
Мои задумчивые звуки
Напоминали мнѣ Кавказъ,
Гдѣ пасмурный Бешту *), пустынный величавый, ³
Ауловъ **) и полей властитель пятиглавый,
Былъ новый для меня Парнасъ.
Забуду ли кремнистыя вершины, ⁴
Гремучіе ключи, увядшія равнины,
Пустыни знойныя, края, гдѣ ты со мной
Дѣлилъ души младыя впечатлѣнья,

*) Бешту, или правильнѣе Бештау, кавказская гора, въ 40 верстахъ отъ Георгіевска. Извѣстна въ нашей исторіи (примѣчаніе Пушкина, какъ и всѣ прочія, отмѣченныя звѣздочками).

**) Ауль. Такъ называются деревни кавказскихъ народовъ.

Гдѣ рыскаетъ въ горахъ воинственный Разбой,
И дикій геній вдохновенья
Таится въ тишинѣ глухой?
Ты здѣсь найдешь воспоминанья,
Быть можетъ, милыхъ сердцу дней,
Противорѣчія страстей,

Мечты знакомыя, знакомыя страданья ⁵

И тайный гласъ души моей.

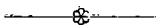
Мы въ жизни ровно шли: въ объятіяхъ покоя
Едва-едва расцвѣлъ, и вслѣдъ отца-героя,
Въ поля кровавыя, подъ тучи вражьихъ стрѣлъ,
Младенецъ избранный, ты гордо полетѣлъ;
Отечество тебя ласкало съ умиленьемъ,
Какъ жертву милую, какъ вѣрный цвѣтъ надеждъ; ⁶
Я рано скорбь узналъ, постигнуть былъ гоненьемъ,
Я жертва клеветы, измѣны и невѣждъ; ⁷

Но сердце укрѣпивъ свободой и терпѣньемъ,

Я ждалъ безопасно лучшихъ дней;

Поэтъ не унывалъ — и счастье друзей ⁸

Мнѣ было сладкимъ утѣшеньемъ.

Часть первая.

Въ аулѣ, на своихъ порогахъ,
Черкесы праздные сидятъ.
Сыны Кавказа говорятъ
О бранныхъ, гибельныхъ тревогахъ,
О красотѣ своихъ коней,
О наслажденьяхъ дикой нѣги;
Вспоминаютъ прежнихъ дней
Неотразимые набѣги,
Обманы хитрыхъ узденей *),
Удары шашекъ **) ихъ жестокихъ,
И мѣткость неизбѣжныхъ стрѣлъ,
И пепель разоренныхъ селъ,
И ласки плѣнницъ черноокихъ.

Текутъ бесѣды въ тишинѣ;
Луна плыветъ въ ночномъ туманѣ:
И вдругъ предъ ними на конѣ
Черкесь. Онъ быстро на арканѣ
Младого плѣнника влачилъ.
„Вотъ русскій!“ хищникъ возопилъ.
Аулъ на крикъ его сбѣжался
Ожесточенною толпой;
Но плѣнникъ хладный и нѣмой,
Съ обезображенной главой,
Какъ трупъ недвижимъ оставался.
Лица враговъ не видитъ онъ,

*) Уздень, начальникъ или князь.

**) Шашка, черкесская сабля.

Угрозъ и криковъ онъ не слышитъ;
 Надъ нимъ летаетъ смертный сонъ
 И холодомъ тлетворнымъ дышитъ.

И долго плѣнникъ молодой
 Лежалъ въ забвеніи тяжеломъ.
 Ужь полдень надъ его главой
 Пылалъ въ сіяніи веселомъ;
 И жизни духъ проснулся въ немъ,
 Невнятный стонъ въ устахъ раздался;
 Согрѣтый солнечнымъ лучемъ,
 Несчастный тихо приподнялся; ¹
 Кругомъ обводитъ слабый взоръ... —
 И видитъ: неприступныхъ горъ ²
 Надъ нимъ воздвигнулась громада,
 Гнѣздо разбойничьихъ племенъ,
 Черкесской вольности ограда.
 Воспомнилъ юноша свой плѣнъ,
 Какъ сна ужаснаго тревоги,
 И слышитъ, загремѣли вдругъ
 Его закованныя ноги...
 Все, все сказалъ ужасный звукъ!
 Затмилась передъ нимъ природа.
 Прости, священная свобода!
 Онъ рабъ.

За саклями *) лежитъ
 Онъ у колючаго забора,
 Черкесы въ полѣ, нѣтъ надзора,
 Въ пустомъ аулѣ все молчитъ.
 Предъ нимъ пустынные равнины
 Лежатъ зеленой пеленой;
 Тамъ холмовъ тянутся грядой
 Однообразныя вершины;
 Межъ нихъ уединенный путь
 Въ дали теряется угрюмой...

*) Сакля, хижина.

И плѣнника молодого грудь
Тяжелой волновалась душой... ³

Въ Россію дальній путь ведетъ,
Въ страну, гдѣ пламенную младость
Онъ гордо началъ безъ заботъ,
Гдѣ первую позналъ онъ радость,
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ обнялъ грозное страданье,
Гдѣ бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье,
И лучшихъ дней воспоминанье
Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ. ⁴

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
И зналъ невѣрной жизни цѣну.
Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви — безумный сонъ,
Наскучивъ жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты, ⁵
И непріязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы. ⁶

Свобода! Онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ; ⁷
Страстями сердце погубя, ⁸
Охолодѣвъ къ мечтамъ и лирѣ,
Съ волненьемъ пѣсни онъ внималъ,
Одушевленные тобою,
И съ вѣрой, пламенной мольбою
Твой гордый идолъ обнималъ.

Свершилось... Цѣлью упованья
Не зреть онъ въ мірѣ ничего.

И вы, послѣднія мечтанья,
 И вы сокрылись отъ него!
 Онъ рабъ. Склонясь главою на камень,
 Онъ ждетъ, чтобъ съ сумрачной зарей
 Погасъ печальной жизни пламень,
 И жаждетъ сѣни гробовой.

Ужь меркнетъ солнце за горами; ⁹
 Вдали раздался шумный гулъ;
 Съ полей народъ идетъ въ аулъ,
 Сверкая свѣтлыми косами.
 Пришли; въ домахъ зажглись огни,
 И постепенно шумъ нестройный
 Умолкнулъ; все въ ночной тѣни
 Объято нѣгою спокойной;
 Вдали сверкаетъ горный ключъ,
 Сбѣгая съ каменной стремнины;
 Одѣлись пеленою тучъ
 Кавказа спящія вершины...
 Но кто, въ сіяніи луны,
 Среди глубокой тишины
 Идетъ, украдкою ступая?
 Очнулся русскій. Передъ нимъ,
 Съ привѣтомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,
 Стоитъ черкешенка младая.
 На дѣву молча смотритъ онъ
 И мыслить: это лживый сонъ
 Усталыхъ чувствъ игра пустая...
 Луною чуть озарена, ¹⁰
 Съ улыбкой жалости отрадной,
 Колѣна преклонивъ, она
 Къ его устамъ кумысъ *) прохладный
 Подноситъ тихою рукой.

*) Кумысъ дѣлается изъ кобыляго молока; напитокъ сей въ большомъ употребленіи между всѣми горскими кочующими народами Азіи. Онъ довольно пріятенъ вкусу и почитается весьма здоровымъ.

Но онъ забылъ сосудъ цѣлебный, —
 Онъ ловить жадною душой
 Пріятной рѣчи звукъ волшебный
 И взоры дѣвы молодой.
 Онъ чуждыхъ словъ не понимаетъ;
 Но взоръ умильный, жаръ ланить,
 Но голосъ нѣжный говоритъ:
 „Живи!“ и плѣнникъ оживаетъ. ¹¹
 И онъ, собравъ остатокъ силъ, ¹²
 Велѣнью милому покорный,
 Привсталъ и чашей благотворной
 Томленье жажды утолилъ.
 Потомъ на камень вновь склонился
 Отягощенною главою,
 Но все къ черкешенкѣ молодой
 Угасшій взоръ его стремился.
 И долго, долго передъ нимъ
 Она, задумчива, сидѣла, ¹³
 Какъ бы участіемъ нѣмымъ
 Утѣшить плѣнника хотѣла;
 Уста невольно каждый часъ ¹⁴
 Съ начатой рѣчью открывались,
 Она вздыхала, и не разъ
 Слезамъ очи наполнялись.

За днями дни прошли какъ тѣнь.
 Въ горахъ, окованный, у стада
 Проводитъ плѣнникъ каждый день.
 Пещеры влажная прохлада ¹⁵
 Его скрываетъ въ лѣтній зной.
 Когда же рогъ луны серебристой
 Блеснетъ за мрачною горой,
 Черкешенка, тропой тѣнистой,
 Приноситъ плѣннику вино,
 Кумысь и ульевъ сотъ душистый,
 И бѣлоснѣжное пшено,
 Съ нимъ тайный ужинъ раздѣляетъ,

На немъ покоить нѣжный взоръ,
 Съ неясной рѣчію сливаетъ
 Очей и знаковъ разговоръ;
 Поетъ ему и пѣсни горъ,
 И пѣсни Грузіи счастливой,
 И памяти нетерпѣливой
 Передаетъ языкъ чужой *).
 Впервые дѣвственной душой
 Она любила, знала счастье;
 Но русскій жизни молодой
 Давно утратилъ сладострастье:
 Не могъ онъ сердцемъ отвѣчать
 Любви младенческой, открытой —
 Быть можетъ, сонъ любви забытой ¹⁷
 Боялся онъ вспоминать.

Не вдругъ увянетъ наша младость,
 Не вдругъ восторги бросятъ насъ,
 И неожиданную радость
 Еще обнимемъ мы не разъ;
 Но вы, живыя впечатлѣнья,
 Первоначальная любовь,
 О, первый пламень упоенья, ¹⁸
 Не прилетаете вы вновь!

Казалось, плѣнникъ безнадежный
 Къ унылой жизни привыкалъ.
 Тоску неволи, жаръ мятежный,
 Въ душѣ глубоко онъ скрывалъ. ¹⁹
 Влачась межъ угрюмыхъ скалъ,
 Въ часъ ранней утренней прохлады,
 Вперялъ онъ неподвижный взоръ ²⁰
 На отдаленныя громады

*) Счастливый климатъ Грузіи не вознаграждаетъ сей прекрасной страны ¹⁸ за всѣ бѣдствія, вѣчно ея претерпѣваемыя. Пѣсни грузинскія пріятны и по большей части заунывны. Онѣ славятъ минутные успѣхи кавказскаго оружія, смерть нашихъ героевъ Бакунина и Цицанова, измѣны, убійства, иногда любовь и наслажденія.

Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
 Великолѣпныя картины!
 Престолы вѣчные снѣговъ,
 Очамъ казались ихъ вершины
 Недвижной цѣпью облаковъ,
 И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
 Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
 Эльбрусъ огромный, величавый,
 Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ. ²¹

Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,
 Предтеча бури, громъ гремѣлъ,
 Какъ часто плѣнникъ предъ ауломъ ²²
 Недвижимъ на горѣ сидѣлъ.
 У ногъ его дымились тучи,
 Въ степи взвивался паръ летучій; ²³
 Уже пріюта между скалъ
 Елень испуганный искалъ;
 Орлы съ утесовъ подымались
 И въ небесахъ перекликались;
 Шумъ табуновъ, мычанье стадъ
 Ужь гласомъ бури заглушались...
 И вдругъ на долы — дождь и градъ ²⁴
 Изъ тучъ сквозь молній извергались;
 Волнами роя крутизны,
 Сдвигая камни вѣковые,
 Текли потоки дождевые —
 А плѣнникъ, съ горной вышины,
 Одинъ, за тучей громовою,
 Возврата солнечнаго ждалъ,
 Недостигаемый грозою,
 И бури немощному вою
 Съ какой-то радостью внималъ.

Но европейца все вниманье
 Народъ сей чудный привлекалъ.
 Межъ горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
 Ихъ вѣру, нравы, воспитанье,

Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепріимство, жажду брани,
Движеній вольныхъ быстроту,
И легкость ногъ, и силу длани;
Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда черкесь проворный,
Широкой степью, по горамъ,
Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной,
Къ лукѣ склонясь, на стремена
Ногою стройной опираясь,
Леталъ по волѣ скакуна,
Къ войнѣ заранѣ приучаясь.
Онъ любовался красотой
Одежды бранной и простой.
Черкесь оружіемъ обвѣшенъ;
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ:
На немъ броня, пищаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ
И шашка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ничто его не тяготить,
Ничто не брякнетъ: пѣшій, конный
Все тотъ же онъ, все тотъ же видъ.
Непобѣдимый, непреклонный.
Гроза безпечныхъ казаковъ,
Его богатство — конь ретивый,
Питомецъ горскихъ табуновъ,
Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
Въ пещерѣ иль въ травѣ глухой
Коварный хищникъ съ нимъ таится,
И вдругъ внезапною стрѣлой,
Завидя путника, стремится;
Въ одно мгновенье вѣрный бой
Рѣшитъ ударъ его могучій,
И странника въ ущелья горъ
Уже влечетъ арканъ летучій.
Стремится конь во весь опоръ,

Исполненъ огненной отваги;
 Все путь ему — болото, боръ,
 Кусты, утесы и овраги;
 Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
 Въ пустынь топотъ раздается;
 Сѣдой потокъ предъ нимъ шумить —
 Онъ въ глубь кипящую несется,
 И путникъ, брошенный ко дну,
 Глокаетъ мутную волну,
 Изнемогая, смерти просить
 И зрить ее передъ собой...
 Но мощный конь — его стрѣлой
 На берегъ пѣнистый выносить.

Иль, ухвативъ рогатый пень,
 Въ рѣку низверженный грозою,
 Когда на холмахъ плененою
 Лежитъ безлунной ночи тѣнь,
 Черкесь на корни вѣковые,²⁵
 На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
 Свои доспѣхи боевые,
 Щить, бурку, панцырь и шоломъ,
 Колчанъ и лукъ — и въ быстры волны
 За нимъ бросается потомъ,
 Неутомимый и безмолвный.
 Глухая ночь. Рѣка реветъ,
 Могучій токъ его несетъ
 Вдоль береговъ уединенныхъ,
 Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,²⁶
 Склонясь на копья, казаки
 Глядятъ на темный бѣгъ рѣки —
 И мимо ихъ, во мглѣ чернѣя,
 Плыветъ оружіе злодѣя...
 О чемъ ты думаешь, казакъ?
 Воспоминаешь прежни битвы,
 На смертномъ полѣ свой бивакъ,²⁷
 Полковъ хвалебныя молитвы

И родину?.. Коварный сонь!
 Простите, вольныя станицы,
 И домъ отцовъ, и тихій Донъ,
 Война и красныя дѣвицы!
 Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
 Стрѣла выходитъ изъ колчана,
 Взвилась — и падаетъ казакъ
 Съ окровавленнаго кургана. ²⁸

Когда же съ мирною семьей
 Черкесь въ отеческомъ жилищѣ
 Сидитъ ненастною порой,
 И тлѣютъ угли въ пепелищѣ,
 И, спрянувъ съ вѣрнаго коня,
 Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
 Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
 И робко сядетъ у огня, —
 Тогда хозяинъ благосклонный,
 Съ привѣтомъ, ласково встаетъ
 И гостю въ чашѣ благовонной
 Чихирь *) отраднѣй подаетъ.
 Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
 Вкушаетъ путникъ мирный сонъ,
 И утромъ оставляетъ онъ
 Ночлега кровъ гостепріимнѣй **).

Бывало, въ свѣтлый Байранъ ***),
 Сберутся юноши толпою;
 Игра смѣняется игрою:
 То, полный разобравъ колчанъ,

*) Чихирь — красное грузинское вино.

***) Черкесы, какъ и всѣ дикіе народы, отличаются предъ нами гостепріимствомъ. Гость становится для нихъ священною особою. Предать его или не защищать почитается межъ ними за величайшее безчестіе. Кунакъ (т. е. пріятель, знакомецъ) отвѣчаетъ жизни за вашу безопасность, и съ нимъ вы можете углубиться въ самую средину кабардинскихъ горъ.

****) Байранъ или Байрамъ — праздникъ разговѣнья. — Рамазанъ — мусульманскій постъ.

Они крылатыми стрѣлами
 Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
 То съ высоты крутыхъ холмовъ
 Нетерпѣливыми рядами
 При данномъ знакѣ вдругъ падутъ,
 Какъ лани землю поражаютъ,
 Равнину пылью покрываютъ
 И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ. ²⁹

Но скученъ миръ однообразный
 Сердцамъ, рожденнымъ для войны,
 И часто игры воли праздной
 Игрой жестокой смущены.
 Нерѣдко шашки грозно блещутъ
 Въ безумной рѣзвости пировъ,
 И въ прахъ летятъ главы рабовъ,
 И въ радости младенцы плещутъ. ³⁰

Но русскій равнодушно зрѣлъ
 Сіи кровавыя забавы.
 Любилъ онъ прежде игры славы
 И жаждой гибели горѣлъ.
 Невольникъ чести безпощадной,
 Вблизи видалъ онъ свой конецъ,
 На поединкахъ твердый, хладный,
 Встрѣчая гибельный свинець.
 Быть можетъ, въ думу погруженный,
 Онъ время то воспоминалъ,
 Когда, друзьями окруженный,
 Онъ съ ними шумно пировалъ... ³¹
 Жалѣлъ ли онъ о дняхъ минувшихъ,
 О дняхъ, надежду обманувшихъ,
 Иль, любопытный, созѣрцалъ
 Суровой простоты забавы,
 И дикаго народа нравы
 Въ семь вѣрномъ зеркалѣ читалъ?
 Таилъ въ молчаньѣ онъ глубококомъ

Движенья сердца своего,
 И на челъ его высокомъ
 Не измѣнялось ничего.
 Безпечной смѣлости его
 Черкесы грозные дивились,
 Щадили вѣкъ его молодой,
 И шопотомъ между собой
 Своей добычею гордились.

Часть вторая.

Ты ихъ узнала, дѣва горъ,
 Восторги сердца, жизни сладость;
 Твой огненный, невинный взоръ
 Высказывалъ любовь и радость.
 Когда твой другъ во тьмѣ ночной
 Тебя лобзалъ нѣмымъ лобзаньемъ, —
 Сгорая нѣгой и желаньемъ,
 Ты забывала мѣръ земной,
 Ты говорила: „Плѣнникъ милый!
 „Развесели свой взоръ унылый,
 „Склонись главою ко мнѣ на грудь,
 „Свободу, родину забудь. ¹
 „Скрываться рада я въ пустынь
 „Съ тобою, царь души моей!
 „Люби меня; никто донинѣ
 „Не цѣловалъ моихъ очей;
 „Къ моей постели одинокой
 „Черкесь молодой и черноокий
 „Не крался въ тишинѣ ночной;
 „Слыву я дѣвою жестокой,
 „Неумолимой красотой.
 „Я знаю жребій, мнѣ готовый:
 „Меня отецъ и братъ суровый
 „Немилому продать хотятъ
 „Въ чужой ауль цѣною злата;
 „Но умолю отца и брата,

„Не то — найду кинжалъ иль ядъ!..
 „Непостижимой, чудной силой
 „Къ тебѣ я вся привлечена,
 „Люблю тебя, невольникъ милый,
 „Душа тобой упоена...“

Но онъ съ безмолвнымъ сожалѣньемъ
 На дѣву страстную взиралъ
 И, полный тяжкимъ размышленьемъ,
 Словамъ любви ея внималъ.
 Онъ забывался. Въ немъ тѣснились
 Воспоминанья прошлыхъ дней,
 И даже слезы изъ очей
 Однажды градомъ покатились.
 Лежала въ сердцѣ какъ свинецъ
 Тоска любви безъ упованья.
 Предъ юной дѣвой, наконецъ,
 Онъ изліялъ свои страданья. ²

„Забудь меня: твоей любви,
 „Твоихъ восторговъ я не стою;
 „Безцѣнныхъ дней не трать со мною;
 „Другого юношу зови. ³
 „Его любовь тебѣ замѣнить
 „Моей души печальный хладъ;
 „Онъ будетъ вѣренъ, онъ оцѣнитъ
 „Твою красу, твой милый взглядъ,
 „И жаръ младенческихъ лобзаній,
 „И нѣжность пламенныхъ рѣчей;
 „Безъ упованья, безъ желаній, ⁴
 „Я вяну жертвою страстей. ⁵
 „Ты видишь слѣдъ любви несчастной,
 „Душевной бури слѣдъ ужасный;
 „Оставь меня, но пожалѣй
 „О скорбной участи моей!
 „Несчастный другъ, зачѣмъ не прежде
 „Явилась ты моимъ очамъ,

„Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я надеждѣ
 „И упоительнымъ мечтамъ? ⁶
 „Но поздно! Умеръ я для счастья,
 „Надежды призракъ улетѣлъ; ⁷
 „Твой другъ отвыкъ отъ сладострастья,
 „Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ...

„Какъ тяжело мертвыми устами
 „Живымъ лобзаньямъ отвѣчать
 „И очи, полныя слезами,
 „Улыбкой хладною встрѣчать!
 „Измучась ревностью напрасной,
 „Уснувъ безчувственной душой,
 „Въ объятіяхъ подруги страстной
 „Какъ тяжело мыслить о другой!..

„Когда такъ медленно, такъ нѣжно
 „Ты пьешь лобзанія мои,
 „И для тебя часы любви
 „Проходятъ быстро, безмятежно
 „Снѣдая слезы въ тишинѣ,
 „Тогда, разсѣянный, унылый,
 „Передъ собою, какъ во снѣ,
 „Я вижу образъ вѣчно милый;
 „Его зову, къ нему стремлюсь,
 „Молчу, не вижу, не внимаю;
 „Тебѣ въ забвеньѣ предаюсь
 „И тайный призракъ обнимаю;
 „О немъ въ пустынѣ слезы лью;
 „Повсюду онъ со мною бродитъ
 „И мрачную тоску наводитъ
 „На душу сирую мою.

„Оставь же мнѣ мои желѣзы,
 „Уединенныя мечты,
 „Воспоминанья, грусть и слезы, —
 „Ихъ раздѣлить не можешь ты.

„Ты сердца слышала признание;
 „Прости!.. дай руку на прощанье.
 „Не долго женскую любовь
 „Печалить хладная разлука —
 „Пройдетъ любовь, настанетъ скука,
 „Красавица полюбитъ вновь“.

Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая,
 Сидѣла дѣва молодая.
 Туманный, неподвижный взоръ
 Безмолвный выражалъ укоръ.
 Блѣдна какъ тѣнь, она дрожала;
 Въ рукахъ любовника лежала ⁷
 Ея холодная рука, —
 И, наконецъ, любви тоска
 Въ печальной рѣчи излилася.

„Ахъ, русскій, русскій! Для чего,
 „Не зная сердца твоего,
 „Тебѣ навѣкъ я предалася?
 „Недолго на груди твоей
 „Въ забвеньѣ дѣва отдыхала,
 „Немного радостныхъ ночей ⁸
 „Судьба на долю ей послала!
 „Придутъ ли вновь когда-нибудь?
 „Ужель навѣкъ погибла радость?..
 „Ты могъ бы, плѣнникъ, обмануть
 „Мою неопытную младость,
 „Хотя бъ изъ жалости одной,
 „Молчаньемъ, ласкою притворной;
 „Я услаждала бъ жребій твой
 „Заботой нѣжной и покорной;
 „Я стерегла бъ минуты сна,
 „Покой тоскующаго друга;
 „Ты не хотѣлъ... Но кто жъ она,
 „Твоя прекрасная подруга?
 „Ты любишь, русскій? Ты любимъ?..

„Понятны мнѣ твои страданья...
 „Прости жь и ты мои рыданья,
 „Не смѣйся горестямъ моимъ“.

Умолкла. Слезы и стенанья
 Стѣснили бѣдной дѣвы грудь.
 Уста безъ словъ роптали пени;
 Безъ чувствъ, обнявъ его колѣни,
 Она едва могла дохнуть.
 И плѣнникъ, тихою рукою
 Поднявъ несчастную, сказалъ:
 „Не плачь! И я гонимъ судьбою,
 „И муки сердца испыталъ.
 „Нѣтъ, я не зналъ любви взаимной,
 „Любилъ одинъ, страдалъ одинъ,
 „И гасну я, какъ пламень дымный,
 „Забытый средь пустыхъ долинъ.
 „Умру вдали бреговъ желанныхъ;
 „Мнѣ будетъ гробомъ эта степь;
 „Здѣсь на костяхъ моихъ изгнанныхъ”
 „Заржавить тягостная цѣпь...“

Свѣтила ночи затмѣвались;
 Въ дали прозрачной означались
 Громады свѣтлоснѣжныхъ горъ;
 Главу склонивъ, потупя взоръ,
 Они въ безмолвіи разстались.

Унылый плѣнникъ съ этихъ поръ
 Одинъ окрестъ аула бродить.
 Заря на знойный небосклонъ
 За днями новы дни возводитъ;
 За ночью ночь вослѣдъ уходитъ;
 Вотще свободы жаждетъ онъ.
 Мелькнетъ ли серна межъ кустами,
 Проскачетъ ли во мглѣ сайгакъ,
 Онъ, вспыхнувъ, загремитъ цѣпями,

Онъ ждетъ, не крадется ль казакъ,
 Ночной ауловъ разоритель,
 Рабовъ отважный избавитель,
 Зоветь... но все кругомъ молчить;
 Лишь волны плещутся, бушуютъ,
 И человѣка звѣрь почуя,
 Въ пустыню темную бѣжитъ.

Однажды слышитъ русскій плѣнный, —
 Въ горахъ раздался кликъ военный:
 „Въ табунъ, въ табунъ!“ Бѣгутъ, шумятъ;
 Уздечки мѣдныя гремятъ,
 Чернѣютъ бурки, блещутъ брони,
 Кипятъ осѣдланные кони;
 Къ набѣгу весь аулъ готовъ,
 И дикіе питомцы брани
 Рѣкою хлынули съ холмовъ,
 И скачутъ по брегамъ Кубани
 Сбирать насильственные дани.

Утихъ аулъ; на солнцѣ спятъ
 У саклей псы сторожевые.
 Младенцы смуглые, нагіе,
 Въ свободной рѣзвости шумятъ;
 Ихъ прадѣды въ кругу сидятъ;
 Изъ трубокъ дымъ, вѣсь, синѣтъ.
 Они безмолвно юныхъ дѣвъ
 Знакомый слушаютъ припѣвъ —
 И старцевъ сердце молодѣтъ.¹⁰

ЧЕРКЕССКАЯ ПѢСНЯ.

1.

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ;
 Въ горахъ безмолвіе ночное;
 Казакъ усталый задремалъ,
 Склонясь на копіе стальное.

Не спи, казакъ: во тѣмѣ почной
Чеченець ходитъ за рѣкой.

2.

Казакъ плыветъ на челнокѣ,
Влача по дну рѣчному сѣти;
Казакъ, утоншь ты въ рѣкѣ,
Какъ тонуть маленькія дѣти,
Купаясь жаркою порой:
Чеченець ходитъ за рѣкой.

3.

На берегу завѣтныхъ водъ
Цвѣтутъ богатыя станицы;
Веселый пляшетъ хороводъ.
Бѣгите, русскія пѣвицы,
Спѣшите, красныя, домой:
Чеченець ходитъ за рѣкой.

Такъ пѣли дѣвы. Сѣвъ на брегѣ,
Мечтаетъ русскій о побѣгѣ;
Но цѣпь невольника тяжка,
Быстра глубокая рѣка...
Межь тѣмъ, померкнувъ, степь уснула;
Вершины скаль омрачены;
По бѣлымъ хижинамъ аула
Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны;
Елени дремлютъ надъ водами,
Умолкнулъ поздній крикъ орловъ,
И глухо вторится горами
Далекій топотъ табуновъ.

Тогда кого-то слышно стало...
Мелькнуло дѣвы покрывало,
И вотъ — печальна и блѣдна,
Къ нему приближилась она.

Уста прекрасной ищутъ рѣчи,
 Глаза исполнены тоской,
 И черной падаютъ волной
 Ея волосы на грудь и плечи.
 Въ одной рукѣ блеститъ пила,
 Въ другой — кинжалъ ея булатный: ¹¹
 Казалось, будто дѣва шла
 На тайный бой, на подвигъ ратный.

На плѣнника возведши взоръ,
 „Бѣги!“ сказала дѣва горь:
 „Нигдѣ черкесь тебя не встрѣтитъ.
 „Спѣши, не трать ночныхъ часовъ;
 „Возьми кинжалъ, — твоихъ слѣдовъ
 „Никто во мракѣ не замѣтитъ“.

Пилу дрожащей взявъ рукой,
 Къ его ногамъ она склонилась;
 Визжитъ желѣзо подъ пилой,
 Слеза невольная скатилась —
 И цѣпь распалась и гремитъ. ¹²
 „Ты воленъ, дѣва говоритъ,
 „Бѣги!“ Но взглядъ ея безумный
 Любви порывъ изобразилъ.
 Она страдала. Вѣтеръ шумный,
 Свистя, покровъ ея клубилъ.
 „О другъ мой!“ русскій возопилъ:
 „Я твой навѣкъ, я твой до гроба! —
 „Ужасный край оставимъ оба,
 „Бѣги со мной...“ — Нѣтъ, русскій, нѣтъ!
 Она исчезла, жизни сладость —
 Я знала все, я знала радость,
 И все прошло, пропаль и слѣдъ.
 Возможно ль? ты любилъ другую...
 Найди ее, люби ее!
 О чемъ же я еще тоскую,
 О чемъ уныніе мое?..

Прости! любви благословенья
 Съ тобою будутъ каждый часъ.
 Прости — забудь мои мученья,
 Дай руку мнѣ... въ послѣдній разъ. —

Къ черкешенкѣ простеръ онъ руки,
 Воскресшимъ сердцемъ къ ней летѣль,
 И долгій поцѣлуй разлуки
 Союзъ любви запечатлѣль. ¹³
 Рука съ рукой, унынья полны,
 Сошли ко брегу въ тишинѣ —
 И русскій въ шумной глубинѣ
 Уже плыветъ и пѣнить волны,
 Уже противныхъ скалъ достигъ,
 Уже хватается за нихъ...
 Вдругъ волны глухо зашумѣли,
 И слышенъ отдаленный стонъ...
 На дикій берегъ выходитъ онъ,
 Глядитъ назадъ... Брега ясны
 И опѣненные бѣлѣли,
 Но нѣтъ черкешенки молодой
 Ни у береговъ, ни подъ горой...
 Все мертво... на берегахъ уснувшихъ
 Лишь вѣтра слышенъ легкій звукъ,
 И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
 Струистый исчезаетъ кругъ...

Все понялъ онъ... Прощальнымъ взоромъ
 Объемлетъ онъ въ послѣдній разъ
 Пустой аулъ съ его заборомъ,
 Поля, гдѣ плѣнный стадо пасъ,
 Стремнины, гдѣ влачилъ оковы,
 Ручей, гдѣ въ полдень отдыхалъ,
 Когда въ горахъ черкесь суровый
 Свободы пѣсню запѣвалъ.

Рѣдѣль на небѣ мракъ глубокой,
 Ложился день на темный доль,

Взошла заря. Тропой далекой
 Освобожденный плѣнникъ шелъ,
 И передъ нимъ уже въ туманахъ
 Сверкали русскіе штыки,
 И окликались на курганахъ
 Сторожевые казаки.

20 февраля 1821 г. Каменка.

Эпилогъ.

Такъ муза, легкой другъ мечты,
 Къ предѣламъ Азіи летала
 И для вѣнка себѣ срывала
 Кавказа дикіе цвѣты.
 Ее плѣнялъ нарядъ суровый
 Племень, возросшихъ на войнѣ, ¹
 И часто въ сей одеждѣ новой
 Волшебница являлась мнѣ;
 Вокругъ ауловъ опустѣлыхъ
 Она бродила по скаламъ,
 И къ пѣснямъ дѣвъ осиротѣлыхъ
 Она прислушивалась тамъ;
 Любила бранныя станицы,
 Тревоги смѣлыхъ казаковъ,
 Курганы, тихія гробницы,
 И шумъ, и ржанье табуновъ.
 Богиня пѣсенъ и разказа,
 Воспоминанія полна,
 Быть можетъ, повторить она
 Преданья грознаго Кавказа;
 Расскажетъ повѣсть дальнихъ странъ,
 Мстислава древній поединокъ *),
 Измѣны, гибель россиянь ²

*) Мстиславъ, сынъ св. Владиміра, прозванный Удалымъ, удѣльный князь Тмутаракани (островъ Тамань). Онъ воевалъ съ косогами (по всей вѣроятности, нынѣшними черкесами) и въ единоборствѣ одолѣлъ нязя ихъ Редедю. — Ист. Гос. Росс., томъ II.

На лонѣ мстительныхъ грузинокъ;
И воспою тотъ славный часъ,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующій Кавказъ
Поднялся нашъ орель двуглавый;
Когда на Терекъ съдомъ
Впервые грянулъ битвы громъ
И грохотъ русскихъ барабановъ,
И въ сѣчѣ, съ дерзостнымъ челомъ,
Явился пылкій Циціановъ. ³
Тебя я воспою, герой,
О Котляревскій, бичъ Кавказа! ⁴
Куда ни мчался ты грозой, —
Твой ходъ, какъ черная зараза,
Губилъ, ничтожилъ племена...
Ты днесъ покинулъ саблю мести,
Тебя не радуеть война;
Скучая миромъ, въ язвахъ чести,
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашнихъ доловъ...
Но се — Востокъ подьѣмлетъ вой!..
Поникни снѣжною главою,
Смирись, Кавказъ — идетъ Ермоловъ!

И смолкнулъ ярый крикъ войны: ⁵
Все русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла васъ ваша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихіе кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Батя,
Измѣнить прадѣдамъ Кавказъ,
Забудеть алчной брани гласъ,
Оставить стрѣлы боевыя.
Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы,

Подѣдетъ путникъ безъ боязни,
И возвѣстятъ о вашей казни
Преданья темныя молвы. ⁶

Одесса 1821, 15 мая.

Приписки къ поэмѣ.

1.

Примите новую тетрадь,
Вы, юноши, и вы, дѣвицы:
Не веселѣ ль намъ читать
Игривой музы небылицы,
Чѣмъ пиндарическихъ похвалъ
Высокопарныя страницы,
Иль усыпительный журналъ,
Который, ввѣкъ не зная цѣли,
Усердно такъ тяжель и грубъ —
И ровно кажды двѣ недѣли
Быть хочеть золь, а только глупъ?

2.

О вы, которыя любили
Парнаса тайныя [мечты]
И вольной младости цвѣты
Вниманьемъ сладкимъ наградили, —
Спасите трудъ небрежный мой.
Отъ рукъ невѣжества слѣпого,
Отъ взоровъ зависти косой.
Картины, вымыслы, рассказы
Для васъ я вновь перемѣшалъ,
Смѣшное съ важнымъ сочеталъ
И бѣшеной любви проказы
Въ архивахъ ада отыскалъ.

III.

Программа и отрывки комедии.

(1821)

Валберхова — вдова, Сосницкій — ея братъ, Брянскій — любовникъ Валберховой, Рамазановъ. Боченковъ. Сосницкій даетъ завтракъ, Брянскій принимаетъ гостей, Рамазановъ узнаетъ Брянскаго. Изъясненіе. Пополамъ. Начинается игра. Сосницкій все проигрываетъ, гнетъ на карту Величкина (старый слуга). Отчаяніе его.

I.

Сосницкій и Валберхова. — В. Игралъ? С. Игралъ. В. Долго ли тебѣ быть Богъ знаетъ гдѣ? Добро бы, либераль... Да ты-то что? Зачѣмъ не въ свѣтъ... Гдѣ вся молодежь? С. Вы всѣ бранчивы... Скучно... То ли дѣло ночь играть. В. Скоро ли отстанешь? С. Нѣтъ, сестрица милая... Уѣзжай. У меня будетъ завтракъ. В. Игра?... С. Нѣтъ... В. Прощай.

II.

С. Карты!.. Величкинъ. Проиграетесь... С. Полно врать... Я поспѣю.

III.

Валберхова и Брянскій.

IV.

Брянскій и Рамазановъ — узнаютъ, уговариваются.

V.

Валберхова. Что за шумъ? Величкинъ. Играютъ. Валберхова. Поди за Брянскимъ.

VI.

Валберхова. И Брянскій такой же.

VII.

Брянскій и Валберхова. — Брянскій. Я пополамъ! Ему урокъ... проигрывается...

VIII.

Сосницкій въ отчаяніи. Брянскій. Величкинъ уговариваетъ, тотъ ставитъ его на карту, проигрываетъ. Величкинъ плачетъ, Сосницкій тоже. Брянскій и Рамазановъ. — Конецъ.

[4 іюня ночью, 5 іюня поутру].

Брянскій, Рамазановъ, Сосницкій. Вы здѣсь, а мнѣ ничего не сказали.

Мочи нѣтъ, усталъ, проигрался; пора въ театръ; нашъ другъ даетъ послѣдній завтракъ, онъ застрѣлится.

Я шелъ къ тебѣ, сестра... благо, даже въ одномъ домѣ... — Мы недѣлю не видались, что ты дѣлалъ? — Занятъ былъ. — Сегодня я дома, прїѣзжай пожалуйста. Тебѣ надо быть у тетки. — Я даю завтракъ. — Богъ знаетъ, какое общество. Зачѣмъ тебя нѣтъ въ свѣтѣ, и проч.

— Скажи, какой судьбой другъ-другу мы попались? Въ одномъ дому живемъ, и мѣсяцъ не видались. Откуда и куда?

— Я шелъ къ тебѣ, сестра: Хотѣлось мнѣ съ тобой увидѣться.

— Пора.

— Ей-Богу, занятъ былъ... дѣлами... службой... Я дорожу, сестра, твоею дружбой, Люблю тебя душой... Приду я иногда Съ тобою посидѣть, — но, видишь ли, бѣда: Всегда разѣдемся, — я дома, ты — въ каретѣ; Никакъ не съѣдемся...

— Но мы могли бы въ свѣтѣ Видаться каждый день...

— Конечно, я бы могъ Пуститься въ свѣтъ... Нѣтъ, нѣтъ, избави Богъ! По счастью, модный кругъ теперь совсѣмъ не въ модѣ; Ты знаешь, мы живемъ... на свободѣ, Не ѣздимъ въ общество, не знаемъ модныхъ дамъ,

И васъ оставили на жертву старикамъ,
 Любезникамъ осьмнадцатаго вѣка...
 А впрочемъ, не найдешь живого человѣка
 Въ отборномъ обществѣ.

— Хвалиться есть ли чѣмъ?

Что тутъ хорошаго? Ну, я прощаю тѣмъ,
 Которые, пускась въ пятнадцать лѣтъ на волю,
 Привыкли... лишь къ пороху, да къ полю:
 Казармы нравятся имъ больше нашихъ залъ;
 Но ты, который съ годъ учиться пересталъ,
 Который не знавалъ походной пыли сроду, —
 Зачѣмъ перенимать у нихъ пустую моду?
 Какая нужда въ томъ?

— Въ кругу своемъ они

О дѣльномъ говорятъ, читаютъ Жомини...

— Да ты не читывалъ съ тѣхъ поръ, какъ ты ро-
 дился;

Ты шлафрокомъ однимъ да трубкою плѣнился;
 Тебѣ ужъ грустно тамъ, гдѣ только банка нѣтъ,
 Гдѣ вѣчно не курятъ и долженъ быть одѣтъ...

Все жалобы, упреки, слезы — мочи нѣтъ!
 Откланяюсь пока; она мнѣ надоѣла;
 Къ тому жъ, и безъ нея мнѣ слишкомъ много дѣла:
 Я отыскалъ за Каменнымъ мостомъ
 Вдову съ племянницей; пойду туда пѣшкомъ,
 Подъ видомъ, будто бы, невиннаго гулянья.
 Ахъ!.. матушка!.. Предвижу увѣщанья!..
 А, здравствуйте, татап!

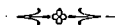
— „Куда же ты? постой!

„Я шла къ тебѣ, мой другъ. Мнѣ надобно съ тобой
 „О дѣлѣ говорить...“

— Я зналъ.

— „Имѣй терпѣнье,
„Мой другъ. Не нравится твое мнѣ поведенье...“
— А въ чемъ же?

— „Да во всемъ. Во-первыхъ, ты жены
„Не видишь никогда — точь въ точь разведены:
„Адель всегда одна, все дома; ты въ каретѣ,
„На скачкѣ, въ оперѣ, на балахъ, вѣчно въ свѣтѣ;
„Или нельзя никакъ съ женою посидѣть?..

IV.

Братья - разбойники.

(1821—1822).

Вслѣдъ за „Кавказскимъ Плѣнникомъ“ Пушкинъ задумалъ другую поэму, рѣшивъ взять для нея содержаніе изъ русской народной жизни, изъ быта русскихъ разбойниковъ. Поэма была готова, но авторъ остался ею недоволенъ—и сжегъ написанное. „Разбойниковъ я сжегъ, и подѣломъ“, писалъ онъ А. А. Бестужеву изъ Кишинева, 13 іюня 1823 г. „Одинъ отрывокъ уцѣлѣлъ въ рукахъ у Ник. Раевского. Если отечественные звуки: харчевня, кнутъ, острогъ не напугаютъ нѣжныхъ ушей читательницъ Полярной Звѣзды, то напечатай его“. Тогда же Пушкинъ сообщилъ свой отрывокъ и кн. П. А. Вяземскому. „Истинное происшествіе подало мнѣ поводъ написать этотъ отрывокъ“, писалъ поэтъ: „въ 1820 г., въ бытность мою въ Екатеринославлѣ, два разбойника, закованные вмѣстѣ, переплыли черезъ Днѣпръ. Ихъ отдыхъ на островкѣ, потопленіе одного изъ стражей — мною не выдуманы. Нѣкоторые стихи напоминаютъ переводъ Шильонскаго Узника. Это — несчастіе для меня. Я съ Жуковскимъ сошелся нечаянно: мой отрывокъ написанъ въ концѣ 1821 года“. Почти то же повторилъ Пушкинъ и въ своихъ „Критическихъ замѣткахъ“: „Не помню, кто замѣтилъ мнѣ, что невѣроятно, чтобы скованные вмѣстѣ разбойники могли переплыть рѣку. Все это происшествіе справедливо и случилось въ 1820 году, въ бытность мою въ Екатеринославлѣ“.

О своемъ отрывкѣ въ ту пору поэтъ былъ высокаго мнѣнія: „Какъ сюжетъ, c'est un tour de force“, писалъ онъ кн. Вяземскому 14 октября 1823. „Это не похвала, — напротивъ; но какъ слогъ я ничего лучше не написалъ“.

О первоначальномъ планѣ поэмы можно, до нѣкоторой степени, судить по обрывкамъ программы, сохранившимся въ рукописи Моск. Муз. № 2365 (ср. Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 100);

- (л. 46) I. Разбойники, исторія двухъ братьевъ.
 II. Атаманъ и съ нимъ дѣва... пѣснь на Волгѣ.
 III. Купеческое судно, дочь купца.
 IV. Сходить съ ума.

(л. 61 об.) Поэма. Вечеромъ дѣвица плачетъ, приговариваетъ, молодцы готовы отплыть. Есаулъ: „Гдѣ-то нашъ атаманъ?“ Они плывутъ и поютъ... Подъ Астраханью разбиваютъ корабль купеческій; онъ беретъ себѣ другую, — та сходитъ съ ума. Новая не любитъ его и умираетъ. Онъ пускается на всѣ злодѣйства. Есаулъ предаетъ его.

Въ той же рукописи (л. 51) находимъ первоначальный набросокъ разсказа разбойника, написанный инымъ размѣромъ :

Насъ было два брата, мы вмѣстѣ росли,
 И жалкую младость въ нуждѣ мы вели,
 И алчная жадность владѣла душой,
 И вмѣстѣ мы вышли на первый разбой...

На слѣдующемъ листѣ начать разсказъ уже размѣромъ позднѣйшимъ :

Насъ было двое, — братъ и я, и пр.

Въ рукописи № 2366, лл. 19 и 19 об., находятся также нѣсколько исчерканныхъ черновыхъ набросковъ, вошедшихъ потомъ въ печатный текстъ.

Наконецъ, въ записной книжкѣ поэта 1820 - 1821 гг., хранящейся въ Имп. Публ. Б-кѣ (л. 49), находимъ еще одинъ ранній вариантъ начала поэмы:

На Волгѣ, въ темнотѣ ночной,
 Вѣтрило блѣдное бѣлѣетъ,
 Въ бразды попутный вѣтеръ вѣетъ,
 Недвижны волны, руль заснулъ,
 Плывутъ ребята удалые,
 И стоя пѣсню есаулъ...

„Братья-разбойники“ напеч. въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1825 г., а въ 1827 г. — отдѣльной книжкой, въ Москвѣ въ тип. Авг. Семена, подъ заглавiемъ: „Братья-разбойники А. Пушкина (писано въ 1822 году)“, 8°, два изданiя: пер-

вое (15 страницъ, цѣна 105 коп.) цензуровано И. Снегиревымъ 28 марта, второе (14 стр. ц. 42 коп.) — 9 июня 1827. Наконецъ, въ послѣдній разъ при жизни Пушкина, поэма напечатана во II-й части „Поэмъ и повѣстей“ (Спб. 1835). Во всѣхъ указанныхъ изданіяхъ нѣтъ послѣднихъ 16-ти стиховъ отрывка: они неизвѣстны и въ рукописяхъ, и впервые явились только въ посмертномъ изданіи (II, 202), — быть можетъ, по недошедшей до насъ рукописи самого Пушкина, а можетъ быть, прибавлены и Жуковскимъ, которому, какъ извѣстно, принадлежитъ довольно много измѣненій посмертнаго пушкинскаго текста. Мы печатаемъ поэму въ томъ видѣ, какъ она была четыре раза напечатана при жизни Пушкина, а заключительные 16 стиховъ даемъ въ примѣчаніяхъ.

Небольшія критическія замѣтки о „Братьяхъ-разбойникахъ“ явились въ Сынѣ Отеч. 1827, № 16, стр. 399, и Сѣв. Пчелѣ 1827, № 101. Рецензентъ Сына Отеч. замѣтилъ, что „въ характерѣ Разбойника, при всей его жестокости и развратности, видимъ одно господствующее чувство природы — любовь братскую: она, за недостаткомъ добродѣтели, за отсутствіемъ совѣсти, сдерживаетъ иногда въ немъ порывы кровожадности; и она-то, выраженная очаровательными стихами Пушкина, пробуждаетъ въ насъ минутное чувство жалости даже къ разбойнику. Вотъ нравственная сторона сей поэмы, изъ которой можно вывести послѣдствіе, что человѣкъ даже въ крайнемъ униженіи своемъ не вовсе еще отбрасываетъ отъ себя чувство, которое милосердный Промыслъ вложилъ въ душу его при самомъ рожденіи“.

Любопытный примѣръ простонародной передѣлки этой поэмы указанъ въ статьѣ В. О. Михневича: „Лодка“, въ Историч. Вѣстн. 1881, № 3, стр. 689.

Не стая вороновъ слеталась
На груди тлѣющихъ костей, - -
За Волгой, ночью, вокругъ огней,
Удалыхъ шайка собиралась.
Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племень, нарѣчій, состояній! ¹
Изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ
Они стеклися для стяжаній!
Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердець - -
Живутъ безъ власти, безъ закона.
Межь ними зрится и бѣглець
Съ береговъ воинственнаго Дона,
И въ черныхъ локонахъ еврей,
И дикіе сыны степей,
Калмыкъ, башкирецъ безобразный,
И рыжій финнъ, и съ лѣнью праздною
Вездѣ кочующій цыганъ.
Опасность, кровь, развратъ, обманъ
Суть узы страшнаго семейства;
Тотъ ихъ, кто съ каменной душой
Прошелъ всѣ степени злодѣйства;
Кто рѣжетъ хладною рукой
Вдовицу съ бѣдной сиротой,
Кому смѣшно дѣтей стенанье,
Кто не прощаетъ, не щадить,
Кого убійство веселить,
Какъ юношу любви свиданье.

Затихло все; теперь луна
Свой блѣдный свѣтъ на нихъ наводитъ,
И чарка пѣннаго вина

Изъ рукъ въ другія переходитъ.
Простерты на землѣ сырой
Иные чутко засыпають,
И сны зловѣщіе летаютъ
Надъ ихъ преступной головой.
Другимъ рассказы сокращаютъ
Угрюмой ночи праздный часъ;
Умолкли всѣ — ихъ занимаетъ
Пришельца новаго рассказъ,
И все вокругъ его внимають.

„Насъ было двое: братъ и я.
Росли мы вмѣстѣ; нашу младость
Вскормила чуждая семья.
Намъ, дѣтямъ, жизнь была не въ радость:
Уже мы знали нужды гласъ,
Сносили горькое презрѣнье,
И рано волновало насъ
Жестокой зависти мученье.
Не оставалось у сиротъ
Ни бѣдной хижинки, ни поля;
Мы жили въ горѣ, средь заботъ,
Наскучила намъ эта доля,
И согласились межъ собой
Мы жребій испытать иной:
Въ товарищи себѣ мы взяли
Булатный ножъ, да темну ночь,
Забыли робость и печали,
А совѣсть отогнали прочь.

„Ахъ, юность, юность удалая!
Житье въ то время было намъ,
Когда, погибель презирая,
Мы все дѣлили пополамъ.
Бывало, только мѣсяць ясный
Взойдетъ и станетъ средь небесъ,
Изъ подземелія мы въ лѣсъ

Идемъ на промысль опасный,
 За деревомъ сидимъ и ждемъ:
 Идетъ ли позднею дорогой
 Богатый жидъ иль попъ убогой —
 Все наше, все себѣ беремъ!
 Зимой, бывало, въ ночь глухую
 Заложимъ тройку удалую,
 Поемъ и свищемъ, и стрѣлой
 Летимъ надъ снѣжной глубиной.
 Кто не боялся нашей встрѣчи?
 Завидѣли въ харчевнѣ свѣчи —
 Туда! Къ воротамъ! И стучимъ,
 Хозяйку громко вызываемъ,
 Вошли—все даромъ: пьемъ, ѣдимъ,
 И красныхъ дѣвушекъ ласкаемъ!

„И что жь! Попались молодцы;
 Недолго братья пировали:
 Поймали насъ — и кузнецы
 Насъ другъ ко другу приковали,
 И стража отвела въ острогъ.
 Я старшій былъ пятью годами
 И вынести больше брата могъ:
 Въ цѣпяхъ, за душными стѣнами,
 Я уцѣлѣлъ — онъ изнемогъ.
 Съ трудомъ дыша, томимъ тоскою,
 Въ забвеньѣ, жаркой головою
 Склоняясь къ моему плечу,
 Онъ умиралъ, твердя всечасно:
 „Мнѣ душно здѣсь... я въ лѣсъ хочу...
 Воды, воды!..“ Но я напрасно
 Страдальцу воду подавалъ:
 Онъ снова жаждою томился,
 И градомъ потъ по немъ катился.
 Въ немъ кровъ и мысли волновалъ
 Жаръ ядовитаго недуга:
 Ужь онъ меня не узнавалъ,

И поминутно призывалъ
Къ себѣ товарища и друга.
Онъ говорилъ: „Гдѣ скрылся ты?
„Куда свой тайный путь направилъ?
„Зачѣмъ мой братъ меня оставилъ
„Средь этой смрадной темноты?
„Не онъ ли самъ отъ мирныхъ пашень
„Меня въ дремучій лѣсъ сманилъ,
„И ночью тамъ, могущъ и страшень,
„Убійству первый научилъ?
„Теперь онъ безъ меня на волѣ
„Одинъ гуляетъ въ чистомъ полѣ,
„Тяжелымъ машетъ кистенемъ,
„И позабылъ въ завидной долѣ
„Онъ о товарищѣ своемъ!..“
То снова разгорались въ немъ
Докучной совѣсти мученья:
Предъ нимъ толпились привидѣнья,
Грозя перстомъ издалека.
Всѣхъ чаще образъ старика,
Давно зарѣзаннаго нами,
Ему на мысли приходилъ;
Больной, зажавъ глаза руками,
За старца такъ меня молилъ:
„Братъ! сжался надъ его слезами!
„Не рѣжь его на старость лѣтъ...
„Мнѣ дряхлый крикъ его ужасень...
„Пусти его — онъ не опасень;
„Въ немъ крови капли теплой нѣтъ...
„Не смѣйся, братъ, надъ сѣдинами,
„Не мучь его... авось мольбами
„Смягчитъ за насъ онъ Божій гнѣвъ!..“
Я слушалъ, ужасъ одолѣвъ,
Хотѣлъ унять больного слезы
И удалить пустыя грезы.
Онъ видѣлъ пляски мертвецовъ,
Въ тюрьму пришедшихъ изъ лѣсовъ;

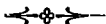
То слышалъ ихъ ужасный шопоть,
То вдругъ погони близкій топоть,
И дико взгляды его сверкаль,
Стояли волосы горою,
И весь какъ листъ онъ трепеталъ.
То мнилъ ужъ видѣть предъ собою
На площадяхъ толпы людей,
И страшный ходъ до мѣста казни,
И кнуть, и грозныхъ палачей...
Безъ чувствъ, исполненный боязни,
Братъ упадалъ ко мнѣ на грудь.
Такъ проводилъ я дни и ночи,
Не могъ минуты отдохнуть,
И сна не знали наши очи.

„Но молодость свое взяла:
Вновь силы брата возвратились;
Болѣзнь ужасная прошла.
И съ нею грезы удалились.
Воскресли мы. Тогда сильнѣй
Взяла тоска по прежней долѣ;
Душа рвалась къ лѣсамъ и къ волѣ,
Алкала воздуха полей.
Намъ тошень былъ и мракъ темницы,
И сквозь рѣшетки свѣтъ денницы,
И стражи кликъ, и звонъ цѣпей,
И легкій шумъ залетной птицы.

„По улицамъ однажды мы,
Въ цѣпяхъ, для городской тюрьмы
Сбирали вмѣстѣ подаянье,
И согласились въ тишинѣ
Исполнить давнее желанье.
Рѣка шумѣла въ сторонѣ,
Мы къ ней — и съ береговъ высокихъ
Бухъ! — поплыли въ водахъ глубокихъ.
Цѣпями общими гремимъ,
Бьемъ волны дружными ногами,

Песчаный видимъ островокъ
И, разсѣкая быстрый токъ,
Туда стремимся. Вслѣдъ за нами
Кричатъ: „Лови! лови! уйдуть!“
Два стража издали плывутъ.
Но ужъ на островъ мы ступаемъ,
Оковы камнемъ разбиваемъ,
Другъ съ друга рвемъ клочки одеждъ,
Отягощенные водою...
Погоню видимъ за собою,
Но смѣло, полные надеждъ,
Сидимъ и ждемъ. Одинъ ужъ тонетъ,
То захлебнется, то застонетъ —
И какъ свинецъ пошелъ ко дну.
Другой проплылъ ужъ глубину;
Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ въ бродъ упрямо,
Не внемля крику моему,
Идетъ, но въ голову ему
Два камня полетѣли прямо —
И хлынула на волны кровь;
Онъ утонулъ — мы въ воду вновь.
За нами гнаться не посмѣли,
Мы береговъ достичь успѣли
И въ лѣсъ ушли. Но бѣдный братъ...
И трудъ, и волнь осенній хладъ
Недавнихъ силъ его лишили:
Опять недугъ его сломилъ
И злыя грезы посѣтили.
Три дня больной не говорилъ
И не смыкалъ очей дремотой;
Въ четвертый грустною заботой,
Казалось, онъ исполненъ былъ;
Позвалъ меня, пожалъ мнѣ руку;
Потухшій взоръ изобразилъ
Одолѣвающую муку;
Рука задрогла, онъ вздохнулъ —
И на груди моей уснулъ.

„Надъ хладнымъ тѣломъ я остался,
Три ночи съ нимъ не разставался,
Все ждалъ, очнется ли мертвецъ,
И горько плакалъ. Наконецъ
Взялъ заступъ, грѣшную молитву
Надъ братней ямой совершилъ,
И тѣло въ землю схоронилъ...
Потомъ на прежнюю ловитву
Пошелъ одинъ... Но прежнихъ лѣтъ
Ужъ не дождусь — ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
Пиры, веселые ночлеги
И наши буйные набѣги —
Могилы брата все взяла.
Влачусь угрюмый, одинокій;
Окаменѣлъ мой духъ жестокій,
И въ сердцѣ жалость умерла.
Но иногда щажу морщины:
Мнѣ страшно рѣзать старика,
На беззащитныя сѣдины
Не подымается рука.
Я помню, какъ въ тюрьмѣ жестокой
Больной, въ цѣпяхъ, лишенный силъ,
Безъ памяти, въ тоскѣ глубокой
За старца братъ меня молилъ.“

V.

В а д и м ъ.

(Отрывки изъ неоконченныхъ: драмы и поэмы).

1822.

Въ одномъ изъ нашихъ лѣтописныхъ сборниковъ (Никонская лѣтопись) уцѣлѣлъ темный разсказъ о томъ, что вскорѣ послѣ призванія варяжскихъ князей новгородцы, недовольные правленіемъ Рюрика, возстали противъ него подъ предводительствомъ Вадима: „въ лѣто 863 уби Рюрикъ Вадима Храбраго и иныхъ многихъ изби новгородцевъ, совѣтниковъ его“. Разбирая это сказаніе, Татищевъ (Ист. Росс., 1768, I, 35 и II, 13) высказалъ догадку, что Вадимъ, какъ и Рюрикъ, былъ внукомъ Гостомысла, но, происходя отъ одной изъ старшихъ дочерей послѣдняго, имѣлъ больше правъ на власть, въ борьбѣ за которую онъ и погибъ вмѣстѣ съ своими приверженцами. Сказаніе о Вадимѣ въ свое время привлекало вниманіе многихъ нашихъ писателей. Екатерина II воспользовалась имъ въ своемъ „Историческомъ представленіи изъ жизни Рюрика“, гдѣ Вадимъ представленъ честолюбивымъ бунтовщикомъ противъ законной „самодержавной“ власти перваго русскаго князя. Княжнинъ сдѣлалъ Вадима героемъ своей знаменитой трагедіи: „Вадимъ Новгородскій“, напечатанной уже только по смерти автора, въ 39-й части „Россійскаго Оеатра“ 1793 г. и затѣмъ, по распоряженію генераль-прокурора гр. Самойлова, вырванной изъ всѣхъ экземпляровъ этой части за обнаруженныя въ трагедіи „нелѣпыя выраженія“ (см. Рус. Стар. 1871). Въ романтическую пору нашей поэзіи Вадимъ представлялся героемъ народнаго освобожденія отъ иноземнаго ига. Такимъ является онъ въ думѣ Рылѣва:

Не смотря на хладъ убійственный
Согражданъ къ правамъ своимъ,
Ихъ отъ бѣдъ спасти насильственно
Хочетъ пламенный Вадимъ.
„До какого насъ безславія
„Довели вражды гражданъ!
„Насылаетъ Скандинавія
„Властелиновъ для славянъ!“

Мы не знаемъ, извѣстна ли была эта дума Пушкину, но трагедію Княжнина онъ зналъ хорошо; она-то, по всей вѣроятности, и внушила ему мысль обработать ту же тему въ новомъ стилѣ. „Пушкинъ замышлялъ написать картину заговора и возстанія славянскихъ племенъ противъ иноплеменнаго ига, напомнить именемъ Вадима трагедію Княжнина и, наконецъ, открыть въ русской литературѣ эру мужественныхъ альфіеріевскихъ трагедій на мѣсто любовныхъ классическихъ... „Славянскій племена“ и „иноплеменники“ составляли только весьма прозрачную аллегорію, въ которой легко было разобрать настоящихъ дѣятелей и настоящихъ враговъ...“ (Анненк. Пушк., 164). Но драма не пошла дальше небольшого отрывка. Пушкинъ оставилъ ее и обратился къ поэзмѣ, какъ формѣ, въ ту пору болѣе для него привычной. Вскорѣ, однако, и поэма была заброшена, хотя изъ рукописей видно, что П. много о ней думалъ и нѣсколько разъ принимался за составленіе программы. Такъ, въ рукописи Моск. Муз. № 2365, гдѣ находятся наброски драмы и поэмы, за ними слѣдуетъ программа:

„Вечеръ. Русскій берегъ. Ладья. Рыбакъ. Вадимъ не спитъ. Рыбакъ хочетъ его убить. Утромъ засыпаетъ. Вадимъ видитъ во снѣ Новгородъ, Гостомысла, набѣгъ Рюрика, Рогнѣду. Онъ идетъ къ Новгороду. Могила Гостомысла. Онъ находитъ тамъ друга. Первая сцена трагедіи. Заговорщики собираются, клянутся умереть за свободу Новгорода. Тризна. Обряды. Вадимъ назначаетъ свиданіе Рогнѣдѣ. — Свадебный пиръ. Рюрикъ выдаетъ свою дочь за Стемида — перваго полководца, гости садятся за столы, — скатерти. Вадимъ въ числѣ гостей. Пьютъ здоровье Рюрика, братьевъ жениха и невѣсты, варяговъ. Вадимъ пьетъ здоровье гражданъ и Новгорода — почему?“

Въ записной книжкѣ 1820 - 21 гг. (Имп. Публ. Б-ка) находимъ еще новыя программы для той же поэмы:

„Вадимъ влюбленъ. Рогнѣда, дочь Гостомысла. Она невѣста Громвала, славянина Рюрика. Вадимъ и его шайка таятся близъ могилы Гостомысла. Вадимъ былъ во дворцѣ и въ городѣ и назначилъ свиданье Рогнѣдѣ.

„Рюрикъ и Громваль — презрѣніе къ народу самовластія. Громваль его защищаетъ. Рогнѣда, различныя ея воспоминанія. Является Вадимъ. Рогнѣда, Рюрикъ и Громваль.

„Вадимъ въ Новгородѣ на вѣчѣ. Вѣстникъ — толпа — Рюрикъ. Рогнѣда открываетъ заговоръ — бунтъ — бой — Вадимъ передъ Рюрикомъ.

„Вадимъ и Громвалъ — свиданье — друзья дѣтства.

„Преданія: Славенъ оснуетъ городъ Славянскъ. Вандакъ, сынъ его. Гардоринъ и Гунигаръ, завоеватели. Изборъ, Столпосвятъ и Влад., женатый на Адвиндѣ. Сынъ новья его. Буриной, сынъ Влад., отецъ Гостомысла.

„Вадимъ въ мрачную ночь, сокрытый у гробницы Гостомысла. Карамзинъ, т. II, стр. 158. Путеш. Даніила въ Іерусалимъ при царств. Святополка (Мономахъ, половцы).“

„Отрывокъ изъ драмы Пушкина явился впервые только въ изд. Анненкова (VII, 66), а отрывокъ изъ поэмы былъ напечатанъ частью (отъ стиха: „Проходитъ ночь, огонь погасъ“ — стр. 169 до: „Межь тѣмъ привычныя заботы“ — стр. 170) — въ альманахѣ Б. Ѳедорова: „Памятникъ отечественныхъ музъ“ 1827 г., стр. 253, и затѣмъ перепечатанъ въ П о с м. IX, 386, а въ полномъ видѣ—въ изд. Анненкова.

I.

(Изъ драмы).

В А Д И М Ъ.

Ты видѣлъ Новгородъ, ты слышалъ гласъ народа;
Скажи, Рогдай, жива ль славянская свобода? ¹
Иль князя чуждаго покорные рабы
Рѣшились оправдать гоненіе судьбы?

Р О Г Д А Й.

Вадимъ! надежда есть. Народъ нетерпѣливый,
Старинной вольности питомецъ горделивый,
Досадуя, влачить позорный свой яремъ.
Какъ иноземный гость, невѣдомый никѣмъ,
Являлся я въ домахъ, на стогнахъ и на вѣчѣ:
Вражду къ правительству я зрѣлъ на каждой встрѣчѣ. ²
Уныніе вездѣ: торговли шумъ утихъ,
Встревожены умы — и пламя тлѣетъ въ нихъ.
Младые граждане кипятъ и негодуютъ.
Вадимъ! они тебя съ надеждой именуютъ... ³

В А Д И М Ъ.

Безумные! давно ль они въ глазахъ моихъ
Встрѣчали торжествомъ властителей чужихъ
И вольныя главы подъ иго преклоняли?
Изгнанью моему давно ль рукоплескали?
Теперь зовутъ меня, а завтра, можетъ, вновь...
Невѣрна ихъ вражда, невѣрна ихъ любовь...
Но я не измѣню...

II.

(Изъ поэмы).

Сводъ неба мракомъ обложился;
 Въ волнахъ варяжскихъ лунный лучъ,
 Сверкая межъ вечернихъ тучъ,
 Столпомъ неровнымъ отразился.
 Качаясь, лебедь на волнѣ
 Заснуль, и все кругомъ почило...
 Но вотъ по темной глубинѣ
 Стремится бѣлое вѣтрило,
 И блещетъ пѣна при лунѣ;
 Летитъ испуганная птица,
 Услыша близкій шумъ весла.
 Чей это парусъ? Чья десница
 Его во мракѣ напрягла?

Ихъ двое. На весло нагбенный,
 Одинъ, смиренный житель волнъ,
 Гребетъ и къ югу править челнъ;
 Другой, какъ волхвомъ пораженный,
 Стоитъ недвижимъ, на брега
 Глаза вперивъ, не молвить слова,
 И черезъ челнъ его нога
 Перешагнуть уже готова.
 Плынуть...

„Причаливай, старикъ!
 „Къ утесу правь!“ — и въ волны вмигъ
 Прыгнуль пловецъ нетерпѣливый,
 И береговъ уже достигъ.
 Межъ тѣмъ, рукой неторопливой
 Другой, вѣтрило опустивъ,
 Свой челнъ къ утесу пригоняетъ,
 Къ подошвамъ двухъ союзныхъ ивъ
 Узломъ надежнымъ укрѣпляетъ,
 И всходитъ медленной стопой
 На берегъ дикій и крутой.

Кремень звучить, и пламя вскорѣ
 Далеко освѣтило море.
 Суровый край! Громады скаль
 На берегу стоять угрюмомъ;
 Объ нихъ мятежный бьется валъ
 И пѣна плещеть; сосны съ шумомъ
 Качаютъ старыя главы
 Надъ зыбкой пеленой пучины;
 Кругомъ ни цвѣта, ни травы,
 Песокъ да мохъ; скалы, стремнины
 Вездѣ хранятъ клеймо громовъ
 И слѣдъ потоковъ истощенныхъ,
 И тлѣютъ кости — пиръ волковъ —
 Въ разсѣлинахъ окровавленныхъ.
 Къ огню заботливый старикъ
 Простеръ нѣмѣющія руки.
 Примѣты долголѣтней муки:
 Согбенны кости, тощій ликъ,
 На коемъ время углубляло
 Свои послѣдніе слѣды,
 Одежда, обувь — все являло
 Въ немъ дикость, нужду и труды.
 Но кто же тотъ? Блистаетъ младость
 Въ его лицѣ; какъ вешній цвѣтъ
 Прекрасенъ онъ; но, мнится, радость
 Его не знала съ дѣтскихъ лѣтъ;
 Въ глазахъ потупленныхъ кручина;
 На немъ одежда славянина,
 И на бедрѣ — славянскій мечъ;
 Славянь вотъ очи голубые,
 Вотъ ихъ и волосы золотые,
 Волнами падшіе до плечъ...

Косматымъ рубищемъ одѣтый,
 Огнемъ живительнымъ согрѣтый,
 Старикъ забылся крѣпкимъ сномъ.
 Но юноша, на перси руки

Задумчиво сложивъ крестомъ,
Сидить съ нахмуренныхъ челомъ...

Проходитъ ночь; огонь погасъ, ⁴
Остыль и пепель; водъ пучина
Бѣлѣеть; близокъ утра часъ;
Нисходитъ сонъ на славянина. ⁵

Видалъ онъ дальныя страны,
По сушѣ, по морю носился,
Во дни былые, дни войны,
На западѣ, на югѣ бился,
Дѣля добычу и труды
Съ суровымъ племенемъ Одена,
И передъ нимъ враговъ ряды
Бѣжали, какъ морская пѣна
Въ часъ бури къ чернымъ берегамъ. ⁶
Внималъ онъ радостнымъ хваламъ
И арфамъ скальдовъ изступленныхъ, ⁷
Въ жилищѣ сильныхъ пировалъ,
И очи дѣвъ иноплеменныхъ
Красою чуждой привлекалъ.
Но сладкій сонъ не переноситъ
Теперь героя въ край чужой,
Въ поля, гдѣ мчится бурный бой,
Гдѣ мечъ главы героевъ косить;
Не видитъ онъ знакомыхъ скаль
Каріаландіи печальной, ⁸
Ни Альбіона, гдѣ искалъ
Кровавыхъ сѣчь и славы дальней; ⁹
Ему не снится шумъ валовъ;
Онъ позабылъ морскія битвы,
И пламя яркое костровъ, ¹⁰
И трубный звукъ, и лай ловитвы;
Другія грезы и мечты
Волнуютъ сердце славянина:
Предъ нимъ славянская дружина;

Онъ узнаеть ея щиты,
 Онъ снова простираеть руки
 Товарищамъ минувшихъ лѣтъ, ¹¹
 Забытыхъ въ долги дни разлуки,
 Которыхъ ужъ и въ мѣрѣ нѣтъ...

Онъ видитъ Новгородъ Великой,
 Знакомый теремъ съ давнихъ поръ;
 Но тынь обросъ крапивою дикою,
 Обвиты окна повиликою,
 Въ травѣ заглохъ широкой дворъ.
 Онъ быстро храминъ опустѣлыхъ
 Проходитъ опустѣлый рядъ:
 Все мертво... нѣтъ гостей веселыхъ,
 Застольны чаши не гремятъ...
 И вотъ веселая свѣтлица,
 Въ немъ сердце бьется: здѣсь иль нѣтъ
 Любовь очей, душа-дѣвица?
 Цвѣтетъ ли здѣсь мой милый цвѣтъ?
 Найду-ль ее?.. И съ этимъ словомъ
 Онъ входитъ... Что же? Страшный видъ;
 Въ постелѣ хладной, подъ покровомъ
 Дѣвица мертвая лежитъ!..
 Въ немъ замеръ духъ и взволновался.
 Покровъ приподнимаетъ онъ,
 Глядитъ, глядитъ — и слабый стонъ ¹²
 Сквозь тяжкій сонъ его раздался.
 Она, она! ея черты!..
 На персяхъ рану обнажаетъ;
 „Она погибла!“ восклицаетъ;
 „Кто могъ?..“ И слышитъ голосъ: „Ты!..“ ¹³

Межъ тѣмъ привычныя заботы
 Средь усладительной дремоты
 Тревожатъ душу старика:
 Во снѣ онъ парусъ развиваетъ,
 Плыветъ по волѣ вѣтерка;

Его тихонько увлекаетъ
Къ заливу свѣтлая рѣка,
И рыба сонная впадаетъ
Въ тяжелый неводъ старика;
Все тихо; море почиваетъ;
Но туча виснетъ; дальній громъ
Надъ звучной бездною грохочетъ,
И вотъ, пучина подъ челномъ
Кипитъ, подьѣмлетъ, клокочетъ;
Напрасно къ вѣрнымъ берегамъ
Несчастный возвратиться хочетъ,
Челнокъ трещитъ — и пополамъ!
Рыбакъ идетъ на дно морское...
И, пробудясь, трепещетъ онъ,
Глядитъ окрестъ — брега въ покоѣ,
На полусвѣтлый небосклонъ
Восходить утро золотое;
Съ деревъ, съ утесистыхъ вершинъ,
На встрѣчу радостной денницы,
Щебеча, полетѣли птицы,
И разсвѣло...

VI.

Бахчисарайскій Фонтанъ.

1822.

Лушкінъ.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Сиб.

Бахчисарайскій фонтанъ.

Основою для поэмы послужило преданіе о княжнѣ Поттоцкой, переданное Пушкину Ек. Ник. Раевской, старшей дочерью извѣстнаго генерала; а поводъ къ разсказу былъ данъ посѣщеніемъ, вмѣстѣ съ Раевскими, въ 1820 г., развалинъ Бахчисарайскаго дворца. „Я прежде слыхалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана“, писалъ П. Дельвигу въ декабрѣ 1824 г., вспоминая объ этомъ посѣщеніи и набрасывая, въ то же время, стихотвореніе „Фонтану Бахчисарайскаго дворца“ (I, 365): „К. поэтически описывала мнѣ его, называя фонтаномъ слезъ. Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный фонтанъ: изъ заржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода... Раевскій почти насильно повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ развалины гарема и на ханское кладбище“...

Еще раньше (8 февр. 1824) П. писалъ Бестужеву: „Недостатокъ плана — моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины... Впрочемъ, я писалъ его единственно для себя, а напечаталъ потому, что деньги были нужны“.

Въ черновыхъ рукописяхъ поэта сохранилось нѣсколько подготовительныхъ набросковъ къ поэмѣ, которыми онъ отчасти и воспользовался впоследствии:

I.

Исполню я твое желанье,
Начну обѣщанный разсказъ.
Давно, когда мнѣ въ первый разъ
Повѣдали сіе преданье, —
Тогда я грустью омрачился;
Но не надолго юный умъ,
Забывъ веселыхъ оргій шумъ,
Въ унынье, въ думы углубился.
Какою быстрой чередой
Тогда смѣнялись впечатлѣнья,

Восторги — тихою тоской,
Печаль — порывомъ упоенья... *)

II.

Девлетъ - Гирей задумчиво сидитъ ;
Драгой янтарь въ устахъ его дымится ;
Ужасный дворъ кругомъ него молчитъ ...

Кромъ того, Анненковымъ (VII, 86), по рукописи нынѣ неизвѣстной, сообщенъ еще одинъ набросокъ:

III.

Блестить луна, недвижно море спитъ,
Молчать сады роскошные Гассана ;
Но кто же тамъ во тьмѣ сидитъ
На мраморѣ печальнаго фонтана?
Арапъ-евнухъ, гарема стражъ сѣдой,
И съ нимъ его товарищъ молодой.
„Недугъ любви, недугъ тоски душевной,
„Не отъ меня сокроешь ты:
„Твой мрачный ваоръ, твой ропотъ гнѣвный,
„Твои свирѣпья мечты
„Уже давно мнѣ все сказали ...“

Черновой текстъ самой поэмы находится въ рукописи Моск. Муз. № 2366, лл. 20 - 29, гдѣ многое вырвано, — неизвѣстно, самимъ ли П. или постороннею рукою ...

Первоначально П. хотѣлъ назвать поэму „Гаремомъ“, но, какъ онъ самъ говоритъ въ одной изъ своихъ замѣтокъ, соблазнился меланхолическимъ эпиграфомъ изъ Саади. Изреченіе персидскаго поэта запомнилось Пушкину — и было имъ повторено впоследствии въ „Онѣгинѣ“

Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ.

Первое изданіе „Бахч. Фонтана“ сдѣлано было кн. П. А. Вяземскимъ въ М. 1824 и затѣмъ куплено книгопродавцами Ширяевымъ и Смирдинымъ за 3500 руб. асс. По просьбѣ Пушкина, Вяземскій приложилъ къ книжкѣ свою статью: „Вмѣсто предисловія — Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской Стороны или Ва-

*) Варіантъ этого наброска см. въ примѣчаніяхъ.

сильевского Острова" (Соч. Вяз., I, 167) и выписку из „Путешествія по Тавридѣ" И. М. Муравьева-Апостола (Спб. 1823), для ознакомленія читателей съ мѣстомъ дѣйствія поэмы и преданіемъ о Потоцкой. Второе изданіе вышло въ Спб. 1827, съ 4-мя гравюрами: Гирей, Игры женъ, Приходъ Заремы къ Маріи и Сцена между ними. Третье изданіе вышло также въ Спб., 1830; здѣсь нѣтъ ни гравюръ, ни „Разговора", но къ выпискѣ изъ книги Муравьева прибавленъ отрывокъ изъ упомянутого выше письма П. къ Дельвигу. Наконецъ въ четвертый разъ при жизни поэта „Б. Ф. „напечатанъ въ собраніи его „Поэмъ и повѣстей", Спб. 1835, ч. I.

„Разговоръ" кн. Вяземскаго вызвалъ цѣлую полемику, въ которую долженъ былъ вмѣшаться и Пушкинъ (см. въ т. VI „Письмо къ издателю Сына Отечества"). М. А. Дмитріевъ напечаталъ въ Вѣстн. Евр. 1824, № 5, „Второй разговоръ между классикомъ и издателемъ Бахчисарайскаго Фонтана", по своимъ выводамъ противоположный первому; кн. Вяземскій отвѣчалъ статью: „О литературныхъ мистификаціяхъ" (Дамскій Журналъ, № 7, и отд. брошюрой); Дмитріевъ помѣстилъ въ Вѣстн. Евр. № 7 свой „Отвѣтъ на статью о литературныхъ мистификаціяхъ"; Вяземскій — въ Дамск. Журн. № 8 — „Разборъ второго разговора", вызвавшій новыя возраженія Дмитріева (В. Е. № 8), на которыя Вяземскій отвѣчалъ статью: „Мое послѣднее слово" (Д. Ж. № 9; этихъ трехъ послѣднихъ статей нѣтъ въ полномъ собраніи сочиненій кн. Вяземскаго; см. о нихъ въ его письмахъ къ А. И. Тургеневу, Ост. Арх., III, 27 - 43). Сюда же относятся слѣдующія статьи и замѣтки: „О поэмахъ А. С. Пушкина и въ особенности о Бахч. Фонтанѣ" — въ Новостяхъ Литературы 1824, №№ 11 и 12; „О Бахч. Фонтанѣ не въ литературномъ отношеніи" (о покупкѣ изданія книгопродавцами) — тамъ же, № 13; „Еще нѣсколько словъ о Б. Ф. не въ литературномъ отношеніи" — Дамск. Ж. № 9 и Благонамѣренный, ч. 26; критическая статья кн. Вяземскаго въ Сынѣ Отеч., ч. 92, №№ 12 и 18; „Критическій взглядъ на Б. Ф." — въ Литературныхъ Листкахъ Булгарина, 1825, № 7; отвѣтъ на эту статью Вал. Олина въ Рус. Инвал. 1825, № 52. Второе изданіе поэмы вызвало замѣтки въ Моск. Телегр. 1827, ч. 18, и Сѣв-

Пчелѣ, № 152 („Письмо Порфирія Фалелеевича Байскаго“); отвѣтъ на эту статью — въ С л а в я н и н ѣ Воейкова, 1828, № 13. О третьемъ изданіи небольшая замѣтка явилась въ Литер. Газетѣ 1830, № 22. Почти всѣ эти статьи перепечатаны въ сборникѣ В. Зелинскаго: „Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина“, М. 1877 и слл. Отзывы собственно о поэмѣ, по справедливому замѣчанію А н н е н к о в а, сливались въ одну похвалу неслышанной еще дотолѣ гармоніи языка, небывалой у насъ роскоши стиховъ и описаній. . . Въ поэмѣ видѣли торжество русскаго языка, и только робко замѣчали недостатокъ движенія, хода въ новомъ созданіи. Что касается полемики кн. Вяземскаго съ М. Дмитріевымъ, то она шла не о поэмѣ Пушкина, а вообще о литературныхъ направленіяхъ — о „классицизмѣ“ и „романтизмѣ“. Это былъ первый у насъ принципиальный споръ между защитниками старинныхъ французскихъ „правиль“ стихотворства“ и поборниками свободы поэтическаго творчества, причемъ кн. Вяземскій однимъ изъ важнѣйшихъ достоинствъ „романтическаго“ произведенія считалъ „сохраненіе цвѣта мѣстности (couleur locale) со всею возможною свѣжестью и яркостью.“

Критика обратила, впрочемъ, вниманіе на сходство пушкинскаго Гирея съ героями Байрона: разочарованность, неудовлетворенность окружающимъ, сила страсти, непреклонность передъ внѣшними врагами, мщеніе людямъ за личныя несчастія, — всѣ эти черты живо напомнили „Гяура“ и „Корсара“, точно такъ же, какъ въ лицахъ Заремы и Маріи мелькнули уже знакомые почитателямъ Байрона образы Гюльнары („Корсарь“) и Зюлейки („Абидосская невѣста“). Самъ Пушкинъ считалъ „Б. Фонтанъ“ слабѣе другихъ своихъ произведеній. Въ своихъ позднѣйшихъ критическихъ замѣткахъ онъ говоритъ объ этой поэмѣ слѣдующее:

„Б. Ф. слабѣ Плѣнника и, какъ онъ, отзывается чтеніемъ Байрона, отъ котораго я съ ума сходилъ. Сцена Заремы съ Маріей имѣетъ драматическое достоинство. Его, кажется не критиковали. Ал. Раевскій хохоталъ надъ слѣдующими стихами:

Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
 Подъемлетъ саблю — и съ размаха
 Недвижимъ остается вдругъ,
 Блѣднѣетъ etc.

„Молодые писатели вообще не умѣютъ изображать физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрогаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами и проч. Все это смѣшно, какъ мелодрама“.

К а р а м з и н ъ (Письма къ Дмитріеву, 370) находилъ, что въ поэмѣ „слогъ живъ, черты прекрасныя, но въ цѣломъ не довольно силы и связи. О евнухѣ слишкомъ много; рѣчь Заремы слаба, кромѣ пяти или шести стиховъ; окончаніе хорошо“.

Въ 1826 г. Бахч. Фонтанъ былъ переведенъ на франц. яз. Ш о п е н о м ъ: „La Fontaine des pleurs, poème de M. A. Pouchkine, traduit librement du russe par S. M. Chorin. Paris 1826 (съ нотами татарской пѣсни).

Кн. А. А. Шаховской заимствовалъ изъ поэмы Пушкина „романтическую трилогію“ въ 5-ти дѣйствіяхъ, п. з.: „Керимъ-Гирей, крымскій ханъ“, съ пѣніемъ, хорами и танцами. Эта пьеса, представленная въ первый разъ въ Спб. 28 сент. 1825 г., имѣла большой успѣхъ особенно благодаря Семеновой, игравшей Зарему (Араповъ, Лѣтопись рус. театра, Спб. 1861, стр. 373 - 375).

Многіе такъ же, какъ и я, посѣщали
сей фонтанъ; но иныхъ уже нѣтъ, дру-
гіе странствуютъ далече.

С а д и.

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ;
Янтарь въ устахъ его дымился;
Безмолвно раболѣпный дворъ
Вкругъ хана грознаго тѣснился.
Все было тихо во дворцѣ;
Благоговѣя, всѣ читали
Примѣты гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.
Но повелитель горделивый
Махнулъ рукой нетерпѣливой —
И всѣ, склонившись, идутъ вонъ. ¹

Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ;
Свободнѣй грудь его вздыхаетъ;
Живѣе строгое чело
Волненье сердца выражаетъ:
Такъ бурны тучи отражаетъ
Залива зыбкое стекло.

Что движетъ гордою душою?
Какою мыслью занять онъ?
На Русь ли вновь идетъ войною,
Несетъ ли Польшѣ свой законъ,
Горитъ ли мѣстію кровавой,
Открылъ ли въ войскѣ заговоръ,
Страшится ли народовъ горь,
Иль козней Генуи лукавой?

Нѣтъ, онъ скучаетъ бранной славою;
Устала грозная рука;
Война отъ мыслей далека.

Ужель въ его гаремъ измѣна
Стезей преступною вошла,
И дочь неволи, нѣгъ и плѣна
Гяуру сердце отдала? *)

Нѣтъ, жены робкія Гирея,
Ни думать, ни желать не смѣя,
Цвѣтутъ въ унылой тишинѣ;
Подъ стражей бдительной и хладной,
На лонѣ скуки безотрадной
Измѣнъ не вѣдаютъ онѣ;
Въ тѣни хранительной темницы
Утаены ихъ красоты:
Такъ аравійскіе цвѣты
Живутъ за стеклами теплицы.
Для нихъ унылой чередой
Дни, мѣсяцы, лѣта проходятъ
И непримѣтно за собой
И младость, и любовь уводятъ.
Однообразенъ каждый день,
И медленно часовъ теченье:
Въ гаремѣ жизнью править лѣнь;
Мелькаетъ рѣдко наслажденье.
Младая жены, какъ-нибудь
Желая сердце обмануть,
Мѣняютъ пышные уборы,
Заводятъ игры, разговоры,
Или при шумѣ водъ живыхъ,
Надъ ихъ прозрачными струями,
Въ прохладѣ яворовъ густыхъ
Гуляютъ легкими роями.

*) Къ этому стиху въ первомъ изданіи поэмы было сдѣлано примѣчаніе: „Тѣ ошибаются, которые пишутъ джяуръ“.

Межь ними ходитъ злой евнухъ,
 И убѣгать его напрасно:
 Его ревнивый взоръ и слухъ
 За всѣми слѣдуетъ всечасно.
 Его стараньемъ заведенъ
 Порядокъ вѣчный. Воля хана —
 Ему единственный законъ;
 Святую заповѣдь Корана ²
 Не строже наблюдаетъ онъ.
 Его душа любви не проситъ;
 Какъ истуканъ, онъ переноситъ
 Насмѣшки, ненависть, укоръ,
 Обиды шалости нескромной,
 Презрѣнье, просьбы, робкій взоръ.
 И тихій вздохъ, и ропотъ томный.
 Ему извѣстенъ женскій нравъ;
 Онъ испыталъ, сколь онъ лукавъ
 И на свободѣ, и въ неволѣ;
 Взоръ нѣжный, слезъ упрекъ нѣмой
 Не властны надъ его душой:
 Онъ имъ уже не вѣритъ болѣ.

Раскинувъ легкіе волосы,
 Какъ идутъ плѣнницы младыя
 Купаться въ жаркіе часы,
 И льются волны ключевыя
 На ихъ волшебныя красы,
 Забавъ ихъ сторожъ неотлучный, —
 Онъ тутъ; онъ видитъ, равнодушный,
 Прелестницъ обнаженный рой;
 Онъ по гарему въ тѣмъ ночной
 Неслышными шагами бродитъ:
 Ступая тихо по коврамъ,
 Къ послушнымъ крадется дверямъ,
 Отъ ложа въ ложа переходитъ;
 Въ заботѣ вѣчной, ханскихъ женъ
 Роскошный наблюдаетъ сонъ,

Ночной подслушиваетъ лепеть;
 Дыханье, вздохъ, малѣйшій трепеть, —
 Все жадно примѣчаетъ онъ:
 И горе той, чей шопоть сонный
 Чужое имя призывалъ,
 Или подругъ благосклонной
 Порочны мысли довѣрять!

Что жь полонъ грусти умъ Гирея?
 Чубукъ въ рукахъ его потухъ;
 Недвижимъ и дохнуть не смѣя,
 У двери знака ждетъ евнухъ.
 Встаетъ задумчивый властитель;
 Предъ нимъ дверь настезь. Молча онъ
 Идетъ въ завѣтную обитель
 Еще недавно милыхъ женъ.

Безпечно ожидая хана,
 Вокругъ игриваго фонтана
 На шелковыхъ коврахъ онъ
 Толпою рѣзвою сидѣли
 И съ дѣтской радостью глядѣли,
 Какъ рыба въ ясной глубинѣ
 На мраморномъ ходила днѣ.
 Нарочно къ ней на дно иныя
 Роняли серьги золотыя.
 Кругомъ невольницы, межъ тѣмъ,
 Шербетъ носили ароматный,
 И пѣсню звонкой и пріятной
 Вдругъ огласили весь гаремъ.

ТАТАРСКАЯ ПѢСНЯ.

1.

„Даруетъ небо челоуѣку
 Замѣну слезъ и частыхъ бѣдъ:

Блаженъ факирь, узрѣвшій Мекку
На старости печальныхъ лѣтъ.

2.

„Блаженъ, кто славный брегъ Дуная
Своею смертью освятить :
Къ нему навстрѣчу дѣва рая
Съ улыбкой страстной полетить.

3.

„Но тотъ блаженнѣй, о Зарема,
Кто, миръ и нѣгу возлюбя,
Какъ розу, въ тишинѣ гарема
Лелѣеть, милая, тебя.“³

Онѣ поють. Но гдѣ Зарема,
Звѣзда любви, краса гарема?
Увы, печальна и блѣдна,
Похвалъ не слушаетъ она;
Какъ пальма, смятая грозою,
Поникла юной головою;
Ничто, ничто не мило ей:
Зарему разлюбилъ Гирей.

Онъ измѣнилъ!.. Но кто съ тобою,
Грузинка, равень красотою?
Вокругъ лилейнаго чела
Ты косу дважды обвила;
Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи ⁴.
Чей голосъ выразить сильнѣй
Порывы пламенныхъ желаній?
Чей страстный поцѣлуй живѣй
Твоихъ язвительныхъ лобзаній? ⁵
Какъ сердце, полное тобой,
Забьется для красоты чужой?
Но равнодушный и жестокий

Гирей презрѣлъ твои красы,
И ночи хладные часы
Проводить мрачный, одинокій,
Съ тѣхъ поръ, какъ польская княжна
Въ его гаремъ заключена.

Недавно юная Марія
Узрѣла небеса чужія;
Недавно милою красой
Она цвѣла въ странѣ родной;
Сѣдой отецъ гордился ею
И звалъ отрадою своею.
Для старика была законъ
Ея младенческая воля;
Одну заботу вѣдалъ онъ:
Чтобъ дочери любимой доля
Была какъ вешній день ясна,
Чтобъ и минутныя печали
Ея души не помрачали;
Чтобъ даже замужемъ она
Воспоминала съ умиленьемъ
Дѣвичье время, дни забавъ,
Мелькнувшихъ легкимъ сновидѣньемъ.
Все въ ней плѣняло: тихій нравъ,
Движенья стройныя, живыя,
И очи томно-голубыя.
Природы милые дары
Она искусствомъ украшала;
Она домашніе пиры
Волшебной арфой оживляла;
Толпы вельможъ и богачей
Руки Маріиной искали,
И много юношей по ней
Въ страданьѣ тайномъ изнывали.
Но въ тишинѣ души своей
Она любви еще не знала,
И независимый досугъ

Въ отцовскомъ замкѣ, межъ подругъ,
Однимъ забавамъ посвящала.

Давно ль? И что же! Тьмы татаръ
На Польшу хлынули рѣкою:
Не съ столь ужасной быстротою
По жатвѣ стелется пожаръ.
Обезображенный войною,
Цвѣтущій край осиротѣлъ;
Исчезли мирныя забавы;
Уныли села и дубравы,
И пышный замокъ опустѣлъ.
Тиха Маріина свѣтлица. . .
Въ домово́й церкви, гдѣ кругомъ
Почіють мощи хладнымъ сномъ,
Съ короной, съ княжескимъ гербомъ,
Воздвиглась новая гробница. . .
Отець въ могилѣ, дочь въ плѣну,
Скупой наслѣдникъ въ замкѣ править,
И тягостнымъ ярмомъ безславить
Опустошенную страну.

Увы! Дворецъ Бахчисарая
Скрываетъ юную княжну:
Въ неволѣ тихой увядая,
Марія плачетъ и груститъ.
Гирей несчастную щадить:
Ея унынье, слезы, стоны
Тревожатъ хана краткій сонъ,
И для нея смягчаетъ онъ
Гарема строгіе законы.
Угрюмый сторожъ ханскихъ женъ
Ни днемъ, ни ночью къ ней не входитъ;
Рукой заботливой не онъ
На ложе сна ее возводитъ;
Не смѣетъ устремиться къ ней
Обидный взоръ его очей:

Она въ купальнѣ потаенной
 Одна съ невольницей своей;
 Самъ ханъ боится дѣвы плѣнной
 Печальный возмущать покой;
 Гарема въ дальнемъ отдѣленѣ
 Позволено ей жить одной
 И, мнится, въ томъ уединенѣ
 Сокрылся нѣкто неземной.
 Тамъ день и ночь горитъ лампада
 Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой;
 Души тоскующей отрада,
 Тамъ упованье въ тишинѣ
 Съ смиренной вѣрой обитаетъ,
 И сердцу все напоминаетъ
 О близкой, лучшей сторонѣ...
 Тамъ дѣва слезы проливаетъ
 Вдали завистливыхъ подругъ;
 И между тѣмъ, какъ все вокругъ
 Въ безумной нѣгѣ утопаетъ,
 Святыню строгую скрываетъ
 Спасенный чудомъ уголокъ.
 Такъ сердце, жертва заблуждений,
 Среди порочныхъ упоеній,
 Хранить одинъ святой залогъ,
 Одно божественное чувство...

.

Настала ночь; покрылись тѣнью
 Тавриды сладостной поля;
 Вдали, подъ тихой лавровъ сѣнью,
 Я слышу пѣнье соловья;
 За хоромъ звѣздъ луна восходитъ;
 Она съ безоблачныхъ небесъ
 На доли, на холмы, на лѣсъ
 Сіянье томное наводитъ.
 Покрыты бѣлой пеленой,
 Какъ тѣни легкія, мелькая

По улицамъ Бахчисарая,
 Изъ дома въ домъ, одна къ другой,
 Простыхъ татаръ спѣшать супруги
 Дѣлить вечерніе досуги.
 Дворецъ утихъ; уснулъ гаремъ,
 Объятый нѣгой безмятежной;
 Не прерывается ничѣмъ
 Спокойство ночи. Стражъ надежный,
 Дозоромъ обошелъ евнухъ.
 Теперь онъ спитъ; но страхъ прилежный
 Тревожить въ немъ и спящій духъ.
 Измѣнъ всечасныхъ ожиданье
 Покоя не даетъ уму:
 То чей-то шорохъ, то шептанье,
 То крики чудятся ему;
 Обманутый невѣрнымъ слухомъ,
 Онъ пробуждается, дрожить,
 Напуганнымъ прикинувъ ухомъ...
 Но все кругомъ его молчитъ;
 Одни фонтаны сладкозвучны
 Изъ мраморной темницы бьютъ,
 И съ милой розой неразлучны
 Во мракъ соловьи поютъ;
 Евнухъ еще имъ долго внемлетъ,
 И снова сонъ его объемлетъ.

Какъ милы темныя красы
 Ночей роскошнаго востока!
 Какъ сладко льются ихъ часы
 Для обожателей Пророка!
 Какая нѣга въ ихъ домахъ,
 Въ очаровательныхъ садахъ,
 Въ тиши гаремовъ безопасныхъ,
 Гдѣ подъ вліяніемъ луны
 Все полно тайнъ и тишины
 И вдохновеній сладострастныхъ!

.

Всѣ жены спятъ. Не спить одна.
 Едва дыша, встаетъ она;
 Идетъ; рукою торопливой
 Открыла дверь; во тьмѣ ночной
 Ступаетъ легкою ногой...
 Въ дремотѣ чуткой и пугливой
 Предъ ней лежитъ евнухъ сѣдой.
 Ахъ, сердце въ немъ неумолимо;
 Обманчивъ сна его покой!..
 Какъ духъ, она проходитъ мимо.

.

Предъ нею дверь; съ недоумѣньемъ
 Ея дрожащая рука
 Коснулась вѣрнаго замка...
 Вошла, взираетъ съ изумленьемъ...
 И тайный страхъ въ нее проникъ.
 Лампады свѣтъ уединенный,
 Кивотъ, печально озаренный,
 Пречистой Дѣвы кроткій ликъ,
 И крестъ, любви символъ священный,
 Грузинка, все въ душѣ твоей
 Родное что-то пробудило,
 Все звуками забытыхъ дней
 Невнятно вдругъ заговорило.
 Предъ ней покоилась княжна,
 И жаромъ дѣвственнаго сна
 Ея ланиты оживлялись
 И, слезъ являя свѣжій слѣдъ,
 Улыбкой томной озарялись:
 Такъ озаряетъ лунный свѣтъ
 Дождемъ отягощенный цвѣтъ;
 Спорхнувшій съ неба, сынъ эдема,
 Казалось, ангель почиваль,
 И сонный слезы проливалъ
 О бѣдной плѣнницѣ гарема...

Увы, Зарема, что съ тобой?
 Стѣснилась грудь ея тоской,
 Невольно клонятся колѣни,
 И молить: „Сжался надо мной,
 „Не отвергай моихъ моленій!..“
 Ея слова, движенье, стонъ
 Прервали дѣвы тихій сонъ.
 Княжна со страхомъ предъ собою
 Младую незнакомку зрить;
 Въ смятенѣ, трепетной рукою
 Ее подьемля, говорить:
 — „Кто ты?.. Одна, порой ночью,
 „Зачѣмъ ты здѣсь?“ — Я шла къ тебѣ:
 Спаси меня: въ моей судьбѣ
 Одна надежда мнѣ осталась...
 Я долго счастьемъ наслаждалась,
 Была безпечнѣй день отъ дня...
 И тѣнь блаженства миновалась!
 Я гибну. Выслушай меня.

Родилась я не здѣсь, далеко,
 Далеко... но минувшихъ дней
 Предметы въ памяти моей
 Донынѣ врѣзаны глубоко.
 Я помню горы въ небесахъ,
 Потоки жаркіе въ горахъ,
 Непроходимыя дубравы,
 Другой законъ, другіе нравы;
 Но почему, какой судьбой
 Я край оставила родной, —
 Не знаю; помню только море,
 И человѣка въ вышинѣ,
 Надъ парусами...

Страхъ и горе
 Донынѣ чужды были мнѣ;
 Я въ безмятежной тишинѣ

Въ тѣни гарема расцвѣтала,
И первыхъ опытовъ любви
Послушнымъ сердцемъ ожидала.
Желанья тайныя мои
Сбылись. Гирей для мирной нѣги
Войну кровавую презрѣлъ,
Пресѣкъ ужасныя набѣги,
И свой гаремъ опять узрѣлъ.
Предъ хана въ смутномъ ожиданьѣ
Предстали мы. Онъ свѣтлый взоръ
Остановилъ на мнѣ въ молчаньѣ,
Позвалъ меня... и съ этихъ поръ
Мы въ непрерывномъ упоеньѣ
Дышали счастьемъ; и ни разъ
Ни клевета, ни подозрѣнье,
Ни злобной ревности мученье,
Ни скука не смущали насъ.
Марія, ты предъ нимъ явилась...
Увы, съ тѣхъ поръ его душа
Преступной думой омрачилась!
Гирей, измѣною дыша,
Моихъ не слушаетъ укоровъ;
Ему докучень сердца стонъ;
Ни прежнихъ чувствъ, ни разговоръ
Со мною не находитъ онъ.
Ты преступленью не причастна,
Я знаю, не твоя вина...
Итакъ, послушай: я прекрасна;
Во всемъ гаремѣ ты одна
Могла бъ еще мнѣ быть опасна;
Но я для страсти рождена,
Но ты любить, какъ я, не можешь;
Зачѣмъ же хладной красотой
Ты сердце слабое тревожишь?
Оставь Гирея мнѣ: онъ мой;
На мнѣ горять его лобзанья;
Онъ клятвы страшныя мнѣ далъ;

Давно всѣ думы, всѣ желанья
 Гирей съ моими сочеталъ;
 Меня убьетъ его измѣна...
 Я плачу! видишь, я колѣна
 Теперь склоняю предъ тобой,
 Молю, винить тебя не смѣя:
 Отдай мнѣ радость и покой,
 Отдай мнѣ прежняго Гирея...
 Не возражай мнѣ ничего;
 Онъ мой; онъ ослѣпленъ тобою;
 Презрѣнемъ, просьбою, тоскою,
 Чѣмъ хочешь, отвори его;
 Клянись, — хоть я для Алкорана,
 Между невольницами хана,
 Забыла вѣру прежнихъ дней,
 Но вѣра матери моей ⁶
 Была твоя, — клянись мнѣ ею
 Зарему возвратить Гирею...
 Но слушай: если я должна
 Тебѣ... кинжаломъ я владѣю,
 Я близъ Кавказа рождена!

Сказавъ, исчезла вдругъ. За нею
 Не смѣетъ слѣдовать княжна.
 Невинной дѣвѣ непонятенъ
 Языкъ мучительныхъ страстей;
 Но голосъ ихъ ей смутно внятень,
 Онъ страненъ, онъ ужасенъ ей.
 Какія слезы и моленья
 Ее спасутъ отъ посрамленья?
 Что ждетъ ее? Ужели ей
 Остатокъ горькихъ, юныхъ дней
 Провести наложницей презрѣнной?
 О Боже! Если бы Гирей
 Въ ея темницѣ отдаленной
 Забылъ несчастную навѣкъ,
 Или кончиной ускоренной

Унылы дни ея пресѣкъ,
 Съ какою бѣ радостью Марія .
 Оставила печальный свѣтъ!
 Мгновенья жизни дорогія
 Давно прошли, давно ихъ нѣтъ!
 Что дѣлать ей въ пустынѣ міра?
 Ужъ ей пора, Марію ждуть,
 И въ небеса на лоно мира
 Родной улыбкою зовутъ.

.

Промчались дни; Маріи нѣтъ.
 Мгновенно сирота почила;
 Она давно-желанный свѣтъ
 Какъ новый ангель озарила.
 Но что же въ гробъ ее свело?
 Тоска ль неволи безнадежной,
 Болѣзнь, или другое зло, —
 Кто знаетъ? Нѣтъ Маріи нѣжной!..
 Дворецъ угрюмый опустѣлъ;
 Его Гирей опять оставилъ;
 Съ толпой татаръ въ чужой предѣлъ
 Онъ злой набѣгъ опять направилъ;
 Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
 Несется мрачный, кровожадный;
 Но въ сердцѣ хана чувствъ иныхъ
 Таится пламень безотрадный.
 Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
 Подъемлетъ саблю, и съ размаха
 Недвижимъ остается вдругъ,
 Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
 Блѣднѣетъ, будто полный страха,
 И что-то шепчетъ, и порой
 Горючи слезы льетъ рѣкой.

Забытый, преданный презрѣнью,
 Гаремъ не зреть его лица;
 Тамъ, обреченныя мученью,

Подъ стражей хладнаго скопца ?
 Старѣють жены. Между ними
 Давно грузинки нѣтъ: она
 Гарема стражами нѣмыми
 Въ пучину водъ опущена.
 Въ ту ночь, какъ умерла княжна,
 Свершилось и ея страданье.
 Какая бѣ ни была вина,
 Ужасно было наказанье!..

Опустошивъ огнемъ войны
 Кавказу близкія страны
 И села мирныя Россіи,
 Въ Тавриду возвратился ханъ,
 И въ память горестной Маріи
 Воздвигнулъ мраморный фонтанъ,
 Въ углу дворца уединенный.
 Надъ нимъ крестомъ осѣнена
 Магометанская луна
 (Символь, конечно, дерзновенный,
 Незнанья жалкая вина).⁸
 Есть надпись: ѣдкими годами
 Еще не сгладилась она.
 За чуждыми ея чертами
 Журчить во мраморѣ вода
 И каплетъ хладными слезами,
 Не умолкая никогда;
 Такъ плачетъ мать во дни печали
 О сынѣ, падшемъ на войнѣ.
 Младья дѣвы въ той странѣ
 Преданье старины узнали,
 И мрачный памятникъ онѣ
 Фонтаномъ слезъ именовали.

Покинувъ сѣверъ наконецъ,
 Пиры надолго забывая,
 Я посѣтилъ Бахчисарая

Въ забвеньѣ дремлющій дворецъ;⁹
 Среди безмолвныхъ переходовъ
 Бродилъ я тамъ, гдѣ бичъ народовъ,
 Татаринъ буйный пироваль
 И послѣ ужасовъ набѣга
 Въ роскошной лѣни утопаль.
 Еще понынѣ дышетъ нѣга
 Въ пустыхъ покояхъ и садахъ;
 Играютъ воды, рдѣютъ розы,
 И вьются виноградны лозы,
 И золото блещетъ на стѣнахъ.
 Я видѣлъ ветхія рѣшетки,
 За коими, въ своей веснѣ,
 Янтарны разбирая четки,
 Вздыхали жены въ тишинѣ.
 Я видѣлъ ханское кладбище,
 Владыкъ послѣднее жилище.
 Сии надгробные столбы,
 Вѣнчанны мраморной чалмою,
 Казалось мнѣ, завѣтъ судьбы
 Гласили внятною молвою.
 Гдѣ скрылись ханы? Гдѣ гаремъ?
 Кругомъ все тихо, все уныло,
 Все измѣнилось!.. Но не тѣмъ
 Въ то время сердце полно было:
 Дыханье розъ, фонтановъ шумъ
 Влекли къ невольному забвенью;
 Невольно предавался умъ
 Неизъяснимому волненью,
 И по дворцу летучей тѣнью
 Мелькала дѣва предо мной!..

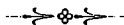
.

Чью тѣнь, о други, видѣлъ я?
 Скажите мнѣ, чей образъ нѣжный
 Тогда преслѣдовалъ меня,
 Неотразимый, неизбѣжный?

Маріи ль чистая душа
 Являлась мнѣ, или Зарема
 Носилась, ревностью дыша,
 Средь опустѣлаго гарема?

Я помню столь же милый взглядъ
 И красоту еще земную;
 Всѣ думы сердца къ ней летятъ; ¹⁰
 Объ ней въ изгнаніи тоскую...
 Безумецъ! Полно, перестань,
 Не растравляй тоски напрасной!
 Мятежнымъ снамъ любви несчастной
 Заплачена тобою дань — ¹¹
 Опомнись! Долго ль, узникъ томный,
 Тебѣ оковы лобызать,
 И въ свѣтѣ лирою нескромной
 Свое безумство разглашать?

Поклонникъ музъ, поклонникъ мира,
 Забывъ и славу, и любовь,
 О, скоро васъ увижу вновь,
 Брега веселые Салгира!
 Приду на склонъ приморскихъ горъ,
 Воспоминаній тайныхъ полный,
 И вновь таврическія волны
 Обрадуютъ мой жадный взоръ.
 Волшебный край, очей отрада!
 Все живо тамъ: холмы, лѣса,
 Янтарь и яхонтъ винограда,
 Долинъ пріютная краса,
 И струй, и тополей прохлада —
 Все чувство путника манить,
 Когда, въ часъ утра безмятежный,
 Въ горахъ, дорогою прибрежной
 Привычный конь его бѣжитъ,
 И зеленѣющая влага
 Предъ нимъ и блещетъ, и шумитъ
 Вокругъ утесовъ Аю-дага... ¹²

VII

Отрывки изъ поэмы.

1822.

„Пушкинъ прислалъ мнѣ одну свою прекрасную шалость“, писалъ кн. П. А. Вяземскій А. И. Тургеневу 10 декабря 1822 г., сопровождая это извѣстіе выпискою 19-ти стиховъ. Эту „шалостью“ была небольшая поэма, которая въ рукописяхъ называется Гавриліадою, но самимъ авторомъ, кажется, названа была иначе (см. черновое письмо къ А. А. Бестужеву въ Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 336). Определить съ точностью время ея написанія невозможно, такъ какъ въ подлинной рукописи она неизвѣстна. Въ рук. Моск. Публ. Муз. № 2365, л. 28, среди черновыхъ стиховъ посланія къ Чаадаеву, помѣченного 6 апрѣля 1821 г. (I, 284), находится набросокъ программы: „С. Д. призываетъ Г., открываетъ ему свою любовь и производитъ въ сводники. [Г. влюбленъ]. С. и Марія“ (Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 91); въ той же тетради, среди набросковъ, относящихся также къ 1821 г., находятся зачеркнутые стихи, можетъ быть, имѣющіе отношеніе къ этой поэмѣ:

Прими въ залогъ воспоминанья
Мои завѣтные стихи...

.

И подь печатію завѣтной
Мои опасные стихи...

(Тамъ-же стр. 97).

Такимъ образомъ, поэма была, по всей вѣроятности, начата въ 1821 г., а окончена осенью 1822, когда авторъ и отослалъ ее Вяземскому. Въ половинѣ 1828 г. по поводу распространенія списковъ Гавриліады возникло дѣло, грозившее Пушкину серьезными неприя́тностями. Крѣпостные люди отставного штабсъ-капитана Митькова (по свидѣтельству статсъ-секретаря Ник. Наз. Муравьева въ письмѣ къ гр. П. А. Толстому отъ 29 іюня 1828) „принесли къ высокопреосвященнѣйшему митрополиту Новгородскому и С.-Пе-

тербургскому Серафиму прошеніе, что господинъ ихъ раз-
вращаетъ ихъ въ понятіяхъ православной, ими исповѣдуе-
мой, христіанской вѣры, прочитывая имъ изъ книги его
рукописи нѣкое развратное сочиненіе, подъ заглавіемъ Га-
вриліада, и представили митрополиту и ту самую рукопись“
Для производства по этому дѣлу слѣдствія назначена была,
по Высочайшему повелѣнію, особая комиссія, въ которую
вошли: гр. В. П. Кочубей, гр. П. А. Толстой и кн. А. Н.
Голицынъ. Въ засѣданіи 25 іюля 1828 г. комиссія опре-
дѣлила: С.-Петербургскому военному губернатору призвать
Пушкина къ себѣ и спросить: а) имъ ли написана поэма
Гавриліада? б) въ которомъ году? в) имѣетъ ли онъ у
себя оную, и если имѣетъ, то потребовать, чтобы онъ вру-
чилъ ему свой экземпляръ; г) обязать Пушкина подпискою
впредь подобныхъ богохульныхъ сочиненій не писать, подъ
опасеніемъ строгаго наказанія. Въ августѣ 1828 г. С.-Пе-
тербургскій военный генераль-губернаторъ донесъ комиссіи,
что Пушкинъ на допросѣ рѣшительно отвѣчалъ, что сія
поэма писана не имъ, что онъ въ первый разъ видѣлъ ее
въ Лицеѣ въ 1815 или 1816 г. и переписалъ ее, но не по-
мнить, куда дѣвалъ сей списокъ, и что съ того времени
онъ не видалъ его. Объ этомъ доложено было государю,
который приказалъ снова призвать П. и спросить, отъ кого
получилъ онъ въ 1815 или 1816 г. упомянутую поэму, изъ-
яснивъ, что открытіе автора уничтожить всякое сомнѣніе
по поводу обращающихся экземпляровъ сего сочиненія подъ
именемъ Пушкина; о послѣдующемъ же донести Его Вели-
честву. Рапортомъ отъ 20 авг. 1828 г. военный губерна-
торъ донесъ: „Извѣстный стихотворецъ П. былъ призванъ
ко мнѣ и вопрошаемъ, отъ кого получилъ извѣстную поэму?
Я поставилъ ему притомъ на видъ, что открытіе сочинителя
поэмы сей уничтожить всякое о немъ сомнѣніе. Пушкинъ
вслѣдствіе этого изложилъ собственноручно слѣдующее по-
казаніе:

„1828 года, августа 19 дня, нижеподписавшійся 10-го
класса Александръ Пушкинъ, вслѣдствіе Высочайшаго пове-
лѣнія, объявленнаго г. главнокомандующимъ въ С.-Петер-
бургѣ и Кронштадтѣ, бывъ призванъ къ С.-Петербургскому
военному генераль-губернатору и спрашиванъ, отъ кого
именно получилъ поэму подъ заглавіемъ Гавриліады,
показалъ:

„Рукопись ходила между офицерами гусарскаго полку, но отъ кого изъ нихъ именно я досталъ оную, я никакъ не упомяну. Мой же списокъ сжегъ я, вѣроятно, въ 1820 году. Осмѣливаюсь прибавить, что ни въ одномъ изъ моихъ сочиненій, даже въ тѣхъ, въ коихъ я особенно раскаиваюсь, нѣтъ слѣдовъ духа безвѣрія или кощунства надъ религіею. Тѣмъ прискорбнѣе для меня мнѣніе, приписывающее мнѣ произведеніе столь жалкое и постыдное. — 10-го класса Александръ Пушкинъ“.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ о семъ временной комисіи послѣдовала, 28 августа 1828 г., Высочайшая резолюція: „Г. Толстому призвать Пушкина къ себѣ и сказать ему Моимъ именемъ, что, зная лично Пушкина, Я его слову вѣрю. Но желаю, чтобы онъ помогъ Правительству открыть, кто могъ сочинить подобную мерзость и обидѣтъ Пушкина, выпуская оную подъ его именемъ?“

Вслѣдствіе этой резолюціи гр. Толстой опять призвалъ П. и потребовалъ отъ него, „чтобы онъ, видя такое къ себѣ благоснисхожденіе Его Величества, не отговаривался отъ объявленія истины“. Пушкинъ, „по довольномъ молчаніи и размышленіи“, спрашивалъ: позволено ли будетъ написать прямо государю императору? И, получивъ на сіе удовлетворительный отвѣтъ, тутъ же написалъ Его Величеству письмо и, запечатавъ оное, вручилъ гр. Толстому. Коммиссія опредѣлила: „не раскрывая письма сего, представить оное Его Величеству“.

Такимъ образомъ, П. самъ отрекся отъ своей поэмы. Въ то же время, въ письмѣ къ кн. Вяземскому, отъ 1 сентября 1828 г., которое, какъ онъ могъ предполагать, будетъ прочитано на почтѣ, — онъ писалъ: „Мнѣ навязалась на шею преглупая шутка. До правительства дошла, наконецъ, Гавриліада; приписываютъ ее мнѣ; донесли на меня, — и я, вѣроятно, отвѣчу за чужія проказы, если Горчаковъ не явится съ того свѣта отстаивать права на свою собственность... Все это не весело...“

Намъ неизвѣстно, поддерживалъ ли П. и въ письмѣ къ государю это указаніе на кн. Д. П. Горчакова, въ числѣ произведеній котораго было нѣсколько фривольныхъ сказочекъ, переведенныхъ изъ Лафонтена и др. (напр. „Соловей“), а также (по свидѣтельству записокъ Селивановскаго, — Библ. Зап., т. I, 1858, стр. 518- 519, — и „переве-

денная съ французскаго“ поэма Гаврилада); но несомнѣнно, что та поэма, которую мы знаемъ, могла быть написана только Пушкинымъ: это подтверждается и ея стихомъ, и приведенной выше программой, и, наконецъ, собственными письмами поэта къ Бестужеву и Вяземскому. Послѣдній, хорошо знавшій истину, отвѣчалъ на жалобу Пушкину двумя словами: „Сердечно жалѣю о твоихъ хлопотахъ по поводу Гавриила, но надѣюсь, что послѣдствій худыхъ не будетъ“ (Рус. Арх. 1879, № 8, стр. 481). Все, изложенное выше, передано по подлиннымъ документамъ въ сборникъ „Старина и Новизна“ кн. 5-я, Спб. 1902, стр. 3-6. Ср. Историч. Вѣстн. 1901, сент., 1138; Литер. Вѣстн. 1902, кн. II, 101 - 103.

Тревоги Пушкина, вызванныя этой непріятной исторіей, отразились въ его стихотвореніи „Предчувствіе“ (II, 75).

Что касается самой поэмы, то содержаніе ея могло быть навѣяно Пушкину однимъ изъ произведеній любимаго имъ, въ годы ранней молодости, Парни. Полный текстъ ея напечатанъ въ сборникъ Н. П. Огарева: „Русская потаенная литература XIX столѣтія“, ч. I (Лонд. 1861), стр. 40 - 59.

I.

Воистину, еврейки молодой
Мнѣ дорого душевное спасенье:
Приди ко мнѣ, прелестный ангель мой,
И мирное прими благословенье!
Спасти хочу земную красоту,
Любезныхъ усть улыбкою довольный,
.....
Пою стихи на лирѣ богомольной...

II.

Шестнадцать лѣтъ, невинное смиренье,
Бровь темная, двухъ дѣвственныхъ холмовъ
Подъ полотномъ упругое движенье,
Нога любви, жемчужный рядъ зубовъ...
Зачѣмъ же ты, еврейка, улыбнулась,
И по лицу румянецъ пробѣжалъ?
Нѣтъ, милая, — ты, право, обманулась:
Я не тебя, — другую описалъ...
Въ тиши полей, —
Вдали забавъ и юныхъ волокить,
Которыхъ бѣсъ для гибели хранить,
Красавица, никѣмъ еще не зрима,
Безъ прихоти вела спокойный вѣкъ.
Ея супругъ, почтенный человѣкъ,
Сѣдой старикъ, плохой столяръ и плотникъ,
Въ селеньи былъ единственный работникъ.
И день, и ночь имѣя много дѣлъ
То съ урвнемъ, то съ вѣрною пилою,

То съ топоромъ, не много онъ смотрѣлъ
 На прелести, которыми владѣлъ,
 И тайный цвѣтъ, которому судьбою
 Назначена была иная честь,
 На стебелькѣ не смѣлъ еще процвѣсть...

III.

Предъ нею вдругъ открылся небосклонъ:
 Во глубинѣ небесъ необозримой,
 Въ сіяніи и славѣ нестерпимой,
 Тамъ ангелы волнуются, кишать,
 Безчисленны летаютъ серафимы,
 Струнами арфъ бряцаютъ херувимы,
 Архангелы въ безмолвіи сидятъ,
 Главы закрывъ лазурными крылами...

IV.

Поговоримъ о странностяхъ любви:
 Другого я не смыслю разговора!
 Въ тѣ дни, когда отъ огненного взира
 Мы чувствуемъ волненіе въ крови,
 Когда тоска обманчивыхъ желаній
 Объемлетъ насъ и душу тяготитъ,
 И всюду насъ преслѣдуетъ, томитъ
 Предметъ одинъ и думы, и страданій, —
 Не правда ли — въ толпѣ молодыхъ друзей
 Наперсника мы ищемъ и находимъ;
 Съ нимъ тайный гласъ мучительныхъ страстей
 Нарѣчимъ восторговъ переводимъ.
 Когда же мы поймали на-лету
 Крылатый мигъ небесныхъ упоеній
 И къ радостямъ на ложе наслажденій
 Стыдливую склонили красоту, ¹
 Когда любви забыли мы страданье,
 И нечего намъ болѣе желать —
 Чтобъ оживить о ней воспоминанье,
 Съ наперсникомъ мы любимъ пободтать...

V.

Въ своемъ саду, печальныхъ думъ полна,
 Проводить часъ невиннаго досуга
 И снова ждетъ плѣнительнаго сна.
 Съ ея души не сходитъ образъ милый...
 Къ [нему. она] летитъ душой унылой...
 Въ прохладѣ пальмъ, подъ говоромъ ручья,
 Задумалась красавица моя.
 Не мило ей цвѣтовъ благоуханье,
 Не весело прозрачныхъ водъ журчанье...
 И видитъ вдругъ: прекрасная змѣя,
 Приманчивой блистая чешуею,
 Въ тѣни вѣтвей качается надъ нею...

VI.

О милый другъ, кому я посвятилъ
 Всѣ первыя надежды и желанья,
 Красавица, которой былъ я милъ!
 Простишь-ли мнѣ мои воспоминанья,
 Мои грѣхи, забавы юныхъ дней,
 Тѣ вечера, когда въ семьѣ твоей,
 При матери докучливой и строгой,
 Тебя томилъ я тайною тревогой
 И просвѣтилъ невинныя красы?
 Я научилъ послушливую руку
 Обманывать печальную разлуку
 И услаждать безмолвные часы
 Безсонницы, дѣвическую муку... ²
 Но молодость утрачена твоя:
 Отъ блѣдныхъ устъ улыбка отлетѣла,
 Твоя краса во цвѣтѣ помертвѣла...
 Простишь ли мнѣ, о милая моя?..

VII.

...Сплетенные, крутятся; идутъ по лугу,
 На вражью грудь опершись бородой,

Соединивъ крестъ-на-крестъ ноги, руки,
 То силою, то хитростью науки
 Хотятъ увлечь другъ друга за собой...
 Не правда-ли, вы помните то поле,
 Друзья мои, гдѣ въ прежни дни, весной,
 Оставляя классъ, мы бѣгали на волѣ
 И тѣшились отважною борьбой?..³

VIII.

Не сѣтуйте, красавицы мои,
 О женщины, наперсницы любви!
 Умѣете вы хитростью счастливой
 Обманывать вниманье жениха
 И знатоковъ внимательные взоры,
 И на слѣды прекраснаго грѣха
 Невинности набрасывать узоры.
 Отъ матери проказливая дочь
 Береть урокъ стыдливости покорной
 И мнимыхъ слезъ, и съ робостью притворной
 Играетъ роль въ рѣшительную ночь;
 И поутру, оправясь понемногу,
 Встаетъ блѣдна, чуть ходитъ, — такъ томна...
 Въ восторгѣ мужъ, мать шепчетъ: „Слава Богу!“
 А старый другъ стучится у окна...

IX.

Аминь, аминь! Чѣмъ кончу я рассказы?
 Навѣкъ забывъ старинныя проказы,

.
 Смиранныхъ струнъ тебѣ я посвятилъ
 Усердное, спасительное пѣнье!
 Храни меня, внемли мое моленье:
 Досель я былъ еретикомъ въ любви,
 Младыхъ богинь безумный обожатель,
 Другъ демона, повѣса и предатель.
 Раскаянье мое благослови:
 Приемлю я намѣренья благія —

Перемѣнюсь — Елену видѣлъ я...

.
Подвластна ей навѣкъ душа моя.
Моимъ рѣчамъ придай очарованье,
Понравится повѣдай тайну мнѣ,
Въ ея душѣ зажги любви желанье —
Не то пойду молиться сатанѣ.
Но дни бѣгутъ, и время съдиною
Мою главу тишкомъ посеребрить,
И важный бракъ съ любезною женою
Предъ алтаремъ меня соединить...

.
Даруй ты мнѣ безпечность и терпѣнье,
Молю тебя, пошли мнѣ вновь и вновь
Спокойный сонъ, въ супругѣ увѣренье,
Въ семействѣ миръ и къ ближнему любовь.

VIII.

Цыганы.

1824,

Поэма была начата Пушкинымъ еще въ Одессѣ, между 2 и 3 главами „Онѣгина“, въ декабрѣ 1823 г.; въ началѣ рукописи (Моск. Муз. № 2366, л. 45 об.) поэтъ нарисовалъ медвѣдя, цыганскій шатеръ и подъ нимъ Земфиру. На той же страницѣ набросана и программа: „Старикъ, дѣва, Алеко и Марианна, утро, медвѣдь, исповѣдь, разговоръ, признаніе, убійство, изгнаніе.“ (Подчеркнутыя слова въ рукописи зачеркнуты). Окончена поэма въ Михайловскомъ, 10 октября 1824 года; отрывки изъ нея печатались въ Пол. Звѣздѣ Моск. Тел. 1825 г., № 11, и Сѣв. Цвѣтахъ на 1826 г.; отдѣльное изданіе явилось въ 1827 г., въ Москвѣ (8^д, 47 стр.); затѣмъ она перепечатана въ „Поэмахъ и Повѣстяхъ А. Пушкина“, Спб. 1835, ч. II.—Пушкинъ предназначалъ поэмѣ два эпиграфа: одинъ — изъ посланія кн. Вяземскаго къ Ѳ. И. Толстому: „Подъ бурей рока—твердый камень, въ волненьяхъ страсти—легкій листъ“ (предназначавшійся прежде для „Кавказскаго Плѣнника“), и другой — „Мы люди смиренные, дѣвы наши любятъ волю — что тебѣ дѣлать у насъ? — Молдавская пѣсня.“ Въ рукописяхъ (Моск. Муз. №№ 2368, л. 16, и 2370, л. 50 об.) находится еще отрывокъ, не вошедшій въ поэму:

Блѣдна, слаба—Земфира дремлетъ;
Алеко, съ радостью въ очахъ,
Младенца держитъ на рукахъ
И крику жизни жадно внемлетъ:

„Прими привѣтъ сердечный мой,
Дитя любви, дитя природы,
И съ даромъ жизни дорогой
Неоцѣненный даръ свободы.

„Останься посреди степей:
Безмолвны здѣсь предразсужденья —

И нѣтъ ихъ ранняго гоненья
Надъ дикой люлькою твоей.

„Рости на волѣ, безъ уроковъ,
Не знай стѣснительныхъ палатъ
И не мѣняй простыхъ пороковъ
На образованный развратъ.

„Подъ сѣнью мирнаго забвенья
Пускай цыгана бѣдный внукъ
Не знаетъ нѣгъ и пресыщенья
И пышной суеты наукъ...

„Нѣтъ, не преклонитъ онъ колѣнъ
Предъ идоломъ безумной чести,
Не будетъ жертвой злыхъ измѣнъ,
Трепеща тайно жаждой мести.

„За то безпечень, здравъ и волень,
Не будетъ вѣдать ложныхъ нуждъ,
Онъ будетъ жребіемъ доволенъ,
Напрасныхъ угрызений чуждъ.

„Отъ общества, быть можетъ, я
Отъемлю нынѣ гражданина,
Что нужды?—Я спасаю сына...
И я бѣ желалъ, чтобъ мать моя

„Меня родила въ чащѣ лѣса,
Или подъ юртой остяка,
Въ глухой разсѣлинѣ утеса...“

Поэтъ хотѣлъ приложить къ поэмѣ нѣчто вродѣ предисловія: „Долго не знали въ Европѣ происхожденія цыгановъ и считали ихъ выходцами изъ Египта. Донынѣ въ нѣкоторыхъ земляхъ и называютъ ихъ египтянами. Англійскіе путешественники разрѣшили, кажется, всѣ недоумѣнія. Доказано, что цыганы принадлежатъ отверженной кастѣ индѣйцевъ, называемыхъ паріа. Языкъ и то, что можно назвать ихъ вѣроу, даже черты лица и образъ жизни — вѣрныя тому свидѣтельства. Ихъ привязанность къ дикой воль-

ности, обезпеченной бѣдностью,—вездѣ утомила мѣры, принятыя для преобразованія праздной жизни сихъ бродягъ. Они кочуютъ въ Россіи, какъ и въ Англіи; мужчины занимаются ремеслами, необходимыми для первыхъ потребностей, торгуютъ лошадьми, воятъ медвѣдей, обманываютъ и крадутъ; женщины промышляютъ ворожбой, пѣснями и плясками. Въ Молдавіи цыганы составляютъ большую часть народонаселенія [отличаются дикостію и бѣдностію]; но всего замѣчательнѣе то, что въ Бессарабіи и въ Молдавіи крѣпостное состояніе [существуетъ] только между ними; тамъ [нѣтъ крѣпостныхъ, кромѣ] сихъ... приверженцевъ первобытной свободы. Это не мѣшаетъ имъ, однако же, вести дикую кочевую жизнь, довольно вѣрно описанную въ сей повѣсти. Дань ихъ составляетъ... доходъ супруги Господаря. Они отличаются передъ прочими большей нравственной чистотой; они не промышляютъ ни кражей, ни обманомъ; впрочемъ, они такъ же дики, такъ же бѣдны, такъ же любятъ музыку, занимаются тѣми же грубыми ремеслами“ (Моск. Муз. № 2370, л. 29).

Въ другой рукописи (№ 2368, л. 2) находится еще слѣдующее:

„Примѣчаніе. Бессарабія, извѣстная въ самой глубокой древности, должна быть особенно любопытна для насъ:

Она Державинимъ воспѣта
И славой русскою полна *).

[Отъ Олега и Святослава до Суворова и Кутузова она была театромъ нашихъ вѣчныхъ войнъ].

„Но донинѣ область сія намъ извѣстна по ошибочнымъ описаніямъ двухъ или трехъ путешественниковъ. Не знаю, выйдетъ - ли когда-нибудь Историческое и Статистическое Описаніе оной, составленное И П. Липранди, соединяющимъ ученость истинную съ отличными достоинствами военного человѣка. Если...“

Критическая статья о Цыганахъ написана кн. П. А. Вяземскимъ (Моск. Тел. 1827, № 10; Соч. Вяз., I, 313); рецензіи въ Сѣв. Пчелѣ 1827, № 65 и 1832, № 43, и въ Сынѣ Отеч. 1827, № 12. По мнѣнію кн. Вяземскаго, эта

*) См. I. 324.

поэма „естъ пока, безъ сомнѣнiя, лучшее созданiе Пушкина, — по крайней мѣрѣ, изъ напечатаннаго... Она составлена изъ отдѣльныхъ явленiй, то описательныхъ, то повѣствовательныхъ, то драматическихъ, не хранящихъ математической послѣдовательности, но представляющихъ нравственное развитiе, въ которомъ части соглашены правильно и гармонически... Все исполнено жизни, силы, вѣрности необычайныхъ. Слѣдуя своему поэтическому *crescendo*, поэтъ въ послѣдней главѣ превзошелъ себя.“ Пушкинъ, однако, былъ не совсѣмъ доволенъ критиками своей поэмы. „Ахъ, какую рецензiю написалъ бы я на своихъ Цыганъ!“ — сказалъ онъ однажды Погодину (Майковъ, Пушкинъ, 349). Отзывы друзей и знакомыхъ вызвали въ его записной книжкѣ слѣдующiя ироническiя строки:

„О Цыганахъ одна дама замѣтила, что во всей поэмѣ одинъ только честный человѣкъ, и то — медвѣдь. Покойный Рылѣевъ негодовалъ, зачѣмъ Алеко водить медвѣдя и еще собираетъ деньги съ глазѣющей публики. Вяземскiй повторилъ то же замѣчанiе. Рылѣевъ просилъ меня сдѣлать изъ Алеко хоть кузнеца, что было бы не въ примѣръ благороднѣе. Всего бы лучше сдѣлать изъ него чиновника или помѣщика, а не цыгана. Въ такомъ случаѣ правда, не было бы и всей поэмы: *ma tanto meglio!*“

Въ настоящемъ изданiи текстъ Цыганъ исправленъ по экземпляру изданiя 1827 г. съ собственноручными поправками и приписками Пушкина (Имп. Публ. Б-ка).

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность весель ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телѣгъ,
Полу-завѣшанныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовить ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недалній,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ, на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.
Въ шатрѣ одномъ старикъ не спитъ;
Онъ передъ углями сидитъ,
Согрѣтый ихъ послѣднимъ жаромъ,
И въ поле дальное глядитъ,

Ночнымъ подернутое паромъ.
 Его молоденькая дочь
 Пошла гулять въ пустынномъ полѣ.
 Она привыкла къ рѣзвой волѣ,
 Она придетъ; но вотъ ужь ночь,
 И скоро мѣсяцъ ужь покинетъ
 Небесъ далекихъ облака;
 Земфиры нѣтъ какъ нѣтъ, и стынетъ
 Убогій ужинъ старика.

Но вотъ она. За нею слѣдомъ
 По степи юноша спѣшитъ;
 Цыгану вовсе онъ невѣдомъ.
 „Отець мой“, дѣва говоритъ, —
 „Веду я гостя: за курганомъ
 „Его въ пустынѣ я нашла
 „И въ таборъ на ночь зазвала.
 „Онъ хочетъ быть, какъ мы, цыганомъ;
 „Его преслѣдуетъ законъ,
 „Но я ему подругой буду.
 „Его зовутъ Алеко; онъ
 „Готовъ идти за мною всюду“.

Старикъ.

Я радъ. Останься до утра
 Подъ сѣнью нашего шатра,
 Или пробудь у насъ и долѣ, —
 Какъ ты захочешь. Я готовъ
 Съ тобой дѣлить и хлѣбъ и кровь.
 Будь нашъ, привыкни къ нашей долѣ,
 Бродящей бѣдности и волѣ;
 А завтра съ утренней зарей
 Въ одной телѣгѣ мы поѣдемъ;
 Примись за промыселъ любой:
 Желѣзо куй, иль пѣсни пой
 И села обходи съ медвѣдемъ. ¹

Алеко.

Я остаюсь.

Земфира.

Онъ будетъ мой:

Кто жь отъ меня его отгонить?
 Но поздно... мѣсяць молодой
 Зашель, поля покрыты мглой,
 И сонъ меня невольно клонить...

Свѣтло. Старикъ тихонько бродить
 Вокругъ безмолвнаго шатра.

„Вставай, Земфира, солнце всходитъ;

„Проснись, мой гость, пора, пора!

„Оставьте, дѣти, ложе нѣги“.

И съ шумомъ высыпалъ народъ;

Шатры разобраны; телѣги

Готовы двинуться въ походъ;

Все вмѣстѣ тронулось — и вотъ,

Толпа валить въ пустыхъ равнинахъ.

Ослы въ перекидныхъ корзинахъ

Дѣтей играющихъ несутъ;

Мужья и братья, жены, дѣвы,

И старъ и младъ вослѣдъ идутъ;

Крикъ, шумъ, цыганскіе припѣвы,

Медвѣдя ревъ, его цѣпей

Нетерпѣливое бряцанье,

Лохмотьевъ яркихъ пестрота,

Дѣтей и старцевъ нагота,

Собакъ и лай и завыванье,

Волинки говоръ, скрипъ телѣгъ, —

Все скудно, дико, все нестройно,

Но все такъ живо-непокойно,

Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,

Такъ чуждо этой жизни праздной,
Какъ пѣснь рабовъ однообразной.

Уныло юноша глядѣлъ
На опустѣлую равнину,
И грусти тайную причину
Истолковать себѣ не смѣлъ.
Съ нимъ черноокая Земфира,
Теперь онъ вольный житель міра,
И солнце весело надъ нимъ
Полуденной красою блещетъ;
Что жъ сердце юноши трепещетъ?
Какой заботой онъ томимъ?

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда;
Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ,
Солнце красное взойдетъ —
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.
За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ, —
И туманъ, и непогоды
Осень поздняя несетъ:
Людымъ скучно, людымъ горе;
Птичка въ дальныя страны,
Въ теплый край, за сине море
Улетаетъ до весны.

Подобно птичкѣ беззаботной,
И онъ, изгнанникъ перелетный,
Гнѣзда надежнаго не зналъ
И ни къ чему не привыкалъ.
Ему вездѣ была дорога,

Вездѣ была ночлега сѣнь;
Проснувшись поутру, свой день
Онъ отдавалъ на волю Бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лѣнь.
Его, порой, волшебной славы
Манила дальняя звѣзда,
Нежданно роскошь и забавы
Къ нему являлись иногда;
Надъ одинокой головою
И громъ нерѣдко грохоталъ;
Но онъ безопасно подъ грозою
И въ ведро ясное дремалъ,
И жилъ, не признавая власти
Судьбы коварной и слѣпой;
Но, Боже, какъ играли страсти
Его послушною душой!
Съ какимъ волненіемъ кипѣли
Въ его измученной груди!
Давно ль, надолго ль усмирѣли?
Онъ проснется: погоди. ²

Земфира.

Скажи, мой другъ, ты не жалѣешь
О томъ, что бросилъ навсегда?

Алеко.

Что жъ бросилъ я?

Земфира.

Ты разумѣешь:
Людей отчизны, города.

Алеко.

О чемъ жалѣть? Когда бъ ты знала,
Когда бы ты воображала

Неволю душныхъ городовъ!
 Тамъ люди въ кучахъ, за оградой,
 Не дышать утренней прохладой,
 Ни вешнимъ запахомъ луговъ,
 Любви стыдятся, мысли гонять,
 Торгуютъ волею своей,
 Главы предъ идолами клонять
 И просятъ денегъ да цѣпей. ³
 Что бросилъ я? Измѣнъ волненье,
 Предразсужденій приговоръ,
 Толпы безумное гоненье
 Или блистательный позоръ.

Земфира.

Но тамъ огромныя палаты,
 Тамъ разноцвѣтные ковры,
 Тамъ игры, шумные пиры,
 Уборы дѣвъ тамъ такъ богаты!

Алеко.

Что шумъ веселій городскихъ?
 Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ веселій;
 А дѣвы... Какъ ты лучше ихъ
 И безъ нарядовъ дорогихъ,
 Безъ жемчуговъ, безъ ожерелій!
 Не измѣнись, мой нѣжный другъ! ⁴
 А я... одно мое желанье —
 Съ тобой дѣлать любовь, досугъ
 И добровольное изгнанье.

Старикъ.

Ты любишь насъ, хоть и рожденъ
 Среди богатаго народа;
 Но не всегда мила свобода
 Тому, кто къ нѣгѣ приученъ.
 Межь нами есть одно преданье:

Царемъ когда-то сосланъ былъ
Полудня житель къ намъ въ изгнанье
(Я прежде зналъ, но позабылъ
Его мудреное прозванье).
Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной;
Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный.
И полюбили всѣ его,
И жилъ онъ на берегахъ Дуная,
Не обижая никого, ⁵
Людей рассказами плѣняя.
Не разумѣлъ онъ ничего,
И слабъ, и робокъ былъ какъ дѣти;
Чужіе люди за него
Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти;
Какъ мерзла быстрая рѣка
И зимни вихри бушевали,—
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика;
Но онъ къ заботамъ жизни бѣдной ⁶
Привыкнуть никогда не могъ;
Скитался онъ изсохшій, блѣдный,
Онъ говорилъ; что гнѣвный Богъ
Его каралъ за преступленье,
Онъ ждалъ: придетъ-ли избавленье,
И все несчастный тосковалъ,
Бродя по берегамъ Дуная,
Да горьки слезы проливалъ,
Свой дальный градъ воспоминая.
И завѣщаль онъ, умирая,
Чтобы на югъ перенесли
Его тоскующія кости,
И смертью — чуждой сей земли
Не успокоенные гости.

Алеко.

Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ,
 О Римъ, о громкая держава! ⁷
 Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
 Скажи мнѣ, что такое слава?
 Могильный гуль ⁸, хвалебный гласъ,
 Изъ рода въ роды звукъ бѣгущей,
 Или подъ сѣнью дымной кущи
 Цыгана дикаго разсказъ?

Прошло два лѣта. Такъ же бродятъ
 Цыганы мирною толпой;
 Вездѣ, по-прежнему, находятъ
 Гостепріимство и покой.
 Презрѣвъ оковы просвѣщенья,
 Алеко волень, какъ они;
 Онъ безъ заботъ и сожалѣнья
 Ведеть кочующіе дни.
 Все тотъ же онъ, семья все та же;
 Онъ, прежнихъ лѣтъ не помня даже,
 Къ бытью цыганскому привыкъ;
 Онъ любить ихъ ночлеговъ сѣни,
 И упоенье вѣчной лѣни,
 И бѣдный, звучный ихъ языкъ.
 Медвѣдь, бѣглець родной берлоги,
 Косматый гость его шатра,
 Въ селеньяхъ вдоль степной дороги,
 Близъ молдаванскаго двора
 Передъ толпою осторожной
 И тяжело пляшетъ, и реветъ,
 И цѣпь докучную грызетъ.
 На посохъ опершись дорожный,
 Старикъ лѣниво въ бубны бьетъ,
 Алеко съ пѣньемъ звѣря водить,
 Земфира поселянь обходить

И дань ихъ вольную беретъ;
 Настанетъ ночь; они всѣ трое
 Варятъ нежатое пшено;
 Старикъ уснулъ — и все въ покоѣ...
 Въ шатрѣ и тихо, и темно.

Старикъ на вешнемъ солнцѣ грѣеть
 Ужъ остывающую кровь:
 У люльки дочь поетъ любовь.
 Алеко внемлетъ и блѣднѣетъ.

Земфира ⁹.

Старый мужъ, грозный мужъ,
 Рѣжь меня, жги меня:
 Я тверда, не боюсь
 Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
 Презираю тебя;
 Я другого люблю,
 Умираю любя.

Алеко.

Молчи. Мнѣ пѣнье надоѣло,
 Я дикихъ пѣсенъ не люблю.

Земфира.

Не любишь? Мнѣ какое дѣло!
 Я пѣсню для себя пою.

Рѣжь меня, жги меня;
 Не скажу ничего;
 Старый мужъ, грозный мужъ,
 Не узнаешь его.

Онъ свѣжѣ весны,
 Жарче лѣтняго дня;
 Какъ онъ молодъ и смѣлъ!
 Какъ онъ любить меня!

Какъ ласкала его
 Я въ ночной тишинѣ!
 Какъ смѣялись тогда
 Мы твоей сѣдинѣ!

Алеко.

Молчи, Земфира, я доволенъ...

Земфира.

Такъ понялъ пѣсню ты мою?

Алеко.

Земфира!..

Земфира.

Ты сердиться воленъ:
 Я пѣсню про тебя пою.

(Уходит и поетъ: „Старый мужъ“ и проч.)

Старикъ.

Такъ, помню, помню: пѣсня эта
 Во время наше сложена;
 Уже давно въ забаву свѣта
 Поется межъ людей она.
 Кочуя на степяхъ Кагула,
 Ее, бывало, въ зимнюю ночь
 Моя пѣвала Мариула,
 Передъ огнемъ качая дочь.
 Въ умѣ моемъ минувши лѣта
 Чась отъ часу темнѣй, темнѣй;
 Но заронила пѣсня эта
 Глубоко въ памяти моей.

Все тихо; ночь; луной украшень
 Лазурный юга небосклонъ.
 Старикъ Земфирой пробуждень:
 „О, мой отецъ! Алеко страшень;
 „Послушай: сквозь тяжелый сонъ
 „И стонеть, и рыдаетъ онъ.“

Старикъ.

Не тронь его, храни молчанье.
 Слыхаль я русское преданье:
 Теперь, полуночной порой,
 У спящаго тѣснить дыханье
 Домашній духъ; передъ зарей
 Уходитъ онъ. Сиди со мной.

Земфира.

Отецъ мой, шепчетъ онъ: „Земфира!“

Старикъ.

Тебя онъ ищетъ и во снѣ:
 Ты для него дороже міра.

Земфира.

Его любовь постыла мнѣ;
 Мнѣ скучно, сердце воли просить,
 Ужь я... Но тише! слышишь? онъ
 Другое имя произносить.

Старикъ.

Чье имя?

Земфира.

Слышишь? хриплый стонъ
 И скрежетъ ярый!.. Какъ ужасно!
 Я разбужу его.

Старикъ.

Напрасно:
Ночного духа не гони;
Уйдетъ и самъ.

Земфира.

Онъ повернулся;
Привсталъ; зоветь меня; проснулся.
Иду къ нему. — Прощай, усни.

Алеко.

Гдѣ ты была?

Земфира.

Съ отцомъ сидѣла.
Какой-то духъ тебя томилъ,
Во снѣ душа твоя терпѣла
Мученья. Ты меня страшилъ:
Ты сонный скрежеталъ зубами
И звалъ меня.

Алеко.

Мнѣ снилась ты.
Я видѣлъ, будто между нами...
Я видѣлъ страшныя мечты.

Земфира.

Не вѣрь лукавымъ сновидѣньямъ.

Алеко.

Ахъ, я не вѣрю ничему:
Ни снамъ, ни сладкимъ увѣреньямъ,
Ни даже сердцу твоему.

Старикъ.

О чемъ, безумецъ молодой,
О чемъ вздыхаешь ты всечасно?
Здѣсь люди вольны, небо ясно,
И жены славятся красой.
Не плачь, тоска тебя погубить.

Алеко.

Отецъ! Она меня не любить.

Старикъ.

Утѣшься, другъ; она дитя;
Твое унынье безразсудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское — шутя.
Взгляни: подъ отдаленнымъ сводомъ
Гуляетъ вольная луна;
На всю природу мимоходомъ
Равно сіянье льетъ она;
Заглянетъ въ облако любое,
Его такъ пышно озарить,
И вотъ, ужъ перешла въ другое,
И то не долго посѣтитъ.
Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ,
Примолвя: тамъ остановись!
Кто сердцу юной дѣвы скажетъ:
Люби одно, не измѣнись!
Утѣшься!..

Алеко.

Какъ она любила!
Какъ нѣжно, преклонясь ко мнѣ,
Она въ пустынной тишинѣ
Часы ночные проводила!
Веселья дѣтскаго полна,
Какъ часто милымъ лепетаньемъ

Иль упоительнымъ лобзаньемъ
 Мою задумчивость она
 Въ минуту разогнать умѣла!
 И что жь? Земфира невѣрна!
 Моя Земфира охладѣла!

Старикъ.

Послушай, расскажу тебѣ
 Я повѣсть о самомъ себѣ.
 Давно, давно, когда Дунаю
 Не угрожалъ еще москаль —
 (Вотъ видишь: я припоминаю,
 Алеко, старую печаль),
 Тогда боялись мы султана;
 А правилъ Буджакомъ паша ¹⁰.
 Съ высокихъ башенъ Аккермана; —
 Я молодъ былъ, моя душа
 Въ то время радостно кипѣла,
 И ни одна въ кудряхъ моихъ
 Еще сѣдинка не бѣлѣла.
 Между красавицъ молодыхъ
 Одна была... и долго ею,
 Какъ солнцемъ, любовался я,
 И, наконецъ, назвалъ моею.

Ахъ, быстро молодость моя
 Звѣздой падучею мелькнула!
 Но ты, пора любви, минула
 Еще быстрѣе: только годъ
 Меня любила Мариула.

Однажды, близъ Кагульскихъ водъ,
 Мы чуждый таборъ повстрѣчали;
 Цыганы тѣ, свои шатры
 Разбивъ близъ нашихъ, у горы,
 Двѣ ночи вмѣстѣ ночевали.
 Они ушли на третью ночь,

И, брося маленькую дочь,
 Ушла за ними Мариула.
 Я мирно спалъ; заря блеснула;
 Проснулся я — подруги нѣтъ!
 Ищу, зову — пропалъ и слѣдъ.
 Тоскуя, плакала Земфира,
 И я заплакалъ!.. Съ этихъ поръ
 Постылы мнѣ всѣ дѣвы міра;
 Межъ ними никогда мой взоръ
 Не выбиралъ себѣ подруги,
 И одинокіе досуги
 Уже ни съ кѣмъ я не дѣлилъ.

Алеко.

Да какъ же ты не поспѣшилъ
 Тотчасъ вослѣдъ неблагодарной,
 И хищнику, и ей, коварной,
 Кинжала въ сердце не вонзилъ?

Старикъ.

Къ чему? Вольнѣе птицы младость.
 Кто въ силахъ удержать любовь?
 Чредою всѣмъ дается радость;
 Что было, то не будетъ вновь.

Алеко.

Я не таковъ. Нѣтъ, я не споря
 Отъ правъ моихъ не откажусь;
 Или хоть мщеньемъ наслажусь.
 О, нѣтъ! Когда бъ надъ бездной моря
 Нашелъ я спящаго врага,
 Клянусь, и тутъ моя нога
 Не пощадила бы злодѣя:
 Я въ волны моря, не блѣднѣя,
 И беззащитнаго бъ толкнулъ,
 Внезапный ужасъ пробужденья
 Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,

И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гуль.

Молодой цыганъ.

Еще одно, одно лобзанье!

Земфира.

Пора! Мой мужъ ревнивъ и золъ.

Цыганъ.

Одно... но долъ — на прощанье!

Земфира.

Прощай, покамѣсть не пришелъ.

Цыганъ.

Скажи, когда жъ опять свиданье?

Земфира.

Сегодня, какъ зайдетъ луна,
Тамъ, за курганомъ, надъ могилой...

Цыганъ.

Обманеть! Не придетъ она.

Земфира.

Бѣги — вотъ онъ! Приду, мой милый.

Алеко спить. Въ его умѣ
Видѣнье смутное играетъ;
Онъ, съ крикомъ пробудясь во тьмѣ,
Ревниво руку простираетъ;
Но обробѣлая рука
Покровы хладные хватаетъ:
Его подруга далека...

Онъ съ трепетомъ привсталъ и внемлетъ...
 Все тихо! Страхъ его объемлетъ;
 По немъ текутъ и жаръ, и хладъ;
 Встаеъ онъ, изъ шатра выходитъ,
 Вокругъ телѣгъ ужасенъ бродить;
 Спокойно все; поля молчать;
 Темно; луна зашла въ туманы;
 Чуть брежетъ звѣздъ невѣрный свѣтъ;
 Чуть по росѣ примѣтный слѣдъ
 Ведетъ за дальные курганы:
 Нетерпѣливо онъ идетъ,
 Куда зловѣщій слѣдъ ведетъ.

Могила на краю дороги
 Вдали бѣлѣетъ передъ нимъ;
 Туда слабѣющія ноги
 Влачить, предчувствіемъ томимъ;
 Дрожать уста, дрожать колѣни...
 Идетъ... и вдругъ... иль это сонъ?
 Вдругъ видитъ близкія двѣ тѣни,
 И близкій шопоть слышитъ онъ
 Надъ обезславленной могилой.

Первый голосъ.

Пора!..

Второй голосъ.

Постой!

Первый голосъ.

Пора, мой милый.

Второй голосъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Постой, дождемся дня.

Первый голосъ.

Ужь поздно.

Второй голосъ.

Какъ ты робко любишь!

Минуту!

Первый голосъ.

Ты меня погубишь.

Второй голосъ.

Минуту!

Земфира.

Если безъ меня

Проснется мужъ...

Алеко.

Проснулся я.

Куда вы? Не спѣшите оба —
Вамъ хорошо и здѣсь, у гроба.

Земфира.

Мой другъ бѣги, бѣги!

Алеко.

Постой!

Куда, красавецъ молодой?

Лежи!

(Вонзаетъ въ него ножъ.)

Земфира.

Алеко!

Цыганъ.

Умираю!

Земфира.

Алеко, ты убьешь его!

Взгляни, ты весь обрызганъ кровью!

О, что ты сдѣлалъ?

Алеко.

Ничего.

Теперь дыши его любовью...

Земфира.

Нѣтъ, полно, не боюсь тебя,
Твои угрозы проклиная,
Твое убійство презираю.

Алеко.

Умри жь и ты!

(Поражаетъ ее).

Земфира.

Умру любя!

Востокъ, денницей озаренный,
Сіяль. Алеко за холмомъ,
Съ ножемъ въ рукахъ, окровавленный,
Сидѣль на камнѣ гробовомъ.
Два трупа передъ нимъ лежали;
Убійца страшень былъ лицомъ;
Цыганы робко окружали
Его встревоженной толпой;
Могилу въ сторонѣ копали,
Шли жены скорбной чередой
И въ очи мертвыхъ цѣловали.
Старикъ-отецъ одинъ сидѣль
И на погибшую глядѣль
Въ нѣмомъ бездѣйствіи печали;
Подняли трупы, понесли,
И въ лоно хладное земли
Чету младую положили.
Алеко издали смотрѣль
На все. Когда же ихъ зарыли

Послѣдней горстію земной,
Онъ молча, медленно склонился,
И съ камня на траву свалился.

Тогда старикъ, приближась, рекъ:
„Оставь насъ, гордый человѣкъ!
„Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
„Мы не терзаемъ, не казимъ,
„Не нужно крови намъ и стоновъ;
„Но жить съ убійцей не хотимъ.
„Ты не рожденъ для дикой доли:
„Ты для себя лишь хочешь воли;
„Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ:
„Мы робки и добры душою,
„Ты золь и смѣль — оставь же насъ;
„Прости! Да будетъ миръ съ тобою.“

Сказаль, — и шумною толпою
Поднялся таборъ кочевой
Съ долины страшнаго ночлега,
И скоро все въ дали степной
Сокрылось. Лишь одна телѣга,
Убогимъ крытая ковромъ,
Стояла въ полѣ роковомъ.
Такъ иногда, передъ зимою,
Туманной утренней порою,
Когда подѣмлется съ полей
Станица позднихъ журавлей
И съ крикомъ вдаль на югъ несется, —
Пронзенный гибельнымъ свинцомъ,
Одинъ печально остается,
Повиснувъ раненымъ крыломъ ¹¹.
Настала ночь; въ телѣгѣ темной
Огня никто не разложилъ,
Никто подъ крышею подѣмной
До утра сномъ не опочилъ.

1824. Михайловское, октября 10.

Э П И Л О Г Ъ .

Волшебной силой пѣснопѣнья
 Въ туманной памяти моей
 Такъ оживляются видѣнья
 То свѣтлыхъ, то печальныхъ дней.
 Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани
 Ужасный гуль не умолкалъ,
 Гдѣ повелительныя грани
 Стамбулу русскій указалъ,
 Гдѣ старый нашъ орелъ двуглавый
 Еще шумитъ минувшей славой,
 Встрѣчалъ я посреди степей,
 Надъ рубежами древнихъ становъ,
 Телѣги мирныя цыгановъ,
 Смиренной вольности дѣтей.

За ихъ лѣнливыми толпами
 Въ пустыняхъ часто я бродилъ,
 Простую пищу ихъ дѣлилъ
 И засыпалъ предъ ихъ огнями;
 Въ походахъ медленныхъ любилъ
 Ихъ пѣсенъ радостные гулы,
 И долго милой Маріулы
 Я имя нѣжное твердилъ ¹².

Но счастья нѣтъ и между вами,
 Природы бѣдные сыны!
 И подъ издранными шатрами
 Живутъ мучительные сны;
 И ваши сѣни кочевья
 Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣдъ,
 И всюду страсти роковая,
 И отъ судебъ защиты нѣтъ.

IX.

К о м е д і я

о царѣ Борисѣ

и

о Гришкѣ Отрепьевѣ.

1825.

Написавъ Цыганъ, Пушкинъ почувствовалъ въ себѣ способность къ драматическому творчеству. Уже въ этой поэмѣ многія сцены невольно получили подъ его перомъ форму драматическую. По словамъ Анненкова, Пушкинъ говорилъ друзьямъ, что послѣ написанія Цыганъ ему самому открылась новая дорога, о которой онъ прежде и не помышлялъ. Цѣль драмъ, созданныхъ имъ съ 1825 по 1832 г., была естественнымъ слѣдствіемъ этого вдохновеннаго откровенія (Поливановъ, III, 5).

Первая зима послѣ невольнаго переселенія поэта „въ далекій сѣверный уѣздъ“ была для него особенно тяжела послѣ шумной жизни въ Одессѣ: ссора съ отцомъ, тревожное ожиданіе еще новыхъ непріятностей, затѣмъ — почти совершенное одиночество въ обществѣ старухи-няни, изрѣдка прерываемое поѣздками къ Осиповымъ въ Тригорское, да посѣщеніями Святогорскаго архимандрита, — все это наводило на Пушкина тоску, отъ которой онъ могъ избавляться только усиленнымъ чтеніемъ. И поэтъ всецѣло погружается въ книги: „Книгъ, ради Бога, книгъ, — это лица души!“ — пишетъ онъ брату, постоянно требуя то новыхъ журналовъ, то разныхъ сочиненій, о которыхъ узнавалъ изъ журнальныхъ статей или зналъ раньше только по слухамъ. Библія, Четьи-Минеи, Карамзинъ, французскіе переводы Шекспира, Шиллера, Альфіери, В. Скотта, курсъ драматической литературы А.-В. Шлегеля, — вотъ книги, которымъ Пушкинъ удѣляетъ въ эту пору наибольшее вниманіе. „Что за человекъ Шекспиръ!“ — восклицаетъ онъ въ письмѣ къ одному изъ друзей своихъ, — „я не могу въ себя придти отъ изумленія!“ Мысли поэта все болѣе и болѣе обращаются къ драмѣ; обсуждая разные вопросы „классической“ теоріи, которая въ то время считалась у насъ непреложной истиной, онъ ясно видитъ ея недостатки, формализмъ, условность, и все сильнѣе чувствуетъ потребность пойти своимъ, самостоятельнымъ путемъ. Мало по

малу у него вырисовывается планъ 'оригинальной драмы изъ русской исторіи; весной 1825 г. онъ уже сообщаетъ этотъ планъ своему старому другу Ник. Раевскому, который и даетъ ему, въ отвѣтномъ письмѣ отъ 10 мая того же года, нѣсколько общихъ совѣтовъ. „У тебя,—говоритъ Раевскій,—нѣтъ недостатка въ блестящихъ замыслахъ, но не хватаетъ терпѣнія привести ихъ въ исполненіе. Итакъ, тебѣ предстоитъ проложить путь и къ развитію національнаго театра. Что же касается терпѣнія, то я желалъ бы, чтобы ты справлялся съ источниками, которыми пользовался Карамзинъ, а не слѣдовалъ только его разсказу. Не забудь, что Шиллеръ изучалъ астрологію, трежде чѣмъ приняться за Валленштейна. Признаюсь, я не совсѣмъ понимаю, зачѣмъ ты хочешь писать твою трагедію бѣлыми стихами. Я думалъ бы, напротивъ, что тутъ представляется случай воспользоваться всѣми богатствами нашихъ многочисленныхъ размѣровъ, — разумѣется, употребляя ихъ не совмѣстно, какъ это дѣлаетъ Шаховской, но и не обязывая себя пользоваться во всѣхъ сценахъ тѣмъ размѣромъ, какой принять для первой. Хороша или дурна будетъ твоя трагедія, — я заранѣе предвижу важныя послѣдствія для нашей словесности. Ты дашь жизнь нашему шестистопному стиху, который до сихъ поръ такъ тяжель и безжизнень; ты сообщишь діалогу движеніе, которое сдѣлаетъ его похожимъ на разговоръ, а не на фразы изъ словаря, какъ это было до сихъ поръ; ты доверишишь водвореніе у насъ простой и естественной рѣчи, которой наша публика еще не понимаетъ, не смотря на прекрасные образцы ея въ Цыганахъ и Разбойникахъ. Ты сведешь наконецъ, поэзію съ ея ходуль“ (Майковъ, Пушкинъ, 145).

13 іюля 1825 г. Пушкинъ сообщалъ кн. Вяземскому, что онъ предпринялъ „литературный подвигъ: романтическую трагедію“. Употребляя здѣсь этотъ терминъ: романтическая, поэтъ, очевидно, хотѣлъ выразить, что его драма будетъ и по формѣ, и по содержанію, полнымъ нарушеніемъ классической теоріи, и рѣшилъ какъ можно рѣзче подчеркнуть это свое несходство съ общепринятыми литературными образцами: онъ не только отказался отъ шестистопнаго рифмованнаго стиха („александрійскаго“), считавшагося непремѣннымъ условіемъ трагедіи, но при окончательной отдѣлкѣ пьесы уничтожилъ даже сдѣланное первоначально раздѣленіе ея на дѣйствія, слѣдовательно, — пошелъ даже

дальше „романтических“ образцовъ, Шекспира и Шиллера; онъ просто разбилъ свою пьесу на отдѣльныя сцены, и даже заглавіе для нея придумалъ въ стилѣ первоначальнаго русскаго театра петровскихъ временъ:

„Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ. Писаль рабъ Божій Александръ Пушкинъ, въ лѣто 7333, на городищѣ Вороничѣ“ *).

При окончательной отдѣлкѣ это заглавіе, слишкомъ изысканное, было сокращено, а для печати Пушкину поневолѣ пришлось ограничиться двумя словами: „Борисъ Годуновъ.“

Осенью 1825 г. пьеса была уже готова. Пушкинъ читалъ ее навѣстившему его въ деревнѣ лицейскому товарищу кн. А. М. Горчакову (см. т. II, стр. 374), который впослѣдствіи говорилъ, что заставилъ Пушкина выбросить изъ сцены на Дѣвичьемъ полѣ слово „слюни“; читалъ онъ Бориса также и своему пріятелю-сосѣду А. Н. Вульффу (см. Онѣгина, гл. IV, 35). Совершенно закончена была пьеса 7 ноября 1825 г.: эта помѣта выставлена въ бѣловой пушкинской рукописи.

Осенью слѣдующаго 1826 г., поэтъ, вызванный государемъ въ Москву, нѣсколько разъ читалъ здѣсь своего Бориса въ литературномъ кругу. Объ одномъ изъ этихъ чтеній, происходившемъ 12 октября въ домѣ Веневитиновыхъ, мы имѣемъ любопытный разсказъ М. П. Погодина (Рус. Арх. 1865, № 1, стр. 95). Въ числѣ слушателей здѣсь находились: П. Я. Чаадаевъ, гр. М. Ю. Вѣльгорскій, братья Кирѣевскіе, Хомяковы, Баратынскій, Шевыревъ, Мицкевичъ. „Мы собрались слушать Пушкина, — говоритъ Погодинъ, — воспитанные на стихахъ Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которыхъ всѣ мы знали наизусть. Учителемъ нашимъ былъ Мерзляковъ. Надо припомнить и образъ чтенія стиховъ, господствовавшій въ то время. Это былъ распѣвъ, завѣщенный французскою декламаціей, которой мастеромъ считался Кокошкинъ и послѣднимъ представителемъ былъ въ наше время графъ Блудовъ. Наконецъ, надо себѣ представить самую фигуру Пушкина. Ожиданный нами величавый жрецъ высокаго искусства — это

*) Вороничъ — село, неподалеку отъ Михайловскаго. Пушкинъ, т. III.

быль средняго роста, почти низенькій человѣчекъ, вертлявый, съ длинными, нѣсколько курчавыми по концамъ волосами, безъ всякихъ притязаній, съ живыми, быстрыми глазами, съ тихимъ пріятнымъ голосомъ, въ черномъ сюртукѣ, въ черномъ жилетѣ, застегнутомъ наглухо, въ небрежно повязанномъ галстухѣ. вмѣсто высокопарнаго языка боговъ, мы слышали простую, ясную, обыкновенную и, между тѣмъ,—поэтическую, увлекательную рѣчь!

„Первыя явленія выслушаны тихо и спокойно, или, лучше сказать, въ какомъ-то недоумѣніи. Но чѣмъ дальше, тѣмъ ощущенія усиливались. Сцена лѣтописателя съ Григоріемъ всѣхъ ошеломила. Мнѣ показалось, что мой родной и любезный Несторъ поднялся изъ могилы и говоритъ устами Пимена. Мнѣ послышался живой голосъ русскаго древняго лѣтописателя. А когда Пушкинъ дошелъ до разсказа Пимена о посѣщеніи Кириллова монастыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ иноковъ: „да ниспошлетъ Господь покой его душѣ страдающей и бурной“, — мы просто всѣ какъ будто обезпамятѣли. Кого бросало въ жаръ, кого въ ознобъ. Волосы поднимались дыбомъ. Не стало силъ воздерживаться. Кто вдругъ вскочить съ мѣста, кто вскрикнуть... то молчаніе, то взрывъ рукоплесканій... напри- мѣрь, при стихахъ Самозванца:

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила,
И въ жертву мнѣ Боріса обрекла!..

Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на друга долго и потомъ бросились къ Пушкину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія...

Мицкевичъ, выслушавъ трагедію, воскликнулъ: „Tu Shakespeare eris, si fata sinant!“ Баратынскій писалъ 26 октября А. А. Муханову, что „Борисъ“ — чудесное произведеніе, которое составитъ эпоху въ нашей словесности (Рус. Арх. 1895, III, 125); А. Ѳ. Воейковъ сообщалъ 22 ноября Д. М. Перевощикову: „Это — чудо, это — образецъ силы, ужаса, высокаго и великаго. Русь ничего не имѣла подобнаго въ драматическомъ родѣ. Прочтите сіи строки поэту Языкову, — онъ затрепещетъ отъ восторга и соревнованія!“ (Рус. Арх. 1890, III, 92).

За это чтеніе „Бориса“ Пушкинъ немедленно получилъ выговоръ отъ шефа жандармовъ. „При отъѣздѣ моемъ изъ Москвы“, писалъ ему Бенкендорфъ 22 ноября 1826 г., „не имѣя времени лично съ вами переговорить, обратился я къ вамъ письменно съ объявленіемъ Высочайшаго соизволенія, дабы вы, въ случаѣ какихъ-либо новыхъ литературныхъ произведеній вашихъ, до напечатанія или распространенія оныхъ въ рукописяхъ, представляли бы предварительно о разсмотрѣніи оныхъ, или чрезъ посредство мое, или даже и прямо Его Императорскому Величеству... Нынѣ доходятъ до меня свѣдѣнія, что вы изволили читать въ нѣкоторыхъ обществахъ сочиненную вами трагедію. Сіе меня побуждаетъ васъ покорнѣйше просить объ увѣдомленіи меня: справедливо ли такое извѣстіе или нѣтъ? Я увѣренъ, впрочемъ, что вы слишкомъ благомыслящи, чтобы не чувствовать въ полной мѣрѣ столь великодушнаго къ вамъ монаршаго снисхожденія и не стремиться учинить себя достойнымъ онаго“. Пушкинъ немедленно отослалъ свою пьесу въ III Отдѣленіе Собств. Е. И. В. Канцеляріи, а Бенкендорфъ поручилъ ея разсмотрѣніе одному изъ своихъ образованныхъ чиновниковъ. Отзывъ этого оффиціального критика напечатанъ М. И. Сухомлиновымъ, „Изслѣд. и статьи“, II, 219. Здѣсь указано, что „въ сей пьесѣ нѣтъ ничего цѣлаго: это отдѣльныя сцены или, лучше сказать отрывки изъ X и XI тома Исторіи Государства Россійскаго, соч. Карамзина, передѣланные въ разговоры и сцены. Характеры, происшествія, мнѣнія, — все основано на сочиненіи Карамзина, все оттуда позаимствовано. Автору комедіи принадлежитъ только разсказъ, расположеніе дѣйствія на сцены... Цѣль пьесы — показать историческія событія въ естественномъ видѣ, въ нравахъ своего вѣка. Духъ цѣлаго сочиненія — монархическій, ибо нигдѣ не введены мечты о свободѣ, какъ въ другихъ сочиненіяхъ сего автора, и только одно мѣсто предосудительно въ политическомъ отношеніи: народъ привязывается къ самозванцу именно потому, что почитаетъ его отраслью древняго царскаго рода. Нѣкоторые бояре увлекаются честолюбіемъ, — но такъ говоритъ исторія. Имена — почти всѣ историческія. Литературное достоинство — гораздо ниже, нежели мы ожидали. Это не есть подражаніе Шекспиру, Гете, Шиллеру: ибо у сихъ поэтовъ, въ сочиненіяхъ, составленныхъ изъ разныхъ эпохъ,

всегда находится связь и цѣлое въ пьесахъ. У Пушкина это — разговоры, припоминающіе разговоры Вальтера Скотта. Для русскихъ это будетъ чрезвычайно интересно по новости рода и по отечественнымъ событіямъ; для иностранцевъ все это потеряно. Нѣкоторыя сцены... истинно занимательны и народны; но въ цѣломъ составѣ нѣтъ ничего такого, которое бы показывало сильныя порывы чувства или пламенное пѣтическое воображеніе. Все — подражаніе, отъ первой сцены до послѣдней. Прекрасныхъ стиховъ и тирадъ весьма мало. Нѣкоторыя мѣста должно непременно исключить. Говоря сіе, должно замѣтить, что человекъ съ малѣйшимъ вкусомъ и тактомъ не осмѣлился бы никогда представить публикѣ выраженія, которыя нельзя произнести ни въ одномъ благопристойномъ трактирѣ (напр. слова Маржерета)“.

Отмѣтивъ, затѣмъ, къ исключенію шесть мѣстъ (они указываются нами въ примѣчаніяхъ), докладчикъ полагалъ, что къ напечатанію пьесы, „кажется, нѣтъ никакого препятствія. Разумѣется, что играть ее невозможно и не должно, ибо у насъ не выдввали патріарха и монаховъ на сценѣ“.

14 декабря 1826 г. Бенкендорфъ увѣдомилъ Пушкина: „Я имѣлъ счастье представить государю императору комедію вашу о Царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ. Его Величество изволилъ прочесть оную съ большимъ удовольствіемъ и на поднесенной мною по сему предмету запискѣ собственноручно написать слѣдующее: „Я считаю, что цѣль г. Пушкина была бы выполнена, еслибъ съ нужнымъ очищеніемъ передѣлалъ комедію свою въ историческую повѣсть или романъ на подобіе Вальтера Скотта“. Увѣдомляя васъ о семъ Высочайшемъ отзывѣ и возвращая при семъ сочиненіе ваше, долгомъ считаю присовокупить, что мѣста, обратившія на себя вниманіе Его Величества и требующія нѣкотораго очищенія, отмѣчены въ самой рукописи и заключаются также въ прилагаемой у сего выпискѣ“.

Пушкинъ отозвался, что его пьеса дѣйствительно болѣе сбивается на историческій романъ, но что онъ уже не въ силахъ передѣлать однажды имъ написанное (3 янв. 1827). На этомъ и остановились его ходатайства о разрѣшеніи напечатать Бориса. Уѣзжая изъ Москвы въ Петербургъ, онъ отдалъ, въ видѣ опыта, въ только что возникшій тогда журналъ Погодина „Московскій Вѣстникъ“ сцену Пимена съ

Григоріемъ, которая и явилась въ № 1 этого журнала 1827 г. Отзвы журналовъ объ этой сценѣ показали только совершенную неподготовленность тогдашней критики къ оцѣнкѣ новаго произведенія Пушкина. Рецензенты, по словамъ „Моск. Вѣстн.“, „младенчески“ сожалѣли о томъ, что сей отрывокъ писанъ не съ риѣмами. Надеждинъ совѣтовалъ Пушкину сжечь его драму; Загоскинъ смѣялся надъ нею и высказалъ готовность промѣнять ее на модную картинку, и пр.

Кромѣ сцены Пимена, ранѣе полнаго изданія Бориса явились: въ Сѣв. Цвѣтахъ на 1828 г. — сцена Курбскаго и Самозванца на границѣ, и въ Денницѣ 1830 г. — двѣ первыя сцены.

Петербургскіе друзья поэта познакомились съ его новымъ произведеніемъ въ 1827-28 гг. Жуковскій былъ въ восторгѣ: „Годуновъ — превосходное твореніе, писалъ онъ А. И. Тургеневу, — много глубокости и знанія челоувѣческаго сердца. Гдѣ онъ (Пушкинъ) все это беретъ?“ (Письма Жук. къ Тург., изд. Рус. Архива, М. 1895, стр. 230); Крыловъ добродушно посмѣялся надъ комедіей, назвавъ ее „совершеннѣйшимъ уродомъ“; кн. Вяземскій, послѣ чтенія у гр. Лаваль (16 мая 1828), гдѣ присутствовали, между прочими, Грибоѣдовъ и Мицкевичъ, сообщалъ А. И. Тургеневу: „Кажется, всѣ были довольны, сколько можно быть довольнымъ, мало понимая. Въ трагедіи есть красоты первостепенныя... Иныя сцены, въ особенности изъ послѣднихъ, недостаточно развиты, и только развѣ *des somptueuses des scènes*. Вообще, истина удивительная, трезвость, спокойствіе. Автора почти нигдѣ не видишь. Передъ тобою — не куклы на проволоку, дѣйствующія по манію закулиснаго фокусника. Но за то, можетъ быть, мало созданія...“ (А. С. Пушк. по док. Остаф. арх., II, 21). Большинству тогдашнихъ читателей произведеніе Пушкина дѣйствительно было мало понятно. „Люди образованные, — писалъ Погѣдину Н. М. Мельгуновъ, — но съ предразсудками французской школы, вовсе не понимаютъ смысла этого произведенія, удивляются пятистопнымъ ямбами, тому, что монахъ выведенъ на сцену; да и самая простота языка Пимена становится для нихъ предметомъ соблазна“ (Рус. Арх. 1884, II, 360). „Общее мнѣніе, — говоритъ Анненковъ (Мат., 136), — поражено было новымъ направленіемъ,

какое принялъ поэтъ, но не увлечено имъ. Весьма немногіе угадали поэтическое откровеніе одной народной эпохи. Наиболѣе расположенные къ поэту еще признавали достоинство стиха, но другіе, числительно сильнѣйшіе, не видѣли уже прежняго сладкозвучнаго пѣвца своего за этимъ бѣлымъ стихомъ и сожалѣли о юношескихъ, блестящихъ произведеніяхъ, гдѣ риѣма заканчивала образъ, всѣмъ понятный и увлекательный. Толки, возбужденные появившимся въ печати отрывкомъ Бориса, привели Пушкина къ мысли, что весь споръ о классицизмѣ и романтизмѣ былъ оптический обманъ, созданный журналами, которому и онъ самъ поддакъ, и что необходимость преобразованія литературныхъ формъ не лежала въ общихъ потребностяхъ, въ дѣйствительно возмужаломъ и измѣнившемся вкусѣ публики. Почти съ той же минуты сталъ Пушкинъ считать трагедію свою анахронизмомъ и смотрѣть съ ироніей на свое предположеніе создать народную драму. Какъ ни горекъ былъ опытъ, но Пушкинъ нашелъ ему оправданіе въ общемъ французско-классическомъ воспитаніи всего современнаго поколѣнія...“ Вотъ почему онъ и не рѣшался продолжать хлопоты о разрѣшеніи Бориса.

Еще въ 1825 г., обдумывая свое новое произведеніе, Пушкинъ писалъ Н. Н. Раевскому:

„Правдоподобіе положеній и истина разговоровъ — вотъ настоящіе законы трагедіи. Я не читалъ ни Кальдерона, ни Веги, но что за человекъ Шекспиръ! Не могу придти въ себя! Какъ ничтоженъ передъ нимъ Байронъ-трагикъ, этотъ Байронъ, всего на всего постигшій только одинъ характеръ (у женщинъ нѣтъ характера: у нихъ страсти въ ихъ молодости, и вотъ почему такъ легко выводить ихъ). И вотъ, Байронъ раздѣлилъ между своими героями тѣ и другія черты собственнаго характера: одному далъ свою гордость, другому свою ненависть, третьему свою меланхолію и проч., и такимъ-то образомъ изъ одного характера — полнаго, мрачнаго и энергичнаго — создалъ множество характеровъ ничтожныхъ. Это вовсе ужъ не трагедія.

„Есть и еще заблужденіе: задумавъ какой-нибудь характеръ, стараются выказать его даже въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ (таковы педанты и моряки въ старыхъ романахъ Фильдинга). Заговорщикъ говоритъ: „дайте мнѣ пить“ — какъ заговорщикъ, а это смѣшно. Вспомните

Байронова Озлобленнаго: „онъ заплатилъ!“ (на pagato). Это однообразіе, тупость лаконизма, непрерывная ярость — развѣ это естественно? Отсюда и неловкость и робость разговора. Читайте Шекспира. Нисколько не боясь скомпрометировать свое дѣйствующее лицо, онъ заставляетъ его разговаривать съ полной непринужденностью жизни, ибо увѣренъ, что въ свое время и въ своемъ мѣстѣ оно найдетъ языкъ, соотвѣтствующій его характеру.

„Вы меня спросите: есть ли моя пьеса трагедія характеровъ или нравовъ? Я выбралъ наиболѣе удобный родъ, но стараюсь соединить ихъ въ оба. Я пишу и думаю. Большая часть сценъ требуетъ только разсужденія; когда же я дохожу до сцены, требующей вдохновенія, то выжидаю или перескакиваю черезъ нее. Это—способъ работы для меня совершенно новый. Я чувствую, что душа моя совсѣмъ развернулась — я могу творить.“

Въ 1827 г., послѣ напечатанія сцены Пимена въ Моск. Вѣстникѣ, поэтъ писалъ тому же своему другу:

„Благодарю васъ за участіе, принимаемое вами въ судьбѣ Годунова. Ваше нетерпѣніе видѣть его очень лестно для моего самолюбія; но теперь, когда, по стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, открылась мнѣ возможность его напечатать, предвижу новыя затрудненія, мною прежде не подозреваемые.“

„Съ 1820 года, будучи удаленъ отъ московскихъ и петербургскихъ обществъ, я въ однихъ журналахъ могъ наблюдать направленіе нашей словесности. Читая жаркіе споры о романтизмѣ, я вообразилъ, что и въ самомъ дѣлѣ намъ наскучили правильность и совершенство классической древности и блѣдныя, однообразныя списки ея подражателей; что утомленный вкусъ требуетъ иныхъ, сильнѣйшихъ ощущеній и ищетъ ихъ въ мутныхъ, но кипящихъ источникахъ нашей народной поэзіи. Мнѣ казалось, однако, довольно страннымъ, что младенческая словесность, ни въ какомъ родѣ не представляющая никакихъ образцовъ, уже успѣла немногими опытами притупить вкусъ читающей публики; но, думалъ я, французская словесность, всѣмъ намъ съ младенчества и такъ коротко знакомая, вѣроятно причиною сего явленія. Искренно признаюсь, что я воспитанъ въ страхѣ почтеннѣйшей публики и что не вижу никакого стыда угрожать ей и слѣдовать духу времени. Это первое признаніе

ведеть къ другому, болѣе важному: такъ и быть, каюсь, что я въ литературѣ скептикъ (чтобъ не сказать хуже), и что всѣ ея секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суевѣрно поработать литературную совѣсть? Зачѣмъ писателю не повиноваться принятымъ обычаемъ въ словесности своего народа, какъ онъ повинуется законамъ своего языка? Онъ долженъ владѣть своимъ предметомъ, не смотря на затруднительность правилъ, какъ онъ обязанъ владѣть языкомъ, не смотря на грамматическія оковы...

„...Между тѣмъ, читая мелкія стихотворенія, величаемыя романтическими, я въ нихъ не видѣлъ и слѣдовъ искренняго и свободнаго хода романтической поэзіи, но жеманство лжеклассицизма французскаго...

„Все это сильно поколебало мою авторскую увѣренность, — я началъ подозрѣвать, что трагедія моя есть анахронизмъ...

„Скоро я въ томъ удостовѣрился. Вы читали въ 1-й книжкѣ „Московскаго Вѣстника“ отрывокъ изъ Бориса Годунова, сцену лѣтописца. Характеръ Пимена не есть мое изобрѣтеніе. Въ немъ собралъ я черты, плѣнившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ; умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности дышать въ сихъ драгоценныхъ памятникахъ временъ давно минувшихъ, между коими озлобленная лѣтопись кн. Курбскаго отличается отъ прочихъ лѣтописей, какъ бурная жизнь Іоаннова изгнанника отличалась отъ смиренной жизни безмятежныхъ иноковъ...

„Мнѣ казалось, что сей характеръ вмѣстѣ новъ и знакомъ для русскаго сердца, что трогательное равнодушіе древнихъ лѣтописцевъ, столь постигнутое Карамзинымъ и отразившееся въ его безсмертномъ созданіи, украситъ красоту моихъ стиховъ и заслужитъ снисходительную улыбку читателей. Что жъ вышло? Обратили вниманіе на политическія мнѣнія Пимена и нашли ихъ запоздалыми; другіе сомнѣвались, могутъ ли стихи безъ римъ назваться стихами. Г-нъ Загоскинъ предложилъ промѣнять сцену Бориса Годунова на картинку „Дамскаго Журнала“. Тѣмъ и кончился строгій судъ почтеннѣйшей публики...

„Что жъ изъ этого слѣдуетъ? Что г-нъ Загоскинъ и

публика правы, но что гг. журналисты виноваты ошибочными извѣстіями, введшими меня въ искушеніе. Воспитанные подъ вліяніемъ французской критики, русскіе привыкли къ правиламъ, утвержденнымъ сею критикою, и неохотно смотрять на все, что не подходитъ подъ ея законы. Нововведенія опасны, и, кажется, не нужны...“

Наконецъ, 30 января, 1829 г., Пушкинъ отослалъ Бориса Н. Раевскому, при слѣдующемъ письмѣ:

„Вотъ моя трагедія, такъ какъ вы непременно этого хотите; но я требую, чтобъ прежде ея чтенія вы пробѣжали послѣдній томъ Карамзина. Она исполнена шутокъ и тонкихъ намековъ, относящихся къ исторіи того времени, какъ наши бездѣлки Кіева и Каменки. Надо умѣть понимать ихъ — *sine qua pop.*“

„По примѣру Шекспира, я ограничился изображеніемъ эпохи и историческихъ личностей, не гоняясь за сценическими эффектами, романтическимъ паѳосомъ и проч... Стиль ея — смѣшанный. Онъ пошлъ и низокъ тамъ, гдѣ мнѣ приходилось выводить грубые и пошлые лица. Не обращайте вниманія на злоупотребленія этого рода. Все это писалось наскоро и будетъ исправлено при первой перепискѣ. Съ удовольствіемъ я мечталъ о трагедіи безъ любви; но кромѣ того, что любовь составляла существенную часть романическаго и страстнаго характера моего авантюриста, Дмитрій еще влюбляется у меня въ Марину, чтобы мнѣ лучше было выказать странный характеръ этой послѣдней. У Карамзина она представлена только въ очеркѣ. Конечно, это была самая странная изъ хорошенькихъ женщинъ. У нея была только одна страсть — честолюбіе, но до такой степени сильное, бѣшеное, что трудно себѣ и представить. Посмотрите, какъ она, попробовавъ царской власти, упоенная пустымъ призракомъ, распутничаетъ, переходя отъ одного авантюриста къ другому, раздѣляетъ то отвратительное ложе съ жидомъ, то палатку съ казакомъ, постоянно готовая предаться кому бы то ни было, лишь бы онъ могъ подать ей слабую надежду на тронъ, болѣе уже не существовавшій. Посмотрите, какъ она борется съ войной, нищетой и позоромъ, и въ то же время сноится съ польскимъ королемъ, какъ равная съ равнымъ, и, наконецъ, постыдно кончаетъ самое бурное, самое необыкновенное существованіе. У меня она является только въ одной сценѣ, но я возвращаюсь къ

ней, если Богъ продлитъ мои дни. Она возмущаетъ меня, какъ страсть. Она страшно какая полька, какъ...

„Гаврило Пушкинъ, — одинъ изъ моихъ предковъ, я изобразилъ его такимъ, какимъ нацѣлъ въ исторіи и въ моихъ семейныхъ бумагахъ. Онъ обладалъ большими способностями, будучи въ одно время и искуснымъ воиномъ, и придворнымъ челоѣкомъ, и въ особенности—заговорщикомъ. Это онъ и Плещеевъ обезпечили успѣхъ Самозванца своей неслыханной дерзостью. Потомъ я его опять нашелъ въ Москвѣ, въ числѣ семи начальниковъ, защищавшихъ ее въ 1612 году, потомъ въ 1616-мъ въ Думѣ, рядомъ съ Козьмой Мининымъ, потомъ воеводой въ Нижнемъ, потомъ между депутатами, короновавшими Романова, потомъ посланникомъ. Онъ былъ всѣмъ, даже зажигателемъ, какъ доказываетъ грамота, найденная мною въ „Погорѣломъ Городищѣ“: онъ выжегъ городъ, въ видѣ наказанія, не знаю, за что именно, по образцу проконсуловъ національнаго собранія.

„Я также намѣренъ возвратиться къ Шуйскому. Онъ представляетъ въ исторіи странное смѣшеніе дерзости, изворотливости и силы характера. Слуга Годунова, онъ одинъ изъ первыхъ бояръ переходитъ на сторону Дмитрія, первый начинаетъ заговоръ и, замѣтите, онъ же первый и старается воспользоваться сумятицей, кричитъ, обвиняетъ, изъ начальника дѣлается сорванцомъ. Онъ близокъ къ казни, но Дмитрій даетъ ему помилованіе уже на эшафотѣ, изгоняетъ его и, съ тѣмъ великодушіемъ вѣтренности, которая отличала этого милаго авантюриста, снова возвращаетъ его ко двору своему, осыпаетъ почестями и щедротами. Что же дѣлаетъ Шуйскій, чуть было не попавшій на плаху и подъ топоръ? Онъ торопится съ новымъ заговоромъ, успѣваетъ, попадаетъ въ цари, падаетъ — и въ паденіи своемъ уже показываетъ болѣе достоинства и душевной силы, чѣмъ въ продолженіе всей своей жизни.

„Дмитрій сильно напоминаетъ Генриха IV. Онъ храбръ, великодушенъ и хвастливъ, какъ тотъ; онъ равнодушенъ къ религіи: оба они изъ политическихъ видовъ отступаются отъ своей вѣры; оба любятъ удовольствія и войну; оба наклонны къ химерическимъ предпріятіямъ и оба служатъ цѣлью для заговоровъ. Но у Генриха IV не было Ксеніи на совѣсти — правда, что это ужасное обвиненіе еще

не доказано, и я считаю своей священной обязанностью не вѣрить ему.

„Грибоѣдовъ критиковаль личность Гова: патриархъ, конечно, былъ человѣкъ весьма умный, а я, по разсѣянности, сдѣлалъ его простакомъ.

„Сочиняя моего Годунова, я думалъ о трагедіи — и если бы вздумалъ написать предисловіе, то вышелъ бы скандалъ: это, можетъ быть, всего менѣе изслѣдованный родъ словесности. Законы его стараются вывести изъ правдоподобія, а оно-то и исключается самой сущностью драмы; не говоря уже о времени, мѣстѣ и проч., какое къ чорту правдоподобіе можетъ быть въ залѣ, раздѣленномъ на двѣ половины, изъ которыхъ одна занята двумя тысячами человѣкъ, подразумѣваемыхъ невидимыми для находящихся на сценѣ? 2) Языкъ. Напр., Филектеть у Лагарпа, выслушавъ тираду Пирра, говоритъ чистымъ французскимъ языкомъ: „Увы! Я слышу сладкіе звуки греческой рѣчи“. Все это не представляетъ ли условнаго неправдоподобія? Истинные гениі трагедіи никогда не хлопотали о другомъ правдоподобіи, кромѣ правдоподобія характеровъ и положеній. Посмотрите, какъ храбро Корнель распорядился съ „Сидомъ“: „А,—вы желаете закона 24 часовъ! Извольте!“ И затѣмъ онъ наваливаетъ происшествій на 4 мѣсяца. Но нѣтъ ничего смѣшнѣе маленькихъ поправокъ въ принятыхъ законахъ. Альфіери глубоко чувствуетъ смѣшное значеніе рѣчей въ-сторону; онъ это уничтожаетъ, но за то растягиваетъ монологъ. Какое ребячество!

„Мое письмо вышло длиннѣе, нежели мнѣ хотѣлось. Прошу васъ, сберегите его, потому что оно мнѣ понадобится, если чортъ меня дернетъ написать предисловіе“.

Кромѣ того, въ бумагахъ П. осталось нѣсколько замѣтокъ, набросанныхъ имъ въ разное время, въ 1825 - 30 гг.

I.

О Гаврилѣ Григорьевичѣ Пушкинѣ *). Передался самозванцу, былъ имъ съ Плещеевымъ посланъ возмущать Москву, пожалованъ имъ въ великіе сокольничіе (небывалый чинъ), находился потомъ думнымъ дворяниномъ

*) Этого Пушкина звали Григорьемъ Гавриловичемъ. Онъ умеръ въ 1656 г.

(1616 г.) съ Мининымъ, получая 120 р. окладу. Въ 1630 году находился въ томъ-же чинѣ. 1 октября 1619 года у Срѣтенскихъ воротъ, съ Макс. Радиловымъ, защищаетъ Москву противъ Владислава и Сагайдашнаго. Въ Вязьмѣ принимаетъ возвращающагося изъ плѣна Филарета; въ 1643 году онъ Елатомскимъ намѣстникомъ и посломъ въ Польшу (о границахъ).

II.

Pour une préface. — Le public et la critique ayant accueilli avec une indulgence passionnée mes premiers essais et dans un temps où la sévérité et la malveillance m'eussent probablement dégoûté de la carrière que j'allais embrasser, je leur dois reconnaissance entière, et je les tiens quitte envers moi — leur rigueur et leur indifférence ayant maintenant peu d'influence sur mes travaux.

III.

Je me présente ayant renoncé à ma manière première. N'ayant plus à illustrer un nom inconnu et une première jeunesse, je n'ose plus compter sur l'indulgence avec laquelle j'avais été accueilli. Ce n'est plus le sourire de la mode que Je brigue. Je me retire volontairement du rang de ses favoris, en faisant mes humbles remerciements de la faveur avec laquelle elle avait accueilli mes faibles essais pendant dix ans de ma vie.

IV.

Съ величайшимъ отвращеніемъ рѣшюся я выдать въ свѣтъ Бориса Годунова. Успѣхъ или неудача моей трагедіи будетъ имѣть вліяніе на преобразование драматической нашей системы. Боюсь, чтобы собственные ея недостатки не были отнесены къ романтизму и чтобы она тѣмъ самымъ не замедлила хода...

19 іюля 1829. Арзрумъ.

V.

Съ отвращеніемъ рѣшаюся я выдать въ свѣтъ
И хоть я вообще довольно равнодушенъ къ успѣху или не удачѣ своихъ сочиненій, но признаюся, неудача Бориса Годунова будетъ мнѣ чувствительна, а я въ ней почти увѣренъ. Какъ Монтань, я могу сказать о моемъ сочиненіи:.

„с'est une oeuvre de bonne foi“. Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ, одобреніе малаго числа избранныхъ... Трагедія моя уже извѣстна почти всѣмъ тѣмъ, мнѣніемъ которыхъ дорожу. Одного не доставало въ числѣ моихъ слушателей: того, кому я обязанъ мыслию моей трагедіи, чей геній одушевилъ и поддержалъ меня, чье одобреніе представлялось воображенію моему сладкою наградой и единственно развлекало посреди уединеннаго труда *).

VI

Комедія о царѣ Борисѣ и о Гр. Отрепьевѣ писана въ 1825 году, и долго не могъ я рѣшиться выдать ее въ свѣтъ. Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль облечь въ формы драматическія [оживить въ формахъ драматическихъ] одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Я писалъ въ строгомъ уединеніи, не смущаемый никакимъ чуждымъ вліяніемъ. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источники богатые! Успѣлъ ли ими воспользоваться — не знаю. По крайней мѣрѣ, труды мои были ревностны и добросовѣстны.

Долго не могъ я рѣшиться напечатать свою драму. Хорошій или худой успѣхъ моихъ стихотвореній, благосклонное или строгое рѣшеніе журналовъ о какой-нибудь стихотворной повѣсти слабо тревожили мое самолюбіе. Читая разборы самые оскорбительные, старался я угадать мнѣніе критики, понять со всевозможнымъ хладнокровіемъ, въ чемъ именно состоятъ ея обвиненія, и если никогда не отвѣчалъ на оныя, то сіе происходило не изъ презрѣнія, но единственно изъ убѣжденія, что для нашей литературы il est indifférent, что такая-то глава Онѣгина выше или ниже

*) Карамзинъ умеръ 22 мая 1826.

другой. Но признаюсь искренно, неуспѣхъ драмы моей огорчилъ бы меня; ибо я твердо увѣренъ, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедіи Расина, и что всякій неудачный опытъ можетъ замедлить преобразование нашей сцены. (Ермакъ А. С. Хомякова есть болѣе произведеніе лирическое, чѣмъ драма. Успѣхомъ своимъ оно обязано прекраснымъ стихамъ, коими оно написано).

Приступаю къ нѣкоторымъ частнымъ объясненіямъ. Стихъ, употребленный мною (пятистопный ямбъ), принятъ обыкновенно англичанами и нѣмцами. У насъ первый примѣръ оному находимъ мы, кажется, въ Аргивянахъ. — А Жандръ въ отрывкѣ своей прекрасной трагедіи, писанной стихами вольными, преимущественно употребляетъ его. Я сохранилъ цезуру французскаго пентаметра на второй стопѣ и, кажется, въ томъ ошибся, лишивъ добровольно свой стихъ свойственнаго ему разнообразія.

Есть шутки грубыя, сцены простонародныя. Поэту не должно быть площаднымъ изъ доброй воли, если можетъ ихъ избѣжать; если жъ нѣтъ, то ему нѣтъ нужды стараться замѣнять ихъ чѣмъ-нибудь инымъ.

Нашедъ въ исторіи — одного изъ предковъ моихъ, игравшаго важную роль въ сію несчастную эпоху, я вывелъ его на сцену, не думая о щекотливости приличія, сопъ апоге, но безо всякой дворянской спеси. Изъ всѣхъ моихъ подражаній Байрону дворянская спесь была самое смѣшное. Аристокрацію нашу составляетъ дворянство новое, древнее же пришло въ упадокъ; его права уравнены съ правами прочихъ сословій, великія имѣнія давно раздроблены, уничтожены, и никто, даже если бы... и проч. Принадлежать къ такой аристокраціи не представляетъ никакого преимущества въ глазахъ благоразумнаго человѣка, и уединенное почитаніе къ славѣ предковъ можетъ только навлечь нареканія въ страшномъ безсмысліи или въ подражаніи иностранцамъ.

Но отъ кого бы я ни происходилъ, — отъ разночинцевъ, вышедшихъ въ дворяне, или отъ одного изъ самыхъ старинныхъ русскихъ родовъ, отъ предковъ, коихъ имя встрѣчается почти на каждой страницѣ исторіи нашей, — образъ мыслей моихъ отъ этого никакъ бы не зависѣлъ. Отказываться отъ него я ничуть не намѣренъ, хоть нигдѣ

донынѣ я его не обнаруживалъ, и никому до него дѣла нѣтъ.

VII.

Не стану оправдывать правила, коими я руководствовался въ составленіи сей трагедіи: духъ вѣка требуетъ великихъ перемѣнъ и на сценѣ драматической; можетъ быть, и онѣ обмануть надежды преобразователей. Поэтъ, живущій на высотахъ созданія, яснѣе видитъ, можетъ быть, и недостатки привередливыхъ требованій, и то, что скрывается отъ взоровъ волнуемой толпы; но напрасно было бы ему бороться. Такимъ образомъ Lope de Vega и Расинъ уступали потоку. Но гений, какое направленіе ни изберетъ, остается всегда гений: судъ потомства отдѣлитъ золото, ему принадлежащее, отъ примѣси.

VIII.

Вѣроятно, трагедія моя не будетъ имѣть никакого успѣха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имѣю главной привлекательности: молодости и новизны литературнаго имени. Къ тому же, главныя сцены уже напечатаны или искажены въ подражаніяхъ. Раскрывъ неудачу историческій романъ г. Булгарина, нашелъ я, что у него о появленіи Самозванца приходитъ объявлять царю кн. В. Шуйскій. У меня Борисъ Годуновъ говоритъ наединѣ съ Басмановымъ объ уничтоженіи мѣстничества, у г. Булгарина также. Все это—драматическій вымыселъ, а не историческое сказаніе. Одинъ у другого... Но это еще не бѣда, *les beaux esprits se rencontrent*.

IX.

Мнѣніе митрополита Платона о Дмитріѣ Самозванцѣ, будто бы воспитанъ у езуитовъ, удивительно дѣтское и романтическое. Всякій былъ годеень, чтобъ разыграть эту роль. Доказательство послѣ смерти Отрепьева: Тушинскій воръ, и проч. и проч. и проч.

X.

Lorsque j'écrivais cette tragédie, j'étais seul à la campagne, ne voyant personne, ne lisant que les journaux etc... d'autant

plus volontiers que j'ai toujours cru que le romantisme convenait seul à notre scène; je vis que j'étais dans l'erreur; j'éprouvais donc une grande répugnance à livrer au public ma tragédie. Je voulais au moins la faire précéder d'une préface et la faire accompagner de notes, mais je trouve tout cela fort inutile.

Послѣ долгихъ колебаній, Пушкинъ рѣшился, наконецъ издать Бориса, и въ 1829 г., передъ отъѣздомъ на Кавказъ, передалъ свою рукопись Жуковскому, съ тѣмъ, чтобы онъ, „пересмотрѣвъ еще поправленное сочиненіе, заготовилъ чистый экземпляръ, въ какомъ видѣ полагаетъ лучше издать его.“ 20 іюля Плетневъ представилъ рукопись пьесы въ III Отдѣленіе; о ней доложено было 10 октября государю, который снова потребовалъ перемѣны нѣкоторыхъ „слишкомъ тривіальныхъ“ мѣстъ. Пушкинъ рѣшился отстаивать свободу своего творчества и, наконецъ, 28 апрѣля 1830 г., получилъ желаемое разрѣшеніе: „Что касается вашей трагедіи о Годуновѣ, то Его Величество дозволяетъ вамъ ее напечатать подъ собственною вашей отвѣтственностью“, — писалъ поэту Бенкендорфъ. Книга печаталась въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія и выпущена изъ печати 24 декабря 1830 г. На заглавномъ ея листѣ, вмѣсто прежняго названія, выставлено только два слова: „Борисъ Годуновъ“, а на оборотѣ: „Съ дозволенія Правительства“. Затѣмъ, на отдѣльномъ листкѣ, напечатано слѣдующее посвященіе:

Драгоценной для Россіанъ
памяти

Николая Михайловича Карамзина
сей трудъ, Геніемъ его вдохновенный,
съ благоговѣніемъ и благодарностію посвящаетъ
А. Пушкинъ.

Въ этомъ изданіи пропущены были сцены III (Дѣвичье поле) и XII (Уборная Марины), напечатанныя только въ Посм. изд. Добавочная сцена (Монастырская ограда) явилась въ Литерат. Прибавл. къ Рус. Инвалиду 1834, № 3, при переводѣ съ нѣмецкаго статьи бар. Ег. Оед. Розена о Борисѣ, напечатанной въ *Dopater Jahrbücher für Literatur, Statistik und Kunst*, 1833, № 1. Баронъ Розенъ отозвался о ней такъ: „Упомянемъ объ одномъ явленіи, не

напечатанномъ... по совѣтамъ польскаго писателя Мицкевича и покойнаго Дельвига: будто бы сцена сія ослабляетъ впечатлѣніе, произведенное разсказомъ Пимена. Авторъ, намѣреваясь помѣстить эту сцену при второмъ изданіи „Бориса Годунова“, позволилъ намъ...“ и пр.

Печатный экземпляръ пьесы былъ представленъ государю, объ отзывѣ котораго Бенкендорфъ увѣдомилъ автора 9 января 1831 г.—Бенкендорфъ не рѣшился отправить письмо, не представивъ его предварительно государю, который сдѣлалъ въ немъ исправленія. Такъ, въ письмѣ было сказано: „Е. В. государь императоръ, прочитавъ сочиненіе ваше „Борисъ Годуновъ“, изволилъ отозваться, что чтеніе сего изящнаго пѣитическаго творенія доставило ему великое удовольствіе“; государь измѣнилъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ: „Е. В. государь императоръ поручить мнѣ изволилъ увѣдомить васъ, что сочиненіе ваше „Борисъ Годуновъ“ изволилъ читать съ особымъ удовольствіемъ“ (Сухомлиновъ, Изсл., II, 218-233).

Въ Лит. Газетѣ, 1831, № 1, находимъ извѣстіе, что въ первое же утро по выходѣ книги было раскуплено, по показаніямъ книгопродавцевъ, до 400 экземпляровъ ея. „Это доказываетъ, — прибавляетъ Газета, — что непривѣтливые журналисты напрасно виняютъ нашу публику въ равнодушіи къ истинно хорошему въ нашей литературѣ и вообще ко всему отечественному.“ Въ той же Лит. Газ. 1831, № 1, 2 и 3, былъ напечатанъ и разборъ трагедіи Пушкина. Другія критическія статьи и рецензіи явились въ Сынѣ Отеч-1830, №№ 24-28 (ч 142-143, ст. В. Плаксина); затѣмъ — въ Колокольчикѣ 1831, № 6 (ст. В. Олина); Моск. Телегр., № 2; Спб. Вѣстникѣ, № 2 (ст. Яковлева); Сынѣ Отеч., № 40 и 41 (ст. Ф. Камашева); Сѣв. Пчелѣ, № 133 и 167; Сѣв. Меркуріи, № 1; Телескопѣ, № 4 и Эхѣ, № 2 (ст. Ф.—д.—Дика). См. еще Дамскій Журналъ № 6 и 10 (ст. С. Н. Глинки); Сѣв. Меркурій, № 28. Листокъ, № 45. — Сцена Пимена съ Григоріемъ, напечатанная отдѣльно въ Моск. Вѣстникѣ 1827, № 1, разобрана Д. В. Веневитиновымъ въ статьѣ: „Analyse d'une scène détachée de la tragédie de M-r Pouchkine“ (Полн. собр. соч. Веневитинова, изд. 1862, стр. 191). Ср. также Европеецъ 1832, ч. I, стр. 102-123 и 259-278. Кромѣ того, разбору драмы посвящена особая брошюра: „О Борисѣ Году-

новѣ, сочиненіи Александра Пушкина. Разговоръ“ (М. 1831, 16 стр. 80, перепеч. въ Рус. Стар. 1890, т. 68, стр. 445 - 554, и у Зелинскаго), сочиненіе которой приписывалось В. С. Филимонову (см. II, 448). О ней см. соч. Бѣлинскаго, изд. Венгерова, I, 148.

Критика того времени оказалась вообще не подготовленной къ оцѣнкѣ Бориса и отнеслась къ нему только съ формальной стороны, не находя въ драмѣ никакого примѣненія къ сценѣ. Большинство критиковъ говорили, что это — ни драма, ни поэма, ни повѣсть, а какой-то выродокъ, которому нѣтъ имени въ теоріи литературы и который невозможно ни къ чему приспособить. „Никто изъ критиковъ-самозванцевъ не умѣлъ оцѣнить этого прекраснаго творенія“, — писалъ бар. Е. О. Розенъ Шевыреву. „Кривые толки, косые взгляды, шиканье, дурацкій смѣхъ— вотъ чѣмъ привѣтствовали Годунова, творецъ коего во времена Петрарки и Тасса былъ бы удостоенъ торжественнаго въ Капитоліи короновація. За отсутствіемъ лучшихъ критиковъ, я написалъ рецензію въ Лит. Газетѣ. Кромѣ того, я еще перевелъ его на нѣмецкій языкъ съ рукописи автора — и заслужилъ его восторженную благодарность.“

Горячо привѣтствовалъ Пушкина въ Лит. Газ. его старый другъ Дельвигъ, статья котораго, напеч. въ №№ 1 и 2, была его лебединою пѣснью и осталась неоконченною. Надежлинъ выступилъ въ статьѣ „Бесѣда старыхъ знакомцевъ“ Телеск., № 4, въ защиту Пушкина отъ легкомысленныхъ сужденій, въ примѣръ которыхъ привелъ напечатанную въ Сѣв. Меркуріи эпиграмму:

И Пушкинъ сталъ намъ скучень,
И Пушкинъ надоѣлъ,
И стихъ его не звучень,
И геній охладѣлъ.
Бориса Годунова
Онъ выпустилъ въ народъ:
Убогая обнова
Увы! на новый годъ!

И. В. Кирѣевскій, въ своемъ Европейцѣ, съ горечью указалъ на печальное состояніе нашей литературной образованности и упрекнулъ Пушкина въ томъ, что онъ не понималъ современныхъ читателей, давая имъ вещь, которая

выше ихъ разумѣнія. Изъ отзывовъ неблагопріятныхъ надо отмѣтить обширную статью Полевого въ Моск. Телегр. 1833: критикъ особенно осуждалъ Пушкина за посвященіе пьесы памяти Карамзина: „Итакъ, еще разъ суждено было Пушкину заплатить дань своему воспитанію, образованію своихъ юныхъ лѣтъ, предразсудкамъ, авторитетамъ стараго времени! Еще разъ классицизмъ, породившій исторію Карамзина, долженъ былъ восторжествовать надъ сильнымъ представителемъ романтизма и европейской современности XIX в. въ Россіи! Прочитавъ посвященіе, знаемъ напередъ, что мы увидимъ карамзинскаго Годунова: этимъ словомъ рѣшена участь драмы Пушкина. Ему не пособятъ уже ни его великое дарованіе, ни сила языка, какою онъ обладаетъ. Мы увидимъ въ его драмѣ только борьбу сильнаго генія, блѣдный отгѣнокъ великой идеи, а подробности должны быть непремѣнно ложны и сбивчивы, или безцвѣтны...“ Главный упрекъ Полевого заключается въ томъ, зачѣмъ Пушкинъ сдѣлалъ Годунова убійцей, а не представилъ его человѣкомъ, который, будучи невиннымъ, падаетъ жертвою клеветы, съ которою не имѣетъ силъ бороться...

Рѣзко-отрицательно отозвался о Борисѣ пріятель Пушкина П. А. Катенинъ, строгій классикъ по убѣжденіямъ: „Это не драма отнюдь, а кусокъ исторіи, разбитый на мелкіе куски въ разговорахъ; и въ этомъ отношеніи слишкомъ многого недостаетъ... Что отъ него пользы бѣлому свѣту? На театръ онъ нейдетъ, поэмой его назвать нельзя, ни романомъ, ни исторіей въ лицахъ, ничѣмъ; для котораго изъ чувствъ человѣческихъ онъ имѣетъ цѣну или достоинство? Кому будетъ охота его читать, когда пройдетъ первое любопытство? Я его сегодня перечелъ въ третій разъ, и уже многое пропускалъ, а кончилъ, да подумалъ: нуль...“ („Въ пользу голодающихъ“, М. 1892, стр. 253). В. Кюхельбекеръ ставилъ трагедію Кукольника „Торквато Тассо“ выше Бориса, который, по его мнѣнію, слишкомъ отзывается подражаніемъ Шекспиру (Барсуковъ, Жизнь Погодина, II, 110). За то съ восторгомъ упивался драмой Пушкина представитель молодого поколѣнія—Бѣлинскій, хотя въ основу его позднѣйшей критики (1844) легла принятая на вѣру отъ Полевого и неправильная по существу мысль, будто Пушкинъ „рабски“ слѣдовалъ Карамзину. Новѣйшее изслѣдованіе И. Н. Жданова: „О драмѣ Пушкина Борисъ Году-

новъ" (Спб., 1892) съ полною доказательностью установило, что Пушкинъ работалъ надъ своей драмой независимо отъ Карамзина, провѣряя и измѣняя его показанія по источникамъ. „Трагедія Пушкина, — говоритъ проф. Ждановъ, — не укладывается въ ту рамку, которая охватываетъ царствованіе Бориса въ исторіи Карамзина. Въ изображеніи судьбы царя Бориса Пушкинъ шелъ своей дорогой, на которой Карамзинъ не былъ и не могъ быть путеводителемъ.“

Критика уже давно указывала на извѣстную зависимость Пушкина отъ Шекспира: изученіе историческихъ драмъ Шекспира отразилось не только въ общемъ характерѣ трагедіи Пушкина, но и въ отдѣльныхъ ея сценахъ. Съ этой стороны поучительно сравнить избраніе Бориса на царство съ сценой избранія герцога Глостера („Ричардъ III“, д. III, сц. 7); монологъ Бориса: „Достигъ я высшей власти“ — съ монологомъ Генриха V: „На короля, — все, все на короля“ („Генрихъ V“, д. IV, сц. 1) и въ особенности — послѣднія наставленія Бориса Ѳеодору со сценою между Генрихомъ IV и принцемъ Уэльскимъ („Генрихъ IV“, ч. II, послѣдняя сцена IV дѣйствія). Военныя сцены также представляютъ большое сходство съ подобными же сценами въ „Генрихъ V“. Нѣкоторые нѣмецкіе изслѣдователи видятъ въ Борисѣ слѣды вліянія гётевскаго „Гётца ф. Берлихингена“ (Honegger, Russ. Literatur und Kultur, 1880, S. 189; Weddigen, Gesch. der Einwirkungen der deutschen Literatur auf die Literaturen der übrigen Völker, 1882, S. 166); но, кажется, напрасно. Нѣкоторое (весьма, впрочемъ, общее) сходство Бориса съ Аталіей Расина указано Ѳ. Д. Батюшковымъ въ статьѣ „Пушкинъ и Расинъ“, въ сборникѣ „Памяти Пушкина“ препод. и слушат. Спб. унив. (Спб. 1900, стр. 1-34). Сужденія Пушкина о драматической поэзіи подобраны въ ст. Н. К. Козмина „Взглядъ Пушкина на драму“ (тамъ же, 179 - 225).

Борисъ Годуновъ извѣстенъ намъ въ двухъ рукописяхъ полныхъ и одной неполной. Среди бумагъ Пушкина, хранящихся въ Моск. Музеѣ, есть листовая книга въ черномъ кожаномъ переплетѣ, помѣченная № 2370, которую поэтъ, повидимому, привезъ съ собой въ Михайловское изъ Одессы: здѣсь находятся черновыя стихотворенія 1823-25 гг.,

нѣкоторые прозаическіе отрывки и замѣтки, исчерканныя строфы разныхъ главъ Онѣгина и пр. Здѣсь же, въ разныхъ мѣстахъ, набросано пять сценъ: Воротынскій и Шуйскій, Красная площадь, Дѣвичье поле, Кремлевскія палаты, Чудовъ монастырь. Этотъ первоначальный черновой текстъ „комедіи“, представляющій много любопытныхъ вариантовъ, доселѣ еще не бывшихъ въ печати, обозначается въ нашихъ примѣчаніяхъ римскою цифрою I.

Вторая рукопись — Моск. Муз. № 2392, листовая тетрадь безъ переплета: полный текстъ Бориса, переписанный писарскою рукой, съ собственноручными поправками Пушкина и полу-стершеюся надписью карандашомъ: „Voilà ma tragédie. Je voulais vous l'apporter moi-même, mais tous ces jours-ci j'ai fait le jeune homme qui... tout le long du jour.“ Рукопись эта, описанная А. И. Незеленовымъ, въ книгѣ: „Шесть статей о Пушкинѣ“ (Спб. 1892, стр. 83-87), нами обозначается римскою цифрою II.

Третья рукопись, описанная М. И. Сухомлиновымъ въ „Изслѣд. и статьи по русск. лит. и просвѣщенію“, II, 234, поступила въ Имп. Публ. Б-ку отъ П. В. Жуковского. Она представляетъ полный текстъ Бориса, перебѣленный Пушкинымъ, съ нѣсколькими карандашными поправками В. А. Жуковского и съ отмѣтками шести мѣстъ, подлежащими „очищенію“ красными Н В. Это, несомнѣнно, та самая рукопись, которая представлена была Пушкинымъ, черезъ Бенкендорфа, государю. Поправки Жуковского, чисто редакціонныя, сдѣланы были, очевидно, уже послѣ возвращенія рукописи автору. Этотъ списокъ обозначается въ примѣчаніяхъ римскою цифрою III.

Кромѣ того, въ бумагахъ Жуковского А. Ѳ. Онѣгинымъ (Отто) найденъ слѣдующій черновой отрывокъ, напечатанный въ Вѣстн. Европы 1882, № 10, стр. 893:

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

КОМЕДІЯ

О настоящей бѣдѣ Московскому государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ.

Лѣтопись о многихъ мятежахъ и пр.

писано бысть Алексашкою Пушкинымъ

въ лѣто 7333,

на городищѣ Воронищѣ.

Послѣ сцены VI.

Гдѣ жь онъ? гдѣ старецъ Леонидъ?
 Я здѣсь одинъ, и все молчить,
 Холодный духъ въ лицо мнѣ дуетъ,
 И ходитъ холодъ по главѣ...
 Что жь это? Что же знаменуетъ?
 Бѣда ли мнѣ, бѣда ль Москвѣ?..
 Бѣда тебѣ, Борисъ лукавый!
 Царевичъ тѣнию кровавой
 Войдетъ со мной въ твой свѣтлый домъ.
 Бѣда тебѣ! Главы преступной
 Ты не спасешь ни покаяньемъ,
 Ни Мономаховымъ вѣнцомъ.

Въ музейной рукописи № 2370 трагедіи непосредственно предшествуютъ слѣдующія историческія замѣтки:

„Убіеніе св. Димитрія. Чиновники Владим. Заградской и Никифоръ Чепчуговъ не согласились. Дядька царскій, окольничій Андрей Лупъ-Клешнинъ, предложилъ дьяка Михайла Битяговскаго. Сынъ его Данило, племянникъ Никита Качаловъ, сынъ его Осипъ (убійцы). Кормилица Дмитрія Ирина Жданова.

1591 г. мая 15. — Судьи: Клешнинъ и кн. Вас. Ив. Шуйскій, младшій братъ погибшаго кн. Андрея Шуйскаго, дьякъ Вылузгинъ. 19 мая съ крутицкимъ митрополитомъ (Геласій) являются въ Угличъ, въ церк. св. Преображенія. Геласій проситъ прощенія за вдовую царицу. Царицу постригаютъ въ пустыню св. Николая на Выксѣ.

1598. Государственный дьякъ и печатникъ Василій Щелкаловъ требуетъ присяги во имя думы боярской. Избраніе Годунова.

Ссылки и казни. 1584-87. Діонисій, мудрый Грамматикъ, замышляютъ съ кн. Шуйскимъ о разводѣ Ѳеодора съ Ириною; по клеветѣ взяты подъ стражу кн. Татевы, Урусовы, Колычевы, Быкасовы, друзья кн. Ш., кн. Андрей Ив. Ш. Псковскій сосланъ въ Каргополь, другихъ заточили въ Буй-городъ, въ Галичъ, въ Шую и въ Сибирь. Кн. Ив. Татевы — въ Астрахань; купцамъ отсѣкли головы. Діонисій и Варлаамъ заточены, 1-й — въ монастырь Хутынской, 2-й — въ Антоніевъ Новгородскій. Кн. Шуйскій удушенъ.

1584. Верховная дума. Кн. Мстиславскій, старый бояринъ и воевода. Никита Роман. Юрьевъ, дядя государя, братъ Анастасіи. Кн. Шуйскій Псковскій. Бѣльскій, любимецъ Грознаго. Годуновъ, зять Малюты Скуратова. — Ѳеодоръ царствуеть 14 лѣтъ.

Послѣ убійства Димитрія до избранія Годунова 7 лѣтъ.

Князья Рюрикова племени: Шуйскій, Сицкій, Воротынский, Ростовскій, Телятевскій, и проч.“

Затѣмъ начинается программа трагедіи:

„Годуновъ въ монастырѣ; толки князей; вѣсти; — площадь, вѣсть объ избраніи (Годуновъ, юродивый). — Лѣтописецъ, Отрепьевъ. — Бѣгство Отрепьева.

Годуновъ въ монастырѣ, его раскаяніе; — монахи-бѣглецы. Годуновъ въ семействѣ.

Годуновъ въ совѣтѣ; толки на площади. — Вѣсти объ измѣнахъ, смерть Ирины. — Годуновъ и колдуны.

Самозванецъ передъ сраженіемъ. — Смерть Годунова (извѣстіе о первой побѣдѣ, пиры, появленіе самозванца), присяга боярѣ, измѣна.

Пушкинъ и Плещеевъ на площади — письмо Димитрія; — вѣче; — убіеніе царя; — самозванецъ вѣзжаетъ въ Москву*.

Въ настоящемъ изданіи текстъ пьесы исправленъ и дополненъ по рукописи III (Имп. Публ. Б-ки); въ примѣчаніяхъ указаны варианты изъ рукописей I, II и III и изъ печатнаго изданія 1831 г.; мѣста, откинутыя при печатаніи самимъ Пушкинымъ, введены въ текстъ драмы, но, для отличія, напечатаны мелкимъ шрифтомъ.

Борись Годуновъ.

I.

Кремлевскія палаты.

(1598 года, 10 февраля.)

Князья Шуйскій и Воротынскій.

Воротынскій.

Наряжены мы вмѣстѣ гсродъ вѣдать, ¹
Но, кажется, намъ не за кѣмъ смотрѣть:
Москва пуста; вослѣдъ за патриархомъ
Къ монастырю пошелъ и весь народъ.
Какъ думаешь, чѣмъ кончится тревога?

Шуйскій.

Чѣмъ кончится? Узнать немудрено:
Народъ еще повоюетъ, да поплачетъ,
Борись еще поморщится немного,
Что пьяница предъ чаркою вина,
И, наконецъ, по милости своей,
Принять вѣнецъ смиренно согласится; ²
А тамъ — а тамъ онъ будетъ нами править
По-прежнему.

Воротынскій.

Но мѣсяць ужъ протекъ,
Какъ, затворясь въ монастырѣ съ сестрою, ³
Онъ, кажется, покинулъ все мірское.
Ни патриархъ, ни думные бояре

Склонить его доселѣ не могли;
 Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ, ⁴
 Ни ихъ мольбамъ, ни воплю всей Москвы,
 Ни голосу великаго собора.
 Его сестру напрасно умоляли
 Благословить Бориса на державу:
 Печальная монахиня-царица,
 Какъ онъ тверда, какъ онъ неумолима:
 Знать, самъ Борисъ сей духъ въ нее вселилъ.
 Что, ежели правитель въ самомъ дѣлѣ
 Державными заботами наскучилъ
 И на престоль безвластный не взойдетъ? ⁵
 Что скажешь ты?

Шуйскій.

Скажу, что понапрасну
 Лилася кровь царевича-младенца;
 Что если такъ, Димитрій могъ бы жить. ⁶

Воротынскій.

Ужасное злодѣйство! Полно, точно-ль
 Царевича сгубилъ Борисъ?

Шуйскій.

А кто же?

Кто подкупалъ напрасно Чепчугова?
 Кто подослалъ обоихъ Битяговскихъ
 Съ Качаловымъ? Я въ Угличъ посланъ былъ
 Изслѣдовать на мѣстѣ это дѣло;
 Наѣхалъ я на свѣжіе слѣды:
 Весь городъ былъ свидѣтель злодѣянья;
 Всѣ граждане согласно показали,
 И, возвратясь, я могъ единымъ словомъ
 Изобличить сокрытаго злодѣя.

Воротынскій.

Зачѣмъ же ты его не уничтожилъ?

Шуйскій.

Онъ, признаюся, тогда меня смутилъ
 Спокойствіемъ, безстыдностью нежданной;
 Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ, какъ будто правый,
 Разспрашивалъ, въ подробности входилъ —
 И передъ нимъ я повторилъ нелѣпость,
 Которую мнѣ самъ онъ нашепталъ.

Воротынскій.

Нечисто, князь.

Шуйскій.

А что мнѣ было дѣлать?
 Все объявить Феодору? Но царь
 На все глядѣлъ очами Годунова,
 Всему внималъ ушами Годунова.
 Пускай его-бъ увѣрилъ я во всемъ, —
 Борисъ тотчасъ его бы разувѣрилъ,
 А тамъ меня-жь сослани-бъ въ заточенье,
 Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
 Въ глухой тюрьмѣ тихонько-бъ задавили.
 Не хвастаюсь, а въ случаѣ, конечно,
 Никая казнь меня не устрашитъ;
 Я самъ не трусь, но также не глупецъ
 И въ петлю лѣзть не соглашуся даромъ. ?

Воротынскій.

Ужасное злодѣйство! Слушай, вѣрно
 Губителя раскаянье тревожитъ:
 Конечно, кровь невиннаго младенца
 Ему ступить мѣшаетъ на престолъ.

Шуйскій.

Перешагнетъ!.. Борисъ не такъ-то робокъ!
 Какая честь для насъ, для всей Руси!
 Вчерашній рабъ, татаринъ, зять Малюты, —

Зять палача и самъ въ душѣ палачъ, —
Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха...

Воротынскій.

Такъ; родомъ онъ незнатенъ; мы знатнѣе. ⁸

Шуйскій.

Да, кажется.

Воротынскій.

Вѣдь Шуйскій, Воротынскій...
Легко сказать, природные князья.

Шуйскій.

Природные, и Рюриковой крови.

Воротынскій.

А слушай, князь: вѣдь мы-бъ имѣли право ⁹
Наслѣдовать Феодору.

Шуйскій.

Да, болѣ,

Чѣмъ Годуновъ.

Воротынскій.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ!

Шуйскій.

Что-жь?

Когда Борисъ хитрить не перестанетъ, ¹⁰
Давай народъ искусно волновать:
Пускай они оставятъ Годунова, —
Своихъ князей у нихъ довольно; пусть
Себѣ въ цари любого изберутъ. ¹¹

Воротынскій.

Не мало насъ, наслѣдниковъ варяга, ¹²
Да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ:

Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древню отрасль
 Воинственныхъ властителей своихъ.
 Уже давно лишились мы удѣловъ,
 Давно царямъ подручниками служимъ,
 А онъ умѣлъ и страхомъ, и любовью,
 И славою народъ очаровать.

Шуйскій (глядитъ въ окно).

Онъ смѣлъ, вотъ все — а мы... Но полно. Видишь,
 Народъ идетъ, разсыпавшись, назадъ —
 Пойдемъ скорѣй, узнаемъ, рѣшено ли.

—

II.

Красная площадь.

Н а р о д ъ.

Одинъ.

Неумолимъ! Онъ отъ себя прогнать
 Святителей, бояръ и патріарха;
 Они предъ нимъ напрасно пали ницъ;
 Его страшитъ сіяніе престола.

Другой.

О, Боже мой, кто будетъ нами править?
 О, горе намъ! ¹

Третій.

Да вотъ, верховный дьякъ
 Выходитъ намъ сказать рѣшенье думы.

Народъ.

Молчатъ! молчатъ! Дьякъ думный говоритъ;
 Ш-ш — слушайте!

Щелкаловъ (съ Краснаго крыльца).

Соборомъ положили
 Въ послѣдній разъ отвѣдать силу просьбы
 Надъ скорбною правителя душой.
 Заутра вновь святѣйшій патріархъ,
 Въ Кремльъ отпѣвъ торжественно молебенъ,
 Предшествуемъ хоругвями святыми,
 Съ иконами Владимірской, Донской ²
 Воздвижется, а съ нимъ синклить, бояре,
 Да сонмъ дворянъ, да выборные люди
 И весь народъ московскій православный, —
 Мы всѣ пойдемъ молить царицу вновь,
 Да сжалится надъ сирою Москвой
 И на вѣнецъ благословить Бориса.
 Идите же вы съ Богомъ по домамъ,
 Молитесь, да взыдетъ къ небесамъ
 Усердная молитва православныхъ.

(Народъ расходится).

III.

Дѣвичье Поле.**Новодѣвичій монастырь. Народъ.****Одинъ.**

Теперь они пошли къ царицѣ въ келью;
 Туда вошли Борисъ и патріархъ
 Съ толпой бояръ. ¹

Другой.

Что слышно?

Третій.

Все еще

Упрямится; однако, есть надежда.

Баба (съ ребенкомъ).

Агу! Не плачь, не плачь! Вотъ бука, бука
Тебя возьметъ! Агу, агу... не плачь. ²

Одинъ.

Нельзя ли намъ пробраться за ограду?

Другой.

Нельзя. Куды! И въ полѣ даже тѣсно,
Не только тамъ. Легко ли? Вся Москва
Сперлася здѣсь. Смотри: ограда, кровли,
Всѣ ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народомъ. ³

Третій.

Право, любо!

Одинъ.

Что тамъ за шумъ?

Другой.

Послушай, что за шумъ?

Народъ завылъ: тамъ падаютъ, что волны,
За рядомъ рядъ... еще... еще! Ну, братъ,
Дошло до насъ: скорѣе на колѣни!

Народъ

(на колѣнахъ: вой и плачь).

Ахъ, смилуйся, отецъ нашъ! Властвуй нами! ⁴
Будь нашъ отецъ, нашъ царь!

Одинъ (тихо).

О чемъ мы плачемъ?

Другой.

А какъ намъ знать? То вѣдаютъ бояре —
Не намъ чета.

Баба (съ ребенкомъ).

Ну, что-жь? Какъ надо плакать,
Такъ и затихъ? Вотъ я тебя!.. Вотъ бука!
Плачь, баловены! (Бросаегъ его объ земь; ребенокъ пищить.)
Ну, то-то же!

Одинъ.

Всѣ плачуть —
Заплачемъ, братъ, и мы!

Другой.

Я силюсь, братъ,
Да не могу.

Одинъ.

Я также. Нѣтъ ли луку?
Потремъ глаза.

Другой.

А слюной намажу. ⁵
Что тамъ еще?

Первый.

Да кто ихъ разбереть!

Народъ.

Вѣнецъ за нимъ! онъ царь! онъ согласился!..
Борисъ нашъ царь! — Да здравствуетъ Борисъ! ⁶

IV.

Кремлевскія палаты.

Борисъ, Патріархъ, Бояре.

Борисъ.

Ты, отче патріархъ, вы всѣ, бояре! ¹
 Обнажена душа моя предъ вами:
 Вы видѣли, что я приѣмлю власть
 Великую со страхомъ и смиреньемъ.
 Сколь тяжела обязанность моя!
 Наслѣдую могущимъ Іоаннамъ, ²
 Наслѣдую и ангелу-царю!..
 О праведникъ, о мой отецъ державный!
 Возри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ ³
 И ниспосли тому, кого любилъ ты,
 Кого ты здѣсь столь дивно возвеличилъ,
 Священное на власть благословенье,
 Да правлю я во славѣ свой народъ,
 Да буду благъ и праведенъ, какъ ты.
 Отъ васъ я жду содѣйствія, бояре:
 Служите мнѣ, какъ вы ему служили,
 Когда труды я ваши раздѣлялъ, ⁴
 Не избранный еще народной волей.

Бояре.

Не измѣнимъ присягъ, нами данной. ⁵

Борисъ.

Теперь пойдемъ, поклонимся гробамъ
 Почіющихъ властителей Россіи,
 А тамъ — сзывать весь нашъ народъ на пиръ,
 Всѣхъ, отъ вельможъ до нищаго слѣпца;
 Всѣмъ вольный входъ, всѣ гости дорогіе. ⁶

(Уходитъ; за нимъ и бояре).

Князь Воротынскій

(останавливаетъ Шуйскаго).

Ты угадаль.

Шуйскій.

А что?

Воротынскій.

Да здѣсь, намедни, —

Ты помнишь?

Шуйскій.

Нѣтъ, не помню ничего.

Воротынскій.Когда народъ ходилъ въ Дѣвичье поле, ⁷
Ты говорилъ: —**Шуйскій.**

Теперь не время помнить,
Совѣтую порой и забывать. ⁸
А впрочемъ, я злословіемъ притворнымъ
Тогда желалъ тебя лишь испытать,
Вѣрнѣй узнать твой тайный образъ мыслей...
Но вотъ — народъ привѣтствуетъ царя,
Отсутствіе мое замѣтить могутъ —
Иду за нимъ.

Воротынскій.

Лукавый царедворецъ!

V.

Ночь. Келья въ Чудовомъ монастырѣ.

(1603 года.)

Отецъ Пимень, Григорій спящій.

Пимень (пишетъ передъ лампадой).

Еще одно послѣднее сказанье —
 И лѣтопись окончена моя,
 Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
 Мнѣ грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
 Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
 И книжному искусству вразумилъ:
 Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
 Найдеть мой трудъ усердный, безымянный; ¹
 Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду
 И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
 Правдивыя сказанья перепишетъ,
 Да вѣдаютъ потомки православныхъ
 Земли родной минувшую судьбу,
 Своихъ царей великихъ поминаютъ
 За ихъ труды, за славу, за добро —
 А за грѣхи, за темныя дѣянья
 Спасителя смиренно умоляютъ. ²
 На старости я сызнова живу;
 Минувшее проходить предо мною...
 Давно-ль оно несло, событій полно,
 Волнуясь какъ море-окіанъ?
 Теперь оно безмолвно и спокойно:
 Не много лицъ мнѣ память сохранила,
 Не много словъ доходить до меня,
 А прочее погребло невозвратно!..
 Но близокъ день, лампада догораетъ —
 Еще одно, послѣднее сказанье. (Пишетъ).

Григорій (пробуждается).

Все тотъ же сонъ! Возможно-ль? Въ третій разы! ³
 Проклятый сонъ!.. А все передъ лампадой
 Старикъ сидитъ да пишетъ, и дремотой,
 Знать, во всю ночь онъ не смыкаль очей.
 Какъ я люблю его спокойный видъ,
 Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
 Онъ лѣтопись свою ведетъ! И часто
 Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
 О темномъ ли владычествѣ татаръ?
 О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
 О бурномъ ли новгородскомъ вѣчѣ?
 О славѣ ли отечества? Напрасно!
 Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
 Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ:
 Все тотъ же видъ смиренный, величавый...
 Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
 Спокойно зреть на правыхъ и виновныхъ,
 Добру и злу внимая равнодушно,
 Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва. ⁴

Пимень.

Проснулся, братъ.

Григорій.

Благослови меня,

Честный отецъ. ⁵

Пимень.

Благослови Господь
 Тебя и днесъ, и присно, и во вѣки.

Григорій.

Ты все писалъ и сномъ не позабылся, ⁶
 А мой покой бѣсовское мечтанье

Тревожило, и врагъ меня мутиль:
 Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
 Меня вела на башню; съ высоты
 Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
 Внизу народъ на площади кипѣлъ
 И на меня указываль со смѣхомъ;
 И стыдно мнѣ, и страшно становилось —
 И, падая стремглавъ, я пробуждался...
 И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
 Не чудно ли?

Пимень.

Младая кровь играетъ;
 Смирйя себя молитвой и постомъ,
 И сны твои видѣній легкихъ будутъ
 Исполнены. Донынѣ — если я,
 Невольною дремотой обезсиленъ,⁸
 Не сотворю молитвы долгой къ ночи —
 Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ:⁹
 Мнѣ чудятся то шумные пиры,
 То ратный станъ, то схватки боевыя,
 Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорій.

Какъ весело провель свою ты младость!
 Ты воеваль подъ башнями Казани,
 Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
 Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
 Счастливъ! — А я отъ отроческихъ лѣтъ
 По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
 Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
 Не пировать за царскою трапезой?
 Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
 Отъ суеты, отъ міра отложиться,
 Произнести монашества обѣтъ
 И въ тихую обитель затвориться.

Пимень.

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
 Покинулъ ты, что мало искушеній
 Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
 Насъ издали плѣняють ¹⁰ слава, роскошь
 И женская лукавая любовь.
 Я долго жилъ и многимъ наслаждался,
 Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство.
 Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
 Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
 Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
 Противу нихъ? ¹ Никто. А что же? Часто
 Златой ¹² вѣнецъ тяжель имъ становился:
 Они его мѣняли на клобукъ.
 Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
 Въ подобіи монашескихъ трудовъ;
 Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
 Монастыря видъ новый принималъ:
 Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
 Послушными являлись чернецами,
 А грозный царь — игумномъ богомольнымъ. ¹³
 Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
 (Въ ней жилъ тогда Кирилль многострадальный,
 Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
 Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
 Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я царя,
 Усталого отъ гнѣвныхъ думъ и казней.
 Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
 Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
 И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
 Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ: ¹⁴
 „Отцы мои, желанный день придетъ —
 „Предстану здѣсь, алкающій спасенья;
 „Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кирилль,
 „Вы всѣ — обѣтъ примите мой духовный:
 „Прииду къ вамъ, преступникъ окаянный,

„И схиму здѣсь честную восприму, ¹⁵
 „Къ стопамъ твоимъ, святой отецъ, припадши.“
 Такъ говорилъ державный государь,
 И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
 И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
 Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
 Его душѣ страдающей и бурной. ¹⁶
 А сынъ его Феодоръ? На престолѣ
 Онъ въздыхалъ о мирномъ житіи
 Молчальника. Онъ царскіе чертоги
 Преобратилъ въ молитвенную келью;
 Тамъ тяжкія державныя печали
 Святой души его не возмущали.
 Богъ возлюбилъ смиреніе царя,
 И Русь при немъ во славѣ безмятежной
 Утѣшилась, а въ часъ его кончины
 Свершилося неслыханное чудо:
 Къ его одру, царю едину зримый,
 Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
 И началъ съ нимъ бесѣдовать Феодоръ
 И называть великимъ патріархомъ...
 И всѣ кругомъ объаты были страхомъ,
 Уразумѣвъ небесное видѣнье,
 Зане святой владыка предъ царемъ
 Во храминѣ тогда не находился.
 Когда же онъ преставился, палаты
 Исполнились святымъ благоуханьемъ,
 И ликъ его какъ солнце просіялъ. —
 Ужъ не видать такого намъ царя...
 О, страшное, невиданное горе!
 Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
 Владыкою себѣ цареубійцу
 Мы нарекли.

Григорій.

Давно, честный отецъ,
 Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти

Димитрія-царевича: въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ,

Пимень.

Охъ, помню!

Привель меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье. ¹⁷
Пришелъ я въ ночь. На утро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ: ударили въ набать;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ царицы; я
Спѣшу туда жъ, — а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяннѣ рыдаетъ,
А тутъ народъ, остервенясь, волочить
Безбожную предательницу-мамку...
Вдругъ между нихъ, ¹⁸ свирѣпъ, отъ злости блѣдень,
Является Іуда-Битяговскій.
„Вотъ, вотъ злодѣй!“ — раздался общій вопль, —
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо — вдругъ мертвецъ затрепеталъ!
„Покайтесь!“ — народъ имъ завопилъ ¹⁹ —
И въ ужасъ, подъ топоромъ, злодѣи
Покаялись — и назвали Бориса.

Григорій.

Какихъ былъ лѣтъ царевичъ убиенный?

Пимень.

Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было —
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ, больше:
Двѣнадцать лѣтъ) — онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное...

Сей повѣстью плачевной заключу
 Я лѣтопись свою ²⁰; съ тѣхъ поръ я мало
 Вникаль въ дѣла мірскія. Братъ Григорій,
 Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ, —
 Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы,
 Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
 Описывай, не мудрствуя лукаво,
 Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
 Войну и миръ, управу государей,
 Угодниковъ святыхъ чудеса,
 Пророчества и знаменья небесны.
 А мнѣ пора, пора ужь отдохнуть
 И погасить лампаду... Но звонять
 Къ заутренѣ... Благослови, Господь,
 Своихъ рабовъ!.. Подай костыль, Григорій. (Уходитъ).

Григорій.

Борисъ, Борисъ! Все предъ тобой трепещеть,
 Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
 О жребіи несчастнаго младенца,
 А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
 Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ,
 И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
 Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда! ²¹

VI.

Палаты Патріарха.

Патріархъ, Игуменъ Чудова монастыря.

Патріархъ.

И онъ убѣждалъ, отецъ игуменъ?

Игуменъ.

Убѣждалъ, святой владыко, вотъ ужь тому третій
 день.

Патріархъ.

Пострѣль окоянный! Да какого онъ роду?

Игумень.

Изъ роду Отрепьевыхъ, галицкихъ боярскихъ дѣтей; смолоду постригся невѣдомо гдѣ, жилъ въ Суздалѣ, въ Ефимьевскомъ монастырѣ; ушелъ оттуда, шатался по разнымъ обителямъ; наконецъ, пришелъ къ моей чудовской брати, а я, видя, что онъ еще младъ и неразумень, отдалъ его подъ началъ отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и былъ онъ весьма грамотенъ, читалъ наши лѣтописи, сочинялъ каноны святымъ; но, зная, грамота далася ему не отъ Господа Бога...

Патріархъ.

Ужь эти мнѣ грамотѣи! Что еще выдумалъ! Буду царемъ на Москвѣ! Ахъ, онъ сосудъ дьявольскій! Однако, нечего царю и докладывать объ этомъ: что тревожить отца-государя? Довольно будетъ объявить о побѣгѣ дьяку Смирнову или дьяку Ефимьеву. Эдака ересь! Буду царемъ на Москвѣ!.. Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать въ Соловецкій на вѣчное покаяніе! Вѣдь это ересь, отецъ игумень?

Игумень.

Ересь, святой владыко, сущая ересь.

VII.

Царскія палаты,

Два столъника,

Первый.

Гдѣ государь?

Второй.

Въ своей опочивальнѣ.

Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

Первый.

Такъ; вотъ его любимая бесѣда:

Кудесники, гадатели, колдуньи...

Все ворожить, что красная невѣста.

Желалъ бы знать, о чемъ гадаеть онъ? ¹**Второй.**

Вотъ онъ идетъ. Угодно ли спросить?

Первый.

Какъ онъ угрюмъ! (Уходятъ.)

Царь (входитъ).

Достигъ я высшей власти;

Шестой ужъ годъ я царствую спокойно,

Но счастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ ли

Мы смолоду влюбляемъ и алчемъ

Утѣхъ любви, ² но только утолимъ

Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,

Ужъ, охладѣвъ, скучаемъ и томимся?..

Напрасно мнѣ кудесники сулятъ

Дни долгіе, дни власти безмятежной, —

Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;

Предчувствую небесный громъ и горе;

Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ

Въ довольствіи, во славъ успокоить,
Щедротами любовь его снискать, —
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ
Иль ярый вопль тревожить сердце наше.
Богъ насылалъ на землю нашу гладь;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огонь ихъ дома истребилъ, —
Я выстроилъ имъ новыя жилища:
Они жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ, —
Какъ буря, смерть уноситъ жениха...
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня, несчастнаго отца!..
Кто ни умретъ—я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Феодора кончину,
Я отравилъ свою сестру царицу,
Монахиню смиренную... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть!
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелось, —
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгорить, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучить въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнить, и голова кружится,

И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!

VIII.

Корчма на Литовской границѣ.

Мисаиль и Варлаамъ, бродяги-чернецы; Григорій Отрепьевъ мряниномъ; хозяйка.

Хозяйка.

Чѣмъ-то мнѣ васъ подчивать, старцы честные?

Варлаамъ.

Чѣмъ Богъ пошлетъ, хозяйюшка. Нѣтъ ли вина?

Хозяйка.

Какъ не быть, отцы мои! Сейчасъ вынесу. (Уходитъ.)

Мисаиль.

Что жъ ты закручинился, товарищъ? Вотъ и граница Литовская, до которой такъ хотѣлось тебѣ добраться.

Григорій.

Пока не буду въ Литвѣ, до тѣхъ поръ не буду спокоенъ.

Варлаамъ.

Что тебѣ Литва такъ слюбилась? Вотъ мы, отецъ Мисаиль да я грѣшный, какъ утекли изъ монастыря, такъ ни о чемъ и не думаемъ: Литва ли, Русь ли, что гудокъ, что гусли, все намъ равно, было бы вино... да вотъ и оно!..

Мисаиль.

Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

Хозяйка (входитъ).

Вотъ вамъ, отцы мои. Пейте на здоровье.

Мисаиль.

Спасибо, родная, Богъ тебя благослови. (Пьютъ. Варлаамъ затягиваетъ пѣсню: „Какъ въ городѣ было во Казани...“ ².)
Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь ³?

Григорій.

Не хочу.

Мисаиль.

Вольному воля...

Варлаамъ.

А пьяному рай, отецъ Мисаиль! Выпьемъ же чарочку за шинкарочку... (Поетъ: „Гдѣ неволей добрый молодецъ и проч.“). Однако, отецъ Мисаиль, когда я пью, такъ трезвыхъ не люблю: ино дѣло пьянство, а иное чванство; хочешь жить, какъ мы, — милости просимъ, нѣтъ — такъ и убирайся, проваливай: скомо-рохъ попу не товарищъ.

Григорій.

Пей, да про себя разумѣй, отецъ Варлаамъ!.. Видишь, и я порой складно говорить умѣю.

Варлаамъ.

А что мнѣ про себя разумѣть?

Мисаиль.

Оставь его, отецъ Варлаамъ.

Варлаамъ.

Да что онъ за постникъ? Самъ же къ намъ назвался въ товарищи, невѣдомо кто, невѣдомо откуда, да еще и спѣсивится; можетъ быть, кобылу нюхаль! ⁴ (Пьетъ и поетъ: „Молодой чернецъ постригся“.)

Григорій (хозяикъ).

Куда ведетъ эта дорога?

Хозяйка.

Въ Литву, мой кормилецъ, къ Луёвымъ горамъ.

Григорій.

А далече ли до Луёвыхъ горъ?

Хозяйка.

Недалече: къ вечеру можно бы туда поспѣть, кабы не заставы царскія, да сторожевые приставы.

Григорій.

Какъ заставы? что это значить?

Хозяйка.

Кто-то бѣжалъ изъ Москвы, а велѣно всѣхъ задерживать да осматривать.

Григорій (про себя).

Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день.

Варлаамъ.

Эй, товарищъ! Да ты къ хозяикъ присусѣдился. Знать, не нужна тебѣ водка, а нужна молодка: дѣло, братъ, дѣло! У всякаго свой обычай; а у насъ съ отцомъ Мисаиломъ одна заботушка: пьемъ до донушка, выпьемъ, поворотимъ и въ донушко поколотимъ. ⁵

Мисаиль.

Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

Григорій (хозяикъ).

Да кого жь имъ надобно? Кто бѣжалъ изъ Москвы?

Хозяйка.

А Господь его вѣдаетъ, воръ ли, разбойникъ, только здѣсь и добрымъ людямъ нынѣ прохода нѣтъ. А что изъ того будетъ? Ничего; ни лысаго бѣса не поймають: будто въ Литву нѣтъ и другого пути, какъ столбовая дорога! Вотъ, хотъ отсюда свороти влѣво, да боромъ иди по тропинкѣ до часовни, что на Чеканскомъ ручью, а тамъ прямо черезъ болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тутъ ужь всякій мальчишка доведеть до Луёвыхъ горъ. Отъ этихъ приставовъ только и толку, что притѣсняють прохожихъ да обирають насъ, бѣдныхъ. (Слышенъ шумъ.) Что тамъ еще? Ахъ, вотъ они, проклятые! дозоромъ идутъ.

Григорій.

Хозяйка! Нѣтъ ли въ избѣ другого угла?

Хозяйка.

Нѣту, родимый, рада бы сама спрятаться. Только слава, что дозоромъ ходять, а подавай имъ и вина, и хлѣба, и невѣдомо чего — чтобъ имъ издохнуть окаяннымъ! Чтобъ имъ... (Входятъ приставы.)

Приставъ.

Здорово, хозяйка!

Хозяйка.

Добро пожаловать, гости дорогіе, милости просимъ!

Одинъ приставъ (другому).

Ба! Да здѣсь попойка идетъ: будетъ чѣмъ поживиться. (Монахамъ.) Вы что за люди?

Варлаамъ.

Мы Божіи старцы, иноки смиренные, ходимъ по селеніямъ да собираемъ милостыню христіанскую на монастырь.

Приставъ (Григорію).

А ты?

Мисаиль.

Нашъ товарищъ...

Григорій.

Мірянинъ изъ пригорода; проводилъ старцевъ до рубежа; отселѣ иду во свояси.

Мисаиль.

Такъ ты раздумаль...

Григорій (тихо).

Молчи.

Приставъ.

Хозяйка, выставь-ка еще вина; а мы здѣсь со старцами попьемъ да побесѣдуемъ.

Другой приставъ (тихо).

Парень-то, кажется, голъ; съ него взять нечего; за то старцы...

Первый.

Молчи, сейчасъ до нихъ доберемся. Что, отцы мои, какво промышляете?

Варлаамъ.

Плохо, сыне, плохо! Нынѣ христіане стали скупы деньгу любятъ, деньгу прячутъ. Мало Богу даютъ. Приде грѣхъ велій на языцы земніи. Всѣ пустилися въ торги, въ мытарства; думаютъ о мірскомъ, не о спасеніи души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда въ три дня трехъ полушекъ не вымолишь. Такой грѣхъ! Пройдетъ недѣля, другая, заглянешь въ мошонку, анъ въ ней такъ мало, что совѣстно въ монастырь показаться; что дѣлать? съ горя и остальное пропьешь; бѣда, да и только. — Охъ, плохо! Знать, пришли наши послѣднія времена...

Хозяйка (плачетъ).

Господь помилуй и спаси!

Въ продолженіе Варлаамовой рѣчи первый приставъ значительно всматривается въ Мисаила.)

Первый приставъ.

Алеха! При тебѣ ли царскій указъ?

Второй.

При мнѣ.

Первый.

Подай-ко сюда.

Мисаиль.

Что ты на меня такъ пристально смотришь?

Первый приставъ.

А вотъ что: изъ Москвы бѣжалъ нѣкоторый злой еретикъ, Гришка Отрепьевъ. Слыхалъ ли ты это?

Мисаиль.

Не слыхалъ.

Пушкинъ, т. III.

Приставъ.

Не слыхалъ? Ладно. А того бѣглаго еретика царь приказалъ изловить и повѣсить. Знаешь ли ты это?

Мисаиль.

Не знаю.

Приставъ (Варлааму).

Умѣешь ли ты читать?

Варлаамъ.

Смолоду зналъ, да разучился.

Приставъ (Мисаилу).

А ты?

Мисаиль.

Не умудрилъ Господь.

Приставъ.

Такъ вотъ тебѣ царскій указъ. ⁶

Мисаиль.

На что мнѣ его?

Приставъ.

Мнѣ сдается, что этотъ бѣглый еретикъ, воръ, мошенникъ — ты!

Мисаиль.

Я? Помилуй! Что ты!

Приставъ.

Постой! Держи двери. Вотъ, мы сейчасъ и справимся.

Хозяйка.

Ахъ, они, окаянные мучители! И старца-то въ покоѣ не оставятъ!

Приставъ.

Кто здѣсь грамотный?

Григорій (выступаетъ впередъ).

Я грамотный.

Приставъ.

Вотъ на... А у кого же ты научился?

Григорій.

У нашего пономаря.

Приставъ (даетъ ему указъ).

Читай же вслухъ.

Григорій (читаетъ).

„Чудова монастыря недостойный чернецъ Григорій, изъ роду Отрепьевыхъ, впалъ въ ересь и дерзнулъ, наученный діаволомъ, возмущать святую братію всякими соблазнами и беззаконіями. А по справкамъ оказалось, отбѣжалъ онъ, окаянный Гришка, къ границѣ Литовской...“

Приставъ (Мисаилу).

Какъ же не ты?

Григорій.

„И царь повелѣлъ изловить его“...

Приставъ.

„И повѣсить“!

Григорій.

Тутъ не сказано: повѣсить.

Приставъ.

Врешь! Не всяко слово въ строку пишется. Читай: „изловить и повѣсить“.

Григорій.

„И повѣсить. А лѣтъ ему, вору Гришкѣ, отъ роду... (смотря на Варлаама) за 50. А росту онъ средняго, лобъ имѣеть плѣшивый, бороду сѣдую, брюхо толстое.“

(Всѣ глядятъ на Варлаама.)

Первый приставъ.

Ребята! Здѣсь Гришка! Держите, вяжите его! Вотъ ужь, не думаль, не гадалъ!

Варлаамъ (вырывая бумагу).

Отстаньте, пострѣлы! ⁷ Что я за Гришка? Какъ! 50 лѣтъ, борода сѣдая, брюхо толстое? Нѣтъ, братъ, молодъ еще надо мною шутки шутить. Я давно не читываль и худо разбираю, а тутъ ужь разберу, какъ дѣло до петли доходить. (Читаетъ по складамъ). „А лѣтъ е-му отъ ро-ду 20“. — Что, братъ, гдѣ тутъ 50? видишь — 20?

Второй приставъ.

Да, помнится, двадцать; такъ и намъ было сказано.

Первый приставъ (Григорію).

Да ты, братъ, видно забавникъ.

(Во время чтенія, Григорій стоитъ, потупя голову, съ рукою за пазухой).

Варлаамъ (продолжаетъ).

„А ростомъ онъ малъ, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волосы рыжіе, на щекѣ бородавка, на лбу другая.“ Да это, другъ, ужь не ты ли?

(Григорій вдругъ вынимаетъ кинжалъ; всѣ передъ нимъ разступаются; онъ бросается въ окно.)

Приставы.

Держи! держи!

(Всѣ бѣгутъ въ беспорядкѣ.)

IX.

Москва, домъ Шуйскаго.

Шуйскій, множество гостей; ужинъ.

Шуйскій.

Вина еще! (Встаегъ, за нимъ и всѣ.)

Ну, гости дорогіе,

Послѣдній ковшъ! Читай молитву, мальчикъ.

Мальчикъ.

Царю небесъ, вездѣ и присно сущій,
Своихъ рабовъ моленію внемли:
Помолимся о нашемъ государѣ,
Объ избранномъ тобой, благочестивомъ
Всѣхъ христіанъ царѣ самодержавномъ.
Храни его въ палатахъ, въ полѣ ратномъ,
И на путяхъ, и на одрѣ ночлега.
Подай ему побѣду на враги,
Да славится онъ отъ моря до моря,
Да здравіемъ цвѣтетъ его семья,
Да оснѣнятъ его драгія вѣтви
Весь міръ земной; а къ намъ, своимъ рабамъ,
Да будетъ онъ, какъ прежде, благодатень,

И милостивъ, и долготерпѣливъ,
 Да мудрости его неистощимой,
 Преистекутъ источники на насъ;
 И царскую на то воздвигнувъ чашу,
 Мы молимся тебѣ, царю небесъ.

Шуйскій (пѣеть).

Да здравствуетъ великій государь!
 Простите же вы, гости дорогіе;
 Благодарю, что вы моей хлѣбъ-солью
 Не презрѣли. Простите, добрый сонъ.

(Гости уходятъ; онъ провожаетъ ихъ до дверей.)

Пушкинъ.

Насилу убрались; ну, князь Василій Ивановичъ,
 я ужь думалъ, что намъ не удастся и переговорить.

Шуйскій (слугамъ.

Вы что ротъ разинули? Все бы вамъ господь
 подслушивать! Сбирайте со стола, да ступайте вонъ.—
 Что такое, Аѳанасій Михайловичъ?

Пушкинъ.

Чудеса, да и только!
 Племянникъ мой, Гаврила Пушкинъ, мнѣ
 Изъ Кракова гонца прислалъ сегодня.

Шуйскій.

Ну?

Пушкинъ.

Странную племянникъ пишетъ новость:
 Сынъ Грознаго... Постой.

(Идетъ къ дверямъ и осматриваетъ).

Державный отрокъ,

По манію Бориса убіенный...

Шуйскій.

Да это ужь не ново.

Пушкинъ.

Погоди —

Димитрій живъ.

Шуйскій.

Вотъ на! Какая вѣсть!

Царевичъ живъ! Ну, подлинно чудесно!
И только-то?

Пушкинъ.

Послушай до конца:

Кто бъ ни былъ онъ, спасенный ли царевичъ,
Иль нѣкій духъ во образъ его,
Иль смѣлый плуть, безстыдный самозванецъ, —
Но только тамъ Димитрій появился.

Шуйскій,

Не можетъ быть!

Пушкинъ,

Его самъ Пушкинъ видѣлъ,
Какъ приѣзжалъ впервой онъ во дворецъ
И сквозь ряды литовскихъ пановъ прямо
Шель въ тайную палату короля.

Шуйскій.

Кто жь онъ такой? Откуда онъ?

Пушкинъ.

Не знаютъ;

Извѣстно то, что онъ слугою былъ
У Вишневецкаго; что на одрѣ болѣзни
Открылся онъ духовному отцу;

Что гордый панъ, сію провѣдавъ тайну,
Ходилъ за нимъ, поднялъ его съ одра
И съ нимъ потомъ уѣхалъ къ Сигизмунду.

Шуйскій.

Что жь говорятъ объ этомъ удалецѣ?

Пушкинъ.

Да слышно, онъ умень, привѣтливъ, ловокъ,
По нраву всѣмъ. Московскихъ бѣглецовъ
Обворожилъ. Латинскіе попы
Съ нимъ заодно. Король его ласкаетъ —
И, говорятъ, помогу обѣщаль.

Шуйскій.

Все это, братъ, такая кутерьма,
Что голова кругомъ пойдетъ неволью.
Сомнѣнья нѣтъ, что это самозванецъ,
Но, признаюсь, опасность не мала.
Вѣсть важная! и если до народа
Она дойдетъ, то быть грозѣ великой.

Пушкинъ.

Такой грозѣ, что врядъ царю Борису ¹
Сдержатъ вѣнецъ на умной головѣ.
И подѣломъ ему: онъ править нами,
Какъ царь Иванъ (не къ ночи будь помянуть).
Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ,
Что на колу ² кровавомъ всенародно
Мы не поемъ каноновъ Іисусу,
Что насъ не жгутъ на площади, а царь
Своимъ жезломъ не подгребаеть углей?
Увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей?
Насъ каждый день опала ожидаетъ,
Тюрьма, Сибирь, клобукъ иль кандалы,

А тамъ, въ глуши, голодна смерть иль петля!
 Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?
 Гдѣ Сицкіе князья, гдѣ Шестуновы,
 Романовы, отечества надежда? —
 Заточены, замучены въ изгнаньѣ.
 Дай срокъ: тебѣ такая жь будетъ участь.
 Легко ль, скажи: мы дома, какъ Литвой,
 Осаждены невѣрными рабами:
 Все языки, готовые продать,
 Правительствомъ подкупленные воры.
 Зависимъ мы отъ перваго холопа,
 Котораго захочемъ наказать.
 Вотъ — Юрьевъ день задумалъ уничтожить:
 Невластны мы въ помѣстяхъ своихъ,
 Не смѣй согнать лѣнивца! радъ не радъ,
 Корми его! не смѣй переманить
 Работника! не то — въ приказъ холопій!
 Ну, слыхано ль хоть при царѣ Иванѣ
 Такое зло? А легче ли народу?
 Спроси его. Попробуй самозванецъ
 Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
 Такъ и пойдетъ потѣха!

Шуйскій.

Правъ ты, Пушкинъ.

Но знаешь ли? — объ этомъ обо всемъ
 Мы помолчимъ до времени.

Пушкинъ.

Вѣстимо,

Знай про себя. Ты человекъ разумный;
 Всегда съ тобой бесѣдовать я радъ,
 И если что меня подчасъ тревожить, —
 Не вытерплю, чтобъ не сказать тебѣ;
 Къ тому жь твой медъ, да бархатное пиво
 Сегодня такъ языкъ мой развязали...
 Прощай же, князь.

Шуйскій.

Прощай, братъ, до свиданья.

(Провожаетъ Пушкина.)

Х.**Царскія палаты.**

Царевичъ чертитъ географическую карту.¹ Царевна. Мамка царевны.

Ксенія (держитъ портретъ).

Что жь уста твои
Но промолвили,
Очи ясныя
Не проглянули?
Аль уста твои
Затворилися,
Очи ясныя
Закатилися?

Братецъ, а братецъ! Скажи: королевичъ похожъ былъ на мой образокъ?

Феодоръ.

Я говорю тебѣ, что похожъ.

Ксенія (цѣлуетъ портретъ).

Милый мой женихъ, прекрасный королевичъ! Не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной могилкѣ, на чужой сторонкѣ; никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ буду плакать.

Мамка.

И, царевна! Дѣвица плачетъ, что роса падетъ: взойдетъ солнце, росу высушить. Будетъ у тебя другой женихъ, прекрасный и привѣтливый, Полю-

бишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь Ивана королевича. ²

Ксенія.

Нѣтъ, мамушка, я и мертвому буду ему вѣрна.
(Входитъ Борисъ.)

Царь.

Что, Ксенія? Что, милая моя?
Въ невѣстахъ ужь печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ.
Дитя мое! Судьба мнѣ не судила ³
Виновникомъ быть вашего блаженства;
Я, можетъ быть, прогнѣвалъ небеса,
Я счастье твое не могъ устроить;
Безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь?
А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?

Феодоръ.

Чертежъ земли Московской; наше царство
Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва,
Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море,
Вотъ пермскіе дремучіе лѣса,
А вотъ Сибирь.

Царь.

А это что такое
Узоромъ здѣсь вѣтается?

Феодоръ.

Это Волга,

Царь.

Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья!
Какъ съ облаковъ, ты можешь обозрѣть
Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.
Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ

Намъ опыты быстротекущей жизни.
 Когда-нибудь, — и скоро, можетъ быть,
 Всѣ области, которыя ты нынѣ
 Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
 Всѣ подь руку достанутся твою.
 Учись, мой сынъ: и легче, и яснѣе
 Державный трудъ ты будешь постигать.

(Входитъ Семень Годуновъ.)

Вотъ, Годуновъ идетъ ко мнѣ съ докладомъ.

(Ксенія.)

Душа моя, поди въ свою свѣтлицу;
 Прости, мой другъ, утѣшь тебя Господь.

(Ксенія съ мамкой уходятъ.)

Что скажешь мнѣ, Семень Никитичъ?

Семень Годуновъ.

Нынче ⁴

Ко мнѣ, чѣмъ свѣтъ, дворецкій князь Василья
 И Пушкина слуга пришли съ доносомъ.

Царь.

Ну?!

Семень Годуновъ.

Пушкина слуга донесъ сперва,
 Что поутру вчера къ нимъ въ домъ пріѣхаль
 Изъ Кракова гонецъ и черезъ часъ
 Безъ грамоты отосланъ былъ обратно,

Царь.

Гонца схватить.

Семень Годуновъ.

Ужь послано въ догоню.

Царь.

О Шуйскомъ что?

Семень Годуновъ.

Вечоръ онъ угощаль
Своихъ друзей, — обоихъ Милославскихъ,
Бутурлиныхъ, Михайла Салтыкова,
Да Пушкина, да нѣскольکو другихъ;
А разошлись ужь поздно. Только Пушкинъ
Наединѣ съ хозяиномъ остался
И долго съ нимъ бесѣдовалъ еще.

Царь.

Сейчасъ послать за Шуйскимъ.

Семень Годуновъ.

Государь!

Онъ здѣсь уже.

Царь.

Позвать его сюда.

(Годуновъ уходитъ.)

Сношенія съ Литвою! Это что?..
Противенъ мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный,
А Шуйскому не должно довѣрять:
Уклончивый, но смѣлый и лукавый...

(Входитъ Шуйскій.)

Мнѣ нужно, князь, съ тобою говорить;
Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ, —
И выслушать хочу тебя сперва.

Шуйскій.

Такъ, государь: мой долгъ тебѣ повѣдать
Вѣсть важную.

Царь.

Я слушаю тебя.

Шуйскій (тихо, указывая на Θεодора).

Но, государь...

Царь.

Царевичъ можетъ знать,
Что вѣдаетъ князь Шуйскій. Говори.

Шуйскій.

Царь, изъ Литвы пришла къ намъ вѣсть...

Царь.

Что Пушкину привезъ вечеръ гонецъ? Не та ли,

Шуйскій.

Все знаетъ онъ!.. Я думалъ, государь,
Что ты еще не вѣдаешь сей тайны.

Царь.

Нѣтъ нужды, князь: хочу сообразить
Извѣстія; иначе не узнаемъ
Мы истины.

Шуйскій.

Я знаю только то,
Что въ Краковѣ явился самозванецъ
И что король и паны за него.

Царь.

Что жь говорятъ? Кто этотъ самозванецъ?

Шуйскій.

Не вѣдаю.

Царь.

Но... чѣмъ опасенъ онъ?

Шуйскій.

Конечно, царь, сильна твоя держава;

Ты милостью, радѣньемъ и щедротой
 Усыновилъ сердца своихъ рабовъ;
 Но знаешь самъ: бессмысленная чернь
 Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
 Легко пустой надеждѣ предана,
 Мгновенному внушенію послушна,
 Для истины глуха и равнодушна,
 А баснями питается она;
 Ей нравится безстыдная отвага...
 Такъ если сей невѣдомый бродяга
 Литовскую границу перейдетъ, —
 Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
 Димитрія воскреснувшее имя.

Царь.

Димитрія!.. Какъ? Этого младенца?
 Димитрія!.. Царевичъ, удались.

Шуйскій.

Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ!..

Феодоръ.

Государь,

Дозволишь ли...

Царь.

Нельзя, мой сынъ, поди.

(Феодоръ уходитъ.)

Димитрія!..

Шуйскій.

Онъ ничего не зналъ.

Царь.

Послушай, князь: взять мѣры сей же часъ;
 Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась
 Заставами; чтобъ ни одна душа
 Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ

Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ
Не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай!

Шуйскій.

Иду.

Царь.

Постой. Не правда ль, эта вѣсть
Затѣйлива? Слыхалъ ли ты когда,
Чтобъ мертвые изъ гроба выходили
Допрашивать царей, царей законныхъ,
Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
Увѣнчанныхъ великимъ патріархомъ?
Смѣшно? а? что? Что жъ не смѣешься ты?

Шуйскій.

Я, Государь...

Царь.

Послушай, князь Василій:
Какъ я узналъ, что отрока сего...
Что отрокъ сей лишился какъ то жизни, ---
Ты посланъ былъ на слѣдствіе; теперь
Тебя крестомъ и Богомъ заклинаю,
По совѣсти мнѣ правду объяви:
Узналъ ли ты убитаго младенца
И не было ль подмѣна? Отвѣчай!

Шуйскій.

Клянусь тебѣ...

Царь.

Нѣтъ, Шуйскій, не клянись,
Но отвѣчай: то былъ царевичъ?

Шуйскій.

Онъ.

Царь.

Подумай, князь. Я милость обѣщаю,
 Прошедшей лжи опалю напрасной
 Не накажу. Но если ты теперь
 Со мной хитришь, то головою сына
 Клянусь — тебя постигнетъ злая казнь,
 Такая казнь, что царь Иванъ Васильичъ
 (Отъ ужаса во гробѣ содрогнется.

Шуйскій.

Не казнь страшна, страшна твоя немилость;
 Передъ тобой дерзну ли я лукавить?
 И могъ ли я такъ слѣпо обмануться,
 Что не узналъ Димитрія? Три дня
 Я трупъ его въ соборѣ посѣщаль,
 Всѣмъ Угличемъ туда сопровождаемый.
 Вокругъ него ^б тринадцать тѣлъ лежало,
 Растерзанныхъ народомъ, и по нимъ
 Ужъ тлѣніе примѣтно проступало,
 Но дѣтскій ликъ царевича былъ ясенъ,
 И свѣжъ, и тихъ, какъ будто усыпленный;
 Глубокая не запекалась язва,
 Черты жь лица совсѣмъ не измѣнились.
 Нѣтъ, государь, сомнѣнья нѣтъ: Димитрій
 Во гробѣ спитъ.

Царь.

Довольно, удались!

(Шуйскій уходитъ.)

Ухъ, тяжело!.. Дай, духъ переведу!
 Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лицо
 Мнѣ кинулась и тяжело опускалась...
 Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ сряду
 Все снилося убитое дитя!
 Да, да — вотъ что! Теперь я понимаю...
 Но кто же онъ, мой грозный супостатъ?

Кто на меня? Пустое имя, тѣнь —
 Ужели тѣнь сорветъ съ меня порфиру,
 Иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства?
 Безумецъ я! чего жъ я испугался?
 На призракъ сей пойду — и нѣтъ его!
 Такъ, рѣшено: не окажу я страха —
 Но презирать не должно ничего...
 Охъ, тяжела ты шапка Мономаха!

 XI.

Краковъ. Домъ Вишневецкаго.

Самозванецъ и Pater Черниковскій.

Самозванецъ.

Нѣтъ, мой отецъ, не будетъ затрудненья. ¹
 Я знаю духъ народа моего:
 Въ немъ набожность не знаетъ изступленья;
 Ему священъ примѣръ царя его.
 Всегда, къ тому жъ, терпимость равнодушна.
 Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ
 Весь мой народъ и вся восточна церковь ²
 Признаютъ власть намѣстника Петра.

Pater.

Вспомоществуй тебѣ святой Игнатій,
 Когда придутъ иныя времена;
 А между тѣмъ небесной благодати
 Таи въ душѣ, царевичъ, сѣмена;
 Притворствовать предъ оглашеннымъ свѣтомъ
 Намъ иногда духовный долгъ велить:
 Твои слова, дѣянья — судятъ люди;
 Намѣренья единый видитъ Богъ.

Самозванецъ.

Атеп. ³ Кто тамъ?

(Входитъ слуга.)

Сказать: мы принимаемъ.

(Отворяются двери, входитъ толпа русскихъ и поляковъ.)

Товарищи! Мы выступаемъ завтра
Изъ Кракова. Я, Мнишекъ, у тебя
Остановлюсь въ Самборѣ на три дня.
Я знаю: твой гостепріимный замокъ
И пышностью блистаетъ благородной,
И славится хозяйкой молодой.
Прелестную Марину я надѣюсь
Увидѣть тамъ. А вы, мои друзья,
Литва и Русь, вы, братскія знамена
Поднявшіе на общаго врага,
На моего коварнаго злодѣя,
Сыны славянъ, — я скоро поведу
Въ желанный бой дружины ваши грозны.
Но между васъ я вижу новы лица.

Гаврила Пушкинъ.

Они пришли у милости твоей
Просить меча и службы.

Самозванецъ.

Радъ вамъ, дѣти.
Ко мнѣ, друзья. Но кто, скажи мнѣ, Пушкинъ,
Красавецъ сей?

Пушкинъ.

Князь Курбскій.

Самозванецъ (Курбскому).

Имя громко!
Ты родственникъ казанскому герою?

Курбскій.

Я сынъ его.

Самозванецъ.

Онъ живъ еще?

Курбскій.

Нѣтъ, умерь .

Самозванецъ.

Великій умъ! Мужъ битвы и совѣта!
 Но съ той поры, когда явился онъ,
 Своихъ обидъ ожесточенный мститель,
 Съ литовцами подъ ветхій городъ Ольгинъ
 Молва объ немъ умолкла.

Курбскій.

Мой отецъ

Въ Воляннiи провель остатокъ жизни,
 Въ помѣстяхъ, дарованныхъ ему
 Баторіемъ. Уединенъ и тихъ,
 Въ наукахъ онъ искалъ себѣ отрады;
 Но мирный трудъ его не утѣшалъ:
 Онъ юности своей отчизну помнилъ
 И до конца по ней онъ тосковалъ.

Самозванецъ.

Несчастный вождь! Какъ ярко просіялъ
 Восходъ его шумящей, бурной жизни!
 Я радуюсь, великородный витязь,
 Что кровь его съ отечествомъ мирится;
 Вины отцовъ не должно вспоминать;
 Миръ гробу ихъ! Приблизься, Курбскій... руку!
 Не странно ли? сынъ Курбскаго ведетъ
 На тронъ, кого? да — сына Юанна!..
 Все за меня: и люди, и судьба.
 Ты кто такой?

Полякъ.

Собанскій, шляхтичъ вольный. ⁴

Самозванецъ.

Хвала и честь тебѣ, свободы чадо!
 Впередь ему треть жалованья выдать.
 Но эти кто? Я узнаю на нихъ
 Земли родной одежду. Это наши.

Хрущовъ (бьетъ челомъ).

Такъ, государь, отецъ нашъ. Мы твои
 Усердные, гонимые холопья.
 Мы изъ Москвы, опальные, бѣжали
 Къ тебѣ, нашъ царь, и за тебя готовы
 Главами лечь, да будутъ наши трупы
 На царскій тронъ ступенями тебѣ.

Самозванецъ.

Мужайтесь, безвинные страдальцы!
 Лишь дайте мнѣ добраться до Москвы,
 А тамъ уже Борисъ со мной и съ вами
 Расплатится. Что-жь новаго въ Москвѣ? ^б

Хрущовъ.

Все тихо тамъ еще. Но ужь народъ
 Спасеніе царевича провѣдалъ,
 Ужь грамоту твою вездѣ читають,
 Всѣ ждуть тебя. Недавно двухъ боярь
 Борисъ казнилъ за то, что за столомъ
 Они твое здоровье тайно пили.

Самозванецъ.

О добрые, несчастные бояре!
 Но кровь за кровь, и горе Годунову!
 Что говорить о немъ?

Хрущовъ.

Онъ удалился
 Въ печальныя свои палаты. Грозенъ

И мрачень онъ. Ждутъ казней. Но недугъ
Его грызеть. Борисъ едва влачится,
И думаютъ, его послѣдній часъ
Ужъ недалекъ.

Самозванецъ.

Какъ врагъ великодушный,
Борису я желаю смерти скорой,
Не то — бѣда злодѣю! А кого
Наслѣдникомъ наречь намѣрень онъ?

Хрущовъ.

Онъ замысловъ своихъ не объявляетъ,
Но кажется, что молодого сына,
Феодора, онъ прочить намъ въ цари.

Самозванецъ.

Въ расчетахъ онъ, быть можетъ, ошибется.
Ты кто?

Карела.

Казакъ; къ тебѣ я съ Дона посланъ,
Отъ вольныхъ войскъ, отъ храбрыхъ атамановъ,
Отъ казаковъ верховыхъ и низовыхъ, ⁶
Узрѣть твои царицы ясны очи
И кланяться тебѣ ихъ головами.

Самозванецъ.

Я зналъ донцовъ, не сомнѣвался видѣть
Въ своихъ рядахъ казачьи бунчуки.
Благодаримъ донское наше войско.
Мы вѣдаемъ, что нынѣ казаки
Неправедно притѣснены, гонимы;
Но если Богъ поможетъ намъ вступить
На тронъ отцовъ, то мы по старинѣ
Пожалуемъ нашъ вѣрный, вольный Донъ.

Поэтъ

(приближается, кланяясь низко, и хватаетъ ? Гришку за полу).

Великій принцъ, свѣтлѣйшій королевичъ!

Самозванецъ.

Что хочешь ты?

Поэтъ (подаетъ ему бумагу).Примите благосклонно
Сей бѣдный плодъ усерднаго труда.**Самозванецъ.**Что вижу я? Латинскіе стихи!
Стократъ священъ союзъ меча и лиры:
Единый лавръ ихъ дружно обвиваетъ.
Родился я подъ небомъ полунощнымъ,
Но мнѣ знакомъ латинской ⁶ музы голосъ,
И я люблю парнасскіе цвѣты.

(Читаетъ про себя).

Хрущовъ (тихо Пушкину).

Кто сей?

Пушкинъ.

Пить.

Хрущовъ.

Какое жь это званье?

Пушкинъ.Какъ бы сказать по русски? Виршеписецъ
Иль скоморохъ.**Самозванецъ.**

Прекрасные стихи!

Я вѣрую въ пророчества питьовъ.
Нѣтъ, не вотще въ ихъ пламенной груди

Кипить восторгъ: благословится подвигъ,
Его-жь они прославили заранѣ!
Приблизься, другъ. Въ мое воспоминанье
Прими сей даръ. (Даетъ ему перстень.)

Когда со мной свершится
Судьбы завѣтъ, когда корону предковъ
Надѣну я, — надѣюсь вновь услышать
Твой сладкій гласъ, твой вдохновенный гимнъ.
Musa gloriam cogitat, gloriaque tuam.
Итакъ, друзья, до завтра, до свиданья.

Всѣ.

Въ походъ, въ походъ! Да здравствуетъ Димитрій!
Да здравствуетъ великій князь московскій!

ХІІ.

Замокъ воеводы Мнишка въ Самборѣ.

Уборная Марины.

Марина; Рузя убираетъ ее; служанки.

Марина (передъ зеркаломъ).

Ну что-жь? готово-ли? нельзя-ли поспѣшить?

Рузя.

Позвольте — напередъ рѣшите выборъ трудный:
Что вы надѣнете, жемчужную-ли нить,
Или полумѣсяцъ изумрудный?

Марина.

Алмазный мой вѣнецъ.

Рузя.

Прекрасно! Помните, его вы надѣвали,
Когда изволили вы ѣздить во дворецъ?

На балъ, говорятъ, какъ солнце вы блистали:
 Мужчины ахали, красавицы шептали...
 Въ то время, кажется, васъ видѣлъ въ первый разъ
 Хоткевичъ молодой, что послѣ застрѣлился.
 А точно, говорятъ, на васъ
 Кто ни взглянулъ, тутъ и влюбился.

Марина.

Нельзя ли поскорѣй?

Рузя.

Сейчасъ.

Сегодня вашъ отецъ надѣется на васъ:
 Царевичъ видѣлъ васъ не даромъ —
 Не могъ онъ утаить восторга своего,
 Ужъ раненъ онъ; такъ надобно его
 Сразить рѣшительнымъ ударомъ.
 А точно, панна, онъ влюбленъ:
 Вотъ мѣсяцъ, какъ, оставя Краковъ,
 Забывъ войну, московскій тронъ,
 Въ гостяхъ у васъ пируетъ онъ
 И бѣситъ русскихъ и поляковъ.
 Ахъ, Боже мой, дождусь ли дня?..
 Не правда-ли, когда въ свою столицу
 Димитрій повезетъ московскую царицу,
 Вы не оставите меня?

Марина.

Ты развѣ думаешь — царицей буду я?

Рузя.

А кто жь, когда не вы? Кто смѣетъ красотою
 Равняться здѣсь съ моею госпожею?
 Родъ Мнишковъ ничьему еще не уступалъ:
 Умомъ — превыше вы похваль...¹
 Счастливъ, кого вашъ взоръ вниманья удостоить,
 Кто сердца вашего любовь себѣ присвоить,

Кто бъ ни былъ онъ, хотъ нашъ король,
Или французскій королевичъ,
Не только нищій вашъ царевичъ,
Богъ вѣсть какой, Богъ вѣсть отколь!

Марина.

Онъ точно царскій сынъ и признанъ цѣлымъ свѣтомъ.

Рузя.

А все-жь онъ былъ прошедшею зимой
У Вишневецкаго слугой.

Марина.

Скрывался онъ.

Рузя.

Не спорю я объ этомъ.
А только — знаете ли вы,
Что говорятъ о немъ въ народѣ?
Что будто онъ дьячекъ, бѣжавшій изъ Москвы,
Извѣстный плуть въ своемъ приходѣ.

Марина.

Какія глупости!

Рузя.

О, я не вѣрю имъ!
Я только говорю, что долженъ онъ, конечно,
Благословлять еще судьбу, когда сердечно
Вы предпочли его другимъ.

Служанка (вбѣгаетъ).

Ужь гости съѣхались.

Марина.

Вотъ видишь: ты до свѣта
Готова пустяки болтать,
А между тѣмъ я не одѣта...

Рузя.

Сейчасъ, готово все!

(Служанки суетятся.)

Марина (про себя).

Мнѣ должно все узнать...

—

XIII.

Рядъ освѣщенныхъ комнатъ, музыка.

Вишневецкій, Мнишекъ.

Мнишекъ.

Онъ говоритъ съ одной моей Мариной,
Мариною одною занятъ онъ...

А дѣло-то на свадьбу страхъ похоже.

Ну, думалъ ты — признайся, Вишневецкій —
Что дочь моя царицей будетъ, а?

Вишневецкій.

Да, чудеса... И думалъ ли ты, Мнишекъ,
Что мой слуга взойдетъ на тронъ московскій?

Мнишекъ.

А какова, скажи, моя Марина?

Я только ей промолвилъ: ну, смотри!

Не упускай Димитрія!.. и вотъ —

Все кончено, ужъ онъ въ ея сѣтяхъ. ¹

(Музыка играетъ польскій. Самозванецъ идетъ съ
Мариной въ первой парѣ.)

Марина (тихо Димитрію).

Да, ввечеру, въ одиннадцать часовъ,

Въ аллеѣ липъ я завтра у фонтана.

(Расходятся. Другая пара.)

Кавалеръ.

Что въ ней нашель Димитрій?

Дама.

Какъ? — она

Красавица.

Кавалеръ.

Да, мраморная нимфа:

Глаза, уста безъ жизни, безъ улыбки.

(Новая пара.)

Дама.

Онъ не красивъ, но видъ его приятенъ,

И царская порода въ немъ видна.

(Новая пара.)

Дама.

Когда жь походъ?

Кавалеръ.

Когда велить царевичъ.

Готовы мы, — но, видно, панна Мнишекъ

Съ Димитріемъ задержать насъ въ плѣну.

Дама.

Пріятный плѣнъ.

Кавалеръ.

Конечно, если вы...

(Расходятся, комнаты пустѣють.)

Мнишекъ.

Мы, старики, ужь нынче не танцуемъ,

Мазурки громъ не призываетъ насъ,²

Прелестныхъ рукъ не жмемъ и не цѣлуемъ...

Охъ, не забыль старинныхъ я проказъ!

Теперь не то, не то, что прежде было!
 И молодежь, ей-ей, не такъ смѣла,
 И красота не такъ ужь весела;
 Признайся, другъ: все какъ-то приуныло.
 Оставимъ ихъ; пойдемъ, товарищъ мой!
 Венгерскаго, обросшую травой,
 Велимъ открыть бутылку вѣковую,
 Да въ уголку потянемъ-ка вдвоемъ
 Душистый токъ, струю какъ жиръ густую,
 А между тѣмъ посудимъ кой о чемъ.
 Пойдемъ же, братъ.

Вишневецкій.

И дѣло, другъ, пойдемъ.

XIV.

Ночь. Садъ. Фонтанъ.

Самозванецъ (входитъ).

Вотъ и фонтанъ; она сюда придетъ.
 Я, кажется, рожденъ не боязливымъ:
 Передъ собой вблизи видалъ я смерть —
 Предъ смертію душа не содрогалась;
 Мнѣ вѣчная неволя угрожала,
 За мной гнались — я духомъ не смутился
 И дерзостью неволи избѣжалъ.
 Но что-жь теперь тѣснить мое дыханье?
 Что значить сей неодолимый трепеть?
 Иль это дрожь желаній напряженныхъ?
 Нѣтъ, это страхъ. Чего же я боюсь?
 Не знаю самъ. День цѣлый ожидалъ¹
 Я тайнаго свиданія съ Мариной,
 Обдумывалъ все то, что ей скажу,
 Какъ обольщу ея надменный умъ,
 Какъ назову московскою царицей...

Но часъ насталь — и ничего не помню,
 Не нахожу затверженныхъ рѣчей;
 Любовь мутить мое воображенье...
 Но что-то вдругъ мелькнуло... шорохъ... тише...
 Нѣтъ, это свѣтъ обманчивой луны,
 И шумѣль здѣсь вѣтерокъ.

Марина (входитъ).

Царевичъ!

Самозванецъ.

Она!.. Вся кровь во мнѣ остановилась

Марина.

Димитрій, вы?

Самозванецъ.

Волшебный, сладкій голосъ!

(Идетъ къ ней.)

Ты-ль наконецъ? Тебя ли вижу я,
 Одну со мной, подъ сѣнью тихой ночи?
 Какъ медленно тянулся скучный день!
 Какъ медленно заря вечерня гасла!
 Какъ долго ждалъ во мракѣ я ночномъ!

Марина.

Часы бѣгутъ, и дорого мнѣ время.
 Я здѣсь тебѣ назначила свиданье
 Не для того, чтобы слушать нѣжны рѣчи
 Любовника. Слова не нужны. Вѣрю,
 Что любишь ты; но слушай: я рѣшилась
 Съ твоей судьбой, и бурной, и невѣрной,
 Соединить судьбу мою, то въ правѣ
 Я требовать, Димитрій, одного:
 Я требую, чтобъ ты души своей
 Мнѣ тайныя открылъ теперь надежды,
 Намѣренья и даже опасенья,
 Чтобъ объ руку съ тобой могла я смѣло

Пуститься въ жизнь — не съ дѣтской слѣпотой,
 Не какъ раба желаній легкихъ мужа,
 Наложница безмолвная твоя,
 Но какъ тебя достойная супруга,
 Помощница московскаго царя.

Самозванецъ.

О, дай забыть хоть на единый часъ
 Моей судьбы заботы и тревоги!
 Забудь сама, что видишь предъ собой
 Царевича. Марина! зри во мнѣ
 Любовника, избраннаго тобою,
 Счастливаго твоимъ единымъ взоромъ.
 О, выслушай моленія любви,
 Дай высказать все то, чѣмъ сердце полно!

Марина.

Не время, князь: ты медлишь, и межъ тѣмъ
 Приверженность твоихъ клеветовъ стынетъ;
 Часъ отъ часу опасность и труды
 Становятся опаснѣй и труднѣе;
 Ужъ носятся сомнительные слухи,
 Ужъ новизна смѣняетъ новизну;
 А Годуновъ свои пріемлетъ мѣры...

Самозванецъ.

Что Годуновъ? Во власти ли Бориса
 Твоя любовь, одно мое блаженство?
 Нѣтъ, нѣтъ! Теперь гляжу я равнодушно
 На тронъ его, на царственную власть.
 Твоя любовь... что безъ нея мнѣ жизнь,
 И славы блескъ, и русская держава?
 Въ глухой степи, въ землянкѣ бѣдной — ты,
 Ты замѣнишь мнѣ царскую корону;
 Твоя любовь...

Марина.

Стыдись! Не забывай
 Высокаго, святаго назначенья!
 Тебѣ твой санъ дороже долженъ быть
 Всѣхъ радостей, всѣхъ обольщеній жизни.
 Его ни съ чѣмъ не можешь ты равнять,
 Не юношѣ, кипящему безумно,
 Плѣненному моею красотой, —
 Знай, отдаю торжественно я руку
 Наслѣднику московскаго престола,
 Царевичу, спасенному судьбой.

Самозванецъ.

Не мучь меня, прелестная Марина,
 Не говори, что санъ, а не меня
 Избрала ты. Марина! Ты не знаешь,
 Какъ больно тѣмъ ты сердце мнѣ язвишь.
 Какъ! ежели... о, страшное сомнѣнье!
 Скажи: когда-бъ не царское рожденье
 Назначила слѣпая мнѣ судьба,
 Когда-бъ я былъ не Іоанновъ сынъ,
 Не сей давно забытый міромъ отрокъ,
 Тогда-бъ... тогда-бъ любила-ль ты меня?

Марина.

Димитрій ты, и быть инымъ не можешь;
 Другого мнѣ любить нельзя.

Самозванецъ.

Нѣтъ, полно!
 Я не хочу дѣлиться съ мертвецомъ
 Любовницей, ему принадлежащей.
 Нѣтъ, полно мнѣ притворствоваться, — скажу
 Всю истину! Такъ знай же: твой Димитрій
 Давно погибъ, зарытъ — и не воскреснетъ;
 А хочешь ли ты знать, кто я таковъ?

Изволь, скажу: я бѣдный черноризецъ;
 Монашеской неволею скучая,
 Подъ клобукомъ свой замыселъ отважный
 Обдумалъ я, готовилъ міру чудо —
 И, наконецъ, изъ келіи бѣжалъ
 Къ украинцамъ, въ ихъ буйные курени,
 Владѣть конемъ и саблей научился,
 Явился къ вамъ, Димитріемъ назвался
 И поляковъ безмозглыхъ обманулъ.
 Что скажешь ты, надменная Марина?
 Довольна ль ты признаніемъ моимъ?
 Что жъ ты молчишь?

Марина.

О стыдъ! о горе мнѣ!
 (Молчаніе).

Самозванецъ (тихо). ²

Куда завлекъ меня порывъ досады?
 Съ такимъ трудомъ устроенное счастье
 Я, можетъ быть, навѣки погубилъ!
 Что сдѣлалъ я, безумецъ? (Вслухъ.) Вижу, вижу!
 Стыдишься ты не княжеской любви;
 Такъ вымолви жъ мнѣ роковое слово;
 Въ твоихъ рукахъ теперь моя судьба;
 Рѣши: я жду.

(Бросается на колѣна.)

Марина.

Встань, бѣдный самозванецъ!
 Не мнишь ли ты колѣнопреклоненіемъ,
 Какъ дѣвочки довѣрчивой и слабой,
 Тщеславное мнѣ сердце умилишь?
 Ошибся, другъ: у ногъ своихъ видала
 Я рыцарей и графовъ благородныхъ,
 Но ихъ мольбы я хладно отвергала
 Не для того, чтобъ бѣлаго монаха...

Самозванецъ (встаетъ).

Не презирай младого самозванца:
 Въ немъ доблести таятся, можетъ быть,
 Достойныя московскаго престола,
 Достойныя руки твоей безцѣнной...

Марина.

Достойныя позорной петли, дерзкій!

Самозванецъ.

Виновенъ я: гордыней обуянный,
 Обманывалъ я Бога и царей,
 Я міру лгалъ; но не тебѣ, Марина,³
 Меня казнить: я правъ передъ тобою;
 Нѣтъ, я не могъ обманывать тебя;
 Ты мнѣ была единственной святыней,
 Предъ ней же я притворствовать не смѣлъ...
 Любовь, любовь ревнивая, слѣпая,
 Одна любовь принудила меня
 Все высказать.

Марина.

Чѣмъ хвалится, безумецъ!
 Кто требовалъ признанья твоего?
 Ужь если ты, бродяга безымянный,
 Могъ ослѣпить чудесно два народа,
 Такъ долженъ ужь, по крайней мѣрѣ, ты
 Достоинъ быть успѣха своего
 И свой обманъ отважный обезпечить
 Упорною, глубокою, вѣчной тайной.
 Могу ль, скажи, предаться я тебѣ?
 Могу ль, забывъ свой родъ и стыдъ дѣвичій,
 Соединить судьбу мою съ твоею,
 Когда ты самъ съ такою простотою,
 Такъ вѣтрено позоръ свой обличаешь?
 Онъ изъ любви со мною проболтался!

Дивлюся, какъ передъ моимъ отцомъ
Изъ дружбы ты доселѣ не открылся,
Отъ радости — предъ нашимъ королемъ,
Или еще — предъ паномъ Вишневецкимъ
Изъ вѣрнаго усердія слуги!

Самозванецъ.

Клянусь тебѣ, что сердца моего
Ты вымучить одна могла признанье;
Клянусь тебѣ, что никогда, нигдѣ,
Ни въ пиршествѣ, за чашею безумства,
Ни въ дружескомъ завѣтномъ разговорѣ,
Ни подъ ножомъ, ни въ мукахъ истязаній
Сихъ тяжкихъ тайнъ не выдасть мой языкъ!

Марина.

Клянешься ты! Итакъ, должна я вѣрить.
О, вѣрю я! Но чѣмъ, нельзя ль узнать,
Клянешься ты? Не именемъ ли Бога,
Какъ набожный пріемышъ езуитовъ?
Иль честію, какъ витязь благородный?
Иль, можетъ быть, единымъ царскимъ словомъ,
Какъ царскій сынъ? Не такъ ли? Говори!

Самозванецъ (гордо).

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
Царевичъ я. Довольно. Стыдно мнѣ
Предъ гордою полячкой унижаться.
Прощай навѣкъ: игра войны кровавой,
Судьбы моей обширныя заботы
Тоску любви, надѣюсь, заглушатъ.
О, какъ тебя я стану ненавидѣть,
Когда пройдетъ постыдной страсти жаръ!
Теперь иду — погибель иль вѣнецъ

Мою главу въ Россіи ожидаетъ,
 Найду ли смерть какъ воинъ, въ битвѣ честной,
 Иль какъ злодѣй, на плахѣ площадной, —
 Не будешь ты подругою моей,
 Моей судьбы не раздѣлишь со мною.
 Но, можетъ быть, ты будешь сожалѣть
 Объ участи, отвергнутой тобою.

Марина.

А если я твой дерзостный обманъ
 Заранѣ предъ всѣми обнаружу?

Самозванецъ.

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь,
 Что болѣе повѣрятъ польской дѣвѣ,
 Чѣмъ русскому царевичу? Но знай,
 Что ни король, ни папа, ни вельможи
 Не думаютъ о правдѣ словъ моихъ.
 Димитрій я, иль нѣтъ — что имъ за дѣло?
 Но я предлогъ раздоровъ и войны:
 Имъ это лишъ и нужно, и тебя,
 Мятежница, повѣрь, молчать заставятъ.
 Прощай!

Марина.

Постой, царевичъ! Наконецъ
 Я слышу рѣчь не мальчика, но мужа.
 Съ тобою, князь, она меня мирить.
 Безумный твой порывъ я забываю
 И вижу вновь Димитрія. Но слушай:
 Пора, пора! Проснись, не медли болѣ,
 Веди полки скорѣе на Москву,
 Очисти Кремль, садись на тронъ московскій —
 Тогда за мной шли брачнаго посла;
 Но, слышитъ Богъ, пока твоя нога
 Не оперлась на тронныя ступени,

Пока тобой не сверженъ Годуновъ, —
Любви рѣчей не буду слушать я.

(Уходитъ).

Самозванецъ.

Нѣтъ! Легче мнѣ сражаться съ Годуновымъ,
Или хитрить съ придворнымъ езуитомъ,
Чѣмъ съ женщиной. Чортъ съ ними; мочи нѣтъ;
И путаетъ, и вьется, и ползетъ,
Скользить изъ рукъ, шипить, грозить и жалить —
Змѣя, змѣя!.. Недаромъ я дрожалъ;
Она меня чуть-чуть не погубила!
Но рѣшено: завтра двину рать.

XV.

Граница Литовская.

(1604 года 16 октября.)

Князь Курбскій и Самозванецъ, оба верхами. Полки приближаются къ границѣ.

Курбскій (прискакавъ первый).

Вотъ, вотъ она, вотъ русская граница!
Святая Русь! Отечество! Я твой!
Чужбины прахъ съ презрѣньемъ отряхую
Съ моихъ одеждъ; пью жадно воздухъ новый:
Онъ мнѣ родной! Теперь твоя душа,
О мой отецъ, утѣшилась, и въ гробъ
Опальныя возрадуются кости!
Блеснулъ опять наслѣдственный нашъ мечъ,
Сей славный мечъ — гроза Казани темной,
Сей добрый мечъ — слуга царей московскихъ!
Въ своемъ пиру теперь онъ загуляетъ
За своего надежу-государя!..

Самозванецъ

(тихо ѣдетъ съ поникшей головой).

Какъ счастливъ онъ! Какъ чистая душа
 Въ немъ радостью и славой разыгралась!
 О витязь мой, завидую тебѣ!
 Сынъ Курбскаго, воспитанный въ изгнаньи,
 Забывъ отцомъ снесенныя обиды,
 Его вину за гробомъ искупивъ, ¹
 Ты кровь излить за сына Іоанна
 Готовишься, законнаго царя
 Ты возвратишь ² отечеству... Ты правъ:
 Душа твоя должна пылать весельемъ.

Курбскій.

Ужель и ты не веселишься духомъ?
 Вотъ наша Русь; она твоя, царевичъ:
 Тамъ ждуть тебя сердца твоихъ людей,
 Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава!

Самозванецъ.

Кровь русская, о Курбскій, потечеть!
 Вы за царя подъяли мечъ, — вы чисты;
 Я жь васъ веду на братьевъ; я Литву
 Позвалъ на Русь; я въ красную Москву
 Кажу врагамъ завѣтную дорогу!
 Но пусть мой грѣхъ падеть не на меня,
 А на тебя, Борисъ - цареубійца!
 Впередь!

Курбскій.

Впередь! и горе Годунову!

(Скачуть. Полки переходятъ черезъ границу.)

XVI.

Царская Дума.

Царь, Патрiархъ и Бояре.

Царь.

Возможно ли? Разстрига, бѣглый инокъ
 На насъ ведетъ злодѣйскія дружины,
 Дерзаетъ намъ писать угрозы! Полно,
 Пора смирить безумца! Поѣзжайте,
 Ты, Трубецкой, и ты, Басмановъ; поможь
 Нужна моимъ усерднымъ воеводамъ. ¹
 Бунтовщикомъ Черниговъ осажденъ:
 Спасайте градъ и гражданъ.

Басмановъ.

Государь,
 Трехъ мѣсяцевъ отнынѣ не пройдетъ,
 И замолчитъ и слухъ о самозванцѣ;
 Его въ Москву мы привеземъ, какъ звѣря
 Заморскаго въ желѣзной клѣткѣ ²; Богомъ
 Тебѣ клянусь.

(Уходитъ съ Трубецкимъ.)

Царь.

Мнѣ свейскій государь
 Черезъ пословъ союзъ свой предложилъ;
 Но не нужна намъ чуждая помощь:
 Своихъ людей у насъ довольно ратныхъ,
 Чтобъ отразить измѣнниковъ и ляха.
 Я отказалъ.

Щелкаловъ! Разослать
 Во всѣ концы указы къ воеводамъ,
 Чтобъ на коня сажались и людей
 По старинѣ на службу высылали;
 Въ монастыряхъ подобно отобрать

Служителей причетныхъ. Въ прежни годы,
 Когда бѣдой отечеству грозило,
 Отшельники на битву сами шли;
 Но не хотимъ тревожить нынѣ ихъ:
 Пусть молятся за насъ они; таковъ
 Указъ царя и приговоръ боярскій.
 Теперь вопросъ мы важный разрѣшимъ:
 Вы знаете, что наглый самозванецъ
 Коварные промчалъ повсюду слухи;
 Повсюду имъ разосланныя письма
 Посѣяли тревогу и сомнѣнье;
 На площадяхъ мятежный бродитъ шопоть,
 Умы кипятъ — ихъ нужно остудить...
 Предупредить желалъ бы казни я,
 Но чѣмъ и какъ, — рѣшимъ теперь. Ты первый,
 Святый отецъ, свою повѣдай мысль.

Патріархъ.

Благословенъ Всевышній, поселившій
 Духъ милости и кроткаго терпѣнья
 Въ душѣ твоей, великій государь!
 Ты грѣшному погибели не хочешь,
 Ты тихо ждешь, да пройдетъ заблужденье.
 Оно пройдетъ и солнце правды вѣчной
 Всѣхъ озаритъ.

Твой вѣрный богомолецъ,
 Въ дѣлахъ мірскихъ не мудрый судія,
 Дерзаетъ днесь подать тебѣ свой голосъ.

Бѣсовскій сынъ, разстрига окаянный,
 Прослыть умѣлъ Димитріемъ въ народъ;
 Онъ именемъ царевича, какъ ризой
 Украденной, безстыдно облачился;
 Но стоитъ лишь ее раздрать — и самъ
 Онъ наготой своею посрамится.

Самъ Богъ на то намъ средство посылаетъ.
 Знай, государь: тому прошло шесть лѣтъ;
 Въ тотъ самый годъ, когда тебя Господь

Благословилъ на царскую державу —
Въ вечерній часъ ко мнѣ прошелъ однажды
Простой пастухъ, уже маститый старецъ,
И чудную повѣдалъ онъ мнѣ тайну.

„Въ молодыхъ лѣтахъ,“ — сказалъ онъ, — „я ослѣпъ,
„И съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи
„До старости; напрасно я лѣчился
„И зелиемъ, и тайнымъ нашептаниемъ;
„Напрасно я ходилъ на поклоненье
„Въ обители къ великимъ чудотворцамъ;
„Напрасно я изъ кладязей святыхъ ³
„Кропилъ водой цѣлебной темны очи —
„Не посылалъ Господь мнѣ исцѣленья.
„Вотъ, наконецъ, утратилъ я надежду,
„И къ тьмѣ своей привыкъ, и даже сны
„Мнѣ виданныхъ вещей ужъ не являли,
„А снилися мнѣ только звуки. Разъ,
„Въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣтскій голосъ
„Мнѣ говоритъ: „Встань, дѣдушка, поди
„Ты въ Угличь-градъ, въ соборъ Преображенья:
„Тамъ помолись ты надъ моей могилкой,
„Богъ милостивъ — и я тебя прощу“.
„Но кто же ты? — спросилъ я дѣтскій голосъ.
„Царевичъ я Димитрій. Царь небесный
„Пріялъ меня въ ликъ ангеловъ своихъ,
„И я теперь великій чудотворецъ.
„Иди, старикъ!“ — Проснулся я и думалъ:
„Что жъ? можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Богъ
„Мнѣ позднее даруетъ исцѣленье?
„Пойду. И въ путь отправился далекій.
„Вотъ, Углича достигъ я, прихожу
„Въ святой соборъ и слушаю обѣдню
„И, разгораясь душой усердной, плачу
„Тамъ сладостно, какъ будто слѣпота
„Изъ глазъ моихъ слезами вытекала.
„Когда народъ сталъ выходить, я внуку
„Сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ

„Царевича Димитрія. И мальчикъ
 „Повель меня — и только передъ гробомъ
 „Я тихую молитву сотворилъ, —
 „Глаза мои прозрѣли, я увидѣлъ
 „И Божій свѣтъ, и внука и могилку.“
 Вотъ, государь, что мнѣ повѣдалъ старецъ.

(Общее смущеніе. Въ продолженіе сей рѣчи Борисъ нѣ-
 сколько разъ отираетъ лицо платкомъ.)

Я посылалъ тогда нарочно въ Угличъ,
 И свѣдомо, что многіе страдалцы
 Спасеніе подобно обрѣтали
 У гробовой царевича доски.
 Вотъ мой совѣтъ: во Кремль святыя мощи
 Перенести, поставить ихъ въ соборѣ
 Архангельскомъ! Народъ увидитъ ясно
 Тогда обманъ безбожнаго злодѣя,
 И мощь бѣсовъ исчезнетъ яко прахъ.

(Молчаніе.)

Князь Шуйскій.

Святый отецъ, кто вѣдаетъ пути
 Всевышняго? Не мнѣ его судить.
 Нетлѣнный сонъ и силу чудотворства
 Онъ можетъ дать младенческимъ останкамъ;
 Но надлежитъ народную молву
 Изслѣдовать прилежно и безстрастно;
 А въ бурныя ль смятеній времена
 Намъ помышлять о столь великомъ дѣлѣ?
 Не скажутъ ли, что мы святыню дерзко
 Въ дѣлахъ мірскихъ орудіемъ творимъ?
 Народъ и такъ колеблется ⁴ безумно,
 И такъ ужъ есть довольно шумныхъ толковъ:
 Умы людей не время волновать ⁵
 Нежданною, столь важной новизною.
 Самъ вижу я: необходимо слухъ,
 Разсѣянный разстригой, уничтожить,
 Но есть на то иныя средства — проще.
 Такъ, государь, когда изволишь ты, ⁶

Я самъ явлюсь на площади народной,
Уговорю, усовѣщу безумство
И злой обманъ бродяги обнаружу.

Царь.

Да будетъ такъ! Владыко патріархъ,
Прошу тебя ⁷ пожаловать въ палату:
Сегодня мнѣ нужна твоя бесѣда.

(Уходитъ; за нимъ всѣ бояре.)

Одинъ бояринъ (тихо другому).

Замѣтилъ ты, какъ государь блѣднѣлъ,
И крупный ⁸ потъ съ лица его закапаль?

Второй.

Я, признаюсь, не смѣлъ поднять очей,
Не смѣлъ вздохнуть, не только шевелиться ⁹.

Первый.

А выручилъ князь Шуйскій. Молодецъ!

XVII.

Равнина близъ Новгорода-Сѣверскаго.

(1604 года, 21 декабря).

Битва.

Воины (бѣгутъ въ безпорядкѣ).

Бѣда, бѣда! Царевичъ! Ляхи! Вотъ они! Вотъ они!

(Входятъ капитаны: Маржереть и Вальтеръ Розень.)

Маржереть.

Куда, куда? Allons... пошоль назадъ!

Одинъ изъ бѣглецовъ.

Самъ *пошоль*, коли есть охота, проклятый бу-
сурманъ!

Маржереть.

Quoi, quoi?

Другой.

Ква! ква! Тебѣ любо, лягушка заморская, ¹ ква-
кать на русскаго царевича; а мы вѣдь православные!

Маржереть.

Qu'est-ce à dire pravoslavni?.. Sacrés gueux,
maudite canaille! Mon Dieu, mein Herr, j'enrage: on
dirait que ça n'a pas de bras pour frapper, ça n'a que
des jambes pour fuir.

В. Розень.

Es ist Schande.

Маржереть.

Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un pas; puis-
que le vin est tiré, il faut le boire. Qu'en dites-vous,
mein Herr?

В. Розень.

Sie haben Recht.

Маржереть.

Tudieu, il y fait chaud! — Ce diable de Samozva-
nets, comme ils l'appellent, est un bougre qui a du
poil au coll! — Qu'en pensez-vous, mein Herr? ²

В. Розень.

Oh, ja!

Маржеретъ.

Hé, voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui aurait fait une sortie.

В. Розень.

Ich glaube das.

(Входятъ нѣмцы.)

Маржеретъ.

Ha! ha! voici nos allemands. Messieurs! Mein Herrr, dites-leur donc de se rallier et, sacrebleu, chargeons!

В. Розень.

Sehr gut. Halt!

(Нѣмцы строятся.)

Marsch!

Нѣмцы (идуть).

Hilf Gott!

(Сраженіе. Русскіе снова бѣгутъ.)

Ляхи.

Побѣда! побѣда! Слава царю Димитрію!

Димитрій (верхомъ).

Ударить отбой! Мы побѣдили. Довольно; щадите русскую кровь. Отбой!

(Трубятъ; бьютъ барабаны.)

XVIII.

Площадь передъ соборомъ въ Москвѣ.

Народъ.

Одинъ.

Скоро ли царь выйдетъ изъ собора?

Другой.

Обѣдня кончилась; теперь идетъ молебствіе.

Первый.

Что, ужь проклинали того?

Другой.

Я стоялъ на паперти и слышалъ, какъ дьяконъ завопилъ: Гришка Отрепьевъ — анаема!

Первый.

Пускай себѣ проклинаятъ; царевичу дѣла нѣтъ до Отрепьева.

Другой.

А царевичу поютъ теперь вѣчную память.

Первый.

Вѣчную память живому! Вотъ, уже имъ будетъ, безбожникамъ!

Третій.

Чу, шумъ! ¹ Не царь ли?

Четвертый.

Нѣтъ, это юродивый.

(Входитъ юродивый въ желѣзной шапкѣ, обвѣшанный веригами и окруженный мальчишками.)

Мальчишки.

Николка, Николка, желѣзный колпакъ! ² желѣзный колпакъ!.. трррр...

Старуха.

Отвяжитесь, бѣсенята, отъ блаженнаго. Помолись, Николка, за меня грѣшную.

Юродивый.

Дай, дай, дай копѣчку.

Старуха.

Вотъ тебѣ копѣчка: помяни же меня.

Юродивый

(садится на землю и поетъ).

Мѣсяць ѣдетъ, ³
Котенокъ плачетъ,
Юродивый, вставай, ⁴
Богу помолися!

(Мальчишки окружають его снова.)

Одинъ изъ нихъ.

Здравствуй, Николка! Что же ты шапки не снимаешь? (Щелкаетъ его по желѣзной шапкѣ.) Экъ она звонить!

Юродивый.

А у меня копѣчка есть.

Мальчишка.

Неправда; ну, покажи!

(Вырываетъ копѣчку и убѣгаетъ.)

Юродивый (плачетъ).

Взяли мою копѣчку, обижаютъ Николку!

Народъ.

Царь, царь идетъ!

(Царь выходитъ изъ собора. Бояринъ впереди раздаетъ нищимъ милостыню. Бояре.)

Юродивый.

Борисъ, Борисъ! Николку дѣти обижаютъ!

Царь.

Подать ему милостыню! О чемъ онъ плачетъ?

Юродивый.

Николку маленькія дѣти обижаютъ... Вели ихъ зарѣзать, какъ ты зарѣзалъ маленькаго царевича.

Бояре.

Поди прочь, дуракъ! Схватите дурака!

Царь.

Оставьте его. Молись за меня, бѣдный Николка.
(Уходитъ.)

Юродивый (ему вслѣдъ).

Нѣтъ, нѣтъ! Нельзя ⁵ молиться за царя - Ирода: Богородица не велить.

ХІХ.**СѢВСКЪ.**

Самозванецъ, окруженный своими.

Самозванецъ.

Гдѣ плѣнный?

Ляхъ.

Здѣсь.

Самозванецъ.

Позвать его ко мнѣ!

(Входитъ русскій плѣнникъ.)

Кто ты?

Плѣнникъ.

Рожновъ, Московскій дворянинъ.

Самозванецъ.

Давно ли ты на службѣ?

Плѣнникъ.

Съ мѣсяць будетъ.

Самозванецъ.

Не совѣстно, Рожновъ, что на меня
Ты поднялъ мечъ?

Плѣнникъ.

Какъ быть, не наша воля.

Самозванецъ.

Сражался ты подъ Сѣверскимъ?

Плѣнникъ.

Недѣли двѣ по битвѣ изъ Москвы.
Я прибылъ

Самозванецъ.

Что Годуновъ?

Плѣнникъ.

Онъ очень былъ встревоженъ
Потерею сраженія и раной
Мстиславскаго, и Шуйскаго послалъ
Начальствовать надъ войскомъ.

Самозванецъ.

А зачѣмъ
Онъ отозвалъ Басманова въ Москву?

Плѣнникъ.

Царь наградилъ его заслуги честью
И золотомъ. Басмановъ въ царской думѣ
Теперь сидить.

Самозванецъ.

Онъ въ войскѣ былъ нужнѣе.
Ну, что въ Москвѣ?

Плѣнникъ.

Все, слава Богу, тихо.

Самозванецъ.

Что, ждуть меня?

Плѣнникъ.

Богъ знаетъ; о тебѣ ¹
Тамъ говорить не слишкомъ нынче смѣють: —
Кому языкъ отрѣжутъ, а кому
И голову. Такая, право, притча:
Что день, то казнь. Тюрмы биткомъ набиты.
На площади, гдѣ человѣка три
Сойдутся — глядь, лазутчикъ ужъ и вьется,
А государь досужною порою
Доносчиковъ допрашиваетъ самъ.
Какъ разъ бѣда: такъ лучше ужъ молчать.

Самозванецъ.

Завидна жизнь Борисовыхъ людей!
Ну, войско что?

Плѣнникъ.

Что съ нимъ? Одѣто, сыто,
Довольно всѣмъ.

Самозванецъ.

Да много ли его?

Плѣнникъ.

Богъ вѣдаетъ.

Самозванецъ.

А будетъ тысячъ тридцать?

Плѣнникъ.

Да наберешь и тысячъ пятьдесятъ.

(Самозванецъ задумывается; окружающіе смотрятъ другъ на друга.)

Самозванецъ.

Ну, обо мнѣ какъ судятъ въ вашемъ станѣ? ²

Плѣнникъ.

А ³ говорятъ о милости твоей,
Что ты, дескать, — будь не во гнѣвъ! — и воръ,
А молодецъ.

Самозванецъ (смѣясь).

Такъ это я на дѣлѣ
Имъ докажу. Друзья, не станемъ ждать
Мы Шуйскаго; я поздравляю васъ:
На завтра бой.

(Уходитъ.)

Всѣ.

Да здравствуетъ Димитрій!

Ляхъ.

На завтра бой! Ихъ тысячъ пятьдесятъ,

А насъ всего едва ль пятнадцать тысячъ —
Съ ума сошелъ!

Другой.

Пустое, другъ: полякъ
Одинъ пятьсотъ москалей вызвать можетъ!

Плѣнникъ.

Да, вызовешь, ⁴ а какъ дойдетъ до драки,
Такъ убѣжишь отъ одного, хвастунъ.

Ляхъ.

Когда бъ ты былъ при саблѣ, дерзкій плѣнникъ,
То я тебя (указывая на свою саблю) вотъ этимъ бы смирилъ!

Плѣнникъ.

Нашъ братъ русакъ безъ сабли обойдется:
Не хочешь ли вотъ этого (показывая кулакъ), безмозглый!
(Ляхъ гордо смотритъ на него и молча отходитъ. Всѣ смѣются.)

XX.

ЛѢСЪ.

Самозванецъ и Пушкинъ.

(Въ отдаленіи лежитъ конь издыхающій).

Самозванецъ.

Мой бѣдный конь! Какъ бодро поскакалъ
Сегодня онъ въ послѣднее сраженье
И, раненый, какъ быстро несъ меня!..
Мой бѣдный конь! ¹

Пушкинъ (про себя).

Ну, вотъ, о чемъ жалѣть, —

Объ лошади, когда все наше войско
Побито въ прахъ!

Самозванецъ.

Послушай, можетъ быть,
Отъ раны онъ лишь только заморился
И отдохнетъ? ²

Пушкинъ.

Куда! Онъ издыхаетъ.

Самозванецъ (идеть къ коню).

Мой бѣдный конь!.. ³ Что дѣлать? снять узду,
Да отстегнуть подпругу. Пусть на волѣ
Издохнетъ онъ.

(Разнуздываетъ и расфдываетъ коня. Входятъ нѣ-
сколько ляховъ.)

Здорово, господа!

Что жь Курбскаго не вижу между вами?
Я видѣлъ, какъ сегодня въ гущу боя ⁴
Онъ врѣзался; тьмы сабель молодца,
Что ⁵ зыбкіе колосья облѣпили,
Но мечъ его всѣхъ выше подымался,
А грозный кликъ всѣ клики заглушалъ.
Гдѣ жь витязь мой?

Ляхъ.

Онъ легъ на полѣ смерти.

Самозванецъ.

Честь храброму и миръ его душѣ!
Какъ мало насъ отъ битвы уцѣлѣло!
Измѣнники, злодѣи запорожцы,
Проклятые! Вы, вы сгубили насъ!
Не выдержать и трехъ минутъ отпора!
Я ихъ ужю! ⁶ Десятаго повѣшу!
Разбойники!

Пушкинъ.

Кто тамъ ни виноватъ,
Но все таки мы на-чисто разбиты,
Истреблены.

Самозванецъ.

А дѣло было ⁷ наше;
Я было снялъ ⁸ передовую рать,
Да нѣмцы насъ порядкомъ отразили;
А молодцы! ей-богу, молодцы!
Люблю за то; изъ нихъ ужь непремѣнно
Составлю я почетную дружину.

Пушкинъ.

А гдѣ-то намъ сегодня ночевать?

Самозванецъ.

Да здѣсь, въ лѣсу. Чѣмъ это не ночлегъ?
Чѣмъ свѣтъ, мы въ путь; къ обѣду будемъ въ Рыльскѣ.
Спокойна ночь!

(Ложится, кладетъ сѣдло подъ голову и засыпаетъ.)

Пушкинъ.

Пріятный сонъ, царевичъ!
Разбитый въ прахъ, спасаяся побѣгомъ,
Безпечень онъ, какъ глупое дитя. ⁹
Хранить его, конечно, Провидѣнье,
И мы, друзья, не станемъ унывать. ¹⁰

XXI.

Москва. Царскія палаты,

Борисъ, Басмановъ.

Царь.

Онъ побѣжденъ, — какая польза въ томъ?
Мы тщетною побѣдой увѣнчались.

Онъ вновь собралъ разсѣянное войско
 И намъ со стѣнъ Путивля угрожаетъ.
 Что дѣлають межъ тѣмъ герои наши?
 Стоять у Кромъ, гдѣ кучка казаковъ
 Смѣется ¹ имъ изъ-подъ гнилой ограды.
 Вотъ слава! Нѣтъ, я ими недоволенъ —
 Пошлю тебя начальствовать надъ ними,
 Не родъ, а умъ поставлю въ воеводы,
 Пускай ихъ спесь о мѣстничествѣ тужить!
 Пора презрѣть мнѣ ропотъ знатной черни
 И гибельный обычай уничтожить.

Басмановъ.

Ахъ, государь, стократъ благословенъ
 Тотъ будетъ день, когда разрядны книги
 Съ раздорами, съ гордыней родословной,
 Пожреть огонь!

Царь.

День этотъ недалекъ;
 Лишь дай сперва смятеніе народа ²
 Мнѣ усмирить.

Басмановъ.

Что на него смотрѣть?
 Всегда народъ къ смятенью тайно склоненъ:
 Такъ борзый конь грызетъ свои бразды,
 На власть отца такъ отрокъ негодуетъ;
 Но что жъ? Конемъ спокойно всадникъ править,
 И отрокомъ отецъ повелѣваетъ.

Царь.

Конь иногда сбиваетъ сѣдока;
 Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ;
 Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
 Сдержать народъ. Такъ думалъ Іоаннь,
 Смиритель бурь, разумный самодержецъ,

Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ.
 Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ:
 Твори добро — не скажетъ онъ спасибо;
 Грабь и казни — тебѣ не будетъ хуже. ³

(Входитъ бояринъ.)

Что?

Бояринъ.

Привели гостей иноплеменныхъ.

Царь.

Иду принять; Басмановъ, погоди,
 Останься здѣсь: съ тобой еще мнѣ нужно
 Поговорить.

(Уходитъ.)

Басмановъ.

Высокій духъ державный
 Дай Богъ ему съ Отрепьевымъ проклятымъ
 Управиться, — и много, много онъ
 Еще добра въ Россіи сотворить.
 Мысль важная въ умъ его родилась;
 Не надобно ей дать остыть. Какое
 Мнѣ поприще откроется, когда
 Онъ сломитъ рогъ боярству родовому!
 Соперниковъ во брани я не знаю;
 У царскаго престола стану первый,
 И, можетъ быть... Но что за чудный шумъ?

(Тревога, Бояре, придворные служители въ безпорядкѣ
 бѣгутъ, встрѣчаются и шепчутся.)

Одинъ.

За лѣкаремъ!

Другой.

Скорѣе къ патріарху!

Третій.

Царевича, царевича зоветь!

Четвертый.

Духовника!

Басмановъ.

Что сдѣлалось такое?

Пятый и шестой.

Царь занемогъ, царь умираетъ.

Басмановъ.

Боже!

Пятый.

На тронѣ онъ сидѣлъ и вдругъ упалъ;
Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей...

(Царя выносятъ на стулъ; все царское семейство; всѣ бояре.)

Царь.

Подите всѣ — оставьте одного
Царевича со мною. (Всѣ удаляются.) Умираю;
Обнимемъ. Прощай, мой сынъ: сейчасъ
Ты царствовать начнешь... о, Боже, Боже!
Сейчасъ явлюсь передъ Тобой — и душу
Мнѣ некогда очистить покаяньемъ!
Но чувствую — мой сынъ, ты мнѣ дороже
Душевнаго спасенья... Такъ и быть!
Я подданнымъ рожденъ, и умереть
Мнѣ подданнымъ во мракѣ бѣ надлежало;
Но я достигъ верховной власти — чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
А я за все ⁴ одинъ отвѣчу Богу.
О милый сынъ, не обольщайся ⁵ ложно,
Не ослѣпляй себя ты добровольно:
Въ дни бурные державу ты приемишь;
Опасенъ онъ, сей чудный самозванецъ:

Онъ именемъ ужаснымъ ополчень.
Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
Могъ удержать смятенье и мятежь;
Передо мной они дрожали въ страхъ;
Возвысить гласъ измѣна не дерзала;
Но ты, молодой, неопытный властитель, —
Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушить мятежь, опутывать измѣну?
Но Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу... Слушай:
Совѣтника, во-первыхъ, избери
Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
Любимаго народомъ, а въ боярахъ
Почтеннаго породой или славой, —
Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
Искусный вождь: Басманова пошли
И съ твердостью снеси боярскій ропоть.
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ думѣ,
Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
Не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка —
Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
Возстановить опалы, казни, — можешь
Ихъ отмѣнить; тебя благословяты,
Какъ твоего благословляли дядю,
Когда престоль онъ Грознаго пріялъ.
Современемъ и понемногу снова
Затягивай державныя бразды;
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская.
Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай.
Со строгостью храни уставъ церковный.
Будь молчаливъ: не долженъ царскій голосъ
На воздухъ теряться по пустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.
О, милый сынъ! ⁶ Ты входишь въ тѣ лѣта,
Когда намъ кровь волнуется женскій ликъ;

Храни, храни святую чистоту
 Невинности и гордую стыдливость:
 Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
 Въ молодые дни привыкнулъ утопать,
 Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
 И умъ его безвременно темнѣеть.
 Въ семьѣ своей будь всегда главой;
 Мать почитай, но властвуй самъ собою:
 Ты мужъ и царь; люби свою сестру, —
 Ты ей одинъ хранитель остаешься.

Феодоръ (на колѣнахъ).

Нѣтъ, нѣтъ — живи и царствуй долговѣчно:
 Народъ и мы погибли безъ тебя.

Царь.

Все кончено — глаза мои темнѣютъ,
 Я чувствую могильный хладъ...

(Входятъ патріархъ, святители; за ними всѣ бояре.
 Царицу ведутъ подъ руки; царевна рыдаетъ).

Кто тамъ?

А! схима... такъ! ? Святое постриженье...
 Ударилъ часъ! Въ монахи царь идетъ —
 И темный гробъ моею будетъ кельей...
 Повремени, владыко патріархъ,
 Я царь еще: внемлите вы, бояре —
 Се тотъ, кому приказываю царство;
 Цѣлуйте крестъ Феодору... Басмановъ,
 Друзья мои... при гробѣ васъ молю
 Ему служить усердіемъ и правдой!
 Онъ такъ еще и младъ, и непороченъ.
 Клянетесь ли?

Бояре.

Клянемся.

Царь.

Я доволенъ.

Простите-жь мнѣ соблазны и грѣхи
И вольныя, и тайныя обиды...

Святой отецъ, приближься: я готовъ.

(Начинается обрядъ постриженія. Женщинъ въ обмо-
рокъ выносить.)

XXII.

Ставка.

Басмановъ вводитъ Пушкина.

Басмановъ.

Войди сюда и говори свободно.
Итакъ, тебя ко мнѣ онъ посылаетъ?

Пушкинъ.

Тебѣ свою онъ дружбу предлагаетъ ¹
И первый санъ по немъ въ московскомъ царствѣ.

Басмановъ.

Но я и такъ Феодоромъ высоко
Ужь вознесенъ: начальствую надъ войскомъ;
Онъ для меня презрѣлъ и чинъ разрядный,
И гнѣвъ бояръ. Я присягалъ ему.

Пушкинъ.

Ты присягалъ наслѣднику престола
Законному; но если живъ другой,
Законнѣйшій?..

Басмановъ.

Послушай, Пушкинъ, полно;
Пустого мнѣ не говори! Я знаю,
Кто онъ такой.

Пушкинъ.

Россія и Литва

Димитріемъ давно его признали;
 Но, впрочемъ, я за это не стою.
 Быть можетъ, онъ Димитрій настоящій,
 Быть можетъ, онъ и самозванецъ; только
 Я вѣдаю, что рано или поздно
 Ему Москву ² уступить сынъ Борисовъ.

Басмановъ.

Пока стою за юнаго царя,
 Дотолѣ онъ престола не оставитъ; ³
 Полковъ у насъ довольно, слава Богу!
 Побѣдою я ихъ одушевлею;
 А вы кого противъ меня пошлете,
 Не казака-ль Карелу? али Мнишка?
 Да много-ль васъ? всего-то восемь тысячъ!

Пушкинъ.

Ошибся ты: и тѣхъ не наберешь.
 Я самъ скажу, что войско наше дрянъ,
 Что казаки лишъ только села грабятъ,
 Что поляки лишъ хвастаютъ, да пьютъ,
 А русскіе... да что и говорить?
 Передъ тобой не стану я лукавить;
 Но знаешь ли, чѣмъ сильны мы, Басмановъ?
 Не войскомъ, нѣтъ, не польскою помощью,
 А мнѣніемъ — да, мнѣніемъ народнымъ.
 Димитрія ты помнишь торжество
 И мирныя его завоеванья,
 Когда вездѣ безъ выстрѣла ему
 Послушные сдавались города,
 А воеводъ упрямыхъ чернь вязала?
 Ты видѣлъ самъ: охотно-ль ваши рати
 Сражались съ нимъ? Когда же? При Борисѣ!
 А нынче-ль?.. Нѣтъ, Басмановъ, поздно спорить
 И раздувать холодный пепель брани:
 Со всѣмъ твоимъ умомъ и твердой волей
 Не устоишь; не лучше ли тебѣ

Дать первому примѣръ благородный,
 Димитрія царемъ провозгласить
 И тѣмъ ему навѣки услужить?
 Какъ думаешь?

Басмановъ.

Узнаете вы завтра.

Пушкинъ.

Рѣшишь.

Басмановъ.

Прощай!

Пушкинъ.

Подумай же, Басмановъ. (Уходитъ.)

Басмановъ.

Онъ правъ, онъ правъ: вездѣ измѣна зрѣтъ.
 Что дѣлать мнѣ? Ужели буду ждать,
 Чтобъ и меня бунтовщики связали
 И выдали Отрепьеву? Не лучше-ль
 Предупредить разрывъ потока бурный,
 И самому... Но измѣнить присягѣ!
 Но заслужить безчестье въ родъ и родъ!
 Довѣренность младого вѣнценосца
 Предательствомъ ужаснымъ заплатить!..⁴
 Опальному изгнаннику легко
 Обдумывать мятежъ и заговоръ,
 Но мнѣ-ли, мнѣ-ль, любимцу государя ..
 Но смерть... но власть... но бѣдствія народны..
 (Задумывается.)
 Сюда! Кто тамъ? (Свидѣтъ.) Коня! Трубите сборъ!

XXIII.

Лобное мѣсто.

Пушкинъ идетъ, окруженный народомъ.

Народъ.

Царевичъ намъ боярина послалъ.
Послушаемъ, что скажетъ намъ бояринъ.
Сюда! сюда!

Пушкинъ (на амвонѣ).

Московскіе граждане,
Вамъ кланяться царевичъ приказалъ. (Кланяется.)
Вы знаете, какъ промысль небесный
Царевича отъ рукъ убійцы спасъ;
Онъ шель казнить злодѣя своего,
Но Божій судъ ужъ поразилъ Бориса.
Димитрію Россія покорилась;
Басмановъ самъ съ раскаяньемъ усерднымъ
Свои полки привелъ ему къ присягѣ;
Димитрій къ вамъ идетъ съ любовью, съ миромъ. ¹
Въ угоду ли семейству Годуновыхъ
Подымете вы руку на царя
Законнаго, на внука Мономаха?

Народъ.

Вѣстимо, нѣтъ. ²

Пушкинъ.

Московскіе граждане!
Міръ вѣдаетъ, сколь много мы терпѣли
Подъ властію жестокаго пришельца:
Опалу, казнь, безчестіе, налоги,
И трудъ, и гладъ, — все испытали вы.
Димитрій же васъ жаловать намѣренъ,
Бояръ, дворянъ, людей приказныхъ, ратныхъ,

Гостей, купцовъ — и весь честной народъ.
 Вы-ль станете упрямится безумно
 И милостей кичливо убѣгать?
 Но онъ идетъ на царственный престолъ
 Своихъ отцовъ въ сопровожденьи грозномъ, —
 Не гнѣвайте-жь царя и бойтесь Бога,
 Цѣлуйте крестъ законному владыкѣ;
 Смиритесь; немедленно пошлите
 Къ Димитрію во станъ митрополита,
 Бояръ, дьяковъ и выборныхъ людей,
 Да бьютъ челомъ отцу и государю.

(Сходить. Шумъ народный.)

Народъ.

Что толковать? Бояринъ правду молвилъ.
 Да здравствуетъ Димитрій, нашъ отецъ!

Мужикъ на амвонѣ.

Народъ! Народъ! Въ Кремль! Въ царскія палаты!
 Ступай вязать Борисова щенка!

Народъ (несется толпою.)

Вязать! Топить! ³ Да здравствуетъ Димитрій!
 Да гибнетъ родъ Бориса Годунова!

XXIV.

Кремль. Домъ Борисовъ. Стража
 у крыльца.

Феодоръ подѣ окномъ.

Нищій.

Дайте милостыню Христа ради!

Стража.

Поди прочь; не велѣно говорить съ заключенными.

Феодоръ.

Поди, старикъ, я бѣднѣе тебя: ты на волѣ.

(Ксенія подъ покрываломъ подходитъ также къ окну.)

Одинъ изъ народа.

Братъ да сестра — бѣдныя дѣтки, что пташки въ клѣткѣ.

Другой.

Есть о комъ жалѣть? Проклятое племя!

Первый.

Отецъ былъ злодѣй, а дѣтки невинны.

Другой.

Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ.

Ксенія.

Братецъ! братецъ! Кажется, къ намъ бояре идутъ.

Феодоръ.

Это Голицынъ, Мосальскій. Другіе мнѣ незнакомы.

Ксенія.

Ахъ, братецъ, сердце замираетъ...

(Голицынъ, Мосальскій, Молчановъ и Шеферединовъ: за ними трое стрѣльцовъ.)

Народъ.

Разступитесь, разступитесь: бояре идутъ.

(Они входятъ въ домъ.)

Одинъ изъ народа.

Зачѣмъ они пришли?

Другой.

А вѣрно — приводитъ къ присягѣ Феодора Годунова.

Третій.

Въ самомъ дѣлѣ. Слышишь, какой въ домѣ шумъ!..
Тревога!.. Дерутся!

Народъ.

Слышишь? Визгъ! Это женскій голосъ... Взойдемъ... Двери заперты — крики замолкли... ¹

(Отворяются двери. Мосальскій является на крыльцѣ.)

Мосальскій.

Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Теодоръ отравили себя ядомъ. Мы видѣли ихъ мертвые трупы. (Народъ въ ужасъ молчитъ). Что-жь вы молчите? Кричите: да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!

Народъ.

Да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ! ²

Конецъ комедіи, въ ней же первая персона царь Борисъ Годуновъ. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Аминь.

7 ноября 1825.

Пропущенная сцена изъ Бориса Годунова.

Ограда монастырская.

Григорій и Злой чернецъ.

Григорій.

Что за скука, что за горе наше бѣдное житье!
День приходитъ, день проходитъ — видно, слышно
все одно:

Только видишь черны рясы, только слышишь колоколь.
Днемъ, зѣвая, бродишь, бродишь, дѣлать нечего —
соснешь;

Ночью долгою до свѣта все не спится чернецу.
Сномъ забудешься, — такъ душу грезы черныя мутятъ;
Радъ, что въ колоколь ударятъ, что разбудятъ ко-
стылемъ...

Нѣтъ, не вытерплю! Нѣтъ мочи. Черезъ ограду, да
бѣгомъ!

Міръ великъ: мнѣ путь-дорога на четыре стороны,
Поминай, какъ звали.

Чернецъ.

Правда — ваше горькое житье,
Вы разгульные, лихіе, молодые чернецы!

Григорій.

Хоть бы ханъ опять нагрянулъ, хоть Литва бы под-
нялась!

Такъ и быть, пошелъ бы съ ними перевѣдаться
мечемъ!

Что, когда бы нашъ царевичъ изъ могилы вдругъ
воскресъ

И вскричалъ: „А гдѣ вы, дѣти, слуги вѣрные мои?“
„Вы подите на Бориса, на злодѣя моего,
„Изловите супостата, приведите мнѣ его!“

Чернецъ.

Полно, не болтай пустого. Мертвыхъ намъ не вос-
кресить.

Нѣтъ, царевичу иное, видно, было суждено...
Но послушай: если дѣло затѣвать, такъ затѣвать...

Григорій.

Что такое?

Чернецъ.

Если бъ я былъ такъ же молодъ, какъ
и ты,

Если бъ усь не пробивала ужъ лихая сѣдина...
Понимаешь?

Григорій.

Нѣтъ, нисколько.

Чернецъ.

Слушай. Глупый
нашъ народъ

Легковѣренъ, радъ дивиться чудесамъ и новизнѣ,
А бояре въ Годуновѣ помнятъ равнаго себѣ.

Племя древняго варяга и теперь любезно всѣмъ.

Ты царевичу ровесникъ... Если ты хитеръ и твердъ...
Понимаешь?

Григорій.

Понимаю.

Чернецъ.

Что же скажешь?

Григорій.

Рѣшено.

Я Димитрій, я царевичъ!

Чернецъ.

Дай мнѣ руку: будешь
царь!

Х.

Графъ Нулинъ.

1825.

Относительно происхожденія этой поэмы въ рукописяхъ Пушкина сохранилась слѣдующая замѣтка:

„Въ концѣ 1825 года находился я въ деревнѣ и, перечитывая Лукрецію, довольно слабую поэму Шекспира, подумалъ: что, если бѣ Лукреціи пришла въ голову мысль дать пощечину Тарквинію? Быть можетъ, это охладило бѣ его предприимчивость, и онѣ со стыдомъ принужденъ былъ бы отступить. Лукреція бы не зарѣзалась, Публикола *) не взбѣсился бы — и мѣръ, и исторія міра были бы не тѣ. Мысль пародировать исторію и Шекспира мнѣ представилась; я не могъ воспротивиться двойному искушенію и въ два утра написалъ эту повѣсть“.

Въ февралѣ 1827 г. Пушкинѣ представилъ Бенкендорфу черезъ барона Дельвига: „Разговоръ Татьяны съ няней“, „Къ К ****“ (А. П. Кернѣ) и „19-е октября“, а въ іюнѣ самъ доставилъ: „Ангелъ“, „Стансы“, III-ью гл. „Онѣгина“, „Гр. Нулинъ“, „Фаустъ и Мефистофель“ и „Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ“. Гр. Бенкендорфѣ замѣтилъ поэту, что онѣ не долженъ избирать посредника въ сношеніяхъ, основанныхъ на высочайшемъ повелѣніи, и сообщилъ, что государъ изволилъ читать стихотворенія его съ особеннымъ вниманіемъ, а „Графа Нулина“ съ большимъ удовольствіемъ, и что прелестная пьеса эта дозволяется къ печатанію. Впрочемъ, указано было на два стиха, которые государъ желалъ видѣть измененными, именно: „Порою съ баринѣмъ шалить“ и „Коснуться хочеть одѣяла“. Указанные стихи были замѣнены другими: „Порою барина смѣшить“ и „Уже руки ея коснулся, но тутъ опомнилась она“ и т. д.

Отрывокъ изъ поэмы былъ напечатанъ въ „Моск. Вѣстникѣ“ 1827, № 2; затѣмъ вся поэма появилась въ „Сѣв.

*) Въ „Лукреціи“ Публикола не упоминается; въ изложеніи Тарквинія онѣ не игралъ никакой роли. Пушкинѣ, видимо, смѣшалъ Публиколу съ мужемъ Лукреціи, Коллатиномъ, который устроилъ заговоръ съ цѣлью обратить Римъ въ республику.

Цвѣтахъ“ на 1828 годъ, и оттуда оттиснута отдѣльной брошюрой; въ томъ же году она была вновь напечатана вмѣстѣ съ поэмой Баратынскаго „Балъ“ и, наконецъ, вошла въ изданіе „Поэмъ и повѣстей“ 1835 г., ч. II.

Критическія статьи и рецензіи о ней: „Сѣв. Пч.“ 1828, № 4 и 150; „Моск. Телегр.“ 1828, № 12; „Сынъ Отеч.“ 1829, № 5 и 12; „Атеней“ 1829, № 1; „Бабочка“, № 6. Особенно рѣзко отозвался о Нулинѣ Н. И. Надеждинъ: въ статьѣ „Сонмище нигилистовъ“ („В. Евр.“ 1829, № 1 и 2); онъ говоритъ, напр.: „Нашъ литературный хаосъ, осѣменяемый мрачною философіею ничтожества, разрождается Нулиными. Множить ли, дѣлать ли нули на нули, — они всегда остаются нулями“. Въ разборѣ поэмы (вмѣстѣ съ поэмой Баратынскаго „Балъ“, „В. Евр.“ 1829, № 2 и 3) онъ говоритъ: „Графъ Нулинъ есть нуль во всей маэематической полногѣ значенія его слова... Графъ Нулинъ проглотилъ пощечину Натальи Павловны; геній поэта переварилъ ее съ творческимъ одушевленіемъ и... разрѣшился Нулинымъ“, и т. д.

Изданіе Графа Нулина вмѣстѣ съ „Баломъ“ Баратынскаго вызвало слѣдующую эпиграмму въ Дамскомъ Журналѣ 1829, кн. 4, стр. 56:

А в т о р ы.

Два друга, сообщась, двѣ повѣсти издали,
Точили балы въ нихъ и все нули писали;
Но слава добрая объ авторахъ прошла,
И книжка вдругъ раскуплена была.
Ахъ, часто вздоръ плетутъ извѣстныя намъ лица,
И часто къ ихъ нулямъ мы ставимъ единицы.

По поводу толковъ критики о Нулинѣ въ бумагахъ Пушкина остались слѣдующія замѣтки:

Въ „Вѣстникѣ Европы“ *) съ негодованіемъ говорили о сравненіи Нулина съ котомъ, цапцарапствующимъ кошку (забавный глаголъ: цапцарапствую, цапцарапствуешь, цапцарапствуешь). Правда, во всемъ Графъ Нулинъ этого сравненія не находится, такъ же, какъ и глагола цапцарапствую; но хоть бы и было, что за бѣда?

*) Статья Надеждина, 1829, ч. 63, № 2, стр. 151 - 170.

Графъ Нулинъ надѣлалъ мнѣ большихъ хлопотъ. Нашли его безнравственнымъ, — разумѣется, въ журналахъ (въ свѣтъ приняли его благосклонно), и никто изъ журналистовъ не захотѣлъ за него вступиться. Молодой чело-вѣкъ ночью осмѣлился войти въ спальню молодой женщины и получилъ пощечину. Какой ужасъ! Какъ смѣть писать такія отвратительныя гадости? Авторъ спрашивалъ, чѣмъ бы на мѣстѣ Натальи Павловны сдѣлали петербургскія дамы? Какая дерзость!

Кстати о моей бѣдной сказкѣ (писанной, будь сказано мимоходомъ, самымъ трезвымъ и благопристойнымъ образомъ): подняли противъ меня всю классическую древность и всю европейскую литературу! Вѣрю стыдливости моихъ критиковъ; вѣрю, что графъ Нулинъ точно кажется имъ предосудительнымъ. Но какъ же упоминать о древнихъ, когда дѣло идетъ о благопристойности? И ужели творцы шуточныхъ повѣстей: Аріостъ, Боккаччіо, Лафонтенъ, Касти, Спенсеръ, Чаусеръ, Виландъ, Байронъ извѣстны имъ по однимъ лишь именамъ? Ужели, по крайней мѣрѣ, не читали они Богдановича и Дмитріева? Какой несчастный педантъ осмѣлится укорить Душеньку въ безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дуракъ станетъ важно осуждать Модную жену, сей прелестный образецъ легкаго и шутливаго разсказа? А эротическія стихотворенія Державина? Но, отстранивъ неравенство поэтическаго достоинства, Графъ Нулинъ долженъ имъ уступить и въ вольности, и въ живости шутокъ.

Эти гг. критики нашли странный способъ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворенія. У одного изъ нихъ есть 15-лѣтняя племянница, у другого 15-лѣтняя знакомая, и все, что по благоусмотрѣнію родителей не дозволяется имъ читать, провозглашено неприличнымъ, безнравственнымъ, похабнымъ! Какъ будто литература и существуетъ только для 16-лѣтнихъ дѣвушекъ! Благоразумный наставникъ, вѣроятно, не дастъ въ руки ни имъ, ни даже ихъ братцамъ ни единого изъ полныхъ сочиненій классическаго поэта, особенно древняго; на то издаются хрестоматіи, выбранныя мѣста и т. п.; но публика не 15-лѣтняя дѣвица и не 13-лѣтній мальчикъ. Она, слава Богу, можетъ себѣ прочесть безъ опасенія сказки добраго Лафонтена и эклогу добраго Виргилія, и все, что про себя читаютъ сами

гг. критики, если критики наши что нибудь читаютъ, кромѣ корректурныхъ листовъ своихъ журналовъ.

Всѣ эти господа, столь щекотливые насчетъ благопристойности, напоминаютъ стыдливость Тартюфа, накидывающаго платокъ на открытую грудь Дорины, и заслуживаютъ забавное возраженіе горничной:

Vous êtes donc bien tendre à la tentation
 Et la chair sur vos sens fait grande impression!
 Certes, je ne sais pas quelle chaleur vous monte;
 Mais à convoiter, moi, je ne suis point si prompte,
 Et je vous verrais nu, du haut jusques en bas,
 Que toute votre peau ne me tenterait pas.

(Tartufe, acte III, scène 2).

Безнравственное сочиненіе есть то, коего цѣлю или дѣйствиємъ бываетъ потрясеніе правилъ, на коихъ основано общественное счастье или достоинство человѣческое. Стихотворенія, коихъ цѣль горячить воображеніе любово-страстными описаніями, унижаютъ поэзію, превращая ея божественный нектаръ въ воспалительный составъ. Но шутка, вдохновенная сердечною веселостію и минутною игрою воображенія, можетъ показаться безнравственною только тѣмъ, которые о нравственности имѣютъ дѣтское или темное понятіе, смѣшивая ее съ нравоученіемъ, и видятъ въ литературѣ одно педагогическое занятіе.

Мы такъ привыкли читать ребяческія критики, что онѣ даже насъ и не смѣшатъ. Сравнивая Шекспира съ Байрономъ, недавно одинъ изъ нашихъ критиковъ считалъ по пальцамъ: гдѣ болѣе мертвыхъ? Но что сказали бы мы, прочитавъ, напримѣръ, слѣдующій разборъ Федры, еслибъ, къ несчастію, написалъ ее русскій и въ наше время? Извольте: „Нѣтъ ничего отвратительнѣе предмета, избраннаго г-мъ сочинителемъ: женщина замужня, мать семейства, влюблена въ молодого олуха, побочнаго сына ея мужа (!!!). Какое неприличіе! Она не стыдится въ глаза ему признаваться въ развратной страсти своей (!!!). Сего не довольно: сія фурія, употребляя во зло глупую легковѣрность супруга своего, возноситъ на невиннаго Ипполита гнусную небывальщину, которую, изъ уваженія къ нашимъ читательницамъ, не смѣемъ объяснить (!!!). Злой старичишка, не входя въ обстоятельства, не разобравъ дѣла, прокликаетъ своего соб-

ственнаго сына (!!!), послѣ чего Ипполита разбиваютъ лошади (!!!); Федра отравливается; ея гнусная наперсница утопляется—и только. Вотъ что пишутъ, не краснѣя, писатели, которые, и проч. (тутъ личности и ругательства). Вотъ, до какого разврата дошла у насъ литература, кровожадная, развратная вѣдьма съ прыщиками на лицѣ! Шлюсь на со-вѣсть самихъ критиковъ!“ *).

Но должно ли и можно ли серьезно отвѣчать на таковыя критики, хотя-бъ онѣ были писаны и по-латыни? Не такъ ли, хотя и болѣе кудрявымъ слогомъ, разбираютъ онѣ каждый день сочиненія, конечно, не равныя достоинствомъ произведеніяиъ Расина, но вѣрно ничуть не предосудительнѣе оныхъ въ нравственномъ отношеніи? А пріятели называютъ этотъ вздоръ глубокомысліемъ.

Еслибъ Недоросль, сей единственный памятникъ народной сатиры, явился въ наше время, то въ нашихъ журналахъ, посмѣясь надъ правописаніемъ Фонвизина, съ ужасомъ замѣтили бы, что Простакова бранить Палашку канальей и собачьей дочерью, а себя сравниваетъ съ сукою (!!). „Что скажутъ дамы“, воскликнулъ бы критикъ: „Вѣдь эта комедія можетъ попасться дамамъ!“ Въ самомъ дѣлѣ странно. Что за нѣжный и разборчивый языкъ должны употреблять господа сии съ дамами! Гдѣ бы, какъ бы послушать? А дамы наши (Богъ имъ судья) ихъ и не слушаютъ, и не читаютъ, а читаютъ этого грубаго В.-Скотта, который никакъ не умѣетъ замѣнить просторѣчіе просто-мысліемъ.

Отчего происходитъ это мѣщанское, отвратительное жеманство, эта чопорность деревенской дьячихи, пришедшей въ гости къ петербургской барынѣ, засѣдательницы въ гостяхъ у пріѣзжей горожанки?

Оттого, что нашимъ литераторамъ хочется доказать, что они принадлежатъ высшему обществу (high life), что имъ извѣстны его законы; не лучше ли было бы имъ постараться по своему тону и поведенію принадлежать къ хорошему обществу (bonne société)?

Но не смѣшно ли имъ судить о томъ, что принято или

*) Въ разборѣ Гр. Нулина, въ „Вѣстн. Евр.“ 1829 г. № 3, Надеждинъ писалъ: „это суть прыщики на лицѣ вдовствующей нашей литературы; они и красны, и пухлы, и зрѣлы, но... Che chi ha i duo occhi le veda“.

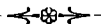
не принято въ свѣтѣ, что могутъ, чего не могутъ читать наши дамы, какое выраженіе принадлежитъ гостиной (или будуару, какъ говорятъ эти господа)? Не забавно ли видѣть ихъ опекунами высшаго общества, куда, вѣроятно-имъ и некогда, и вовсе не нужно являться? Не странно ли въ ученыхъ изданіяхъ встрѣчать важныя разсужденія объ отвратительной безнравственности такого-то выраженія и ссылки на паркетныхъ дамъ? Не совѣстно ли въ душѣ видѣть почтенныхъ профессоровъ, краснѣющихъ отъ свѣтской шутки? Почему имъ знать, что вычурное жеманство и напыщенность нестерпимы, еще болѣе выказываютъ мелкое общество, чѣмъ простонародность (*vulgarité*), и что оно-то именно и обличаетъ свѣтъ? Почему имъ знать, что откровенныя, оригинальныя выраженія простолюдиновъ повторяются и въ высшемъ обществѣ, не оскорбляя слуха, между тѣмъ какъ чопорные обиняки провинціальной вѣжливости возбудили бы общую невольную улыбку? Хорошее общество можетъ существовать и не въ одномъ кругу, а вездѣ, гдѣ есть люди честные, умные и образованные.

Эта охота выдавать себя за членовъ высшаго общества вводила иногда нашихъ журналистовъ въ забавныя промахи. Одинъ изъ нихъ думалъ, что невозможно говорить при дамахъ о блохахъ, и далъ строгій за то выговоръ — кому же? — одному изъ молодыхъ блестящихъ царедворцевъ. Въ одномъ журналѣ сильно напали на неблагопристойность поэмы, гдѣ сказано, что молодой чело-вѣкъ осмѣлился войти ночью къ спящей красавицѣ; и между тѣмъ, какъ стыдливый рецензентъ разбиралъ ее, какъ самую вольную сказку Боккаччіо или Лафонтена, всѣ петербургскія дамы читали ее и знали цѣлыя отрывки наизусть. Недавно одинъ историческій романъ обратилъ на себя вниманіе всеобщее и отвлекъ на нѣсколько дней всѣхъ нашихъ дамъ отъ *fashionable tales* и историческихъ записокъ. Что же? Газета *) важно дала замѣтить автору, что въ простонародныхъ сценахъ находятся слова ужасныя: сукинъ сынъ. Возможно ли? Что скажутъ дамы, если, паче чаянья, взоръ ихъ упадетъ на это неслыханное выраженіе? Что бы онѣ сказали Фонвизину, который императрицѣ Екатеринѣ читалъ

*) „Сѣверн. Пчела“, въ разборѣ „Юрія Милославскаго“, 1830 г.
№ 7 - 9.

своего „Недоросля“, гдѣ на каждой страницѣ эта невѣжественная Простакова бранитъ Еремѣевну собачьей дочерью? Что сказали бы нынѣшніе блюстители нравственности и о чтеніи Душеньки, и объ успѣхѣ сего прелестнаго произведенія? Что думаютъ они о шутивыхъ одахъ Державина, о прелестныхъ сказкахъ Дмитріева? Модная жена не столь же безнравственна, какъ и Графъ Нулинъ?”

Черновая рукопись Нулина принадлежитъ А. Ѡ. Онѣгину, который напечаталъ по ней въ „Вѣстн. Евр.“ 1887, № 2, стр. 882 - 887, варианты и новые стихи, приводимые нами въ примѣчаніяхъ. Въ этой рукописи поэма названа „Новый Тарквиній“ и помѣчена 13 декабря 1825 г.

Пора, пора! Рога трубятъ;
Псаря въ охотничьихъ уборахъ
Чѣмъ свѣтъ ужъ на коняхъ сидятъ;
Борзья прыгаютъ на сворахъ.
Выходитъ баринъ на крыльцо,
Все, подбочась, обзрѣваетъ;
Его довольное лицо
Пріятной важностью сіяетъ.
Чекмень затянутый на немъ,
Турецкій ножъ за кушакомъ,
За пазухой во фляжкѣ ромъ,
И рогъ на бронзовой цѣпочкѣ.
Въ ночномъ чепцѣ, въ одномъ платочкѣ,
Глазами сонными жена
Сердито смотритъ изъ окна
На сборъ, на псарню тревогу.
Вотъ, мужу подвели коня;
Онъ холку хватъ и въ стремя ногу,
Кричитъ женѣ: „Не жди меня!“
И выѣзжаетъ на дорогу.

Въ послѣднихъ числахъ сентября
(Презрѣнной прозой говоря)
Въ деревнѣ скучно, грязь, ненастье,
Осенній вѣтеръ, мелкій снѣгъ,
Да вой волковъ. Но то-то счастье
Охотнику! Не зная нѣгъ,
Въ отѣзжемъ полѣ онъ гарцуетъ,
Вездѣ находитъ свой ночлегъ,
Бранится, мокнетъ и пируетъ
Опустошительный набѣгъ...

А что же дѣлаетъ супруга,
Одна, въ отсутствіи супруга?
Занятій мало ль есть у ней?
Грибы солить, кормить гусей,
Заказывать обѣдъ и ужинъ,
Въ амбаръ и въ погребъ заглянуть.
Хозяйки глазъ повсюду нуженъ:
Онъ вмигъ замѣтитъ что-нибудь.

Къ несчастью, героиня наша
(Ахъ, я забылъ ей имя дать!
Мужъ просто звалъ ее Наташа,
Но мы — мы будемъ называть
Наталья Павловна), къ несчастью,
Наталья Павловна совсѣмъ
Своей хозяйственною частью
Не занималась, затѣмъ,
Что не въ отеческомъ законѣ
Она воспитана была,
А въ благородномъ пансіонѣ
У эмигрантки Фалбала. ¹

Она сидитъ передъ окномъ;
Предъ ней открытъ четвертый томъ
Сентиментальнаго романа:
„Любовь Элизы и Армана
Иль переписка двухъ семей“ —
Романъ классическій, старинный,
Отмѣнно длинный, длинный, длинный,
Нравоучительный и чинный,
Безъ романтическихъ затѣй. ²

Наталья Павловна сначала
Его внимательно читала,
Но скоро какъ-то развлеклась
Передъ окномъ возникшей дракой
Козла съ дворовою собакой,
И ею тихо занялась.

Кругомъ мальчишки хохотали;
 Межь тѣмъ печально подъ окномъ
 Индѣйки съ крикомъ выступали
 Вослѣдъ за мокрымъ пѣтухомъ;
 Три утки полоскались въ лужѣ;
 Шла баба черезъ грязный дворъ
 Бѣлье повѣсить на заборъ;
 Погода становилась хуже:
 Казалось, снѣгъ идти хотѣлъ...
 Вдругъ колокольчикъ зазвенѣлъ.

Кто долго жилъ въ глуши печальной,
 Друзья, тотъ вѣрно знаетъ самъ,
 Какъ сильно колокольчикъ дальный
 Порой волнуеть сердце намъ.
 Не другъ ли ѣдетъ запоздалый,
 Товарищъ юности удалой?..
 Ужь не она ли?.. Боже мой!
 Вотъ ближе, ближе. Сердце бьется.
 Но мимо, мимо звукъ несется,³
 Слабѣй... и смолкнулъ за горой.

Наталья Павловна къ балкону
 Бѣжить, обрадована звону,
 Смотритъ и видитъ: за рѣкой,
 У мельницы коляска скачетъ,
 Вотъ, на мосту — къ намъ, точно... нѣтъ,
 Поворотила влѣво. Вслѣдъ
 Она глядитъ и чуть не плачетъ.
 Но вдругъ... о, радость! Косогоръ —
 Коляска на бокъ. „Филька! Васька!
 „Кто тамъ? Скорѣй! Вонъ тамъ коляска:
 „Сейчасъ везти ее на дворъ
 „И барина просить обѣдать;
 „Да живъ ли онъ?.. Бѣги провѣдать;
 „Скорѣй, скорѣй!“

Слуга бѣжить.

Наталья Павловна спѣшить
 Взбить пышный локонъ, шаль накинуть,
 Задернуть завѣсъ, стулъ подвинуть,
 И ждетъ: да скоро ль, мой Творецъ!
 Вотъ ѣдутъ, ѣдутъ, наконецъ.
 Забрызганный въ дорогѣ дальной,
 Опасно раненый, печальный
 Кой-какъ тащится экипажъ;
 Вслѣдъ баринъ молодой хромаетъ.
 Слуга-французъ не унываетъ
 И говорить: „allons, courage!“ ⁴
 Вотъ, у крыльца; вотъ, въ сѣни входятъ.
 Покамѣстъ барину теперь
 Покой особенный отводятъ
 И настезь отворяютъ дверь,
 Пока Ricard шумить, хлопочетъ,
 И баринъ одѣваться хочетъ, ⁵
 Сказать ли вамъ, кто онъ таковъ?
 Графъ Нулинъ; изъ чужихъ краевъ,
 Гдѣ промоталъ онъ въ вихрѣ моды
 Свои грядущіе доходы,
 Себя казать, какъ чудный звѣрь,
 Въ Петрополь ѣдетъ онъ теперь
 Съ запасомъ фраковъ и жилетовъ, ⁶
 Шляпъ, вѣровъ, плащей, корсетовъ,
 Булавокъ, запонокъ, лорнетовъ,
 Цвѣтныхъ платковъ, чулковъ à joug,
 Съ ужасной книжкою Гизота,
 Съ тетрадью злыхъ карикатуръ,
 Съ романомъ новымъ Вальтеръ-Скотта,
 Съ bons mots парижскаго двора,
 Съ послѣдней пѣсней Беранжера,
 Съ мотивами Россини, Пера,
 Et cetera, et cetera.

Ужь столъ накрыть; давно пора;
 Хозяйка ждетъ нетерпѣливо;

Дверь отворилась, входитъ графъ;
 Наталья Павловна, привставъ,
 Освѣдомляется учтиво,
 Каковъ онъ? Что нога его?
 Графъ отвѣчаетъ: „Ничего!“
 Идутъ за столъ; вотъ, онъ садится,
 Къ ней подвигаетъ свой приборъ
 И начинаетъ разговоръ:
 Святую Русь бранить, дивится,
 Какъ можно жить въ ея снѣгахъ,
 Жалѣеть о Парижѣ страхъ.
 „А что театръ?“ — О, сиротѣть!
 C'est bien mauvais, ça fait pitié.
 Тальма совсѣмъ оглохъ, слабѣть,
 И мамзель Марсъ, увы! старѣть.
 За то Потье, le grand Potier!
 Онъ славу прежнюю въ народѣ
 Ей Богу, поддержалъ одинъ.⁷
 „Какой писатель нынче въ модѣ?“
 — Все d'Arincourt и Ламартинъ.
 „У насъ имъ также подражаютъ.“
 — Нѣтъ! Право? Такъ у насъ умы
 Ужъ развиваться начинаютъ?
 Дай Богъ, чтобъ просвѣтились мы!
 „Какъ тальи носятъ?“ — Очень низко,
 Почти до... вотъ по этимъ поръ.
 Позвольте видѣть вашъ уборъ;⁸
 Такъ... рюши, банты, здѣсь узоръ;
 Все это къ модѣ очень близко.
 „Мы получаемъ Телеграфъ.“
 — Ага!.. Хотите ли послушать
 Прелестный водевиль? — И графъ
 Поеть. „Да, графъ, извольте жь кушать.“
 — Я сытъ и такъ...

Изъ за стола

Встають. Хозяйка молодая
 Черезвычайно весела;

Графъ, о Парижѣ забывая,
 Дивится, какъ она мила.
 Проходить вечеръ непримѣтно; ⁹
 Графъ самъ не свой; хозяйки взоръ
 То выражается привѣтно,
 То вдругъ потупяень безотвѣтно.
 Глядишь — и полночь вдругъ на дворъ.
 Давно храпить слуга въ передней,
 Давно поетъ пѣтухъ сосѣдній,
 Въ чугунову доску сторожъ бьетъ;
 Въ гостиной свѣчи догорѣли.
 Наталья Павловна встаетъ:
 „Пора, прощайте! Ждутъ постели.
 „Пріятный сонъ!..“ Съ досадою вставъ,
 Полу-влюбленный нѣжный графъ
 Цѣлуетъ руку ей. И что же?
 Куда кокетство не ведетъ?
 Проказница — прости ей, Боже!
 Тихонько графу руку жметъ.

Наталья Павловна раздѣта;
 Стоитъ Параша передъ ней.
 Друзья мои, Параша эта
 Наперсница ея затѣй:
 Шьетъ, моетъ, вѣсти переносить,
 Изношенныхъ капотовъ просить,
 Порою съ бариномъ шалить, ¹⁰
 Порой на барина кричить,
 И лжетъ предъ барыней отважно.
 Теперь она толкуетъ важно
 О графѣ, о дѣлахъ его,
 Не пропускаетъ ничего —
 Богъ вѣсть, развѣдать какъ успѣла.
 Но госпожа ей, наконецъ,
 Сказала: „Полно, надоѣла!“
 Спросила кофту и чепецъ,
 Легла и выйти вонъ велѣла.

Своимъ французомъ между тѣмъ
 И графъ раздѣтъ уже совсѣмъ.
 Ложится онъ, сигару просить;
 Monsieur Picard ему приноситъ
 Графинъ, серебряный стаканъ,
 Сигару, бронзовый свѣтильникъ,
 Щипцы съ пружиною, будильникъ ¹¹
 И неразрѣзанный романъ.

Въ постелѣ лежа, Вальтеръ-Скотта
 Глазами пробѣгаетъ онъ.
 Но графъ душевно развлеченъ:
 Неугомонная забота
 Его тревожить; мыслить онъ:
 „Неужто вправду я влюбленъ?
 „Что, если можно?.. Вотъ забавно;
 „Однако жь, это было бѣ славно!
 „Я, кажется, хозяйкѣ милъ“ —
 И Нулинъ свѣчку погасилъ.

Несносный жаръ его объемлетъ.
 Не спится графу — бѣсъ не дремлетъ
 И дразнить грѣшною мечтой
 Въ немъ чувства. Пылкій нашъ герой
 Воображаетъ очень живо
 Хозяйки взоръ краснорѣчивый,
 Довольно круглый, полный станъ,
 Пріятный голосъ, прямо женскій,
 Лица румянецъ деревенскій
 (Здоровье краше всѣхъ румянъ).
 Онъ помнитъ кончикъ ножки нѣжной,
 Онъ помнитъ, точно, точно такъ —
 Она ему рукой небрежной
 Пожала руку; онъ дуракъ,
 Онъ долженъ былъ остаться съ нею,
 Ловить минутную затѣю.
 Но время не ушло. Теперь

Отворена, конечно, дверь —
 И тотчасъ, на плеча накинувъ
 Свой пестрый шелковый халатъ
 И стулъ въ потемкахъ опрокинувъ,
 Въ надеждѣ сладостныхъ наградъ,
 Къ Лукреціи Тарквиній новый
 Отправился, на все готовый.

Такъ иногда лукавый котъ,
 Жеманный баловень служанки,
 За мышью крадется съ лежанки:
 Украдкой медленно идетъ,
 Полузажмурясь подступаетъ,
 Свернется въ комъ, хвостомъ играетъ,
 Раздвинетъ когти хитрыхъ лапъ
 И вдругъ бѣдняжку цапъ-царапъ. ¹²

Влюбленный графъ въ потемкахъ бродить,
 Дорогу ощупью находить;
 Желаньемъ пламеннымъ томимъ,
 Едва дыханье переводить;
 Трепещетъ, если полъ подъ нимъ
 Вдругъ заскрипитъ. Вотъ, онъ подходитъ
 Къ завѣтной двери и слегка
 Жметъ ручку мѣдную замка;
 Дверь тихо, тихо уступаетъ;
 Онъ смотритъ: лампа чуть горитъ
 И блѣдно спальню освѣщаетъ;
 Хозяйка мирно почиваетъ,
 Иль притворяется, что спитъ.

Онъ входитъ, медлитъ, отступаетъ —
 И вдругъ упалъ къ ея ногамъ.
 Она... Теперь, съ ихъ позволенья,
 Прошу я петербургскихъ дамъ
 Представить ужасъ пробужденья
 Натальи Павловны моей
 И разрѣшить, что дѣлать ей.

Она, открывъ глаза большіе, ¹³
 Глядитъ на графа — нашъ герой
 Ей сыплеть чувства выписныя,
 И дерзновенною рукой
 Коснуться хочетъ одѣяла,
 Совсѣмъ смутивъ ее сначала...
 Но вдругъ опомнилась она,
 И гнѣва гордаго полна ¹⁴
 (А впрочемъ, можетъ быть, и страха),
 Она Тарквинію съ размаха
 Даетъ пощечину: да, да!
 Пощечину, да вѣдь какую!

Сгорѣлъ графъ Нулинъ со стыда,
 Обиду проглотивъ такую.
 Не знаю, чѣмъ бы кончилъ онъ,
 Досадой страшною пылая,
 Но шпигъ косматый, вдругъ залая, ¹⁵
 Прервалъ Парашаи крѣпкій сонъ.
 Услышалъ графъ ея походку,
 И, проклиная свой ночлегъ
 И своенравную красотку,
 Въ постыдный обратился бѣгъ.

Какъ онъ, хозяйка и Параша
 Проводятъ остальную ночь, —
 Воображайте, воля ваша,
 Я не намѣренъ вамъ помочь.

Возставъ поутру молчаливо,
 Графъ одѣвается лѣниво;
 Отдѣлкой розовыхъ ногтей,
 Зѣвая, занялся небрежно,
 И галстухъ вяжетъ неприлежно,
 И мокрой щеткою своей
 Не гладитъ стриженныхъ кудрей.
 О чемъ онъ думаетъ — не знаю;

Но вотъ его позвали къ чаю. ¹⁶
 Что дѣлать? Графъ, преодолѣвъ
 Неловкій стыдъ и тайный гнѣвъ,
 Идетъ.

Проказница младая,
 Насмѣшливый потупя взоръ
 И губки алая кусая,
 Заводитъ скромно разговоръ
 О томъ, о семъ. Сперва смущенный
 Но постепенно ободренный,
 Съ улыбкой отвѣчаетъ онъ.
 Получаса не проходило, —
 Ужь онъ и шутитъ очень мило,
 И чуть ли снова не влюбленъ.
 Вдругъ шумъ въ передней. Входятъ. Кто же?
 „Наташа, здравствуй!“

Наталья Павловна.

Ахъ, мой Боже!

Графъ, вотъ мой мужъ Душа моя,
 Графъ Нулинъ.

Мужъ.

Радъ сердечно я.

Какая скверная погода!
 У кузницы я видѣлъ вашъ
 Совсѣмъ готовый экипажъ.
 Наташа! Тамъ, у огорода,
 Мы затравили русака.
 Эй, водки! Графъ, прошу отвѣдать.
 Прислали намъ издалека.
 Вы съ нами будете обѣдать?

Графъ.

Не знаю, право, я спѣшу.

Мужъ.

И, полно, графъ, я васъ прошу.

Жена и я, гостямъ мы рады.
Нѣтъ, графъ, останьтесь!

Но съ досады

И всѣ надежды потерявъ,
Упрямится печальный графъ.
Ужь подкрѣпивъ себя стаканомъ,
Пикарь кряхтитъ за чемоданомъ,
Уже къ коляскѣ двое слугъ
Несутъ привинчивать сундукъ.
Къ крыльцу подвезена коляска,
Пикарь все скоро уложилъ,
И графъ уѣхалъ... Тѣмъ и сказка
Могла бы кончиться, друзья;
Но слова два прибавлю я.

Когда коляска ускакала,
Жена все мужу рассказала
И подвигъ графа моего
Всему сосѣдству описала.
Но кто же болѣе всего
Съ Натальей Павловной смѣялся?
Не угадать вамъ. — Почему жъ?
Мужъ?—Какъ не такъ! Совсѣмъ не мужъ.
Онъ очень этимъ оскорблялся;
Онъ говорилъ, что графъ дуракъ,
Молокосось, что если такъ,
То графа онъ визжать заставить,
Что псами онъ его затравить.
Смѣялся Лидинъ, ¹⁷ ихъ сосѣдъ,
Помѣщикъ двадцати трехъ лѣтъ.

Теперь мы можемъ справедливо
Сказать, что въ наши времена
Супругу вѣрная жена,
Друзья мои, совсѣмъ не диво.

XI.

Сцена изъ Фауста.

1 8 2 6.

Сцена эта написана какъ бы въ отвѣтъ на вызовъ Веневитинова въ его посланіи „Къ Пушкину“ (Соч. 101), гдѣ онъ указываетъ на Гете:

Наставникъ нашъ, наставникъ твой,
Онъ кроется въ странѣ мечтаній,
Въ своей Германіи родной.
Досель хладѣющія длани
По струнамъ бѣгаютъ порой
.
И вѣрь, онъ съ радостью живой
Въ пріютѣ старости унылой
Еще услышитъ голосъ твой . . .

По словамъ П. В. Анненкова (Мат., 177), есть предположеніе, что Гете зналъ о написанной Пушкинымъ сценѣ, „Разсказываютъ, что онъ послалъ Пушкину поклонъ черезъ одного русскаго путешественника и препроводилъ съ нимъ, въ подарокъ, собственное свое перо, которое, какъ мы слышали, многіе видѣли въ кабинетѣ Пушкина, въ богатомъ футлярѣ, имѣвшемъ надпись: „Подарокъ Гете“.

Въ числѣ стихотвореній Гете есть одно четверостишіе къ неизвѣстному лицу (1826), какъ будто подтверждающее этотъ разсказъ:

Goethes Feder an ***
Was ich mich auch sonst erkühnt,
Jeder würde froh mich lieben,
Hätt'ich treu und frei geschrieben
All'das Lob, das Du verdient.

Догадка, что эти строки сопровождали подарокъ Гете Пушкину, представляется правдоподобною. См. Истор. Вѣстн. 1891, июль, 217 - 218.

Рукопись „Сцены изъ Фауста“ неизвѣстна. Пьеса эта напечатана въ Моск. Вѣстн. 1828, № 9, подъ заглавіемъ: „Новая сцена между Фаустомъ и Мефистофелемъ“, и затѣмъ, уже подъ нынѣшнимъ заглавіемъ, вошла въ изд. 1829 г. Современная поэту критика почти не коснулась этого произведенія, и самъ Пушкинъ нигдѣ не высказывался о немъ.

Берегъ моря. Фаустъ и Мефистофель.

Фаустъ.

Мнѣ скучно, бѣсъ.

Мефистофель.

Что дѣлать, Фаустъ!

Таковъ вамъ положонъ предѣлъ,
Его жь никто не преступаетъ.
Вся тварь разумная скучаетъ:
Иной отъ лѣни, тотъ отъ дѣлъ;
Кто вѣрить, кто утратилъ вѣру;
Тотъ насладиться не успѣлъ,
Тотъ насладился черезъ мѣру,
И всякъ зѣваетъ да живетъ —
И всѣхъ васъ гробъ, зѣвая, ждетъ.
Зѣвай и ты.

Фаустъ.

Сухая шутка!

Найди мнѣ способъ какъ-нибудь
Разсѣяться.

Мефистофель.

Доволенъ будь

Ты доказательствомъ разсудка.

Въ своемъ альбомѣ запиши:

Fastidium est quies — скука

Отдохновеніе души.

Я психологъ... О, вотъ наука!.,

Скажи, когда ты не скучалъ?
 Подумай, поищи. Тогда ли,
 Какъ надъ Виргилиемъ дремалъ,
 А розги умъ твой возбуждали?
 Тогда ль, какъ розами вѣнчалъ
 Ты благосклонныхъ дѣвъ веселья
 И въ буйствѣ шумномъ посвящалъ
 Имъ пылъ вечерняго похмѣлья?
 Тогда ль, какъ погрузился ты
 Въ великодушныя мечты,
 Въ пучину темную науки?
 Но, помнится, тогда со скуки,
 Какъ арлекина, изъ огня
 Ты вызвалъ, наконецъ, меня.
 Я мелкимъ бѣсомъ извивался,
 Развеселить тебя старался,
 Возилъ и къ вѣдьмамъ, и къ духамъ,
 И что же? Все по пустякамъ.
 Желалъ ты славы — и добился,
 Хотѣлъ влюбиться — и влюбился.
 Ты съ жизни взялъ возможну дань,
 А былъ ли счастливъ?

Фаустъ.

Перестань,
 Не растравляй мнѣ язвы тайной.
 Въ глубокомъ знаньѣ жизни нѣтъ;
 Я проклялъ знаній ложный свѣтъ,
 А слава... лучъ ея случайный
 Неуловимъ. Мѣрская честь
 Безсмысленна, какъ сонъ... Но есть
 Прямое благо: сочетанье
 Двухъ душъ...

Мефистофель.

И первое свиданье,
 Не правда ль? Но нельзя ль узнать,

Кого изволишь поминать?
Не Гретхенъ ли?

Фаустъ.

О, сонъ чудесный!
О, пламя чистое любви!
Тамъ, тамъ—гдѣ тѣнь, гдѣ шумъ древесный,
Гдѣ сладко-звонкія струи,
Тамъ, на груди ея прелестной
Покоя томную главу,
Я счастливъ былъ...

Мефистофель.

Творецъ небесный!
Ты бредишь, Фаустъ, наяву!
Услужливымъ воспоминаньемъ
Себя обманываешь ты.
Не я ль тебѣ своимъ стараньемъ
Доставилъ чудо красоты,
И въ часъ полуночи глубокой
Съ тобою свель ея? Тогда
Плодами своего труда
Я забавлялся одинокій,
Какъ вы вдвоемъ... Все помню я!
Когда красавица твоя
Была въ восторгѣ, въ упоеньѣ,
Ты безпокойною душой
Ужь погружался въ размышленье
(А доказали мы съ тобой,
Что размышленье — скуки сѣмя)
И знаешь ли, философъ мой,
Что думалъ ты въ такое время,
Когда не думаетъ никто?
Сказать ли?

Фаустъ.

Говори. Ну, что?

Мефистофель.

Ты думалъ: агнецъ мой послушный!
 Какъ жадно я тебя желалъ!
 Какъ хитро въ дѣвѣ простодушной
 Я грезы сердца возмущалъ!
 Любви невольной, безкорыстной
 Невинно предалась она...
 Что жъ грудь моя теперь полна
 Тоской и скукой ненавистой?
 На жертву прихоти моей
 Гляжу, упившись наслажденьемъ,
 Съ неодолимымъ отвращеньемъ:
 Такъ безразсчетный дуралей,
 Вотще рѣшась на злое дѣло,
 Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,
 Бранить ободранное тѣло;
 Такъ на продажную красу,
 Насытись ею торопливо,
 Развратъ косится боязливо...
 Потомъ изъ этого всего
 Одно ты вывелъ заключенье...

Фаустъ.

Сокройся, адское творенье!
 Бѣги отъ взора моего!

Мефистофель.

Изволь. Задай лишь мнѣ задачу:
 Безъ дѣла, знаешь, отъ тебя
 Не смѣю отлучаться я —
 Я даромъ времени не трачу.

Фаустъ.

Что тамъ бѣлѣеть? Говори.

Мефистофель.

Корабль испанскій трехмачтовый,

Пристать въ Голландію готовый:
На немъ мерзавцевъ сотни три,
Двѣ обезьяны, бочки злата,
Да грузъ богатый шоколата,
Да модная болѣзнь: она
Недавно вамъ подарена. ¹

Фаустъ.

Все утопить.

Мефистофель.

Сейчасъ.

(Исчезаетъ.)

XII.

Полтава.

1828.

„Пушкинъ, сказываютъ, написалъ поэму „Мазепа“ въ трехъ пѣсняхъ, кончающуюся Полтавской битвой. Ему всегда было досадно, что Байронъ взялся за него и не додѣлалъ“, — писалъ кн. Вяземскій А. И. Тургеневу 14 ноября 1828 г. (Ост. Арх., III, 182). Самъ Пушкинъ, въ замѣткахъ, напечатанныхъ въ Денницѣ Максимовича 1830 г., говоритъ, что ближайшій поводъ къ сочиненію Полтавы данъ былъ поэмой Рылѣева „Войнаровскій“:

Прочитавъ въ первый разъ стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь...

я изумился, какъ могъ поэтъ пройти мимо столь страшнаго обстоятельства. Обременять вымышленными ужасами историческіе характеры — и не мудро, и не великодушно. Клевета и въ поэмахъ всегда казалась мнѣ непохвальною. Но въ описаніи Мазепы пропустить столь разительную черту было непростительно. Однакожь какой отвратительный предметъ! Ни одного добраго, благосклоннаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость... Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы, — вотъ что увлекло меня. Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней, далѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все“.

Дѣйствительно, Полтава написана была очень скоро первая пѣснь поэмы была окончена 3 октября, вторая —

9-го, а третья — 16-го; посвященіе написано въ Тверскомъ имѣннѣ Вульфовъ, Малинникахъ, 27 октября. Возвратившись въ Петербургъ, П. 31 января 1829 г. написалъ предисловіе къ поэмѣ, а 9 марта уѣхалъ въ Москву, поручивъ печатаніе Полтавы Плетневу; изъ Москвы, 1 мая, онъ уѣхалъ на Кавказъ, такъ что поэма вышла въ свѣтъ въ его отсутствіе. Возвращаясь изъ Арзерума, П. нашелъ въ Тифлисѣ книжку „Вѣстника Европы“ со статьей Надеждина, въ которой, по его словамъ, „всячески ругали“ и его самого, и его стихи: „такое мнѣ было первое привѣтствіе въ любезномъ отечествѣ“ . . .

Поэма Рылѣева, которою вдохновился Пушкинъ, представляетъ племянника Мазепы, Войнаровскаго, въ концѣ его жизни, въ ссылкѣ, на берегахъ Лены. Тамъ случайно встрѣчаетъ его академикъ Миллеръ во время своего ученаго путешествія по Сибири, и Войнаровскій рассказываетъ ему свою судьбу. Мазепа, говоритъ онъ, задумалъ измѣну:

Однажды, поздною порою,
Онъ въ свой дворецъ меня призвалъ.
Вхожу — и слышу: „Я желалъ
„Давно бесѣдовать съ тобою...
„Но къ тайнѣ приступить пора:
„Я чту великаго Петра,
„Но, покоряся судьбинѣ,
„Узнай, — я врагъ ему отнынѣ!“

Войнаровскій принялъ участіе въ роковой борьбѣ гетмана съ царемъ:

Мазепа съ сѣвернымъ героемъ
Давалъ въ Украинѣ бой за боемъ.
Дымились кровію поля,
Тѣла разбросанныя гнили,
Ихъ псы и волки теребили;
Казалась трупомъ вся земля!
Но всѣ усилія тщетны были:
Ихъ умъ Петровъ преодолѣлъ;
Часъ битвы роковой приспѣлъ —
И мы отчизну погубили!

Карлъ XII бѣжалъ; слѣдомъ за нимъ бѣжитъ и Мазепа съ Войнаровскимъ, Они останавливаются на отдыхъ въ

лѣсу; Мазепю овладѣваетъ недугъ: онъ бредитъ, зоветъ Орлика... ему грезятся Кочубей и Искра на плахѣ, ихъ покотившіяся головы... То чудится ему грозный царь и храмъ, въ которомъ раздается проклятіе.

То трепеща и цѣпенѣя,
Онъ часто зрѣлъ въ глухую ночь
Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь.

Такимъ образомъ, поэтическими источниками Полтавы слѣдуетъ считать „Войнаровскаго“ и „Мазепу“ Байрона (откуда П. взялъ эпиграфъ); историческіе ея источники указаны Л. И. Поливановымъ (Соч. Пушк., II, 147): это — „Исторія Карла XII“ и „Исторія Петра Великаго“ Вольтера, „Дѣянія Петра В“. Голикова, ч. 3 и 4, „Исторія Малой Россіи“ Д. Н. Бантышъ-Каменскаго (М. 1822) и „Журналъ или поденная записка блаж. памяти гос. имп. Петра В.“, собранный кн. М. М. Щербатовымъ (1770 - 72). По замѣчанію Поливанова, П., „начиная своему поэму исключительно съ интересомъ къ драматическому положенію Мазепы и дочери Кочубея, не придавалъ значенія ни хронологической вѣрности, ни дѣйствительнымъ біографическимъ фактамъ предшествующей жизни Мазепы, не смотрѣлъ и на героиню, какъ на лицо, вѣрное свидѣльствамъ исторіи, замѣнивъ имя дочери Кочубея Матрены болѣе романическимъ именемъ Маріи“ (изъ рукописи видно, что сначала онъ хотѣлъ назвать ее Натальей или Анной); но затѣмъ, перейдя къ изображенію событій историческихъ, онъ долженъ былъ уже точнѣе слѣдовать показаніямъ своихъ источниковъ. Вымыселъ остался только въ отношеніи къ „Маріи“, которая, по исторіи, вышла замужъ за сына генеральнаго судьи Чуйкевича, а затѣмъ оба они постриглись въ монашество: у Пушкина въ первоначальной программѣ поставлено было имя Чуйкевича, но затѣмъ онъ замѣнилъ его влюбленнымъ въ Марію молодымъ казакомъ, а самую Марію заставилъ сойти съ ума.

Пушкинъ считалъ Полтаву самымъ зрѣлымъ изъ всѣхъ своихъ стихотворныхъ произведеній, замѣчая, что въ ней почти все оригинально, и что Жуковскій, Гнѣдичъ, Дельвиговъ и кн. Вяземскій предпочитали ее всему, что было создано имъ до тѣхъ поръ. Въ современной поэту критикѣ она встрѣчена была, однако, съ недоумѣніемъ: „Почти никто

не узналъ въ ней Пушкина, говоритъ Анненковъ (Мат., 198): „блестящій огненный стихъ его, который такъ справедливо сравнивали съ красавицей, уступилъ мѣсто сжатому и многовѣсному стиху, поражавшему своею опредѣленностью. Трудно было осмотрѣться и проникнуться величіемъ этихъ стиховъ послѣ сладкихъ и задушевныхъ строфъ Бахчисарайскаго Фонтана и Цыганъ... Складъ поэтической рѣчи, употребленный для описанія и связи историческихъ событій, былъ тоже непонятнымъ явленіемъ. Сильно окрашенный эпическимъ тономъ народнаго разсказа, онъ былъ новъ не только для массы читателей, но и для критиковъ. Такъ, самые яростные противники Пушкина находили въ отвѣтъ Кочубея передъ пыткой: „Такъ, не ошиблись вы, — три клада“, и пр. — проблескъ самостоятельнаго вдохновенія („Вѣстн. Евр.“ 1829, № 9, стр. 30), между тѣмъ какъ одинъ изъ приверженцевъ его осуждалъ это мѣсто подъ предлогомъ, что Кочубей въ страшную минуту жизни не могъ говорить загадками и каламбурами („Сѣв. Цвѣты“ на 1830, обзор. слов.). Но отвѣтъ Кочубея, какъ и другія мѣста, идутъ параллельно съ фигуральнымъ выраженіемъ народныхъ эпоей и порождены ихъ духомъ и приемами. „Моск. Телегр.“ (ч. 27, стр. 219) утверждалъ за Полтавой качество русской поэмы по преимуществу, но до такой степени неопредѣленно, что изъ словъ его замѣтно скорѣе предчувствіе дѣла, чѣмъ настоящее пониманіе его...“ Полнымъ образцомъ критической слѣпоты Анненковъ считаетъ статью Надеждина въ „Вѣст. Евр.“, 1829, №№ 8 и 9. Другія статьи и рецензіи о Полтавѣ явились въ „Сѣв. Пчелѣ“ (статья Максимовича „О Полтавѣ въ историч. отношеніи“) и Галатѣѣ, №№ 16 и 17. Всѣ эти отзывы вызвали отвѣды Пушкина, напечатанную въ Денницѣ Максимовича 1830 г., подъ заглавіемъ: „Критическія замѣтки“ (см. т. VI):

Habent sua fata libelli. Полтава не имѣла успѣха. Вѣроятно, она и не стоила его, но я былъ избалованъ приемомъ, оказаннымъ моимъ прежнимъ, гораздо слабѣйшимъ произведеніемъ; къ тому-жъ это сочиненіе совсѣмъ оригинальное, а мы изъ того и бьемся.

Журналы взялись объяснить мнѣ причину моей неудачи—и вотъ какимъ образомъ. Они, во-первыхъ, объявили мнѣ, что отъ роду никто не видываль, чтобъ женщина влюбилась въ старика, и что, слѣдственно, любовь Маріи къ старому гетману, НВ. исторически доказанная, не могла существовать.

„Такъ что-жь, что ты Честонъ? хоть знаю, да не вѣрю“.

Этимъ я не могъ довольствоваться: любовь есть самая своенравная страсть. Не говоря уже о безобразіи и глупости, ежедневно предпочитаемыхъ молодости, уму и красотѣ, я вспомнилъ преданія мифологическія, Превращенія Овидіевы, Леду, Филлиру, Пазифаю, Олимпію, Пигмаліона — и принужденъ былъ признаться, что всѣ сіи вымыслы не чужды поэзіи или, справедливѣе, ей принадлежать. А Отелло, старый негръ, плѣнившій Дездемону разказами о своихъ странствованіяхъ и битвахъ?.. А Мирра, внушившая итальянскому поэту одну изъ лучшихъ его трагедій?.. Марія (или Матрена) увлечена была, говорили мнѣ, тщеславіемъ, а не любовію — велика честь для дочери генеральнаго судіи быть наложницею гетмана! — Далѣе говорили мнѣ, что мой Мазепа злой и глупый старичишка (старичишка, вмѣсто старикъ — ради затѣйливости); что изобразилъ я Мазепу злымъ, въ томъ каюсъ. Добрымъ я его не нахожу, особенно въ минуту, когда онъ хлопочетъ о казни отца дѣвушки, имъ обольщенной. Глупость же человѣка оказывается или изъ его дѣйствій, или изъ его словъ. Мазепа дѣйствуетъ въ моей поэмѣ точь въ точь какъ и въ исторіи. Рѣчи его объясняютъ его историческій характеръ. Не довольно, если критикъ рѣшить, что такое-то лицо въ поэмѣ глупо: не худо, если онъ чѣмъ ни-

будь это и докажетъ. Потомъ замѣтили мнѣ, что Мазепа слишкомъ у меня злопамятенъ: что малороссійскій гетманъ не студентъ и за пощечину или за дерганіе усовъ мстить не захочетъ. Опять исторія, опроверженная литературной критикой: хоть знаю, да не вѣрю.

Мазепа, воспитанный въ Европѣ въ то время, какъ понятія о дворянской чести были на высшей степени силы, Мазепа могъ помнить долго обиду московскаго царя и отомстить ему при случаѣ. Въ этой чертѣ весь его характеръ, скрытный, жестокій, постоянный. Дернуть поляка или казака за усы все равно было, что схватить россиянина за бороду. Хмѣльницкій за всѣ обиды, имъ претерпѣнныя, помнится, отъ Чаплицкаго (Чернѣцкаго), получилъ въ возмездіе, по приговору рѣчи Посполитой, остриженный усъ своего непріятели (см. Конисскаго).

Старый гетманъ, предвидя неудачу, наединѣ съ наперсникомъ, бранить въ моей поэмѣ молодого Карла и называетъ его, помнится, мальчишкой и сумасбродомъ. Критики важно укоряли меня въ неосновательномъ мнѣніи о шведскомъ королѣ. У меня сказано гдѣ-то, что Мазепа ни къ кому не былъ привязанъ; критики ссылались на собственныя слова гетмана, увѣряющаго Марію, что онъ любитъ ее „больше славы, больше власти“. Какъ отвѣчать на таковыя критики?

Такъ понимали они драматическое искусство! — Потомъ слѣдовала критика мелочная, критика буквѣ, отъ которой пора бы намъ отвыкнуть.

Слова: усы, визжать, вставай, разсвѣтаетъ, ого, пора—показались критикамъ низкими, бурлацкими выраженіями. Какъ быть! (Никогда не жертвую краткостію выраженія провинціальной чо-

порности, изъ боязни казаться простонароднымъ, славянофиломъ и т. п.).

Въ „Вѣстникѣ Европы“ замѣтили, что заглавіе поэмы ошибочно, и что, вѣроятно, не назвалъ я ее Мазепой, чтобъ не напомнить о Байронѣ. Справедливо — но была тутъ и другая причина: эпитаграфъ. Такъ и Бахчисарайскій фонтанъ въ рукописи названъ былъ Харемомъ, но меланхолическій эпитаграфъ, который, конечно, лучше всей поэмы, соблазнилъ меня.

Кстати о Полтавѣ: критики упомянули однакожъ о Байроновомъ Мазепѣ. Но какъ они понимали его (или, справедливѣе, какъ не понимали!) Байронъ зналъ Мазепу только по Вольтеровой исторіи Карла XII. Онъ пораженъ былъ только картиной челоѣка, привязаннаго къ дикой лошади и несущагося по степямъ. Картина, конечно, поэтическая, и за то посмотрите, что онъ изъ нея сдѣлалъ! Но не ищите тутъ ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачнаго, ненавистнаго, мучительнаго лица, которое проявляется во всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона, но котораго, на бѣду одному изъ моихъ критиковъ, какъ нарочно, въ Мазепѣ и нѣтъ. Байронъ и не думалъ о немъ: онъ выставилъ рядъ картинъ, одна другой разительнѣе — вотъ и все; но какое пламенное созданіе, какая широкая, быстрая кисть! Если-жь бы ему подъ перо его попалась исторія обольщенной дочери и казненнаго отца, то, вѣроятно, никто бы не осмѣлился послѣ него коснуться сего ужаснаго предмета.

Кн. П. И. Шаликовъ, въ „Дамск. Журн.“ 1829, ч. 26, № 16, привѣтствовалъ автора Полтавы слѣдующимъ курьезнымъ четверостишіемъ:

Цари съ поэтами всегда дѣлились славой!

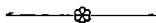
Царь росскій возблесталъ триумфомъ подъ Полтавой

Надъ силой грозною, — и роскій же поэтъ
Вьетъ лавры въ свой вѣнокъ съ полей его побѣдъ.

Надеждинъ, въ своей статьѣ, между прочимъ, по-смѣялся надъ замѣчаніемъ „Сына Отеч.“, гдѣ въ похвалу Пушкина было сказано, что онъ началъ писать въ очень ранней юности, — и напомнилъ эпиграмму „почтеннѣйшаго дядюшки“, В. Л. Пушкина, въ коей Аполлонъ вершить судъ свой надъ однимъ 15-лѣтнимъ поэтомъ“. Пушкинъ на эту выходку отвѣчалъ эпиграммой: „Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ“ (II, 113), а Вас. Львовичъ напечаталъ въ „Моск. Телегр.“ 1829, ч. 26, № 6, стр. 129, посланіе къ племяннику, гдѣ, между прочимъ, говоритъ:

Твои стихи, повѣрь, читаетъ
Съ живымъ восторгомъ дядя твой.
Латоны сына ты любимецъ,
Тебя онъ вкусомъ одарилъ;
Очарователь и счастливецъ,
Сердца ты наши полонилъ,
Своимъ талантомъ превосходнымъ,
Всѣ мысли выразать способнымъ.
Русланъ, Кавказскій Плѣнникъ твой,
Фонтанъ, Цыганы и Евгенийъ
Прекрасныхъ полны вдохновеній!
Они всегда передо мной,
И не для критики пустой, —
Я ихъ твержу для наслажденій, и пр.

Полтава извѣстна намъ въ двухъ рукописяхъ: черновой Моск. Муз. № 2371 и перебѣленной самимъ поэтомъ, но съ поправками Жуковскаго, — № 2372. По этой послѣдней рукописи и печаталось 1-е изданіе поэмы. Такъ какъ поправки Жуковскаго приняты были Пушкинымъ, и поэма перепечатана безъ всякихъ измѣненій во 2-й ч. „Поэмъ и цовѣстей“, изд. 1835 г., то мы и воспроизводимъ текстъ этого послѣдняго пушкинскаго изданія, а варианты изъ рукописей приводимъ въ примѣчаніяхъ. Примѣчанія самого Пушкина помѣщены въ подстрочныхъ выноскахъ.

Предисловіе.

The power and glory of the war
Faithless, as their vain votaries, men,¹
Had pass'd to the triumphant Czar.
Byron.

Полтавская битва есть одна изъ самыхъ важныхъ и самыхъ счастливыхъ происшествій царствованія Петра Великаго. Она избавила его отъ опаснѣйшаго врага, утвердила русское владычество на югѣ, обезпечила новыя заведенія на сѣверѣ и доказала государству успѣхъ и необходимость преобразованія, совершаемаго царемъ.

Ошибка шведскаго короля вошла въ пословицу. Его упрекають въ неосторожности, находятъ его походъ на Украину безразсуднымъ. На критиковъ не угодишь, особенно послѣ неудачи. Карль, однако жъ, симъ походомъ избѣгнулъ славной ошибки Наполеона: онъ не пошелъ на Москву. И могъ ли онъ ожидать, что Малороссія, всегда безпокойная, не будетъ увлечена примѣромъ своего гетмана и не возмутится противу недавняго владычества Петра, что Левенгауптъ три дня сряду будетъ разбитъ, что, наконецъ, 25,000 шведовъ, предводительствуемыхъ своимъ королемъ, побѣгутъ передъ нарвскими бѣглецами? Самъ Петръ долго колебался, избѣгая главнаго сраженія, яко зѣло опаснаго дѣла. Въ семь походѣ Карль XII менѣе, нежели когда нибудь, ввѣрялся своему счастью: оно уступило генію Петра.

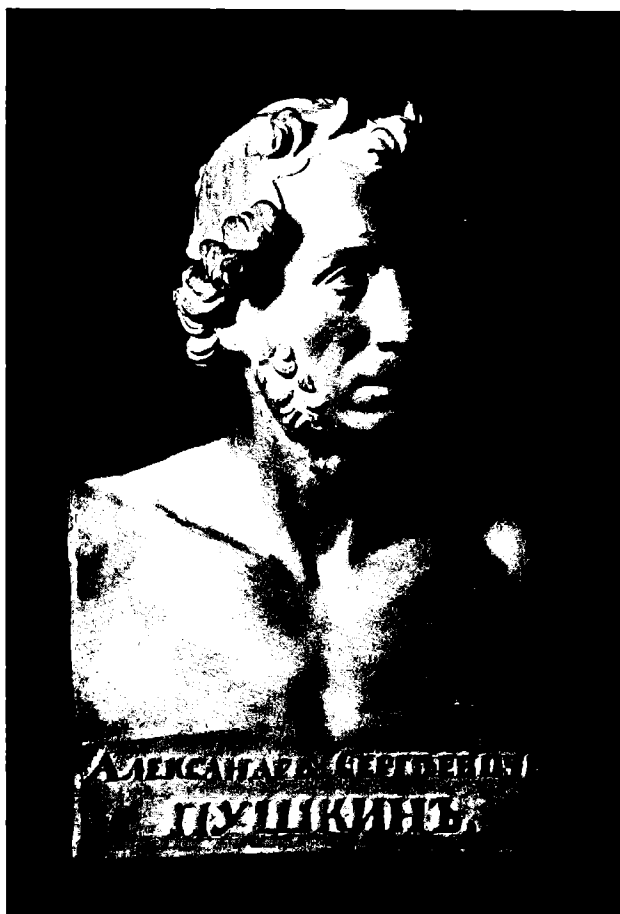
Мазепа есть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи. Нѣкоторые писатели хотѣли сдѣ-

латъ изъ него героя свободы, новаго Богдана Хмѣльницкаго. Исторія представляетъ его честолюбцемъ, закоренѣлымъ въ коварствахъ и злодѣянiяхъ, клеветникомъ Самойловича — своего благодѣтеля, губителемъ отца несчастной своей любовницы, измѣнникомъ Петра передъ его побѣдою, предателемъ Карла послѣ его пораженiя; память его, преданная церковiю анаѣмѣ, не можетъ избѣгнуть и проклятiя человечества.

Нѣкто въ романтической повѣсти ² изобразилъ Мазепу старымъ трусомъ, блѣднѣющимъ предъ вооруженной женщиной, изобрѣтающимъ утонченные ужасы, годные во французской мелодрамѣ и проч. Лучше было бы развить и объяснить настоящiй характеръ мятежнаго гетмана, не искажая своевольно историческаго лица.

31 января 1829.

Пушкинъ

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

А. С. Пушкинъ.

Гипсовый бюстъ работы С. И. Гальберга.

Принадлежитъ Пушкинскому музею Императорскаго Александровскаго лицея. Воспроизведено непосредственно съ оригинала.

П о с в я щ е н і е .

Тебѣ — но голосъ музы темной
Коснется ль уха твоего? ¹
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвященіе поэта,
Какъ нѣкогда его любовь,
Передъ тобою безъ отвѣта ²
Пройдетъ, непризнанное вновь?

Узнай, по крайней мѣрѣ, звуки,
Бывало милые тебѣ —
И думай, что во дни разлуки, ³
Въ моей измѣнчивой судьбѣ,
Твоя печальная пустыня, ⁴
Послѣдній звукъ твоихъ рѣчей —
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

(27 октября 1828. Дер. Малинники.)

Пѣснь первая.

Богать и славенъ Кочубей; *
Его луга необозримы;
Тамъ табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругомъ Полтавы хутора **)
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мѣховъ, атласа, серебра
И на виду, и подъ замками.
Но Кочубей богать и гордъ
Не долгогривыми конями, ***)
Не златомъ, данью крымскихъ ордь,
Не родовыми хуторами:
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей..

И то сказать: въ Полтавѣ нѣтъ
Красавицы, Маріи равной.
Она свѣжа, какъ вешній цвѣтъ,
Взлелѣянный въ тѣни дубравной.
Какъ тополь кievскихъ высотъ
Она стройна. Ея движенья
То лебедя пустынныхъ водъ

*) Василій Леонтьевичъ Кочубей — генеральный судья, одинъ изъ предковъ нынѣшнихъ графовъ.

**) Хуторъ — загородный домъ.

***) У Кочубея было нѣсколько дочерей; одна изъ нихъ была заму- жемъ за Обидовскимъ, племянникомъ Мазепы. Та, о которой здѣсь упоминается, называлась Матреной.

Напоминають плавный ходъ,
 То лани быстрыя стремленья.
 Какъ пѣна, грудь ея бѣла;
 Вокругъ высокаго чела,
 Какъ тучи, локоны чернѣютъ; ¹
 Звѣздой блестятъ ея глаза;
 Ея уста какъ роза рдѣютъ.
 Но не единая краса
 (Мгновенный цвѣтъ!) молвою шумной
 Въ мѣлой Маріи почтена:
 Вездѣ прославилась она
 Дѣвицей скромной и разумной.
 За то завидныхъ жениховъ
 Ей шлетъ Украина и Россія;
 Но отъ вѣнца, какъ отъ оковъ,
 Бѣжитъ пугливая Марія.
 Всѣмъ женихамъ отказъ — и вотъ
 За ней самъ гетманъ сватовъ шлетъ *)

Онъ старъ, онъ удрученъ годами,
 Войной, заботами, трудами;
 Но чувства въ немъ кипятъ, и вновь
 Мазепа вѣдаетъ любовь.

Мгновенно сердце молодое
 Горитъ и гаснетъ. Въ немъ любовь
 Проходитъ и приходитъ вновь,
 Въ немъ чувство каждый день иное.
 Не столь послушно, не слегка,
 Не столь мгновенными страстями
 Пылаетъ сердце старика,
 Окаменѣлое годами.
 Упорно, медленно оно
 Въ огнѣ страстей раскалено;

*) Мазепа въ самомъ дѣлѣ сваталъ свою крестницу, но ему отка-
 залъ. ²

Но поздній жаръ ужь не остынетъ
И съ жизнью лишь его покинетъ.

Не серна подъ утесъ уходитъ,
Орла слыша тяжкій летъ;
Одна въ сѣняхъ невѣста бродить,
Трепещетъ и рѣшенья ждетъ.

И, вся полна негодованьемъ,
Къ ней мать идетъ, и съ содроганьемъ
Схвативъ ей руку, говоритъ:
„Безстыдный! Старецъ нечестивый!
„Возможно ль?.. Нѣтъ, пока мы живы,
„Нѣтъ! Онъ грѣха не совершитъ!
„Онъ, должный быть отцомъ и другомъ
„Невинной крестницы своей...
„Безумецъ! На закатѣ дней
„Онъ вздумалъ быть ея супругомъ!“
Марія вздрогнула. Лицо
Покрыла блѣдность гробовая,
И охладѣвъ, какъ неживая,
Упала дѣва на крыльцо.

Она опомнилась, но снова
Закрыла очи — и ни слова
Не говоритъ. Отецъ и мать
Ей сердце ищутъ успокоить,
Боязнь и горе разогнать,
Тревогу смутныхъ думъ устроить...
Напрасно. Цѣлые два дня,
То молча плача, то стена,
Марія не пила, не ѣла,
Шатаясь, блѣдная какъ тѣнь,
Не зная сна. На третій день
Ея свѣтлица опустѣла.

Никто не зналъ, когда и какъ
Она сокрылась. Лишь рыбакъ

Той ночью слышалъ конскій топоть,
Казачью рѣчь и женскій шопоть,
И утромъ слѣдъ осьми подковъ
Былъ виденъ на росѣ луговъ.

Не только первый пухъ ланить,
Да русы кудри молодья, —
Порой и старца строгій видъ,
Рубцы чела, волосы сѣдые
Въ воображенъе красоты
Влагають страстныя мечты.

И вскорѣ слуха Кочубея
Коснулась роковая вѣсть:
Она забыла стыдъ и честь,
Она въ объятіяхъ злодѣя!
Какой позоръ! Отецъ и мать
Молву не смѣютъ понимать.
Тогда лишь истина явилась
Съ своей ужасной наготой;
Тогда лишь только объяснилась
Душа преступницы молодой;
Тогда лишь только стало явно,
Зачѣмъ бѣжала своенравно
Она семейственныхъ оковъ,
Томила тайно, воздыхала
И на привѣты жениховъ
Молчаньемъ гордымъ отвѣчала;
Зачѣмъ такъ тихо за столомъ
Она лишь гетману внимала,
Когда бесѣда ликовала
И чаша пѣнилась виномъ;
Зачѣмъ она всегда пѣвала
Тѣ пѣсни, кои онъ слагалъ *),

*) Преданіе приписываетъ Мазепѣ нѣсколько пѣсенъ, доннынъ сохранившихся въ памяти народной. Кочубей въ своемъ доносѣ также

Когда онъ бѣденъ былъ и малъ,
 Когда молва его не знала;
 Зачѣмъ съ неженскою душой
 Она любила конный строй,
 И бранный звонъ литавръ, и клики
 Предъ бунчукомъ и булавою
 Малороссійскаго владыки... *)

Богать и знатень Кочубей;
 Довольно у него друзей;
 Свою омытъ онъ можетъ славу;
 Онъ можетъ возмутить Полтаву;
 Внезапно средь его дворца
 Онъ можетъ мщеніемъ отца
 Постигнуть гордаго злодѣя;
 Онъ можетъ вѣрною рукой
 Вонзить... но замысль иной
 Волнуеть сердце Кочубея.

Была та смутная пора,
 Когда Россія молодая,
 Въ бореньяхъ силы напрягая,
 Мужала съ гениемъ Петра.
 Суровый былъ въ наукѣ славы
 Ей данъ учитель: не одинъ
 Урокъ нежданный и кровавый
 Задалъ ей шведскій паладинъ.
 Но въ искушеньяхъ долгой кары
 Перетерпѣвъ судебъ удары,
 Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
 Дробя стекло, куеть булатъ.

Вѣнчанный славой бесполезной,
 Отважный Карлъ скользилъ надъ бездною.

упоминаеть о патріотической думѣ, будто бы сочиненной Мзепю.
 Она замѣчательна не въ одномъ историческомъ отношеніи.

*) Бунчукъ и булава — знаки гетманскаго достоинства.

Онъ шелъ на древнюю Москву,
Взметая русскія дружины,
Какъ вихорь гонить прахъ долины
И клонить пыльную тразу.
Онъ шелъ путемъ, гдѣ слѣдъ оставилъ
Въ дни наши новый, сильный врагъ,
Когда паденіемъ ославилъ
Мужъ рока свой попятный шагъ *).

Украина глухо волновалась.
Давно въ ней искра разгоралась;
Друзья кровавой старины ²
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,
Чтобъ гетманъ узы ихъ расторгъ,
И Карла ждалъ нетерпѣливо
Ихъ легкомысленный восторгъ.
Вокругъ Мазепы раздавался
Мятежный крикъ: „Пора, пора!“
Но старый гетманъ оставался
Послушнымъ подданнымъ Петра.
Храня суровость обычайну,
Спокойно вѣдалъ онъ Украину,
Молвъ, казалось, не внималъ
И равнодушно пировалъ.

„Что жъ гетманъ?“ юноши твердили:
„Онъ изнемогъ; онъ слишкомъ старъ;
„Труды и годы угасили
„Въ немъ прежній, дѣятельный жаръ.
„Зачѣмъ дрожащею рукою
„Еще онъ носить булаву?
„Теперь бы грянуть намъ войною
„На ненавистную Москву!

*) Смотр. Мазепу Байрона.

„Когда бы старый Дорошенко *),
 „Иль Самойловичъ молодой **),
 „Иль нашъ Палѣй ***), иль Гордѣнко ****)
 „Владѣли силой войсковою;
 „Тогда бъ въ снѣгахъ чужбины дальней
 „Не погибали казаки,
 „И Малороссіи печальной
 „Освобождались ужь полки“. *****)

Такъ, своеволіемъ пылая,
 Роптала юность удалая,
 Опасныхъ алча перемѣнъ,
 Забывъ отчизны давній плѣнъ,
 Богдана счастливые споры,
 Святыя брани, договоры,
 И славу дѣдовскихъ временъ.
 Но старость ходитъ осторожно
 И подозрительно глядитъ:
 Чего нельзя и что возможно,
 Еще не вдругъ она рѣшитъ.
 Кто снидетъ въ глубину морскую
 Покрытую недвижно льдомъ?
 Кто испытующимъ умомъ
 Проникнетъ бездну роковую
 Души коварной? Думы въ ней
 Плоды подавленныхъ страстей,
 Лежатъ погружены глубоко,

*) Дорошенко, одинъ изъ героевъ древней Малороссіи, непримиримый врагъ русскаго владычества.

**) Григорій Самойловичъ, сынъ гетмана, сосланнаго въ Сибирь въ началѣ царствованія Петра I.

***) Симеонъ Палѣй, хвастовскій полковникъ, славный наѣздникъ. За своевольные набѣги сосланъ былъ въ Енисейскъ, по жалобамъ Мазепы. Когда сей послѣдній оказался измѣнникомъ, то и Палѣй, какъ закоренѣлый врагъ его, былъ возвращенъ изъ ссылки и находился въ полтавскомъ сраженіи.

****) Костя Гордѣнко, кошевой атаманъ запорожскихъ казаковъ. Въ послѣдствіи переданъ Карлу XII. Взятъ въ плѣнъ и казненъ въ 1708 г.
 *****) 20000 казаковъ было послано въ Лифляндію.

И замысль давнишнихъ дней,
Быть можетъ, зрѣеть одиноко.
Какъ знать? Но чѣмъ Мазепа злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,
Тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй
И въ обхожденіи простѣй.
Какъ онъ умѣетъ самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужія тайны разрѣшать!
Съ какой довѣрчивостью лживой,
Какъ добродушно на пирахъ,
Со старцами старикъ болтливый,
Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
Свободу славить съ своевольнымъ,
Поносить власти съ недовольнымъ,
Съ ожесточеннымъ слезы льетъ,
Съ глупцомъ разумну рѣчь ведетъ!
Немногимъ, можетъ быть, извѣстно,
Что духъ его неукротимъ,
Что радъ и честно, и безчестно
Вредить онъ недругамъ своимъ;
Что ни единой онъ обиды
Съ тѣхъ поръ, какъ живъ, не забывалъ;
Что далеко преступны виды
Старикъ надменный простиралъ;
Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ лить какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него.

Издавна умысль ужасный
Взлелѣялъ тайно злой старикъ
Въ душѣ своей. Но взоръ опасный,
Враждебный взоръ — его проникъ.

„Нѣтъ, дерзкій хищникъ, нѣтъ, губитель!“
 Скрежеша, мыслить Кочубей:
 „Я пощажу твою обитель,
 „Темницу дочери моей;
 „Ты не истлѣешь средь пожара,
 „Ты не издохнешь отъ удара
 „Казачьей сабли. Нѣтъ, злодѣй!
 „Въ рукахъ московскихъ палачей,
 „Въ крови, при тщетныхъ отрицаньяхъ,
 „На дыбѣ, корчась въ истязаньяхъ,
 „Ты проклянешь и день, и часъ,
 „Когда ты дочь крестилъ у насъ,
 „И пиръ, на коемъ чести чашу
 „Тебѣ я полно наливаль,
 „И ночь, когда голубку нашу
 Ты, старый коршунъ, заклевалъ!..

Такъ! было время: съ Кочубеемъ
 Былъ другъ Мазепа; въ оны дни,
 Какъ солью, хлѣбомъ и елеемъ,
 Дѣлились чувствами они.
 Ихъ кони по полямъ побѣды
 Скакали рядомъ сквозь огни;
 Нерѣдко долгія бесѣды
 Наединѣ вели они;
 Предъ Кочубеемъ гетманъ скрытный
 Души мятежной, ненасытной
 Отчасти бездну открываль,
 И о грядущихъ измѣненьяхъ,
 Переговорахъ, возмущеньяхъ
 Въ рѣчахъ неясныхъ намекаль.
 Такъ, было сердце Кочубея
 Въ то время предано ему;
 Но, въ горькой злобѣ свирѣпѣя,
 Теперь позыву одному
 Оно послушно; онъ голубить

Едину мысль и день и ночь:
Иль самъ погибнетъ, иль погубить —
Отмститъ поруганную дочь. ³

Но предприимчивую злобу
Онъ крѣпко въ сердцѣ затаилъ.
„Въ безсильной горести, ко гробу
„Теперь онъ мысли устремилъ.
„Онъ зла Мазепѣ не желаетъ
„Всему виновна дочь одна;
„Но онъ и дочери прощаетъ:
„Пусть Богу дастъ отвѣтъ она,
„Покрывъ семью свою позоромъ,
„Забывъ и небо, и законъ...“

А между тѣмъ, орлинымъ взоромъ
Въ кругу домашнемъ ищетъ онъ
Себѣ товарищей отважныхъ,
Неколебимыхъ, непродажныхъ.
Во всемъ открылся онъ женѣ: *)
Давно въ глубокой тишинѣ
Уже доносъ онъ грозный копить,
И гнѣва женскаго полна,
Нетерпѣливая жена
Супруга злобнаго торопить.
Въ тиши ночной, на ложѣ сна,
Какъ нѣкій духъ, ему она
О мщеньѣ шепчетъ, укоряетъ,
И слезы льетъ, и ободряетъ,
И клятвы требуетъ — и ей
Клянется мрачный Кочубей.
Ударъ ⁴ обдуманъ. Съ Кочубеемъ
Безстрашный Искра за одно, **)

*) Мазепа въ одномъ письмѣ упрекаетъ Кочубея въ томъ, что имъ управляетъ жена его, гордая и высокоумная.

**) Искра, полтавскій полковникъ, товарищъ Кочубея, раздѣлившій съ нимъ его умыселъ и участь.

И оба мыслять: „одолѣемъ!“
 Врага паденье рѣшено.
 Но кто жь, усердьемъ пламенѣя,
 Ревнуя къ общему добру,
 Донось на мощнаго злодѣя
 Предубѣжденному Петру
 Къ ногамъ положить, не робѣя?

Между полтавскихъ казаковъ,
 Презрѣнныхъ дѣвою несчастной,
 Одинъ съ младенческихъ годовъ
 Ее любилъ любовью страстной.
 Вечерней, утренней порой,
 На берегу рѣки родной,
 Въ тѣни украинскихъ черешень,⁵
 Бывало, онъ Марію ждалъ,
 И ожиданіемъ страдалъ,
 И краткой встрѣчей былъ утѣшенъ.
 Онъ безъ надеждъ ее любилъ,
 Не докучалъ онъ ей мольбою:
 Отказа бѣ онъ не пережилъ.
 Когда наѣхали толпою
 Къ ней женихи, — изъ ихъ рядовъ
 Уныль и сирь онъ удалился.
 Когда же вдругъ межъ казаковъ
 Позоръ Маринъ огласился,
 И беспощадная молва
 Ее со смѣхомъ поразила —
 И тутъ Марія сохранила
 Надъ нимъ привычныя права.⁶
 Но если кто хотя случайно
 Предъ нимъ Мазепу называлъ,
 То онъ блѣднѣлъ, терзаясь тайно,
 И взоры въ землю опускалъ.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ
 Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?

Чей это конь неутомимый
Бѣжить въ степи необозримой?

Казакъ на сѣверъ держить путь,
Казакъ не хочетъ отдохнуть
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ, ⁷
Ни при опасной переправѣ.

Какъ стекло булатъ его блестить,
Мѣшокъ за пазухой звенить,
Не спотыкаясь, конь ретивый
Бѣжить, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
Булатъ — потѣха молодца,
Ретивый конь — потѣха тоже,
Но шапка для него дороже.

За шапку онъ оставить радъ
Коня, червонцы и булатъ,
Но выдастъ шапку только съ бою,
И то лишь съ буйной головою.

Зачѣмъ онъ шапкой дорожить?
Зачѣмъ, что въ ней доносъ зашить
Доносъ на гетмана-злодѣя
Царю Петру отъ Кочубея.

Грозы не чуя, между тѣмъ
Не ужасаемый ничѣмъ,
Мазепа козни продолжаетъ;
Съ нимъ полномощный езуитъ *)
Мятежъ народный учреждаетъ

*) Езуитъ Заленскій, княгиня Дульская и какой-то болгарскій архі-епископъ, изгнанный изъ своего отечества, были главными агентами Мазепиной измѣны. Послѣдній въ видѣ нищаго ходилъ изъ Польши въ Украину и обратно.

И шаткій тронъ ему сулить.
 Во тьмѣ ночной они, какъ воры,
 Ведуть свои переговоры,
 Измѣну цѣнять межъ собой,
 Слагаютъ цифрѣ универсаловъ, *)
 Торгуютъ царской головой,
 Торгуютъ клятвами вассаловъ.
 Какой-то нищій во дворецъ
 Невѣдомо отколѣ ходитъ,
 И Орликъ, гетмановъ дѣлецъ, **)
 Его приводитъ и выводитъ.
 Повсюду тайно сѣютъ ядъ
 Его подосланные слуги:
 Тамъ, на Дону, казачьи круги
 Они съ Булавинымъ мутятъ, ***)
 Тамъ будятъ дикихъ ордъ отвагу,
 Тамъ, за порогами Днѣпра,
 Стращаютъ буйную ватагу
 Самодержавіемъ Петра.
 Мазепа всюду взоръ кидаетъ,
 И письма шлетъ изъ края въ край;
 Угрозою хитрой подымаетъ
 Онъ на Москву Бахчисарай;
 Король ему въ Варшавѣ внемлетъ,
 Въ стѣнахъ Очакова — паша,
 Во станѣ — Карлъ и царь. Не дремлетъ
 Его коварная душа;
 Онъ, думой думу развивая,
 Вѣрнѣй готовить свой ударъ;
 Въ немъ не слабѣетъ воля злая,
 Неутомимъ преступный жаръ.

*) Такъ назывались манифесты гетмановъ.

**) Филиппъ Орликъ, генеральный писарь, наперсникъ Мазепы, послѣ смерти (въ 1710) сего послѣдняго, получилъ отъ Карла XII пустой титулъ малороссійскаго гетмана. Впослѣдствіи принялъ магомеданскую вѣру, и умеръ въ Бендерахъ около 1736 года.

***) Булавинъ, донской казакъ, бунтовавшій около того времени.

Но какъ онъ вздрогнулъ, какъ воспрянулъ,
 Когда предъ нимъ внезапно грянулъ
 Упадшій громъ! Когда ему,
 Врагу Россіи, самому
 Вельможи русскіе послали *)
 Въ Полтавѣ писанный доносъ,
 И вмѣсто праведныхъ угрозъ,
 Какъ жертвѣ, ласки расточали;
 И, озабоченный войной,
 Гнушаясь мнимой клеветой,
 Доносъ оставя безъ вниманья,
 Самъ царь Іуду утѣшалъ,
 И злобу шумомъ наказанья
 Смирить надолго обѣщаль!

Мазепа, въ горести притворной,
 Къ царю возноситъ гласъ покорный.
 И знаетъ Богъ, и видитъ свѣтъ:
 Онъ, бѣдный гетманъ, двадцать лѣтъ
 Царю служилъ душою вѣрной;
 Его щедротою безмѣрной
 Осыпанъ, дивно вознесенъ...
 О, какъ слѣпа, безумна злоба!..
 Ему ль теперь, у двери гроба,
 Начать ученіе измѣнъ
 И потемнять благу ю славу?
 Не онъ ли помощь Станиславу **)
 Съ негодованьемъ отказалъ, ^в
 Стыдясь, отвергъ вѣнецъ Украйны,
 И договоръ, и письма тайны
 Къ царю, по долгу, отослалъ?
 Не онъ ли наущеньямъ хана ***)

*) Тайный секретарь Шафировъ и гр. Головкинъ, друзья и покровители Мазепы; на нихъ по справедливости долженъ лежать ужасъ суда и казни доносителей.

**) Въ 1705 году. Смotr. примѣчанія къ Исторіи Малороссіи, Б.-Каменскаго.

***) Во время неудачнаго похода въ Крымъ, Казы-Гирей предлагалъ ему соединиться съ нимъ и вмѣстѣ напасть на русское войско.

И цареградскаго султана
 Быль глухъ, усердіемъ горя,
 Съ врагами бѣлаго царя
 Умомъ и саблей радъ былъ спорить.
 Трудовъ и жизни не жалѣлъ? —
 И нынѣ злобный недругъ смѣлъ
 Его сѣдины опозорить!
 И кто же? Искра, Кочубей!
 Такъ долго бывъ его друзьями!
 И съ кровожадными слезами,
 Въ холодной дерзости своей,
 Ихъ казни требуетъ злодѣй... *)

Чьей казни?.. Старецъ непреклонный!
 Чья дочь въ объятіяхъ его?
 Но хладно сердца своего
 Онъ заглушаетъ ропотъ сонный.
 Онъ говорить: „Въ неравный споръ
 „Зачѣмъ вступаетъ сей безумецъ?
 „Онъ самъ, надменный вольнодумецъ,
 „Самъ точить на себя топоръ.
 „Куда бѣжить, зажавши вѣжды?
 „На чемъ онъ основалъ надежды?
 „Или... Но дочери любовь
 „Главы отцовской не искупить;
 „Любовникъ гетману уступить,
 „Не то — моя прольется кровь.“

Марія, бѣдная Марія,
 Краса черкасскихъ дочерей!
 Не знаешь ты, какого змія
 Ласкаешь на груди своей.
 Какой же властью непонятной

*) Въ своихъ письмахъ онъ жаловался, что доносителей пытали слишкомъ легко, неотступно требовалъ ихъ казни, сравнивая себя съ Сусанною, неповинно оклеветанною незаконными старцами, а графа Головкина съ пророкомъ Даниломъ.

Къ душѣ свирѣпой и развратной
Такъ сильно ты привлечена?
Кому ты въ жертву отдана?
Его кудрявья сѣдины,
Его глубокія морщины,
Его блестящій, впалый взоръ,
Его лукавый разговоръ
Тебѣ всего, всего дороже:
Ты мать забыть для нихъ могла,
Соблазномъ посланное ложе
Ты отчей сѣни предпочла!
Своими чудными очами
Тебя старикъ заморозилъ,
Своими тихими рѣчами
Въ тебѣ онъ совѣсть усыпилъ;
Ты на него съ благоговѣньемъ
Возводишь ослѣпленный взоръ,
Его лелѣешь съ умиленьемъ —
Тебѣ приятенъ твой позоръ,
Ты имъ въ безумномъ упоеньѣ,
Какъ цѣломудріемъ горда —
Ты прелесть нѣжную стыда
Въ своемъ утратила паденьѣ...

Что стыдъ Маріи? Что молва?
Что для нея мірскія пени,
Когда склоняется въ колѣни
Къ ней старца гордая глава,
Когда съ ней гетманъ забываетъ
Судьбы своей и трудъ, и шумъ,
Иль тайны смѣлыхъ, грозныхъ думъ
Ей, дѣвѣ робкой, открываетъ?
И дней невинныхъ ей не жаль,
И душу ей одна печаль
Порой, какъ туча, затмеваетъ:
Она унылыхъ предъ собой
Отца и мать воображаетъ;

Она, сквозь слезы, видит ихъ
 Въ бездѣтной старости однихъ .
 И, мнится, пенямъ ихъ внимаеть...
 О, если бѣ вѣдала она,
 Чтò ужь узнала вся Украина!
 Но отъ нея сохранена
 Еще убійственная тайна.

(3 октября).

Пѣснь вторая.

Мазепа мраченъ. Умъ его
 Смущенъ жестокими мечтами;
 Марія нѣжными очами
 Глядитъ на старца своего.
 Она, обнявъ его колѣни,
 Слова любви ему твердитъ;
 Напрасно: черныхъ помышлений
 Ея любовь не удалитъ.
 Предъ бѣдной дѣвой съ невниманьемъ
 Онъ хладно потупляетъ взоръ,
 И ей на ласковый укоръ
 Однимъ отвѣтствуетъ молчаньемъ
 Удивлена, оскорблена,
 Едва дыша, встаетъ она
 И говоритъ съ негодованьемъ:

Марія.

Послушай, гетманъ: для тебя
 Я позабыла все на свѣтѣ.
 Навѣкъ однажды полюбя,
 Одно имѣла я въ предметъ —
 Твою любовь. Я для неѣ
 Сгубила счастье мое.
 Но ни о чемъ я не жалѣю;
 Ты помнишь: въ страшной тишинѣ,
 Въ ту ночь, какъ стала я твоею,

Меня любить ты клялся мнѣ.
Зачѣмъ же ты меня не любишь?

Мазепа.

Мой другъ, несправедлива ты!
Оставь безумныя мечты:
Ты подозрѣнемъ сердце губишь.
Нѣтъ, душу пылкую твою
Волнуютъ, ослѣпляютъ страсти.
Марія, вѣрь: тебя люблю
Я больше славы, больше власти.

Марія.

Неправда; ты со мной хитришь.
Давно ль мы были неразлучны?
Теперь ты ласкъ моихъ бѣжишь,
Теперь онѣ тебѣ докучны;
Ты цѣлый день въ кругу старшинъ
Въ пирахъ, разѣздахъ — я забыта;
Ты долгой ночью иль одинъ,
Иль съ нищимъ, иль у езуита.
Любовь смиренная моя
Встрѣчаетъ хладную суровость.
Ты пилъ недавно, знаю я,
Здоровье Дульской. Это новость;
Кто эта Дульская?

Мазепа.

И ты
Ревнива? Мнѣ ль, въ мои ли лѣта
Искать надменнаго привѣта
Самолюбивой красоты?
И стану ль я, старикъ суровый,
Какъ праздный юноша, вздыхать,
Влачить позорныя оковы
И жень притворствомъ искушать?

Марія.

Нѣтъ, объяснись безъ отговорокъ
И просто, прямо отвѣчай.

Мазепа.

Покой души твоей мнѣ дорогъ,
Марія; такъ и быть, узнай.
Давно замыслили мы дѣло;
Теперь оно кипитъ у насъ;
Благое время намъ приспѣло;
Борьбы великой близокъ часъ.
Безъ милой вольности и славы
Склоняли долго мы главы
Подъ покровительствомъ Варшавы,
Подъ самовластіемъ Москвы.
Но независимой державой
Украинѣ быть уже пора —
И знамя вольности кровавой
Я подымаю на Петра.
Готово все: въ переговорахъ
Со мною оба короля;
И скоро въ смутахъ, въ бранныхъ спорахъ,
Быть можетъ, тронъ воздвигну я.
Друзей надежныхъ я имѣю:
Княгиня Дульская, и съ нею
Мой езуитъ, да нищій сей
Къ концу мой замысль приводятъ:
Черезъ руки ихъ ко мнѣ доходятъ
Наказы, письма королей.
Вотъ важныя тебѣ признанья.
Довольна ль ты? Твои мечтанья
Разсѣяны ль?

Марія.

О милый мой!
Ты будешь царь земли родной!

Твоимъ сѣдинамъ какъ пристанеть
Корона царская!

Мазепа.

Постой,
Не все свершилось. Буря грянетъ...
Кто можетъ знать, что ждетъ меня?

Марія.

Я близъ тебя не знаю страха —
Ты такъ могущъ! О, знаю я:
Тронъ ждетъ тебя.

Мазепа.

А если плаха?..

Марія.

Съ тобой на плаху, если такъ...
Ахъ, пережить тебя могу-ли?
Но нѣтъ, ты носишь власти знакъ.

Мазепа.

Меня ты любишь?

Марія.

Я! люблю-ли?

Мазепа.

Скажи: отецъ или супругъ
Тебѣ дороже?

Марія.

Милый другъ,
Къ чему вопросъ такой? Тревожить
Меня напрасно онъ. Семейю
Стаюсь я забыть мою.
Я стѣла ей въ позоръ; быть можетъ

(Какая страшная мечта!),
 Моимъ отцомъ я проклята, —
 А за кого?

Мазепа.

Такъ я дороже
 Тебѣ отца? Молчишь...

Марія.

О Боже!

Мазепа.

Что-жь? Отвѣчай.

Марія.

Рѣши ты самъ.

Мазепа.

Послушай: если было бѣ намъ,
 Ему иль мнѣ, погибнуть надо,
 А ты бы намъ судьей была,
 Кого бѣ ты въ жертву принесла,
 Кому бы ты была ограда?

Марія.

Ахъ, полно! сердце не смущай!
 Ты искунитель.

Мазепа.

Отвѣчай!

Марія.

Ты блѣденъ; рѣчь твоя сурова...
 О, не сердись! Всѣмъ, всѣмъ готова
 Тебѣ я жертвовать, повѣрь; ¹
 Но страшны мнѣ слова такія.
 Довольно.

Мазепа.

Помни же, Марія,
Что ты сказала мнѣ теперь.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ,
И пышныхъ гетмановъ сады
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопоть и смятенье.
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
Въ глубокомъ, тяжкомъ размысленьѣ,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.

Завтра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслить объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему? Желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрема долить. Но, Боже правый!
Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье,
Утратить жизнь — и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху вестъ,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ,
И смерти кинуться въ объятъя,

Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему!..

И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни наслаждался,
Что добровольно бросилъ онъ,
И для чего? —

Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ — и пробужденъ
Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ креста,
Грѣховъ могущій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной приобщусь!

И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святого,
Онъ гостя узнаетъ иного — ²
Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
И, отвращеніемъ томимъ,
Страдалецъ горько вопрошаетъ:
Ты здѣсь, жестокій человѣкъ?
Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
Еще Мазепа возмущаетъ?

Орликъ.

Допросъ не конченъ; отвѣчай.

Кочубей.

Я отвѣчалъ уже; ступай,
Оставь меня.

Орликъ.

Еще признанья
Панъ гетманъ требуетъ.

Кочубей.

Но въ чемъ?

Давно сознался я во всемъ,
Что вы хотѣли. Показанья
Мои всѣ ложны Я лукавъ,
Я строю козни. Гетманъ правъ.
Чего вамъ болѣе?

Орликъ.

Мы знаемъ,
Что ты несчетно былъ богатъ;
Мы знаемъ: не единый кладъ
Тобой въ Диканькѣ укрываемъ. *)
Свершиться казнь твоя должна;
Твое имѣніе сполна
Въ казну поступить войсковую, —
Таковъ законъ. Я указую
Тебѣ послѣдній долгъ: открой
Гдѣ клады, скрытые тобой?

Кочубей.

Такъ, не ошиблись вы: три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада.

*) Деревня Кочубея.

И первый кладъ мой — честь была:
 Кладъ этотъ пытка отняла;
 Другой былъ кладъ невозвратимый —
 Честь дочери моей любимой.
 Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:
 Мазепа этотъ кладъ укралъ.
 Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
 Мой третій кладъ — святую месть:
 Ее готовлюсь Богу снести.

Орликъ.

Старикъ, оставь пустыя бредни:
 Сегодня, покидая свѣтъ,
 Питайся мыслию суровой.
 Шутить не время. Дай отвѣтъ,
 Когда не хочешь пытки новой:
 Гдѣ спряталъ деньги?

Кочубей.

Злой холопъ!
 Окончишь ли допросъ нелѣпый?
 Повремени: дай лечь мнѣ въ гробъ,
 Тогда ступай себѣ съ Мазепой
 Мое наслѣдіе считать
 Окровавленными перстами,
 Мои подвалы разрывать,
 Рубить и жечь сады съ домами.
 Съ собой возьмите дочь мою:
 Она сама вамъ все расскажетъ,
 Сама всѣ клады вамъ укажетъ;
 Но ради Господа молю,
 Теперь оставь меня въ покоѣ.

Орликъ.

Гдѣ спряталъ деньги? Укажи.
 Не хочешь? — Деньги гдѣ? — Скажи,
 Иль выйдетъ слѣдствіе плохое.

Подумай: мѣсто намъ назначь.
Молчишь?—Ну, въ пытку. Гей, палачь! *)

Палачь вошелъ...

О, ночь мученій!

Но гдѣ же гетманъ? Гдѣ злодѣй?

Куда бѣжалъ отъ угрызеній

Змѣиной совѣсти своей?

Въ свѣтлицѣ дѣвы усыпленной,

Еще незнаніемъ блаженной,

Близь ложа крестницы молодой

Сидитъ съ поникшею главой

Мазепа тихій и угрюмый.

Въ его душѣ проходятъ думы

Одна другой мрачнѣй, мрачнѣй.

„Умреть безумный Кочубей;

„Спасти нельзя его. Чѣмъ ближе

„Цѣль гетмана, тѣмъ тверже онъ

„Быть долженъ властью облеченъ,

„Тѣмъ передъ нимъ склоняться ниже

„Должна вражда. Спасенья нѣтъ:

„Доносчикъ и его клеветъ

„Умрутъ.“ Но, броса взоръ на ложе

Мазепа думаетъ: „О Боже!

„Что будетъ съ ней, когда она

„Услышитъ слово роковое?

„Досель она еще въ покоѣ, —

„Но тайна быть сохранена

„Не можетъ долѣе. Сѣкира,

„Упавъ поутру, загремитъ

„По всей Украинѣ. Голось міра

„Вокругъ нея заговорить!..

„Ахъ, вижу я: кому судьбою

„Волненья жизни суждены,

*) Уже осужденный на смерть, Кочубей былъ пытанъ въ войскѣ гетмана. По отвѣтамъ несчастнаго видно, что его допрашивали о сокровищахъ, имъ утаенныхъ.

„Тоть стой одинь передь грозою,
 „Не призывай къ себѣ жены:
 „Въ одну телѣгу впрячь не можно
 „Коня и трепетную лань.
 „Забылся я неосторожно —
 „Теперь плачу безумства дань...
 „Все, что цѣны себѣ не знаетъ,
 „Все, все, чѣмъ жизнь мила бываетъ,
 „Бѣдняжка принесла мнѣ въ даръ,
 „Мнѣ, старцу мрачному, — и что же?
 „Какой готовлю ей ударъ!..“

И онъ глядитъ: на тихомъ ложѣ
 Какъ сладокъ юности покой!
 Какъ сонъ ее лелѣетъ нѣжно!
 Уста раскрылись; безмятежно
 Дыханье груди молодой;
 А завтра, завтра... Содрогаюсь,
 Мазепа отвращаетъ взглядъ,
 Встаетъ и, тихо пробираясь,
 Въ уединенный сходить садъ.

Тиха украинская ночь.
 Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
 Своей дремоты превозмочь
 Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
 Сребристыхъ тополей листы.
 Но мрачны странныя мечты
 Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи,
 Какъ обвинительныя очи,
 За нимъ насмѣшливо глядятъ,
 И тополи, стѣснившись въ рядъ,
 Качая тихо головою,
 Какъ судьи, шепчутъ межъ собою,
 И лѣтней, теплой ночи тьма
 Душна, какъ черная тюрьма.

Вдругъ... слабый крикъ... невнятный стонъ
 Какъ бы изъ замка слышитъ онъ.

То былъ ли сонъ воображенья,
Иль плачь совы, иль звѣря вой,
Иль пытки стонъ, иль звукъ иной —
Но только своего волненья
Преодолѣть не могъ старикъ,
И на протяжный, слабый крикъ
Другимъ отвѣтствовалъ — тѣмъ крикомъ,
Которымъ онъ въ весельѣ дикомъ
Поля сраженья оглашалъ,
Когда съ Забѣлой, съ Гамалѣемъ,
И — съ нимъ... и съ этимъ Кочубеемъ
Онъ въ бранномъ пламени скакалъ.

Зари багряной полоса
Объемлетъ ярко небеса.
Блеснули доли, холмы, нивы,
Вершины рощъ и волны рѣкъ,
Раздался утра шумъ игривый,
И пробудился человѣкъ.

Еще Марія сладко дышитъ,
Дремой объятая, и слышитъ
Сквозь легкій сонъ, что кто-то къ ней
Вошелъ и ногъ ея коснулся.
Она проснулась — но скорѣй
Съ улыбкой взоръ ея сомкнулся
Отъ блеска утреннихъ лучей.
Марія руки протянула
И съ нѣгой томною шепнула:
„Мазепа, ты?“.. Но голосъ ей
Иной отвѣтствуетъ... О, Боже!
Вздвогнувъ, она глядитъ... И что же?
Предъ нею мать...

Мать.

Молчи, молчи,
Не погуби насъ: я въ ночи

Сюда прокралась осторожно
 Съ единой, слезною мольбой.
 Сегодня казнь. Тебѣ одной
 Свирѣпство ихъ смягчить возможно.
 Спаси отца!

Дочь (въ ужасѣ).

Какой отецъ?

Какая казнь?

Мать.

Иль ты донынѣ
 Не знаешь?.. Нѣтъ! Ты не въ пустынѣ.
 Ты во дворцѣ; ты знать должна,
 Какъ сила гетмана грозна,
 Какъ онъ враговъ своихъ караетъ,
 Какъ государь ему внимаетъ.
 Но вижу, скорбную семью
 Ты отвергаешь для Мазепы;
 Тебя я сонну застаю,
 Когда свершаютъ судъ свирѣпый,
 Когда читаютъ приговоръ,
 Когда готовъ отцу топоръ...
 Другъ другу, вижу, мы чужія...
 Опомнись, дочь моя! Марія,
 Бѣги, нади къ его ногамъ,
 Спаси отца, будь ангель намъ:
 Твой взглядъ злодѣямъ руки свяжетъ,
 Ты можешь ихъ топоръ отвести.
 Рвись, требуй—гетманъ не откажетъ:
 Ты для него забыла честь,
 Родныхъ и Бога...

Дочь.

Что со мною?

Отецъ... Мазепа... казнь... съ мольбою
 Здѣсь, въ этомъ замкѣ, мать моя —

Нѣтъ, иль ума лишилась я,
Иль это грезы...

Мать.

Богъ съ тобою!
Нѣтъ, нѣтъ — не грезы, не мечты.
Ужель еще не знаешь ты,
Что твой отецъ ожесточенный
Безчестья дочери не снесъ
И, жаждой мести увлеченный,
Царю на гетмана донесъ;
Что въ истязаніяхъ кровавыхъ
Сознался въ умыслахъ лукавыхъ,
Въ стыдѣ безумной клеветы;
Что, жертва смѣлой правоты,
Врагу онъ выданъ головою;
Что предъ громадой войсковою,
• Когда его не осѣнитъ
Десница вышня Господня,
Онъ долженъ быть казненъ сегодня;
Что здѣсь, покамѣстъ, онъ сидитъ
Въ тюремной башнѣ.

Дочь.

Боже, Боже!..
Сегодня!.. Бѣдный мой отецъ!

И дѣва падаетъ на ложе,
Какъ хладный падаетъ мертвецъ.

Пестрѣютъ шапки. Копья блещутъ.
Бьютъ бубны. Скачутъ сердюки. *)
Въ строяхъ равняются полки.
Толпы кипятъ. Сердца трепещутъ.
Дорога, какъ змѣиный хвостъ,
Полна народу, шевелится.

*) Войско, состоящее на собственномъ иждивеніи гетмановъ.

Средь поля роковой помость;
На немъ гуляетъ, веселится
Палачъ и алчно жертвы ждетъ:
То въ руки бѣлая беретъ,
Играючи, топоръ тяжелый,
То шутить съ чернію веселой.
Въ гремящій говоръ все слилось:
Крикъ женскій, брань, и смѣхъ, и ропоть...
Вдругъ восклицанье раздалось —
И смолкло все. Лишь конскій топоть
Былъ слышенъ въ грозной тишинѣ.
Тамъ, окруженный сердюками,
Вельможный гетманъ съ старшинами
Скакалъ на ворономъ конѣ,
А тамъ, по кievской дорогѣ,
Телѣга ѣхала. Въ тревогѣ
Всѣ взоры обратили къ ней.
Въ ней, съ міромъ, съ небомъ примиренный. •
Могущей вѣрой укрѣпленный,
Сидѣлъ безвинный Кочубей;
Съ нимъ Искра, тихій, равнодушный,
Какъ агнецъ, жребію послушный.
Телѣга стала. Раздалось
Моленье ликовъ громогласныхъ;
Съ кадилъ куренье поднялось;
За упокой души несчастныхъ
Безмолвно молится народъ,
Страдальцы — за враговъ. И вотъ,
Идутъ они, взошли. На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Какъ будто въ гробъ — тьмы людей
Молчать. Топоръ блеснулъ съ размаху,
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней, мигая.
Зардѣлась кровію трава —
И сердцемъ радуясь во злобѣ,

Палачъ за чубъ поймалъ ихъ обѣ,
И напряженною рукой
Потрясъ ихъ обѣ надъ толпой.

Свершилась казнь. Народъ безпечный
Идетъ, разсыпавшись, домой,
И про свои работы вѣчны
Уже толкуеть межъ собой.
Пустѣетъ поле понемногу.
Тогда чрезъ пеструю дорогу
Перебѣжали двѣ жены.
Утомлены, запылены,
Онѣ, казалось, къ мѣсту казни
Спѣшили, полныя боязни.
„Ужь поздно!“ кто-то имъ сказалъ
И въ поле перстомъ указалъ.
Тамъ роковой помость ломали,
Молился въ черныхъ ризахъ попъ,
И на телѣгу подымали
Два казака дубовый гробъ.

Одинъ предъ конною толпой
Мазепа, грозень, удалялся
Отъ мѣста казни. Онъ терзался
Какой-то страшной пустотой.
Никто къ нему не приближался;
Не говорилъ онъ ничего;
Весь въ пѣнѣ мчался конь его.
Домой пріѣхавъ, „что Марія?“
Спросилъ Мазепа. Слышитъ онъ
Отвѣты робкіе, глухіе...
Невольно страхомъ пораженъ,
Идетъ онъ къ ней; въ свѣтлицу входитъ —
Свѣтлица тихая пуста.
Онъ въ садъ, и тамъ смятенный бродить;
Но вокругъ широкаго пруда,
Въ кустахъ, вдоль сѣней безмятежныхъ

Все пусто, нѣтъ нигдѣ слѣдовъ —
 Ушла! — Зоветъ онъ слугъ надежныхъ,
 Своихъ проворныхъ сердюковъ.
 Они бѣгутъ. Храпятъ ихъ кони —
 Раздался дикій кликъ погони,
 Верхомъ — и скачутъ молодцы
 Во весь опоръ, во всѣ концы.

Бѣгутъ мгновенья дорогія; —
 Не возвращается Марія.
 Никто не вѣдалъ, не слыхаль,
 Зачѣмъ и какъ она бѣжала.
 Мазепа молча скрежеталь;
 Затихнувъ, челядь трепетала.
 Въ груди кипучій ядъ нося,
 Въ свѣтлицѣ гетманъ заперся.
 Близъ ложа тамъ во мракъ ночи
 Сидѣлъ онъ, не смыкая очи,
 Нездѣшной мукою томимъ.
 Поутру посланные слуги
 Одинъ явились за другимъ.
 Чуть кони двигались. Подпруги,
 Подковы, узды, чепраки,
 Все было пѣною покрыто,
 Въ крови, растеряно, избито —
 Но ни одинъ ему принести
 Не могъ о бѣдной дѣвѣ вѣсть.
 И слѣдъ ея существованья
 Пропаль, какъ будто звукъ пустой,
 И мать одна во мракъ изгнанья
 Умчала горе съ нищетой.

(9 октября).

Пѣснь третья.

Души глубокая печаль
 Стремиться дерзновенно въ даль
 Вождю Украйны не мѣшаетъ.
 Твердѣя въ умыслѣ своемъ,
 Онъ съ гордымъ шведскимъ королемъ
 Свои сношенья продолжаетъ.
 Межъ тѣмъ, чтобъ обмануть вѣрнѣй
 Глаза враждебнаго сомнѣнья,
 Онъ, окружась толпой врачей,
 На ложѣ мнимаго мученья
 Стоная, молить исцѣленья.
 Плоды страстей, войны, трудовъ,
 Болѣзни, дряхлость и печали,
 Предтечи смерти, приковали
 Его къ одру. Уже готовъ
 Онъ скоро бранный мѣръ оставить;
 Святой обрядъ онъ хочетъ править,
 Онъ архипастыря зоветъ
 Ко одру сомнительной кончины,
 И на коварныя сѣдины
 Елей таинственный течеть.

Но вермя шло. Москва напрасно
 Къ себѣ гостей ждала всечасно,
 Средь старыхъ вражескихъ могиль
 Готова шведамъ тризну тайну.
 Незапно Карлъ поворотилъ
 И перенесъ войну въ Украйну.

И день насталь. Встаетъ съ одра
 Мазепа, сей страдалецъ хилый,
 Сей трупъ живой, еще вчера
 Стонавшій слабо надъ могилой.
 Теперь онъ мощный врагъ Петра;

Теперь онъ, бодрый, предъ полками
 Сверкаетъ гордыми очами
 И саблей машеть — и къ Деснѣ
 Проворно мчится на конѣ.
 Согбенный тяжко жизнью старой,
 Такъ оный хитрый кардиналь,
 Вѣнчавшись римскою тиарой,
 И прямъ, и здравъ, и молодъ сталь. ¹

И вѣсть на крыльяхъ полетѣла;
 Украина смутно зашумѣла:
 „Онъ перешель, онъ измѣнилъ,
 „Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
 „Бунчукъ покорный“. Пламя пышетъ.
 Встаетъ кровавая заря
 Войны народной.

Кто опишетъ
 Негодованье, гнѣвъ царя? *)
 Грemitъ анаѳема въ соборахъ;
 Мазепы ликъ терзаетъ катъ **);
 На шумной радѣ, въ вольныхъ спорахъ
 Другого гетмана творять.
 Съ береговъ пустынныхъ Енисея
 Семейства Искры, Кочубея
 Поспѣшно призваны Петромъ.
 Онъ съ ними слезы проливаетъ;
 Онъ ихъ, лаская, осыпаетъ

*) Сильныя мѣры, принятыя Петромъ съ обыкновенной его быстротой и энергіей, удержали Украину въ повиновеніи. „1708 г. ноября 7-го числа, по указу государеву, казаки, по обычаю своему, вольными головами выбрали въ гетманы полковника стародубскаго Ив. Скоропадскаго. 8-го числа пріѣхали въ Глуховъ кievскій, черниговскій и переяславскій архіепископы. — А 9-го дня предали клятвѣ Мазепу оныя архіереи публично, того же дня и персону (жуклу) онаго измѣнника Мазепы вынесли, и сцѣвъ кавалерію (которая на ту персону была надѣта съ бантомъ), оную персону бросили въ палачевскія руки, которую палачъ, взявъ и прицѣпя за веревку, тащилъ по улицѣ и по площади даже до висѣлицы, а потомъ повѣсили. — Въ Глуховѣ же, 10-го дня казнили Чечеля и прочихъ измѣнниковъ...“ (Журналъ Петра Великаго).

**) Малороссійское слово. По-русски палачъ.

И новой честью, и добромъ.
Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкій,
Старикъ Палѣй изъ мрака ссылки
Въ Украйну ѣдетъ, въ царскій станъ.
Трепещеть бунтъ осиротѣлый.
На плахѣ гибнетъ Чечель *) смѣлый
И запорожскій атаманъ.
И ты, любовникъ бранной славы,
Для шлема кинувшій вѣнецъ,
Твой близокъ день, — ты валъ Полтавы
Вдали завидѣлъ наконецъ.

И царь туда-жь помчалъ дружины.
Онѣ какъ буря притекли —
И оба стана средь равнины
Другъ-друга хитро облегли:
Не разъ избитый въ схваткѣ смѣлой,
Заранѣ кровью опьянѣлый,
Съ бойцомъ желаннымъ, наконецъ,
Такъ грозный сходится боецъ.
И, злобясь, видитъ Карль могучій
Ужь не разстроенная тучи
Несчастныхъ нарвскихъ бѣглецовъ,
А нить полковъ блестящихъ, стройныхъ,
Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
И рядъ незыблемый штыковъ.

Но онъ рѣшилъ: завтра бой.
Глубокій сонъ во станѣ шведа.
Лишь подъ палаткою одной
Ведется шопотомъ бесѣда.

„Нѣтъ, вижу я, нѣтъ, Орликъ мой,
Поторопились мы не кстатѣ:
Разсчесть и дерзкій, и плохой,

*) Чечель отчаянно защищалъ Батурина противъ войскъ кн. Мелешикова.

И въ немъ не будетъ благодати.
 Пропала, видно, цѣль моя.
 Что дѣлать? Далъ я промахъ важный:
 Ошибся въ этомъ Карлъ я.
 Онъ мальчикъ бойкій и отважный;
 Два - три сраженья разыграть,
 Конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ,
 Къ врагу на ужинъ прискакать *),
 Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ **);
 Не хуже русскаго стрѣлка
 Прокрасться въ ночь ко вражьей стану;
 Свалить, какъ нынче, казака
 И обмѣнять на рану рану ***);
 Но не ему вести борьбу
 Съ самодержавнымъ великаномъ.
 Какъ полкъ вертѣтся онъ судьбу
 Принудить хочеть барабаномъ;
 Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ,
 И легкомысенъ, и кичливъ,
 Богъ вѣсть, какому счастью вѣрнѣтъ;
 Онъ силы новыя врага
 Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ —
 Сломить ему свои рога.
 Стыжусь: воинственнымъ бродягой
 Увлекся я на старость лѣтъ;
 Былъ ослѣпленъ его отвагой
 И бѣглымъ счастьемъ побѣдъ,
 Какъ дѣва робкая“.

Орликъ.

Сраженья

*) Въ Дрезденъ къ королю Августу. Смотр. Voltaire, Hist. de Charles XII.

**) Ахъ, В. В.! бомба!.. — „Что есть общаго между бомбою и письмомъ, которое тебѣ диктую? Пиши“. Это случилось гораздо послѣ.

***) Ночью Карлъ, самъ осматривая нашъ лагерь, наѣхалъ на казаковъ, сидѣвшихъ у огня. Онъ поскакалъ прямо къ нимъ и одного изъ нихъ застрѣлилъ изъ собственныхъ рукъ. Казаки дали по немъ три выстрѣла и жестоко ранили его въ ногу.

Дождемся. Время не ушло
Съ Петромъ опять войти въ сношенья:
Еще поправить можно зло.
Разбитый нами, нѣтъ сомнѣнья,
Царь не отвергнетъ примиренья.

Мазепа.

Нѣтъ, поздно. Русскому царю
Со мной мириться невозможно.
Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стѣсненной злобой. Подъ Азовымъ
Однажды я съ царемъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ.
Полны виномъ, кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши;
Я слово смѣлое сказалъ.
Смутились гости молодые —
Царь, вспыхнувъ, чашу уронилъ
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отмстить себѣ я клятву далъ;
Носилъ ее — какъ мать во чревѣ
Младенца носить. Срокъ насталъ.
Такъ, обо мнѣ воспоминанье
Хранить онъ будетъ до конца.
Петру я посланъ въ наказанье;
Я тернъ въ листахъ его вѣнца.
Онъ далъ бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова, какъ во дни былые,
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для насъ надежды...
Кому бѣжать, рѣшить заря.

Умолкъ и закрываетъ вѣжды
Измѣнникъ русскаго царя,

Горить востокъ зарею новой;
 Ужь на равнинѣ, по холмамъ
 Грохочуть пушки. Дымъ багровый
 Кругами всходить къ небесамъ
 Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.²
 Полки ряды свои сомкнули;
 Въ кустахъ разсыпались стрѣлки;
 Катятся ядра, свищутъ пули;
 Нависли хладные штыки.
 Сыны любимые побѣды,
 Сквозь огонь окоповъ рвутся шведы;
 Волнуясь, конница летить;
 Пѣхота движется за нею
 И тяжелой твердостью своею
 Ея стремленія крѣпить.
 И битвы поле роковое
 Гремить, пылаетъ здѣсь и тамъ;
 Но явно счастье боевое
 Служить ужъ начинаетъ намъ.
 Пальбой отбитыя дружины,
 Мѣшаясь, падаютъ во прахъ;
 Уходитъ Розень сквозь тѣснины;
 Сдается пылкій Шлиппенбахъ;
 Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью
 Темнѣетъ слава ихъ знамень,
 И Бога браней благодатью
 Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда-то, свыше вдохновенный,
 Раздался звучный гласъ Петра:
 „За дѣло, съ Богомъ!“ Изъ шатра,
 Толпой любимцевъ окруженный,
 Выходитъ Петръ. Его глаза
 Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
 Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
 Онъ весь, какъ Божія гроза.³
 Идетъ. Ему коня подводятъ.

Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожить, глазами косо водить,
И мчится въ прахъ боевомъ,
Гордясь могущимъ сѣдокомъ.

Ужь близокъ полдень. Жаръ пылаеть.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки;
Равняясь, строятся полки;
Молчить музыка боевая;
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ;
И се — равнину оглашая,
Далече грянуло у р а:
Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сии птенцы гнѣзда Петрова —
Въ премѣнахъ жребія земного,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнигъ,
И счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.

Смущенный взоръ изобразилъ
 Необычайное волненье:
 Казалось, Карла приводилъ
 Желанный бой въ недоумѣнье...
 Вдругъ слабымъ маниемъ руки
 На русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины
 Сошлись въ дыму среди равнины —
 И грянулъ бой, полтавскій бой!
 Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
 Стѣной живою отраженнымъ,
 Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
 Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
 Отряды конницы летучей,
 Браздами, саблями звуча,
 Сшибаясь, рубятся съ плеча.
 Бросая груды тѣлъ на груды,
 Шары чугунные повсюду
 Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
 Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
 Шведъ, русскій — колетъ, рубитъ, рѣжетъ;
 Бой барабанный, клики, скрежетъ;
 Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
 И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ. ⁴

Среди тревоги и волненья,
 На битву взоромъ вдохновенья
 Вожди спокойные глядятъ, ⁵
 Движенья ратныя слѣдятъ,
 Предвидятъ гибель и побѣду
 И въ тишицѣ ведутъ бесѣду.
 Но близъ московскаго царя
 Кто воинъ сей подъ сѣдинами?
 Двумя поддержанъ казаками,
 Сердечной ревностью горя,
 Онъ окомъ опытнымъ героя

Взираетъ на волненье боя.
Ужь на коня не вскочить онъ:
Одряхъ, въ изгнаньѣ сиротѣя,
И казаки на кличъ Палѣя
Не налетятъ со всѣхъ сторонъ!
Но что жь его сверкнули очи
И гнѣвомъ, будто мглоу ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль онъ сквозь бранный дымъ увидѣлъ
Врага Мазепу, и въ сей мигъ
Свои лѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?

Мазепа, въ думу погруженный,
Взиралъ на битву, окруженный
Толпой мятежныхъ казаковъ,
Родныхъ, старшинъ и сердюковъ.
Вдругъ выстрѣлъ. Старецъ обратился.
У Войнаровскаго въ рукахъ
Мушкетный стволъ еще дымился.
Сраженный, въ нѣсколькихъ шагахъ
Младой казакъ въ крови валялся,
А конь, весь въ пѣнѣ и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь въ огненной дали.
Казакъ на гетмана стремился
Сквозь битву, съ саблею въ рукахъ,
Съ безумной яростью въ очахъ.
Старикъ, подѣхавъ, обратился
Къ нему съ вопросомъ. Но казакъ
Ужь умиралъ. Потухшій зракъ
Еще грозилъ врагу Россіи;
Былъ мраченъ помертвѣлый ликъ,
И имя нѣжное Маріи
Чуть лепеталъ еще языкъ.
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.

Ура! мы ломимъ; гнутся шведы;
 О славный часъ! о славный видъ!
 Еще напоръ — и врагъ бѣжить *);
 И слѣдомъ конница пустилась,
 Убійствомъ тупятся мечи,
 И падшими вся степь покрылась,
 Какъ роемъ черной саранчи.

Пируетъ Петръ. И гордь, и ясень,
 И славы полонъ взоръ его.
 И царскій пиръ его прекрасенъ:
 При кликахъ войска своего,
 Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
 Своихъ вождей, вождей чужихъ,
 И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
 И за учителей своихъ
 Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Но гдѣ же первый, званый гость?
 Гдѣ первый, грозный нашъ учитель,
 Чью долговременную злость
 Смирить полтавскій побѣдитель?
 И гдѣ жь Мазепа? Гдѣ злодѣй?
 Куда бѣжалъ Іуда въ страхъ?
 Зачѣмъ король не межъ гостей?
 Зачѣмъ измѣнникъ не на плахѣ? **)

*) Благодаря прекраснымъ распоряженіямъ и дѣйствіямъ кн. Меншикова, участь главнаго сраженія была рѣшена заранѣе. Дѣло не продолжалось и двухъ часовъ. „Ибо (сказано въ жур. Петр. Вел.) непобѣдимые господа шведы скоро хребетъ свой показали, и отъ нашихъ войскъ вся непріятельская армія весьма опрокинута“ Петръ въ послѣдствіи времени многое просалъ Данилычу за услуги, оказанныя въ сей день генераломъ кн. Меншиковымъ.

**) L'Empereur Moscovite pénétré d'une jole qu'il ne se mettait pas en peine de dissimuler (было о чемъ и радоваться) recevait sur le champ de bataille les prisonniers qu'on lui amenait en foule et demandait à tout moment: où est donc mon frère Charles?.. Alors prenant un verre de vin, à la santé, dit-il, de mes maîtres dans l'art de la guerre! — Renschild lui demanda: qui étaient ceux qu'il honorait d'un si beau titre. — Vous, messieurs les généraux suédois, reprit le Gzar. Votre Majesté est donc bien ingrate, reprit le comte, d'avoir tant maltraité ses maîtres.

Верхомъ, въ глуши степей нагихъ,
Король и гетманъ мчатся оба.
Бѣгутъ. Судьба связала ихъ.
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силу королю.
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ головою,
Онъ скачетъ, русскими гонимъ,
И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.

Обозрѣвая зоркимъ взглядомъ
Степей широкой полукругъ,
Съ нимъ старый гетманъ скачетъ рядомъ.
Предъ ними хуторъ... Что же вдругъ
Мазепа будто испугался?
Что мимо хутора помчался
Онъ стороной во весь опоръ?
Иль этотъ запускъ дворянъ,
И домъ, и садъ уединенный,
И въ поле отпертая дверь
Какой-нибудь рассказъ забвенный
Ему напомнили теперь?
Святой невинности губитель!
Узналъ ли ты сію обитель,
Сей домъ, веселый прежде домъ,
Гдѣ ты, виномъ разгоряченный,
Семьею счастливой окруженный,
Шутилъ, бывало за столомъ?
Узналъ ли ты пріютъ укромный,
Гдѣ мирный ангелъ обиталъ,
И садъ, откуда ночью темной
Ты вывелъ въ степь... Узналъ, узналъ!

Ночныя тѣни степь объемлютъ.
На брегъ синяго Днѣпра
Между скалами чутко дремлютъ

Враги Россіи и Петра.
 Щадятъ мечты покой героя,
 Уронъ Полтавы онъ забылъ.
 Но сонъ Мазепы смутенъ былъ:
 Въ немъ мрачный духъ не зналъ покоя.
 И вдругъ въ безмолвіи ночномъ
 Его зовуть. Онъ пробудился.
 Глядитъ: надъ нимъ, грозя перстомъ,
 Тихонько кто-то наклонился.
 Онъ вздрогнулъ, какъ подъ топоромъ...
 Предъ нимъ, съ развитыми власами,
 Сверкая впалыми глазами,
 Вся въ рубищѣ, худа, блѣдна,
 Стоитъ, луной освѣщена...
 „Иль это сонъ?.. Марія... ты ли?“

Марія.

Ахъ, тише, тише, другъ!.. Сейчасъ
 Отецъ и мать глаза закрыли...
 Постой... услышать могутъ насъ.

Мазепа.

Марія, бѣдная Марія!
 Опомнись! Боже!.. Что съ тобой?

Марія.

Послушай, хитрости какія!
 Что за рассказъ у нихъ смѣшной?
 Она за тайну мнѣ сказала
 Что умеръ бѣдный мой отецъ,
 И мнѣ тихонько показала
 Сѣдую голову — Творецъ!
 Куда бѣжать намъ отъ злорѣчья?
 Подумай: эта голова
 Была совсѣмъ не человѣчья,
 А волчья — видишь, какова!
 Чѣмъ обмануть меня хотѣла!

Не стыдно ль ей меня терзать?
И для чего? Чтобъ я не смѣла
Съ тобой сегодня убѣжать!
Возможно ль?

Съ горестью глубокой
Любовникъ ей внималъ жестокой.
Но, вихрю мыслей предана, ⁶
„Однакожь“, говоритъ она:
„Я помню поле... праздникъ шумный...
„И чернь... и мертвыя тѣла... ⁷
„На праздникъ мать меня вела...
„Но гдѣ жъ ты былъ?.. Съ тобою розно
„Зачѣмъ въ ночи скитаюсь я?
„Пойдемъ домой. Скорѣй.. ужь поздно...
„Ахъ, вижу, голова моя
„Полна волненія пустого:
„Я принимала за другого
„Тебя, старикъ. Оставь меня.
„Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ.
„Ты безобразенъ. Онъ прекрасенъ:
„Въ его глазахъ блеститъ любовь,
„Въ его рѣчахъ такая нѣга!
„Его усы бѣлѣе снѣга,
„А на твоихъ засохла кровь.“

И съ дикимъ смѣхомъ завизжала,
И легче серны молодой
Она вспрыгнула, побѣжала,
И скрылась въ темнотѣ ночной.

Рѣдѣла тѣнь. Востокъ алѣлъ.
Огонь казачій пламенѣлъ;
Пшеницу казаки варили;
Драбанты у берега Днѣпра
Коней разсѣдланныхъ поили.
Проснулся Карлъ. „Ого! пора!
„Вставай, Мазепа. Разсвѣтаетъ“.

Но гетманъ ужь не спитъ давно.
 Тоска, тоска его снѣдаетъ;
 Въ груди дыханье стѣснено.
 И молча онъ коня сѣдлаетъ,
 И скачетъ съ бѣглымъ королемъ,
 И страшно взоръ его сверкаетъ,
 Съ роднымъ прощаясь рubeжемъ.

Прошло сто лѣтъ — и что жь осталось
 Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
 Столь полныхъ волею страстей?
 Ихъ поколѣнье миновалось —
 И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
 Насилій, бѣдствій и побѣдъ.
 Въ гражданствѣ сѣверной державы,
 Въ ея воинственной судьбѣ,
 Лишь ты воздвигъ, герой Полтавы,
 Огромный памятникъ себѣ.
 Въ странѣ, гдѣ мельницъ рядъ крылатый
 Оградой мирной обступилъ ^и _к
 Бендеръ пустынные раскаты,
 Гдѣ бродятъ буйволы рогаты
 Вокругъ воинственныхъ могиль, —
 Останки разоренной сѣни,
 Три углубленныя въ землѣ
 И мхомъ поросшія ступени
 Гласятъ о шведскомъ королѣ.
 Съ нихъ отражалъ герой безумный,
 Одинъ, въ толпѣ домашнихъ слугъ,
 Турецкой рати приступъ шумный,
 И бросилъ шпагу подъ бунчукъ.
 И тщетно тамъ пришлецъ унылый
 Искаль бы гетманской могилы: ^в
 Забыть Мазепа съ давнихъ поръ;
 Лишь въ торжествующей святынѣ,
 Разъ въ годъ анаѣемой донинѣ

Грозя, гремитъ о немъ соборъ.
 Но сохранилася могила,
 Гдѣ двухъ страдальцевъ прахъ почиль:
 Межь древнихъ праведныхъ могилъ
 Ихъ мирно церковь приютила *).
 Цвѣтеть въ Диканькѣ древній рядъ
 Дубовъ, друзьями насажденныхъ;
 Они о праотцахъ казенныхъ
 Донинѣ внукамъ говорятъ.
 Но дочь-преступница... Преданья
 Объ ней молчать. Ея страданья,
 Ея судьба, ея конецъ
 Непроницаемою тьмою
 Отъ насъ закрыты. Лишь порою
 Слепой украинскій пѣвецъ,
 Когда въ селѣ передъ народомъ
 Онъ пѣсни гетмана бренчитъ,
 О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
 Казачкамъ юнымъ говоритъ.

(16 октября).

*) Обезглавленныя тѣла Искры и Кочубея были отданы родственникамъ и похоронены въ Кіевской лаврѣ; надъ ихъ гробомъ высѣчена слѣдующая надпись:

„Кто еси мимо грядый о насъ невѣдущій,
 Елицы здѣ естесмо положены суши.
 Понеже намъ страсть и смерть повелѣ молчати,
 Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати.
 И за правду и вѣрность ко Монархъ нашу,
 Странанія и смерти испилисмо чашу,
 Злуданьемъ Мазепы, всевѣчно правы,
 Посѣченны zostаше топоромъ во главы;
 Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матери Владычнѣ,
 Подающія всѣмъ своимъ рабомъ животь вѣчный.

Року 1708, мѣсяца юля 15 дня, посѣчены средь обозу войскового за Бѣлою Церковію на Боршаговцѣ и Ковшевомъ, благородный Василій Кочубей, судія генеральный; Иоаннъ Искра, полковникъ полтавскій. Привезены же тѣла ихъ юля 17 въ Кіевъ и того жъ дня въ обители святой Печерской на семъ мѣстѣ погребены.“

ХІІІ.

Домикъ въ Коломнѣ.

(1830).

„Повѣсть“ эта напечатана въ Новосельѣ Смирдина на 1833 годъ и затѣмъ вошла во 2-ю часть „Поэмъ и повѣстей“, изд. 1835 г. Написана она была въ памятную осень 1830 г., когда поэтъ, задержанный карантинными (по случаю холеры) въ своемъ нижегородскомъ имѣніи Болдинѣ, почувствовалъ особенный приливъ вдохновенія и творчества. Нѣсколько строфъ (IV—IX и XX—XXII) въ свое время не попали въ печать; но Пушкинъ, видимо, ими дорожилъ и не терялъ надежды ихъ напечатать: онѣ нашлись въ его бумагахъ особо переписанными и съ надписью: „Сія октава служили вступленіемъ къ шуточной поэмѣ, уже уничтоженной“. Теперь онѣ внесены на свое мѣсто. Кромѣ того, изъ подлинной рукописи Моск. Муз. № 2376 А, добавлены, въ примѣчанія, двѣ зачеркнутыя строфы и нѣсколько вариантовъ, еще не бывшихъ въ печати.

Рецензія явилась въ Лит. Приб. къ Рус. Инв. 1833, № 69. По словамъ Анненкова (Мат., 285), повѣсть „почти всѣми принята была за признакъ конечнаго паденія нашего поэта. Даже въ обществѣ старались не упоминать о ней въ присутствіи автора, щадя его самолюбіе... Пушкинъ все это видѣлъ, но не сердился и молчалъ...“

Modo vir, modo femina.
Ovidius.

I.

Четырестопный ямбъ мнѣ надоѣлъ:
Имъ пишетъ всякій. Мальчикамъ въ забаву
Пора бѣ его оставить. Я хотѣлъ
Давнымъ давно приняться за октаву.
А въ самомъ дѣлѣ: я бы совладѣлъ
Съ тройнымъ созвучіемъ. Пушусь на славу!
Вѣдь риѣмы запросто со мной живутъ:
Двѣ придуть сами, третью приведутъ.

II.

А чтобъ имъ путь открыть широкій, вольный,
Глаголы тотчасъ имъ я разрѣшу...
Вы знаете, что риѣмой наглагольной
Гнушаемся мы. Почему? ¹ Спрошу.
Такъ писывалъ Шахматовъ богомольный, ²
По большей части ³ такъ и я пишу.
Къ чему, скажите? Ужь и такъ мы голы:
Отнынѣ въ риѣмы буду брать глаголы.

III.

Не стану ихъ надменно браковать,
Какъ рекрутовъ, добившихся ⁴ увѣчья,
Иль какъ коней за ихъ плохую статью, ⁵
А подбирать союзы да нарѣчья;
Изъ мелкой сволочи вербую рать.
Мнѣ риѣмы нужны; всѣ готовъ обречь я,

Хоть весь словарь; что слогъ, то и солдатъ —
Всѣ годны въ строй; у насъ вѣдь не парадъ.

IV.

У насъ война! Красавцы молодые ⁶
Вы хрипуны (но хрипъ вашъ приумолкъ),
Сломали ль вы походы боевые?
Видали ль въ Персіи ширванскій полкъ?
Ужь люди! Мелочь, старички кривые,
А въ дѣлѣ всякъ изъ нихъ, что въ стадѣ волкъ!
Всѣ съ ревомъ такъ и лѣзутъ въ бой кровавый:
Ширванскій полкъ могу сравнить съ октавой.

V.

Поэты Юга, вымысловъ отцы,
Какихъ чудесъ съ октавой не творили?
Но мы, лѣнивцы, робкіе пѣвцы,
На мелочахъ мы риѳму ⁷ заморили.
Могучіе намъ чужды образцы.
Мы новыхъ странъ себѣ не покорили,
И нашихъ дней изнѣженный поэтъ
Чуть смыслить свой уравнивать куплетъ. ⁸

VI.

Но возвратиться все жъ я не хочу
Къ четырестопнымъ ямбама, мѣрѣ низкой...
Съ гекзаметромъ... О, съ нимъ я не шучу:
Онъ мнѣ не въ мочь. А стихъ александрійскій?..
Ужь не его ль себѣ я залучу?
Извилистый, проворный, длинный, склизкій,
И съ жаломъ даже — точная змія;
Мнѣ кажется, что съ нимъ управлюсь я.

VII.

Онъ вынянченъ былъ мамкою не душой:
За нимъ смотрѣлъ степенный Буало;
Шагалъ онъ чинно, стянуть былъ цезурой;

Но, пудреной питикѣ на зло,
 Растрепанъ онъ свободно цензурой.
 Ученіе не въ прокъ ему пошло:
 Hugo съ товарищи, друзья натуры,
 Его гулять пустили безъ цезуры.

VIII.

О, что бѣ сказалъ поэтъ - законодатель,
 Гроза несчастныхъ мелкихъ риѣмачей!
 И ты, Расинъ, безсмертный подражатель,
 Пѣвецъ влюбленныхъ женщинъ и царей!
 И ты, Вольтеръ, философъ и ругатель,
 И ты, Делиль, парнасскій муравей,
 Что бѣ вы сказали, сей соблазнъ увидя?
 Нашъ вѣкъ обидѣлъ васъ, вашъ стихъ обидя! ⁹

IX.

У насъ его недавно стали знать.
 Кто первый? Можете у „Телеграфа“
 Спросить и хорошенько все узнать.
 Онъ годенъ, говорятъ, для эпитафа,
 Да можно имъ порою украшать
 Гробницы или мраморъ кенотафа;
 До нашихъ модъ, благодаря судьбѣ,
 Мнѣ дѣла нѣтъ: беру его себѣ!

X.

Ну, женскіе и мужескіе слогі!
 Благословясь, попробуемъ: слушай!
 Равняйтесь, вытягивайте ноги,
 И по три въ рядъ въ октаву заѣзжай!
 Не бойтесь, мы не будемъ слишкомъ строги!
 Держись вольнѣй и только не плошай,
 А тамъ уже привыкнемъ, слава Богу,
 И выѣдемъ на ровную дорогу.

XI.

Какъ весело стихи свои вести
 Подъ цифрами, въ порядкѣ, строй за строемъ,
 Не позволять имъ въ сторону брести,
 Какъ войску, въ пухъ разсыпанному боемъ!
 Тутъ каждый слогъ замѣченъ и въ чести,
 Тутъ каждый стихъ глядитъ себѣ героемъ,
 А стихотворецъ... съ кѣмъ же равенъ онъ?
 Онъ Тамерланъ иль самъ Наполеонъ.

XII.

Немного отдохнемъ на этой точкѣ.
 Что? Перестать или пустить на пегъ..
 Признаться вамъ, я въ пятистопной строчкѣ
 Люблю цезуру на второй стопѣ.
 Иначе стихъ то въ ямѣ, то на кочкѣ,
 И хоть лежу теперь на канапе,
 Все кажется мнѣ, будто въ тряскомъ бѣгѣ
 По мерзлой пашнѣ мчусь я на телѣгѣ.¹⁰

XIII.

Что за бѣда? Не все жь гулять пѣшкомъ
 По невскому граниту, иль на балѣ
 Лощить паркетъ, или скакать верхомъ
 Въ степи киргизской. Поплетусь - ка далѣ,
 Со станціи на станцію шажкомъ,
 Какъ говорятъ о томъ оригиналѣ,
 Который, не кормя, на рысакѣ
 Приѣхалъ изъ Москвы къ Невѣ - рѣкѣ.

XIV.

Скажу, рысакъ!.. Парнасскій иноходецъ
 Его не обогналъ бы. Но Пегасъ
 Старъ, зубъ ужъ нѣтъ. Имъ вырытый колодецъ
 Изсохъ. Поросъ крапивою Парнасъ;
 Въ отставкѣ Фебъ живетъ, а хороводецъ

Старушекъ-музъ ужь не прельщаетъ насъ,
И таборъ свой съ классическиххъ вершинокъ
Перенесли мы на толкучій рынокъ.

XV.

И тамъ себѣ мы возимся въ грязи,
Торгуемся, бранимся такъ, что любо,
Кто въ одиночку, кто съ другимъ въ связи,
Кто просто вретъ, кто вретъ еще сугубо...
Но, муза, никому здѣсь не грози, —
Не то, тебя прижмутъ довольно грубо,
И вмѣстѣ лестной общей похвалы
Поставятъ въ уголь „Сѣверной Пчелы!“ ¹¹

XVI.

Иль наглою, безнравственной, мишурной
Тебя въ Москвѣ журналы прозовутъ,
Или „Газетою Литературной“
Ты будешь призвана на барскій судъ.
Вѣдь нынче время споровъ, брани бурной;
Другъ на друга словесники идутъ,
Другъ друга рѣжутъ и другъ друга губятъ,
И хоромъ про свои побѣды трубятъ!

XVII.

Блаженъ, кто издали глядять на всѣхъ,
И, ротъ зажавъ, смѣется то надъ тѣми,
То надъ другими. Верхъ земныхъ утѣхъ —
Изъ-за угла смѣяться надо всѣми!
Но самъ въ толпу не суйся... или смѣхъ
Плохой ужь выйдетъ: шутками однѣми,
Тебя, какъ шапками, и врагъ, и другъ,
Соединясь, всѣ закидаютъ вдругъ.

XVIII.

Тогда — давай Богъ ноги. Потому-то
Здѣсь имя подписать я не хочу.

Порой я стихъ повертываю круто,
 Все жь видно — не впервой я имъ верчу!
 А какъ давно? Того и не скажу-то.
 На критиковъ я ѣду, не свишу,
 Какъ древній богатырь, — а какъ наѣду...
 Что жь? Поклонюсь и приглашу къ обѣду.

XIX.

Покамѣсть можете принять меня
 За стараго, обстрѣленнаго волка,
 Или за молодого воробья,
 За новичка, въ которомъ мало толка.
 У васъ въ шкапу, быть можетъ, мнѣ, друзья,
 Отведена особенная полка,
 А можетъ быть, впервой хочу послать
 Свою тетрадку въ мокрую печать.

XX.

Ахъ, если бы меня, подъ легкой маской,
 Никто въ толпѣ забавной не узналъ!
 Когда бы за меня своей указкой
 Другого строгій критикъ пощелкалъ!
 Ужь то-то бь неожиданной развязкой
 Я всѣ журналы послѣ взволновалъ!
 Но полно, будетъ ли такой мнѣ праздникъ?
 Насъ мало. Не укроется проказникъ!

XXI.

А, вѣроятно, не замѣтятъ насъ, —
 Меня съ октавами моими купно.
 Однакожь, намъ пора. Вѣдь я рассказъ
 Готовилъ; а шучу довольно крупно
 И ждать напрасно заставляю васъ.
 Языкъ мой — врагъ мой: все ему доступно,
 Онъ обо всемъ болтать себѣ привыкъ.
 Фригійскій рабъ, на рынкѣ взявъ языкъ,

XXII.

Сварилъ его (у господина Копа
Коптятъ его). Езопъ его потомъ
Принесъ на столъ... Опять, зачѣмъ Езопа
Я вплелъ, съ его варенымъ языкомъ,
Въ мои стихи? Что́ вся прочла Европа,
Нѣтъ нужды вновь бесѣдовать о томъ!
Насилу-то, риѣмачъ я безразсудный,
Отдѣлался отъ сей октавы трудной!

XXIII.

Усядьяся, муза; ручки въ рукава,
Подъ лавку ножки! Не вертись, рѣзвушка!
Теперь начнемъ. — Жила-была вдова,
Тому лѣтъъ восемь, бѣдная старушка,
Съ одною дочерью. У Покрова
Стояла ихъ смиренная лачужка,
За самой будкой. Вижу, какъ теперь,
Свѣтелку, три окна, крыльцо и дверь.

XXIV.

Дня три тому, туда ходилъ я вмѣстѣ
Съ однимъ знакомымъ, передъ вечеркомъ:
Лачужки этой нѣтъ ужь тамъ. На мѣстѣ
Ея построень трехъ-этажный домъ.
Я вспомнилъ о старушкѣ, о невѣстѣ,
Бывало, тутъ сидѣвшихъ подъ окномъ,
О той порѣ, когда я былъ моложе,
Я думалъ: живы ли онѣ? — И что же?

XXV.

Мнѣ стало грустно: на высокій домъ
Глядѣлъ я косо. Если въ эту пору
Пожаръ его бы обхватилъ кругомъ,
То моему бѣ озлобленному взору
Пріятно было пламя. Станнымъ сномъ

Бываетъ сердце полно; много вздору
 Приходить намъ на умъ, когда бредемъ
 Одни или съ товарищемъ вдвоемъ.

XXVI.

Тогда блаженъ, кто крѣпко слово править
 И держитъ мысль на привязи свою,
 Кто въ сердцѣ усыпляетъ или давитъ
 Мгновенно прошипѣвшую змѣю;
 Но кто болтливъ, того молва прославить
 Вмигъ извергомъ... Я воды Леты пью,
 Мнѣ докторомъ запрещена унылость;
 Оставимъ это — сдѣлайте мнѣ милость!

XXVII.

Старушка (я стократъ видалъ точь въ точь
 Въ картинахъ Рембрандта такія лица)
 Носила чепчикъ и очки. Но дочь
 Была, ей-ей, прекрасная дѣвица:
 Глаза и брови — темные какъ ночь,
 Сама бѣла, нѣжна — какъ голубица;
 Въ ней вкусъ былъ образованный. Она
 Читала сочиненья Эмина. ¹²

XXVIII.

Играть умѣла также на гитарѣ,
 И пѣла: „Стонетъ сизый голубокъ“,
 И „Выду ль я“... ¹³ и то, что ужъ постарѣ,
 Все, что у печки въ зимній вечерокъ
 Иль скучной осенью, при самоварѣ,
 Или весною, обходя лѣсокъ,
 Поетъ уныло русская дѣвица,
 Какъ музы наши, грустная пѣвица.

XXIX.

Фигурно иль буквально: всей семьей,
 Отъ ямщика до перваго поэта,

Мы всё поемъ уныло. Грустный вой —
 Пѣснь русская. Извѣстная примѣта!
 Начавъ за здравіе, за упокой
 Сведемъ какъ разъ. Печалію согрѣта
 Гармонія и нашихъ музъ, и дѣвъ,
 Но нравится ихъ жалобный напѣвъ! ¹⁴

XXX.

Параша (такъ звалась красотка наша)
 Умѣла мыть и гладить, шить и плестъ;
 Всѣмъ домою правила одна Параша:
 Поручено ей было счеты вестъ,
 При ней варилась гречневая каша
 (Сей важный трудъ ей помогала несть
 Стряпуха Ѳекла, добрая старуха,
 Давно лишенная чутья и слуха).

XXXI.

Старушка-мать, бывало, подъ окномъ
 Сидѣла; днемъ она чулокъ вязала,
 А вечеромъ, за маленькимъ столомъ,
 Раскладывала карты и гадала.
 Дочь, между тѣмъ, весь обѣгала домъ,
 То у окна, то на дворѣ мелькала,
 И кто бы ни проѣхалъ иль ни шелъ, —
 Всѣхъ успѣвала видѣть (зоркій полъ!).

XXXII.

Зимою ставни закрывались рано,
 Но лѣтомъ до ночи растворено
 Все было въ домѣ. Блѣдная Діана
 Глядѣла долго дѣвушкѣ въ окно
 (Безъ этого ни одного романа
 Не обойдется: такъ заведено!).
 Бывало, мать давнымъ-давно храпѣла,
 А дочка на луну еще смотрѣла

XXXIII.

И слышала мяуканье котовъ
 По чердакамъ, свиданій знакъ нескромный,
 Да стражи дальній крикъ, да бой часовъ —
 И только. Ночь надъ мирною Коломною
 Тиха отмѣнно! Рѣдко изъ домовъ
 Мелькнутъ двѣ тѣни. Сердце дѣвы томной
 Ей слышать было можно, какъ оно
 Въ упругое толкалось полотно.

XXXIV.

По воскресеньямъ, лѣтомъ и зимою,
 Вдова ходила съ нею къ Покрову,
 И становилася передъ толпою,
 Укрылоса налѣво. Я живу
 Теперь не тамъ, но вѣрно мечтою
 Люблю летать, заснувши на яву,
 Въ Коломну, къ Покрову — и въ воскресенье
 Тамъ слушать русское богослуженье.

XXXV.

Туда, я помню, ѣздила всегда
 Графиня... (звали какъ, не помню право).
 Она была богата, молода;
 Входила въ церковь съ шумомъ, величаво;
 Молилась гордо (гдѣ была горда!).
 Бывало, грѣшенъ! все гляжу направо,
 Все на нее. Параша передъ ней
 Казалась, бѣдная, еще бѣднѣй. ¹⁵

XXXVI.

Порой графиня на нее небрежно
 Бросала важный взоръ свой. Но она
 Молилась Богу тихо и прилежно,
 И не казалась имъ развлечена.
 Смиренье въ ней изображалось нѣжно,

Графиня-же была погружена
 Въ самой себѣ, въ волшебствѣ моды новой,
 Въ свой красѣ надменной и суровой.

XXXVII.

Она казалась хладный идеаль
 Тщеславія. Его-бъ вы въ ней узнали;
 Но сквозь надменность эту я читаль
 Иную повѣсть: долгія печали,
 Смиренье жалобъ... Въ нихъ-то я вникаль;
 Невольный взоръ они-то привлекали...
 Но это знать графиня не могла,
 И, вѣрно, въ списокъ жертвъ меня внесла.

XXXVIII.

Она страдала, хотъ была прекрасна
 И молода; хотъ жизнь ея текла
 Въ роскошной нѣгѣ; хотъ была подвластна
 Фортуна ей; хотъ мода ей несла
 Свой ѳиміамъ, — она была несчастна.
 Блаженнѣе стократъ ея была,
 Читатель, новая знакомка ваша,
 Простая, добрая моя Параша.

XXXIX.

Коса зміей на гребнѣ роговомъ,
 Изъ-за ушей змією кудри русы,
 Косыночка крестъ-на-крестъ иль узломъ,
 На тонкой шеѣ восковыя бусы —
 Нарядъ простой; но предъ ея окномъ
 Все жь ѣздили гвардейцы черноусы,
 И дѣвушка прельщать умѣла ихъ
 Безъ помощи нарядовъ дорогихъ.

XL.

Межъ ними кто ея былъ сердцу ближе,
 Или равно для всѣхъ она была

Душою холодна? Увидимъ ниже.
 Покамѣстъ мирно жизнь она вела,
 Не думая о балахъ, о Парижѣ,
 Ни о дворѣ (хоть при дворѣ жила
 Ея сестра двоюродная, Вѣра
 Ивановна, супруга гофъ-фурьера).

XLI.

Но горе вдругъ ихъ постигло домъ:
 Стряпуха, возвратясь изъ бани жаркой,
 Слегла. Напрасно чаемъ и виномъ,
 И уксусомъ, и мятною припаркой
 Ее лѣчили. Въ ночь предъ Рождествомъ
 Она скончалась. Съ бѣдною кухаркой
 Онѣ простились. Въ тотъ же день пришли
 За ней, и гробъ на Охту отвезли.

XLII.

Объ ней жалѣли въ домѣ, всѣхъ же болѣ
 Котъ Васька. Послѣ вдовушка моя
 Подумала, что два-три дня, не долѣ —
 Жить можно безъ кухарки; что нельзя
 Предать свою трапезу Божьей волѣ.
 Старушка кличетъ дочь: „Параша!“ — Я!
 „Гдѣ взять кухарку? Свѣдай у сосѣдки,
 „Не знаетъ ли? Дешевыя такъ рѣдки“.

XLIII.

— „Узнаю, маменька“. И вышла вонъ,
 Закутавшись (зима стояла грозно,
 И снѣгъ скрипѣлъ, и синій небосклонъ,
 Безоблаченъ, въ звѣздахъ сіялъ морозно).
 Вдова ждала Парашу долго; сонъ
 Ее клонилъ тихонько; было поздно,
 Когда Параша тихо къ ней вошла,
 Сказавъ: „Вотъ, я кухарку привела“.

XLIV.

За нею слѣдомъ, робко выступая,
 Короткой юбочкой принарядясь,
 Высокая, собою недурная,
 Шла дѣвушка, и низко поклонясь,
 Прижалась въ уголь, фартукъ разбирая.
 „А что возьмешь?“ спросила, обратясь,
 Старуха. — Все, что будетъ вамъ угодно,
 Сказала та смиренно и свободно.

XLV.

Вдовѣ понравился ея отвѣтъ.
 „А какъ зовуть?“ — А Маврой. — „Ну, Мавруша“;
 „Живи у насъ; ты молода, мой свѣтъ;
 „Гоняй мужчинъ. Покойница Оеклуша
 „Служила мнѣ въ кухаркахъ десять лѣтъ,
 „Ни разу долга чести не наруша.
 „Ходи за мной, за дочерью моею;
 „Усердна будь; присчитывать не смѣй“.

XLVI.

Проходитъ день, другой. Въ кухаркѣ толку
 Довольно мало: то переварить,
 То пережарить, то съ посудой полку
 Уронить; вѣчно все пересолить.
 Шить сядеть — не умѣетъ взять иголку;
 Ее бранять — она себѣ молчить;
 Вездѣ, во всемъ ужъ какъ-нибудь подгадить.
 Параша бьется, а никакъ не сладить.

XLVII.

Поутру, въ воскресенье, мать и дочь
 Пошли къ обѣднѣ. Дома лишь осталась
 Мавруша; видите ль: у ней всю ночь
 Болѣли зубы; чуть жива таскалась;
 Корицы нужно было натолочь, —

Пирожное испечь она собиралась.
Ее оставили; но въ церкви вдругъ
На старую вдову нашель испугъ.

XLVIII.

Она подумала: „Въ Маврушѣ ловкой
„Зачѣмъ къ пирожному припала страсть?
„Пирожница, ей-ей, глядитъ плутовкой!
„Не вздумала ль она насъ обокрасть,
„Да улизнуть? Вотъ, будемъ мы съ обновкой
„Для праздника! Ахти, какая страсть!“
Такъ думая, старушка обмирала,
И, наконецъ, не вытерпѣвъ, сказала:

XLIX.

„Стой тутъ, Параша. Я схожу домой;
„Мнѣ что-то страшно.“ Дочь не разумѣла,
Чего ей страшно. Съ паперти долой
Чуть-чуть моя старушка не слетѣла;
Въ ней сердце билось, какъ передъ бѣдой.
Пришла въ лачужку, въ кухню посмотрѣла —
Мавруши нѣтъ. Вдова къ себѣ въ покой
Вошла и что жь? О Боже! страхъ какой!

L.

Предъ зеркальцемъ Параша чинно сядя,
Кухарка брилась. Что съ моей вдовой?
„Ахъ, ахъ!“ и шлепнулась. Ее увидя,
Та второпяхъ, съ намыленной щекой,
Черезъ старуху (вдовью честь обидя)
Прыгнула въ сѣни, прямо на крыльцо,
Да ну бѣжать, закрывъ себѣ лицо.

LI.

Обѣдня кончилась; пришла Параша.
„Что, маменька?“ — Ахъ, Пашенька моя!
Маврушка... „Что, что съ ней?“ — Кухарка наша.

Опомнитъся досель не въ силахъ я...
 За зеркальцемъ... вся въ мыль... „Воля ваша,
 „Мнѣ право ничего понять нельзя;
 „Да гдѣ жь Мавруша?“ — Ахъ, она разбойникъ!
 Она здѣсь брилась!.. Точно мой покойникъ!

LI.

Параша покраснѣлась или нѣтъ,
 Сказать вамъ не умѣю; но Маврушки
 Съ тѣхъ поръ какъ не было — простылъ и слѣдъ;
 Ушла, не взявъ въ уплату ни полушки
 И не успѣвъ надѣлать важныхъ бѣдъ.
 У красной дѣвушки и у старушки
 Кто заступилъ Маврушу? Признаюсь,
 Не вѣдаю, и кончить тороплюсь.

LII.

„Какъ, развѣ все тутъ? Шутите!“ — Ей-Богу.
 „Такъ вотъ куда октавы насъ вели!
 „Къ чему жь такую подняли тревогу,
 „Скликали рать и съ похвальбою шли?
 „Завидную жь вы избрали дорогу!
 „Ужель иныхъ предметовъ не нашли?
 „Да нѣтъ ли хоть у васъ нравоученья?“
 Нѣтъ... или — есть... минуточку терпѣнья...

LIV.

Вотъ вамъ мораль: по мнѣнью моему,
 Кухарку даромъ нанимать опасно;
 Кто жь родился мужчиною, тому
 Рядиться въ юбку странно и напрасно:
 Когда-нибудь придется же ему
 Брить бороду себѣ, что несогласно
 Съ природой дамской... Больше ничего
 Не выжмешь изъ разсказа моего.

10 октября 1830. Болдино.

XIV.

Скупой рыцарь.

1830.

Осенью 1830 г., въ Болдинѣ, Пушкинымъ написанъ цѣлый рядъ небольшихъ драматическихъ произведеній, которыя онъ, повидимому, задумывалъ издать особымъ сборникомъ: онъ приготовилъ для нихъ и заглавный листокъ, разукрашенный, — по извѣстному его обыкновенію разрисовывать свои рукописи, — изображеніемъ рыцаря въ доспѣхахъ и головы пожилого мужчины. На листкѣ этомъ читаются слова, которыми П. приносивался къ оглавленію и, такъ сказать, пробовалъ его: „Драматическія сцены“, „Драматическіе очерки“, „Драматическія изученія“, „Опытъ драматическихъ изученій“. Въ рукописи Моск. Муз. № 2376 А, гдѣ находится этотъ листокъ, на оборотѣ его помѣщенъ слѣдующій списокъ сочиненій:

„I. Октавы. II. Скупой. III. Саліери. IV. Донъ Гуанъ. V. Plague“. (Октавы — „Домикъ въ Коломнѣ“; „Plague“ — „Пиръ во время чумы“). П. В. Анненкову извѣстенъ былъ еще другой списокъ, котораго теперь уже нѣтъ въ собраніи Пушкинскихъ бумагъ (Мат. 276):

Скупой. — Ромуль и Ремъ. — Моцартъ и Сальери. — Донъ-Жуанъ. — Исусъ. — Беральдъ Савойскій. — Павелъ I. — Влюбленный бѣсъ. — Дмитрій и Марина. — Курбскій.

Такъ какъ, по свидѣтельству Анненкова (Мат. 276; ср. В. Евр. 1881, іюль, стр. 60), Пушкинъ никогда не дѣлалъ перечета произведеніямъ, еще не существующимъ, то необходимо предположить, что пьесы, обозначенныя въ этомъ списокѣ и до насъ не дошедшія (ихъ заглавія напечатаны съ разрядкой), или были истреблены авторомъ, или были изложены вчернѣ и потомъ затерялись. Дмитрій и Марина и Курбскій — можетъ быть, первоначальные очерки сценъ, включенныхъ потомъ въ составъ Бориса Годунова; сюжетъ Беральда Савойскаго могъ быть заимствованъ изъ повѣсти: Beralde, prince de Savoye, напечатанной въ книгѣ: Bibliothèque de campagne, ou Amusements

de l'esprit et du coeur. Tome VII. La Haye, 1738, pp. 165 — 257. Извлечение из этой повѣсти, подъ заглавіемъ: *Extrait de Beralde de Savoye*, начинающееся словами: „Le duc de Saxe en mourant laissa à l'empereur Otton son frère“, находится въ одной изъ тетрадей Пушкина, которая, по содержанию своему, относится къ 1824-26 гг. (Моск. Муз. № 2367, л. 61). Ср. замѣтку кн. Н. Кострова на Матеріалы Анненкова, въ *Москвитянинѣ* 1856, № 1.

Въ обоихъ приведенныхъ выше спискахъ пушкинскихъ драмъ на первомъ мѣстѣ стоитъ Скупой. Такъ названа была первоначально пьеса, напечатанная затѣмъ въ 1-й кн. Современника 1836 г. подъ заглавіемъ: „Скупой Рыцарь, сцены изъ Ченстоновой траги-комедіи: *The covetous Knight*“, и съ подписью: Р. Этимъ заглавіемъ и подписью Пушкинъ желалъ скрыть свое авторство. Сначала онъ поставилъ подъ заглавіемъ „Скупой“ эпитафій изъ Державина:

Перестань и ты жить въ погребѣхъ,
Какъ кротъ въ ущельяхъ подземельныхъ.

Затѣмъ, приписавъ слово „Рыцарь“, придумалъ для пьесы англійское названіе: „*The covetous Knight*“ (написано было еще и иначе: „*coveteous*“) и прибавилъ имя небывалаго англійскаго поэта Ченстона, будто-бы сочинившаго эту пьесу. Въ числѣ англійскихъ писателей XVIII вѣка есть Шенстонъ (*Shenstone*), авторъ небольшихъ разсужденій и діалоговъ въ прозѣ, философскаго и нравоучительнаго содержания; но среди этихъ произведеній нѣтъ ничего похожаго на Скупого Рыцаря. Пушкинъ могъ слышать или прочесть гдѣ-нибудь имя этого писателя (весьма мало извѣстнаго) и, можетъ быть, намѣренно измѣнилъ это имя, чтобы сбить съ толку „будущихъ Сомезовъ“, какъ называлъ онъ своихъ комментаторовъ (см. прим. 8 къ Бахчис. Фонтану).

Первая мысль „Скупого Рыцаря“ зародилась у поэта еще въ 1825 г., въ Михайловскомъ: въ одной изъ относящихся къ тому времени черновыхъ тетрадей (рукоп. Моск. Муз. № 2370, л. 80) среди набросковъ 5-й главы „Онѣгина“, находимъ слова: „Жидъ и сынъ, графъ“, Нѣкоторыми біографами Пушкина высказано было мнѣніе, что идея пьесы дана собственными отношеніями поэта къ

отцу, который, какъ видно, напр., изъ письма П. къ брату отъ 25 авг. 1823 г., скупю снабжалъ его деньгами; но это предположеніе представляется слишкомъ произвольнымъ. А. Д. Галаховъ, въ статьѣ „О подражательности нашихъ перво-классныхъ поэтовъ“ (Рус. Стар. 1888, т. 57, стр. 26), указываетъ первообразъ Скупого въ лицѣ д-ра Двининга въ романѣ В. Скотта „Пертская Красавица“: въ гл. XXII этого романа Двинингъ въ длинномъ монологѣ оправдываетъ свою скупость тѣмъ, что съ приобрѣтеніемъ сокровищъ человѣкъ приобрѣтаетъ власть. Съ наслажденіемъ смотря на собранное имъ сокровище, къ которому только что прикинулъ вновь полученныя деньги, онъ такъ говоритъ самому себѣ: „Двинингъ — не тупоумный скупецъ, дивящійся единственно блеску золотыхъ монетъ. Онъ обожаетъ ихъ ради власти, которою онѣ вооружаютъ своего владѣльца. Есть ли что-нибудь на свѣтѣ, чего бы ихъ волшебное вліяніе не могло предоставить къ вашимъ услугамъ? Любите ли вы красотокъ, дурны ли вы собой, безобразны, стары, немощны, — вотъ удочка, на которую пойдетъ самая гордая красавица. Слабы ли вы, нѣтъ у васъ поддержки, васъ притѣсняють, — вотъ что вооружить за васъ защитниковъ, гораздо болѣе могущественныхъ, чѣмъ тиранъ, котораго вы страшитесь. Хотите ли во всемъ блескѣ выказать свое богатство? Этотъ сундукъ хранить въ себѣ много луговъ и холмовъ плодородныхъ, много лѣсовъ, наполненныхъ дичью, тысячи кораблей. Желаете ли благоволенія дворовъ, привѣта владѣтельныхъ особъ, прощенія старыхъ грѣховъ, индальгенцій на совершеніе новыхъ золъ, — все это приобрѣтете цѣною золота. Даже мщеніе, которое боги, завидуя смертнымъ, предоставляютъ самимъ себѣ, можетъ быть куплено золотомъ!“ (Ср. примѣчанія).

Рукопись „Скупого Рыцаря“ находится въ Моск. Муз. подъ № 2376 В. Она воспроизведена фототипически въ изд. А. де-Біонкура, подъ ред. Я. Бѣльскаго (Фототипія П. Павлова). М. 1901. Изъ этой рукописи нами приводятся, въ примѣчаніяхъ, первоначальные варианты.

Сцена первая.

(Въ башнѣ.)

Альберъ и Иванъ.

Альберъ.

Во что бы то ни стало, на турниръ ¹
Явлюсь я. Покажи мнѣ шлемъ, Иванъ.

(Иванъ подаетъ ему шле

Пробить насквозь, испорченъ. Невозможно
Его надѣть. Достать мнѣ надо новый.
Какой ударъ! Проклятый графъ Делоржъ!

Иванъ.

И вы ему порядкомъ оплатили:
Какъ изъ стремянъ вы вышибли его,
Онъ сутки замертво лежалъ — и врядъ ли
Оправился.

Альберъ.

А все жъ онъ не въ убыткѣ: ²
Его нагрудникъ цѣль венеціанскій
А грудь своя гроша ему не стоитъ — ³
Другой себѣ не станетъ покупать.
Зачѣмъ съ него не снялъ я шлема тутъ же!
А снялъ бы я, когда бъ не было стыдно
Мнѣ дамъ и герцога. Проклятый графы!
Онъ лучше бы мнѣ голову пробилъ.
И платье нужно мнѣ. Въ послѣдній разъ
Всѣ рыцари сидѣли тутъ въ атласѣ
Да бархатѣ; я въ латахъ былъ одинъ

За герцогскимъ столомъ. Отговорился
Я тѣмъ, что на турниръ попалъ случайно.
А нынче что скажу? О, бѣдность, бѣдность!
Какъ унижаетъ сердце намъ она!
Когда Делоржъ копьемъ своимъ тяжелымъ
Пробилъ мнѣ шлемъ и мимо проскакалъ,
А я съ открытой головой пришпорилъ
Эмира моего, помчался вихремъ
И бросилъ графа на двадцать шаговъ,
Какъ маленькаго пажу; какъ всѣ дамы
Привстали съ мѣстъ, когда сама Клотильда,
Закрывъ лицо, невольно закричала ⁴
И славили герольды мой ударъ:
Тогда никто не думалъ о причинѣ
И храбрости моей, и силы дивной! ⁵
Взбѣсился я за поврежденный шлемъ;
Геройству что виною было? — Скупость. ⁶
Да! Заразиться здѣсь не трудно ею
Подъ кровлею одной съ моимъ отцомъ.
Что бѣдный мой Эмиръ?

Иванъ.

Онъ все хромаетъ.
Вамъ выѣхать на немъ еще нельзя.

Альберъ.

Ну, дѣлать нечего, куплю гнѣдого.
Недорого и просять за него.

Иванъ.

Недорого, да денегъ нѣтъ у насъ.

Альберъ.

Что жь говорить бездѣльникъ Соломонъ?

Иванъ.

Онъ говорить, что болѣе не можетъ
Взаимы давать вамъ денегъ безъ заклада.

Альберъ.

Закладъ! А гдѣ мнѣ взять заклада, дьяволъ!

Иванъ.

Я сказывалъ.

Альберъ.

Что жь онъ?

Иванъ.

Кряхтитъ да жметса.

Альберъ.

Да ты бѣ ему сказалъ, что мой отецъ
Богатъ и самъ какъ жидъ, что рано ль, поздно ль
Всему наслѣдую.

Иванъ.

Я говорилъ.

Альберъ.

Что жь?

Иванъ.

Жметса да кряхтитъ.

Альберъ.

Какое горе!

Иванъ.

Онъ самъ хотѣлъ придти.

Альберъ.

Ну, слава Богу.

Безъ выкупа не выпущу его.

(Стучать въ дверь.)

Кто тамъ?

(Входитъ жидъ.)

Жидь.

Слуга вашъ низкій.

Альбертъ.

А, пріятель! ⁷

Проклятый жидь ⁸, почтенный Соломонъ!
Пожалуй-ка сюда: такъ ты, я слышу,
Не вѣришь въ долгъ?

Жидь.

Ахъ, милостивый рыцарь!

Клянусь вамъ, радъ бы... право не могу.
Гдѣ денегъ взять? Весь разорился я,
Все рыцарямъ усердно помогая. ⁹
Никто не платить. Васъ хотѣлъ просить,
Не можете ль хоть часть отдать...

Альбертъ.

Разбойникъ!

Да если бъ у меня водились деньги,
Съ тобою сталъ ли бъ я возиться? Полно,
Не будь упрямъ, мой милый Соломонъ,
Давай червонцы. ¹⁰ Высыпи мнѣ сотню,
Пока тебя не обыскали.

Жидь.

Сотню!

Когда бъ имѣлъ я сто червонцевъ!

Альбертъ.

Слушай:

Не стыдно ли тебѣ своихъ друзей
Не выручать?

Жидь.

Клянусь вамъ...

Альберъ.

Полно, полно.

Ты требуешь заклада? Что за вздоръ!
 Что дамъ тебѣ въ закладъ? — Свиную кожу?
 Когда бъ я могъ что заложить, давно
 Ужъ продалъ бы. Иль рыцарскаго слова
 Тебѣ, собака, мало?

Жидь.

Ваше слово,

Пока вы живы, много, много значить:
 Всѣ сундуки фламандскихъ богачей ¹¹
 Какъ талисманъ оно вамъ отопретъ.
 Но если вы его передадите
 Мнѣ, бѣдному еврею, а межъ тѣмъ
 Умрете (Боже сохрани), тогда
 Въ моихъ рукахъ оно подобно будетъ
 Ключу отъ брошенной шкатулки въ море.

Альберъ.

Ужель отецъ меня переживетъ?

Жидь.

Какъ знать? Дни наши сочтены не нами:
 Цвѣлъ юноша вечеръ, а нынче умеръ,
 И вотъ, его четыре старика ¹²
 Несутъ на сгорбленныхъ плечахъ въ могилу.
 Баронъ здоровъ. Богъ дастъ, лѣтъ десять, двадцать
 И двадцать пять, и тридцать проживетъ онъ.

Альберъ.

Ты врешь, еврей! Да черезъ тридцать лѣтъ
 Мнѣ стукнетъ пятьдесятъ, тогда и деньги
 На что мнѣ пригодятся?

Жидь.

Деньги? — Деньги
 Всегда, во всякій возрастъ намъ пригодны;
 Но юноша въ нихъ ищетъ слугъ проворныхъ,
 И, не жалѣя, шлетъ туда-сюда,
 Старикъ же видитъ въ нихъ друзей надежныхъ
 И бережетъ ихъ, какъ зѣницу ока.

Альберъ.

О, мой отецъ не слугъ и не друзей
 Въ нихъ видитъ, а господъ; и самъ имъ служить;
 И какъ же служить? Какъ алжирскій рабъ,
 Какъ песъ цѣпной! Въ нетопленной конурѣ
 Живетъ, пьетъ воду, ѣстъ сухія корки,
 Всю ночь не спитъ, все бѣгаетъ да лаеъ.
 А золото спокойно въ сундукахъ
 Лежитъ себѣ. Молчи! Когда-нибудь
 Оно послужитъ мнѣ, лежать забудетъ.

Жидь.

Да, на бароновыхъ похоронахъ
 Прольется больше денегъ, нежели слезъ.
 Пошли вамъ Богъ скорѣй наслѣдство.

Альберъ.

Amen! ¹³

Жидь.

А можно-бъ...

Альберъ.

Что?

Жидь.

Такъ, думалъ я, что средство
 Такое есть...

Альберъ.

Какое средство?

Жидь.

Такъ —

Есть у меня знакомый старичекъ,
Еврей, аптекарь бѣдный...

Альберъ.

Ростовщикъ

Такой же, какъ и ты, иль почестнѣе?

Жидь.

Нѣтъ, рыцарь. Товій торгъ ведетъ иной:
Онъ составляетъ капли... право, чудно,
Какъ дѣйствуютъ онѣ.

Альберъ.

А что мнѣ въ нихъ?

Жидь.

Въ стаканъ воды подлить... трехъ капель будетъ,
Ни вкуса въ нихъ, ни цвѣта не замѣтно;
А человекъ безъ рѣзи въ животѣ,
Безъ тошноты, безъ боли умираетъ.

Альберъ.

Твой старичекъ торгуетъ ядомъ.

Жидь.

Да —

И ядомъ.

Альберъ.

Что жъ? Взаимы, на мѣсто денегъ,
Ты мнѣ предложишь стклянокъ двѣсти яду —
За стклянку по червонцу. Такъ ли, что ли?

Жидь.

Смѣяться вамъ угодно надо мною.
Нѣтъ; я хотѣлъ... быть можетъ, вы... я думаль,
Что ужь барону время умереть.

Альберъ.

Какъ! отравить отца! и смѣлъ ты сыну...
Иванъ! держи его. И смѣлъ ты мнѣ!..
Да знаешь ли, жидовская душа,
Собака, змѣй, что я тебя сейчасъ же
На воротахъ повѣшу!

Жидь.

Виновать!

Простите, я шутилъ.

Альберъ.

Иванъ, веревку!

Жидь.

Я... я шутилъ. Я деньги вамъ принесъ.

Альберъ.

Вонъ, песь!

(Жидь уходитъ.)

Вотъ до чего меня доводитъ
Отца родного скупость! Жидь мнѣ смѣлъ
Что предложить! Дай мнѣ стаканъ вина!
Я весь дрожу... Иванъ, однакожь деньги
Мнѣ нужны... Сбѣгай за жидомъ проклятымъ,
Возьми его червонцы. Да сюда
Мнѣ принеси чернильницу... Я плуту
Росписку дамъ. Да не вводи сюда
Юду этого... Иль нѣтъ, постой —
Его червонцы будутъ пахнуть ядомъ,

Какъ сребренники пращура его...
Я спрашивалъ вина.

Иванъ.

У насъ вина

Ни капли нѣтъ.

Альберъ.

А то, что мнѣ прислалъ
Въ подарокъ изъ Испаніи Ремонъ?

Иванъ.

Вечоръ я снесъ послѣднюю бутылку
Больному кузнецу.

Альберъ.

Да, помню, знаю...
Такъ дай воды. Проклятое житье!
Нѣтъ, рѣшено — пойду искать управы
У герцога: пускай отца заставятъ
Меня держать какъ сына, не какъ мышъ,
Рожденную въ подпольѣ.

Сцена вторая.

(Подваль.)

Баронъ.

Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья
Съ какой-нибудь развратницей лукавой,
Иль дурой, имъ обманутой, такъ я
Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подваль мой тайный, къ вѣрнымъ сундукамъ.
Счастливыи день! Могу сегодня я
Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще не полный)

Горсть золота накопленного всыпать.
 Не много, кажется; но понемногу
 Сокровища растутъ. Читаль я гдѣ-то,
 Что царь однажды воинамъ своимъ
 Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу, —
 И гордый холмъ возвысился, и царь
 Могъ съ вышины съ весельемъ озирать
 И долъ, покрытый бѣлыми шатрами,
 И море, гдѣ бѣжали корабли.
 Такъ я, по горсти бѣдной принося
 Привычну дань мою сюда, въ подвалъ, ¹⁴
 Вознесъ мой холмъ — и съ высоты его
 Могу взирать на все, что мнѣ подвластно.
 Что не подвластно мнѣ?.. Какъ нѣкій демонъ
 Отселѣ править міромъ я могу;
 Лишь захочу — воздвигнутся чертоги; ¹⁵
 Въ великолѣпные мои сады
 Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою;
 И музы дань свою мнѣ принесутъ,
 И вольный геній мнѣ поработится,
 И добродѣтель, и безсонный трудъ
 Смирненно будутъ ждать моей награды.
 Я свистну — и ко мнѣ послушно, робко
 Вползеть окровавленное злодѣйство, ¹⁶
 И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
 Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.
 Мнѣ все послушно, я же — ничему;
 Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
 Я знаю мощь мою: съ меня довольно
 Сего сознанья... (Смотритъ на свое золото).

Кажется, не много,
 А сколькихъ человѣческихъ заботъ,
 Обмановъ, слезъ, моленій и проклятій
 Оно тяжеловѣсный представитель!
 Тутъ есть дублонъ старинный... вотъ онъ. Нынче
 Вдова мнѣ отдала его; но прежде
 Съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ ¹⁷

Она стояла на колѣняхъ, воя.
 Шель дождь, и пересталь, и вновь пошель, —
 Притворщица не трогалась; я могъ бы
 Ее прогнать; но что-то мнѣ шептало,
 Что мужнинъ долгъ она мнѣ принесла
 И не захочетъ завтра быть въ тюрьмѣ.
 А этотъ? Этотъ мнѣ принесъ Тибо.
 Гдѣ было взять ему, лѣнивцу, плуту?
 Укралъ, конечно, или, можетъ быть,
 Тамъ, на большой дорогѣ, ночью, въ рощѣ...
 Да! если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
 Пролитые за все, что здѣсь хранится,
 Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
 То былъ бы вновь потопъ — я захлебнулся бъ
 Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ. Но пора.

(Хочетъ отпереть сундукъ.)

Я каждый разъ, когда хочу сундукъ
 Мой отпереть, впадаю въ жаръ и трепеть.
 Не страхъ (о, нѣтъ! кого бояться мнѣ?
 При мнѣ мой мечъ: за злато отвѣчаетъ
 Честной булатъ), но сердце мнѣ тѣснить
 Какое-то невѣдомое чувство...
 Нась увѣряютъ медики: есть люди,
 Въ убійствѣ находящіе пріятность.
 Когда я ключъ въ замокъ влагаю, то же
 Я чувствую, что чувствовать должны
 Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно
 И страшно вмѣстѣ.

(Отпираетъ сундукъ.)

Вотъ мое блаженство!

(Всыпаетъ деньги.)

Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,
 Служа страстямъ и нуждамъ человѣка.
 Усните здѣсь сномъ силы и покоя,
 Какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ!..

Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
 Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,

И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
Средь нихъ глядѣть на блещущія груды.

(Зажигаетъ свѣчи и отпираетъ сундуки одинъ за другимъ.)

Я царствую!.. Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастье, въ ней честь моя и слава!
Я царствую!.. Но кто вослѣдъ за мной
Приметь власть надъ нею? Мой наслѣдникъ!
Безумецъ, расточитель молодой!
Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!
Едва умру, онъ, онъ сойдетъ сюда,
Подъ эти мирные, нѣмые своды,
Съ толпой ласкателей придворныхъ жадныхъ,
Укравъ ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отопретъ,
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, дырявые карманы.
Онъ разобьетъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоить —
Онъ расточить... А по какому праву?
Мнѣ развѣ даромъ это все досталось,
Или шутя, какъ игроку, который
Гремитъ костями, да груды загребаеть?
Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузанныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ
Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,
Что сердце у меня обросло мохомъ,
Что я не зналъ желаній, что меня
И совѣсть никогда не грызла, — совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце, — совѣсть,
Незванный гость, докучный собесѣдникъ, ¹⁸
Займодавецъ грубый; эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ!..
Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
А тамъ посмотримъ, станетъ ли несчастный

То расточать, что кровью приобрѣлъ.
 О, если бь могъ отъ взоровъ недостойныхъ
 Я скрыть подвалъ!.. О, если бь изъ могилы
 Придти я могъ, сторожевою тѣнью
 Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
 Сокровища мои хранить, какъ нынѣ!..

Сцена третья.

(Во дворцѣ.)

Альберъ, Герцогъ.

Альберъ.

Повѣрьте, государь, терпѣлъ я долго
 Стыдъ горькой бѣдности. Когда бь не крайность, ¹⁹
 Вы бь жалобы моей не услышали.

Герцогъ.

Я вѣрю, вѣрю: благородный рыцарь,
 Таковъ какъ вы, отца не обвинить
 Безъ крайности. Такихъ развратныхъ мало...
 Спокойны будьте: вашего отца
 Усовѣщу наединѣ, безъ шуму.
 Я жду его. Давно мы не видались.
 Онъ былъ другъ дѣду моему. Я помню,
 Когда я былъ еще ребенкомъ, онъ
 Меня сажалъ на своего коня
 И покрывалъ своимъ тяжелымъ шлемомъ,
 Какъ будто колоколомъ. —

(Смотрить въ окно.)

Это кто?

Не онъ ли?

Альберъ.

Такъ — онъ, государь.

Герцогъ.

Подите жь

Въ ту комнату. Я кликну васъ.

(Альбертъ уходитъ; входитъ баронъ.)

Баронъ,

Я радъ васъ видѣть бодрымъ и здоровымъ.

Баронъ.

Я счастливъ, государь, что въ силахъ былъ
По приказанью вашему явиться.

Герцогъ.

Давно, баронъ, давно разстались мы.
Вы помните меня?

Баронъ.

Я, государь?

Я какъ теперь васъ вижу. О, вы были
Ребенокъ рѣзвый! — Мнѣ покойный герцогъ
Говариваль: Филиппъ (онъ звалъ меня
Всегда Филиппомъ), что ты скажешь? а?
Лѣтъ черезъ двадцать, право, ты да я,
Мы будемъ глупы передъ этимъ малымъ...
Предъ вами, то есть...

Герцогъ.

Мы теперь знакомство
Возобновимъ. Вы дворъ забыли мой. ²⁰

Баронъ.

Старъ, государь, я нынче: при дворѣ
Что дѣлать мнѣ? Вы молоды; вамъ любви
Турниры, праздники. А я на нихъ
Ужъ не гожусь. Богъ дастъ войну, такъ я
Готовъ, кряхтя, влѣзть снова на коня;

Еще достанетъ силы старый мечъ
За васъ рукой дрожащей обнажить.

Герцогъ.

Баронъ, усердье ваше намъ извѣстно;
Вы дѣду были другомъ; мой отецъ
Васъ уважалъ. И я всегда считалъ
Васъ вѣрнымъ, храбрымъ рыцаремъ; но сядемъ.
У васъ, баронъ, есть дѣти?

Баронъ.

Сынъ одинъ.

Герцогъ.

Зачѣмъ его я при себѣ не вижу?
Вамъ дворъ наскучилъ, но ему прилично,
Въ его лѣтахъ и званьѣ, быть при насъ.

Баронъ.

Мой сынъ не любитъ шумной, свѣтской жизни;
Онъ дикаго и сумрачнаго нрава:
Вкругъ замка по лѣсамъ онъ вѣчно бродить,
Какъ молодой олень.

Герцогъ.

Нехорошо

Ему дичиться. Мы тотчасъ приучимъ
Его къ весельямъ, баламъ и турнирамъ. ²¹
Пришлите мнѣ его; назначьте сыну
Приличное по званью содержанье...
Вы хмуритесь — устали вы съ дороги,
Быть можетъ?

Баронъ.

Государь, я не усталъ;
Но вы меня смутили. Передъ вами
Я бъ не хотѣлъ сознаться, но меня

Вы принуждаете сказать о сынѣ
То, что желалъ отъ васъ бы утаить.
Онъ, государь, къ несчастью, недостойнъ
Ни милостей, ни вашего вниманья.
Онъ молодость свою проводить въ буйствѣ,
Въ порокахъ низкихъ...

Герцогъ.

Это потому,
Баронъ, что онъ одинъ. Уединенье
И праздность губятъ молодыхъ людей.
Пришлите къ намъ его: онъ позабудетъ
Привычки, зарожденныя въ глуши.

Баронъ.

Простите мнѣ, но право, государь,
Я согласиться не могу на это...

Герцогъ.

Но почему жь?

Баронъ.

Увольте старика...

Герцогъ.

Я требую: откройте мнѣ причину
Отказа вашего.

Баронъ.

На сына я

Сердить.

Герцогъ.

За что?

Баронъ.

За злое преступленье.

Герцогъ.

А въ чемъ оно, скажите, состоитъ?

Баронъ.

Увольте, герцогъ...

Герцогъ.

Это очень странно! ²²

Или вамъ стыдно за него?

Баронъ.

Да... стыдно...

Герцогъ.

Но что же сдѣлалъ онъ?

Баронъ.

Онъ... онъ меня

Хотѣлъ убить.

Герцогъ.

Убить! Такъ я суду

Его предамъ, какъ чернаго злодѣя.

Баронъ.

Доказывать не стану я, хоть знаю,
Что точно смерти жаждетъ онъ моей,
Хоть знаю то, что покушался онъ
Меня...

Герцогъ.

Что?

Баронъ.

Обокрасть.

(Альберъ бросается въ комнату.)

Альберъ. -

Баронъ, вы лжете!

Герцогъ (сыну).

Какъ смѣли вы?

Баронъ.

Ты здѣсь! Ты, ты мнѣ смѣлъ!..

Ты могъ отцу такое слово молвить!..

Я лгу? и передъ нашимъ государемъ!..

Мнѣ, мнѣ... иль ужь не рыцарь я?..

Альберъ.

Вы лжець!

Баронъ.

И громъ еще не грянулъ, Боже правый!

Такъ подыми-жь, и мечъ насъ разсуди!

(Бросаетъ перчатку, сынъ поспѣшно ее поднимаетъ)

Альберъ.

Благодарю. Вотъ первый даръ отца!

Герцогъ.

Что видѣлъ я? Что было предо мною?

Сынъ принялъ вызовъ стараго отца!

Въ какіе дни надѣлъ я на себя

Цѣпь герцоговъ! Молчите: вы, — безумецъ,

И ты тигренокъ! — Полно. (Сыну.) Бросьте это:

Отдайте мнѣ перчатку. (Отнимаетъ ее.)

Альберъ (a parte)

Жаль!

Герцогъ.

Такъ и впился въ нее когтями!.. Извергъ!

Подите: на глаза мои не смѣйте ²³
 Являться до тѣхъ поръ, пока я самъ
 Не призову васъ.

(Альберъ выходитъ.)

Вы, старикъ несчастный,
 Не стыдно-ль вамъ...

Баронъ.

Простите, государь...
 Стоять я не могу... мои колѣна ²⁴
 Слабѣють... душно!.. душно!.. Гдѣ ключи?
 Ключи, ключи мои!

Герцогъ.

Онъ умеръ. Боже!
 Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!
 23 октября 1830. Болдино.

XV.

Моцартъ и Сальери.

1830.

Моцартъ и Сальери напеч. въ „Сѣв. Цвѣтахъ“ на 1832 г., съ подписью: „А. Пушкинъ“; затѣмъ въ особой брошюрѣ, заключающей всѣ стихотворенія поэта, помѣщенные въ названномъ альманахѣ 1832 г., и перепеч. въ 3-й части „Сочиненій“ 1832 г. и въ посмертномъ изд. безъ перемѣнъ. Въ рукописи (не сохранившейся) пьеса первоначально была озаглавлена: „Зависть“, и между бумагами поэта сохранился клочекъ, на которомъ Пушкинъ записалъ: „Въ первое представленіе Донъ-Жуана, въ то время, когда весь театръ безмолвно упивался гармоніей Моцарта, раздались свисты: всѣ обратились съ изумленіемъ и негодованіемъ, а знаменитый Сальери вышелъ изъ залы въ бѣшенствѣ, снѣдаемый завистью.—Сальери умеръ лѣтъ 8 тому назадъ *). Нѣкоторые нѣмецкіе журналы говорили, что на одрѣ смерти признался онъ, будто бы, въ ужасномъ преступленіи, въ отравленіи великаго Моцарта.—Завистникъ, который могъ освистать Донъ-Жуана, могъ отравить его творца“. Анненковъ (Мат., 280) высказываетъ предположеніе, что слова эти написаны Пушкинымъ въ отвѣтъ на возраженія друзей его, которые безпокоились насчетъ клепа, взведеннаго въ этой пьесѣ на Сальери. Къ числу ихъ принадлежалъ, между прочимъ, и П. А. Катенинъ, который смотрѣлъ на драму Пушкина съ чисто-юридической стороны: она производила на него точно такое же впечатлѣніе, какое производитъ краснорѣчивый и искусный адвокатъ, поддерживающій несправедливое обвиненіе. Вѣроятно, къ спору, тогда возникшему, должно относиться и шуточное замѣчаніе Пушкина: „Зависть—сестра соревнованія, стало быть, изъ хорошаго роду“.

Въ Лит. Приб. къ Рус. Инв. 1833, № 18, стр. 142—143, есть указаніе, что эта пьеса была поставлена на сцену, но

*) Сальери умеръ въ 1825 г.; слѣдовательно, замѣтка писана около 1833 года.

не имѣла успѣха. Современная поэту критика (Полевой, Бѣлинскій) отнеслась къ этой пьесѣ съ большими похвалами. И. И. Дмитриевъ писалъ кн. Вяземскому (апр. 1832), что „по этому, говоря моднымъ языкомъ, созданію“ онъ признаетъ „и мыслящій умъ, и поэтической талантъ Пушкина въ мужественномъ полномъ созрѣніи“ (Стар. и Новизна II, 146).

Іоганнъ-Вольфгангъ-Амадей Моцартъ (род. въ Зальцбургѣ, 27 янв. 1756, ум. въ Вѣнѣ, 5 дек. 1791), знаменитый нѣмецкій композиторъ, уже въ раннемъ дѣтствѣ поражалъ необыкновеннымъ музыкальнымъ развитіемъ: трехъ лѣтъ отъ роду онъ игралъ на клавесинѣ, а четырехъ лѣтъ уже импровизировалъ. Въ Лондонѣ малолѣтній музыкантъ былъ предметомъ научныхъ изслѣдованій, а въ Голландіи, гдѣ во время постовъ строго запрещалась музыка, для него сдѣлано было исключеніе, такъ какъ духовенство усматривало въ его необыкновенномъ дарованіи персть Божій. Въ началѣ 60-хъ гг. Моцартъ, въ сопровожденіи своего отца и сестры, посѣтилъ Мюнхенъ, Вѣну, Франкфуртъ и Англію, давая концерты; затѣмъ побывалъ въ Швейцаріи и Парижѣ, гдѣ изданы были первыя его сонаты. Во второй половинѣ 60-хъ гг., живя въ Зальцбургѣ и Вѣнѣ, Моцартъ старательно изучалъ произведенія выдающихся композиторовъ, а въ 1770 г. отправился въ Италію, гдѣ провелъ четыре года и поставилъ въ Миланѣ двѣ оперы: „Митридатъ“ и „Сулла“. Когда ему минуло 17 лѣтъ, между его произведеніями насчитывалось уже 4 оперы, 2 мессы, 13 симфоній, 24 сонаты и пр. Въ 1779 г. онъ получилъ въ Зальцбургѣ мѣсто придворнаго органиста, а въ 1781 поставлена была въ Мюнхенѣ, съ огромнымъ успѣхомъ, его опера „Идоменей“. Слѣдующая опера „Похищеніе изъ сераля“ была дана уже въ Вѣнѣ, куда М. переселился по желанію императора Іосифа II. Здѣсь же написаны имъ и наиболѣе извѣстныя и зрѣлыя оперы: „Женитьба Фигаро“, „Донъ-Жуанъ“ и „Волшебная флейта“, а также величественно-горестный „Реквиемъ“, надъ сочиненіемъ котораго онъ трудился въ послѣдніе дни своей жизни.

Антоніо Сальери (1750—1825)—итальянскій композиторъ, былъ привезенъ придворнымъ капельмейстеромъ Гасманомъ въ Вѣну, гдѣ въ 1770 г. поставлена была первая его опера: „Ученыя женщины“. За нею быстро слѣдовали

8 другихъ оперъ. Образцомъ его былъ Глюкъ, который передалъ ему композицію привезеннаго изъ Парижа либретто „Данаидъ“. Опера эта была поставлена въ Парижѣ въ 1784 г. съ большимъ успѣхомъ. По возвращеніи изъ Парижа Сальери поставилъ въ Вѣнѣ еще нѣсколько оперъ, въ томъ числѣ „Пещеру Трофонія“, конкурируя съ моцартовскимъ „Фигаро“. Въ 1786 г. онъ опять поѣхалъ въ Парижъ, гдѣ поставлена была, съ большимъ успѣхомъ, его опера „Тараръ“, на слова Бомарше. Эту же оперу онъ переработалъ для итальянской сцены, подъ названіемъ: „Аксуръ, царь Ормузскій“. Подъ конецъ своей жизни, написавъ еще нѣсколько оперъ, онъ всецѣло посвятилъ себя камерной и церковной музыкѣ. Его учениками были: Бетховень, Францъ Шубертъ и Листъ.

Сцена первая.

(Комната.)

Сальери.

Всѣ говорятъ: нѣтъ правды на землѣ.
Но правды нѣтъ — и выше. Для меня
Такъ это ясно, какъ простая гамма.
Родился я съ любовію къ искусству;
Ребенкомъ будучи, когда высоко
Звучалъ органъ въ старинной церкви нашей,
Я слушалъ и заслушивался, — слезы
Невольныя и сладкія текли.
Отвергъ я рано праздныя забавы;
Науки, чуждыя музыкѣ, были
Постылы мнѣ; упрямо и надменно
Отъ нихъ отрекся я и предался
Одной музыкѣ. Труденъ первый шагъ
И скученъ первый путь. Преодолю
Я раннія невзгоды. Ремесло
Поставилъ я подножіемъ искусству;
Я сдѣлался ремесленникъ: перстамя
Придалъ послушную, сухую бѣглость,
И вѣрность — уху. Звуки умертвивъ,
Музыку я разъяля, какъ трупъ. Повѣрилъ
Я алгеброй гармонію. Тогда
Уже дерзнулъ, въ наукѣ искушенный,
Предаться нѣгѣ творческой мечты.
Я сталъ творить, но въ тишинѣ, но въ тайнѣ,
Не смѣя помышлять еще о славѣ.
Нерѣдко, просидѣвъ въ безмолвной кельѣ

Два-три дня, позабывъ и сонъ, и пищу,
 Вкусивъ восторгъ и слезы вдохновенья,
 Я жегъ мой трудъ и холодно смотрѣлъ,
 Какъ мысль моя и звуки, мной рожденны,
 Пылая, съ легкимъ дымомъ исчезали!..
 Что говорю? Когда великій Глюкъ ¹
 Явился и открылъ намъ новы тайны
 (Глубокія, плѣнительныя тайны!)
 Не бросилъ ли я все, что прежде зналъ,
 Что такъ любилъ, чему такъ жарко вѣрилъ,
 И не пошелъ ли бодро вслѣдъ за нимъ
 Безропотно, какъ тотъ, кто заблуждался,
 И встрѣчнымъ посланъ въ сторону иную?
 Усиленнымъ, напряженнымъ постоянствомъ
 Я, наконецъ, въ искусствѣ безграничномъ
 Достигнулъ степени высокой. Слава
 Мнѣ улыбнулась; я въ сердцахъ людей
 Нашелъ созвучія своимъ созданьямъ.
 Я счастливъ былъ: я наслаждался мирно
 Своимъ трудомъ, успѣхомъ, славой; также
 Трудами и успѣхами друзей,
 Товарищей моихъ въ искусствѣ дивномъ.
 Нѣтъ! Никогда я зависти не зналъ!
 О, никогда! — Нижѣ, когда Пиччини ²
 Плѣнить умѣлъ слухъ дикихъ парижанъ,
 Нижѣ, когда услышалъ въ первый разъ
 Я Ифигеніи начальны звуки. ³
 Кто скажетъ, чтобъ Сальери гордый былъ
 Когда-нибудь завистникомъ презрѣннымъ,
 Змѣей, людьми растоптанною, жививъ
 Песокъ и пыль грызущею безсильно?
 Никто!.. А нынѣ — самъ скажу — я нынѣ
 Завистникъ! Я завидую; глубоко,
 Мучительно завидую. — О, небо!
 Гдѣ жъ правота, когда священный даръ,
 Когда безсмертный геній — не въ награду
 Любви горящей, самоотверженья,

Трудовъ, усердія, моленій посланъ,
 А озаряетъ голову безумца,
 Гуляки празднаго?.. О, Моцартъ, Моцартъ!
 (Входитъ Моцартъ.)

Моцартъ.

Ага! Увидѣлъ ты! А мнѣ хотѣлось
 Тебя неожиданной шуткой угостить.

Сальери.

Ты здѣсь! — Давно ль?

Моцартъ.

Сейчасъ. Я шель къ тебѣ,
 Несъ кое-что тебѣ я показать;
 Но, проходя передъ трактиромъ, вдругъ
 Услышалъ скрипку... Нѣтъ, мой другъ Сальери!
 Смѣшнѣе отъ роду ты ничего
 Не слыхивалъ!.. Слепой скрипачъ въ трактирѣ
 Разыгрывалъ *Voi che sapete* ⁴. Чудо!
 Не вытерпѣлъ, привелъ я скрипача,
 Чтобъ угостить тебя его искусствомъ.
 Войди!

(Входитъ слѣпой старикъ со скрипкой.)

Изъ Моцарта намъ что-нибудь!

(Старикъ играетъ арію изъ Донъ-Жуана; Моцартъ хохочетъ.)

Сальери.

И ты смѣяться можешь?

Моцартъ.

Ахъ, Сальери!
 Ужель и самъ ты не смѣешься?

Сальери.

Нѣтъ,
 Мнѣ не смѣшно, когда маляръ негодный

Мнѣ пачкаетъ Мадонну Рафаэля;
 Мнѣ не смѣшно. когда фигляръ презрѣнный
 Пародіей безчеститъ Алигьери.
 Пошелъ, старикъ.

Моцартъ,

Постой же: вотъ тебѣ;
 Пей за мое здоровье.

(Старикъ уходитъ.)

Ты, Сальери,
 Не въ духѣ нынче. Я приду къ тебѣ
 Въ другое время.

Сальери.

Что ты мнѣ принесешь?

Моцартъ.

Нѣтъ — такъ, бездѣлицу. Намедни ночью
 Безсонница моя меня томила,
 И въ голову пришли мнѣ двѣ - три мысли.
 Сегодня я ихъ набросалъ. Хотѣлось
 Твое мнѣ слышать мнѣнье; но теперъ
 Тебѣ не до меня.

Сальери.

Ахъ, Моцартъ, Моцарты!
 Когда же мнѣ не до тебя? Садись;
 Я слушаю.

Моцартъ (за фортепiano.)

Представь себѣ... кого бы?
 Ну, хоть меня — немного помоложе;
 Влюбленнаго — не слишкомъ, а слегка;
 Съ красоткой или другомъ — хоть съ тобой;
 Я весель... Вдругъ: видѣнье гробовое,
 Незапный мракъ иль что нибудь такое...
 Ну, слушай же.

(Играетъ.)

Сальери.

Ты съ этимъ шель ко мнѣ,
И могъ остановиться у трактира
И слушать скрипача слѣпого! — Боже!
Ты, Моцартъ, недостойнъ самъ себя.

Моцартъ.

Что жь, хорошо?

Сальери.

Какая глубина!
Какая смѣлость и какая стройность!
Ты, Моцартъ, — богъ, и самъ того не знаешь;
Я знаю, я.

Моцартъ.

Ба! Право? Можетъ быть...
Но божество мое проголодалось.

Сальери.

Послушай: отобѣдаемъ мы вмѣстѣ
Въ трактирѣ Золотого Льва.

Моцартъ.

Пожалуй;
Я радъ. Но дай, схожу домой, сказать
Женѣ, чтобы меня она къ обѣду
Не дожидалась.

(Уходитъ.)

Сальери.

Жду тебя; смотри жь.

Нѣтъ! Не могу противиться я долѣ
Судьбѣ моей: я избранъ, чтобъ его
Остановить — не то, мы всѣ погибли,

Мы всѣ, жрецы, служители музыки,
Не я одинъ съ моей глухою славой...
Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ
И новой высоты еще достигнетъ?
Подыметъ ли онъ тѣмъ искусство? Нѣтъ!
Оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ:
Наслѣдника намъ не оставитъ онъ.
Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій херувимъ,
Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсенъ райскихъ,
Чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть!
Такъ улетай же! Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!

Вотъ ядъ, послѣднй даръ моей Изоры.
Осьмнадцать лѣтъ ношу его съ собою —
И часто жизнь казалась мнѣ съ тѣхъ поръ
Несносной раной, и сидѣлъ я часто
Съ врагомъ безпечнымъ за одной трапезой,
И никогда на шопотъ искушенья
Не преклонился я, хоть я не трусь,
Хотя обиду чувствую глубоко,
Хоть мало жизнь люблю. Все медлилъ я.
Какъ жажда смерти мучила меня —
Что умирать? я мнилъ: быть можетъ, жизнь
Мнѣ принесетъ незапные дары;
Быть можетъ, посѣтитъ меня восторгъ
И творческая ночь, и вдохновенье;
Быть можетъ, новый Гайдень ⁵ сотворитъ
Великое — и наслажуся имъ...
Какъ пировалъ я съ гостемъ ненавистнымъ —
Быть можетъ, мнилъ я, злѣйшаго врага
Найду; быть можетъ, злѣйшая обида
Въ меня съ надменной грянетъ высоты —
Тогда не пропадешь ты, даръ Изоры.
И я былъ правъ! И, наконецъ, нашель
Я моего врага, и новый Гайдень
Меня восторгомъ дивно упоилъ!

Теперь — пора! Завѣтный даръ любви,
Переходи сегодня въ чашу дружбы.

Сцена вторая.

(Особая комната въ трактирѣ; фортепіано.)

Моцартъ и Сальери (за столомъ.)

Сальери.

Что ты сегодня пасмурень?

Моцартъ.

Я? Нѣтъ!

Сальери.

Ты, вѣрно, Моцартъ, чѣмъ нибудь разстроень?
Обѣдъ хорошій, славное вино,
А ты молчишь и хмуришься.

Моцартъ.

Признаться,

Мой Requiem меня тревожить.

Сальери.

А!

Ты сочиняешь Requiem? Давно ли?

Моцартъ.

Давно, недѣли три. Но странный случай...
Не сказывалъ тебѣ я?

Сальери.

Нѣтъ.

Моцартъ.

Такъ слушай:

Недѣли три тому, пришелъ я поздно
 Домой. Сказали мнѣ, что заходилъ
 За мною кто-то. Отчего — не знаю,
 Всю ночь я думалъ: кто бы это былъ?
 И что ему во мнѣ? На завтра тотъ же
 Зашелъ, и не засталъ опять меня.
 На третій день игралъ я на полу
 Съ моимъ мальчишкой. Кликнули меня;
 Я вышелъ. Человѣкъ, одѣтый въ черномъ,
 Учтиво поклонившись, заказалъ
 Мнѣ Requiem и скрылся. Сълъ я тотчасъ
 И сталъ писать — и съ той поры за мною
 Не приходилъ мой черный человѣкъ;
 А я и радъ: мнѣ было бѣ жаль разстаться
 Съ моей работой, хоть совсѣмъ готовъ
 Ужъ Requiem. Но между тѣмъ я...

Сальери.

Что?

Моцартъ.

Мнѣ совѣстно признаться въ этомъ...

Сальери.

Въ чемъ же?

Моцартъ.

Мнѣ день и ночь покоя не даетъ
 Мой черный человѣкъ. За мною всюду
 Какъ тѣнь онъ гонится. Вотъ и теперь
 Мнѣ кажется, онъ съ нами самъ-третей
 Сидить.

Сальери.

И, полно! Что за страхъ ребячій!
 Разсѣй пустую думу. Бомарше ⁶
 Говаривалъ мнѣ: „Слушай, братъ Сальери:

„Какъ мысли черныя къ тебѣ придутъ,
 „Откупори шампанскаго бутылку,
 „Иль перечти Женитьбу Фигаро.“ ⁷

Моцартъ.

Да! Бомарше вѣдь былъ тебѣ пріятель;
 Ты для него Тарара сочинилъ, —
 Вещь славную. Тамъ есть одинъ мотивъ...
 Я все твержу его, когда я счастливъ...
 Ла-ла-ла-ла... Ахъ, правда ли, Сальери,
 Что Бомарше кого-то отравилъ?

Сальери.

Не думаю: онъ слишкомъ былъ смѣшонъ
 Для ремесла такого.

Моцартъ.

Онъ же геній,
 Какъ ты да я. А геній и злодѣйство —
 Двѣ вещи несовмѣстныя. Не правда ль?

Сальери.

Ты думаешь?

(Бросаетъ ядъ въ стаканъ Моцарта.)

Ну, пей же.

Моцартъ.

За твое
 Здоровье, другъ, за искренній союзъ,
 Связующій Моцарта и Сальери,
 Двухъ сыновей гармоніи.

(Пьетъ.)

Сальери.

Постой,
 Постой, постой!.. Ты выпилъ!.. Безъ меня?

Моцартъ

(бросаетъ салфетку на столъ).

Довольно, сытъ я.

(Идетъ къ фортепiano.)

Слушай же, Сальери,

Мой Requiem.

(Играетъ.)

Ты плачешь?

Сальери.

Эти слезы

Впервые лью: и больно, и приятно,
 Какъ будто тяжкій совершилъ я долгъ,
 Какъ будто ножъ цѣлебный мнѣ отсѣкъ
 Страдавшій членъ! Другъ Моцартъ, эти слезы...
 Не замѣчай ихъ. Продолжай, спѣши
 Еще наполнить звуками мнѣ душу...

Моцартъ.

Когда бы всѣ такъ чувствовали силу
 Гармоніи! Но нѣтъ: тогда бъ не могъ
 И мѣръ существовать; никто бъ не сталъ
 Зяботиться о нуждахъ низкой жизни, —
 Всѣ предались бы вольному искусству!
 Насъ мало, избранныхъ, счастливецвъ праздныхъ,
 Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
 Единаго прекраснаго жрецовъ.
 Не правда ль? Но я нынче нездоровъ,
 Мнѣ что-то тяжело; пойду, засну.
 Прощай же.

Сальери.

До свиданья.

(Одинъ.)

Ты заснешь

Надолго, Моцартъ!.. Но ужель онъ правъ,
 И я не геній? „Геній и злодѣйство —

Двѣ вещи несовмѣстныя.* Неправда:
А Бонаротти?..⁹ Или это сказка
Тупой, бессмысленной толпы — и не былъ
Убійцею создатель Ватикана?

26 октября 1830.

XVI.

Каменный гость.

1830.

Leporello. O statua gentilissima
Del gran Commendatore!..
Ah, Padroni!..
Don Giovanni.

Каменный Гость извѣстенъ намъ въ рукописи Моск. Рум. и Публ. Музеевъ № 2376 Б (дополненія къ ней находятся въ № 2377 А 23 и 2387 Б 46 об., см. Русск. Стар. 1884, т. 44, стр. 78—80, 92, 568), по которой онъ и былъ напечатанъ—уже по смерти Пушкина—въ сборникъ: „Сто русскихъ литераторовъ“ (Спб. 1839), съ произвольными поправками и пропусками, устраненными только въ изданіи Лит. Фонда (III, 195) и съ замѣною пушкинскаго правописанія „Донъ-Гуанъ“ (болѣе близкаго къ испанскому произношенію) общепринятымъ у насъ „Донъ-Жуанъ“. Въ настоящемъ изданіи текстъ пьесы вновь свѣренъ съ рукописью, откуда взяты указанные въ примѣчаніяхъ варианты.

Родиной легенды о Донъ-Жуанѣ, какъ извѣстно, была Испанія. Критики полагають, что герой этой легенды былъ дѣйствительно историческимъ лицомъ, и указываютъ на потомка знатной севильской фамиліи, Донъ-Хуана Теноріо, жившаго въ половинѣ XIV вѣка и своими распутными похождениями давшаго толчекъ творческой фантазіи народа. Въ первой половинѣ XVII вѣка легенда эта получила драматическую обработку въ пьесѣ Тирсо де-Молина (Габріэль Теллезъ: „Севильскій распутникъ или Каменный гость“, 1634). Пьеса эта сразу приобрѣла широкую популярность не только въ Испаніи и въ Италіи. Въ 1652 г. она представлена была въ Неаполѣ и вызвала въ итальянской литературѣ XVII вѣка цѣлый рядъ подражаній и передѣлокъ. Странствующія труппы итальянскихъ актеровъ занесли ее во Францію, въ видѣ *commedia dell' arte* (сценической импровизаціи съ разными шутовскими выходками), успѣхъ которой вызвалъ соревнованіе со стороны французскихъ актеровъ. Зимой 1658 г. одинъ изъ парижскихъ актеровъ, Доримонъ, передѣлалъ итальянскую пьесу въ плохіе фран-

цузскіе стихи, причѣмъ въ самомъ заглавіи допущена была ошибка, прошедшая отъ описки въ итальянскомъ текстѣ: вмѣсто *convitato di pietra* (Каменный гость) прочитано было *convito* (пирь), и слово *pietra* (камень) замѣнено именемъ *Pietro* (или Педро); вслѣдствіе этого въ заглавіи пьесы поставлено было: *Le Festin de Pierre* („Пирь Петра“); а такъ какъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ никакого „Петра“ не оказалось, то рѣшено было дать это имя командору (прежде — безыменному), котораго убиваетъ Донъ - Жуанъ и оживленная статуя котораго производитъ катастрофу. Эта ошибка Доримона неизмѣнно повторялась всеми позднѣйшими драматургами, писавшими на ту же тему (кромѣ, разумѣется, итальянцевъ), и устранена только Пушкинымъ, который возвратилъ пьесѣ правильное ея заглавіе.

Вслѣдъ за Доримономъ, въ 1659 г., поставилъ такую же пьесу другой парижскій актеръ, Де - Виллье. Эта пьеса замѣчательна тѣмъ, что съ нѣмецкой передѣлки она переведена была на русскій языкъ и входила въ репертуаръ московской „комедіальной храмины“ 1702 — 1707 гг., подъ заглавіемъ: „Комедія о Донъ - Янѣ и Донъ - Педрѣ“ („Донъ - Педро, почитанный шляхта, и Амариллисъ, дочь его“). Успѣхъ комедіи Де-Виллье на сценѣ „Бургонскаго отеля“ побудилъ Мольера обработать тотъ же сюжетъ и для своего Палерояльскаго театра. Такимъ образомъ явилась его знаменитая комедія: „Don - Juan, ou Le Festin de Pierre“ (1665 г.).

Пушкинъ, конечно, хорошо зналъ комедію Мольера; но вдохновился онъ не ею, а знаменитой оперой Моцарта: „Il Dissoluto punito. ossia Il Don Giovanni“ (предст. въ первый разъ въ Прагѣ, 29 окт. 1787 г.) либретто которой сочинено аббатомъ Лоренцо да - Понте. Но зависимость нашего поэта отъ моцартовской оперы — только внѣшняя (имена и нѣкоторыя положенія дѣйствующихъ лицъ): въ обработкѣ чужой темы Пушкинъ явился вполне самостоятельнымъ. У Моцарта Командоръ, — отецъ доны - Анны, у Пушкина — мужъ; притомъ, Донъ - Жуанъ убилъ Командора вовсе не изъ-за любовной интриги, такъ какъ впервые познакомился съ доной - Анной только у могилы убитаго ея мужа. Сцены съ доной - Анной, какъ и сцена у Лауры, вполне принадлежать творческому вымыслу нашего поэта, какъ это и было указано еще Бѣлинскимъ, который на-

звалъ „Каменнаго Гостя“ — „богатѣйшимъ, роскошнѣйшимъ алмазомъ въ поэтическомъ вѣнкѣ“ Пушкина.

О разработкѣ темы Донъ - Жуана въ европейскихъ литературныхъ соч. Karl Engel, Die Don Juan - Sage auf der Bühne, Dresd. 1887; E. Г. Браунъ, Литературная исторія типа Донъ - Жуана („Пантеонъ Литературы“ 1889); П. О. Морозовъ, Исторія рус. театра, т. I (Спб. 1889), 253 - 258.

Сцена I.

Ночь. Кладбище близъ Мадрита.

Донъ-Гуанъ и Лепорелло.

Донъ-Гуанъ.

Дождется ночи здѣсь. Уфъ! Наконецъ ¹
Достигли мы воротъ Мадрита. Скоро
Я полечу по улицамъ знакомымъ,
Усы плащемъ закрывъ, а брови шляпой.
Какъ думаешь: узнать меня нельзя?

Лепорелло.

Да, Донъ-Гуана мудрено признать!
Такихъ, какъ онъ, такая бездна!

Донъ-Гуанъ.

Шутишь?

Да кто жь меня узнаеть?

Лепорелло.

Первый сторожъ,
Гитана, или пьяный музыкантъ,
Иль свой же братъ, нахальный кавалеръ,
Въ плащѣ, со шпагою подъ мышкой, въ шляпѣ. ²

Донъ-Гуанъ.

Что за бѣда, хотъ и узнають! Только бѣ
Не встрѣтился мнѣ самъ король, а впрочемъ
Я никого въ Мадритѣ не боюсь.

Лепорелло.

А завтра же до короля дойдетъ,
 Что Донъ-Гуанъ изъ ссылки самовольно
 Въ Мадритъ явился — что тогда, скажите,
 Онъ съ вами сдѣлаеть?

Донъ-Гуанъ.

Пошлетъ назадъ.
 Ужъ вѣрно головы мнѣ не отрубятъ:
 Вѣдь я не государственный преступникъ!
 Меня онъ удалилъ, меня жъ любя,
 Чтобы меня оставила въ покоѣ
 Семья убитаго.

Лепорелло.

Ахъ, баринъ, баринъ! ³
 Сидѣли бъ вы себѣ спокойно тамъ!

Донъ-Гуанъ.

Слуга покорный! Я едва-едва
 Не умеръ тамъ со скуки. Что за люди!
 Что за земля! А небо?.. точный дымъ;
 А женщины?.. Да я не промѣняю,
 Вотъ, видишь ли, мой глупый Лепорелло, ⁴
 Послѣдней въ Андалузїи крестьянки
 На первыхъ тамошнихъ красавицъ — право.
 Онѣ сначала нравились мнѣ
 Глазами синими, да бѣлизною,
 Да скромностью — а пуще новизною;
 Да, слава Богу, скоро догадался:
 Увидѣлъ я, что съ ними грѣхъ и знаться;
 Въ нихъ жизни нѣтъ — все куклы восковыя...
 А наши!.. Но послушай, это мѣсто
 Знакомо намъ; узналъ ли ты его?

Лепорелло.

Какъ не узнать? Антоньевъ монастырь
 Мнѣ памятенъ. Ъзжали вы сюда,
 А лошадей держалъ я въ этой роцѣ:
 Проклятая, признаться, должность! Вы
 Пріятнѣе здѣсь время проводили,
 Чѣмъ я, повѣрьте.

Донъ-Гуанъ (задумчиво).

Бѣдная Инеза!
 Ея ужъ нѣтъ! Какъ я любилъ ее!

Лепорелло.

Инезу — черноглазую?.. о, помню!
 Три мѣсяца ухаживали вы
 За ней; насилу-то помогъ лукавый.

Донъ-Гуанъ.

Въ іюлѣ... ночью. Странную пріятность ⁵
 Я находилъ въ ея печальномъ взорѣ
 И помертвѣлыхъ губкахъ. Это странно.
 Ты, кажется, ее не находилъ
 Красавицей. И точно — мало было
 Въ ней истинно-прекраснаго. Глаза,
 Одни глаза, да взглядъ... такого взгляда
 Ужъ никогда я не встрѣчалъ! А голосъ
 У ней былъ тихъ и слабъ, какъ у больной...
 А мужъ ея былъ негодяй суровый —
 Узналъ я поздно... Бѣдная Инеза!...

Лепорелло.

Что жъ? Вслѣдъ за ней другія были.

Донъ-Гуанъ.

Лепорелло.

А живы будемъ, будутъ и другія.

Донъ-Гуанъ.

И то.

Лепорелло.

Теперь которую въ Мадритѣ
Отыскивать мы будемъ?

Донъ-Гуанъ.

О, Лауру!

Я прямо къ ней бѣгу явиться.

Лепорелло.

Дѣло.

Донъ-Гуанъ.

Къ ней прямо въ дверь; а если кто-нибудь
Ужь у нея — прошу въ окно прыгнуть.

Лепорелло.

Конечно. Ну, развеселились мы.
Не долго насъ покойницы тревожатъ.
Кто къ намъ идетъ?

(Входитъ монахъ.)

Монахъ.

Сейчасъ она пріѣдетъ
Сюда. Кто здѣсь? Не люди ль Доны-Анны?

Лепорелло.

Нѣтъ, сами по себѣ мы господа.
Мы здѣсь гуляемъ.

Донъ-Гуанъ.

А кого вы ждете?

Монахъ.

Сейчасъ должна прѣхать Дона-Анна
На мужнину гробницу.

Донъ-Гуанъ.

Дона-Анна
Де-Сольва? Какъ? Супруга командора,
Убитаго... не помню кѣмъ.

Монахъ.

Развратнымъ,
Безсовѣстнымъ, безбожнымъ Донъ-Гуаномъ.

Лепорелло.

Ого! Вотъ какъ! Молва о Донъ-Гуанѣ
И въ мирный монастырь проникла даже:
Отшельники хвалы ему поютъ.

Монахъ.

Онъ вамъ знакомъ, быть можетъ?

Лепорелло.

Намъ? Нимало.

А гдѣ-то онъ теперь?

Монахъ.

Его здѣсь нѣтъ.
Онъ въ ссылкѣ, далеко.

Лепорелло.

И слава Богу!
Чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше. Всѣхъ бы ихъ,
Развратниковъ, въ одинъ мѣшокъ, да въ море.

Донъ-Гуанъ.

Что, что ты врешь?

Лепорелло.

Молчите: я нарочно...

Донъ-Гуанъ.

Такъ здѣсь похоронили командора?

Монахъ.

Здѣсь. Памятникъ жена ему воздвигла,
И прѣзжаетъ каждый день сюда
За упокой души его молиться
И плакать.

Донъ-Гуанъ.

Чта за странная вдова!
Не даромъ же покойникъ былъ ревнивъ;
Онъ Дону-Анну взаперти держалъ:
Никто изъ насъ не видывалъ ея.
И недурна?

Монахъ.

Мы красотою женской,
Отшельники, прельщаться не должны;
Но лгать грѣшно: не можетъ и угодникъ
Въ ея красѣ чудесной не сознаться.

Донъ-Гуанъ.

Я съ нею бы хотѣлъ поговорить.

Монахъ.

О, Дона-Анна никогда съ мужчиной
Не говоритъ.

Донъ-Гуанъ.

А съ вами, мой отецъ?

Монахъ.

Со мной иное дѣло — я монахъ.
Да вотъ она.

(Входитъ Дона-Анна.)

Дона-Анна.

Отецъ мой, отоприте.

Монахъ.

Сейчасъ, сеньора; я васъ ожидалъ.

(Дона-Анна идетъ за монахомъ.)

Лепорелло.

Что, какова?

Донъ-Гуанъ.

Ея совѣтъ не видно
Подъ этимъ вдовымъ чернымъ покрываломъ;
Чуть узенькую пятку я замѣтилъ.

Лепорелло.

Довольно съ васъ. У васъ воображенье
Въ минуту дорисуетъ остальное;
Оно у васъ проворнѣй живописца.
Вамъ все равно, съ чего бы ни начать —
Съ бровей ли, съ ногъ ли.

Донъ-Гуанъ.

Слушай, Лепорелло:

Я съ нею познакомлюсь.

Лепорелло (про себя).

Вотъ еще!

Куда какъ нужно! Мужа повалилъ,
Да хочетъ поглядѣть на вдови слезы,
Безсовѣстный!

Донъ-Гуанъ.

Однако ужъ и смерклось.
Пока луна надъ нами не взошла
И въ свѣтлый сумракъ тьмы не обратила,
Войдемъ въ Мадритъ.

Лепорелло.

Испанскій грандъ, какъ воръ,
Ждетъ ночи — и луны боится, Боже!
Проклятое житье! Да долго ль будетъ
Мнѣ съ нимъ возиться! Право, нѣтъ ужъ сил!

Сцена II.

Комната. Ужинъ у Лауры.

Первый гость.

Клянусь тебѣ, Лаура, никогда
Съ такимъ ты совершенствомъ не играла!
Какъ роль свою ты вѣрно поняла!

Второй.

Какъ развила ее! съ какою силой!

Третій.

Съ какимъ искусствомъ!

Лаура.

Да, мнѣ удавалось
Сегодня каждое движенье, слово;
Я вольно предавалась вдохновенью;
Слова лились, какъ будто ихъ рождала
Не память робкая, но сердце...

Первый.

Правда.

Да и теперь глаза твои блестятъ
И щеки разгорѣлись — не проходитъ
Въ тебѣ восторгъ. Лаура, не давай
Остыть ему бесплодно: спой, Лаура,
Спой что-нибудь!

Лаура.

Подайте мнѣ гитару.

(Поеть.)

Всѣ.

О, brava! brava! чудно! неподобно!

Первый.

Благодаримъ, волшебница! Ты сердце
Чаруешь намъ. Изъ наслажденій жизни
Одной любви музыка уступаетъ;
Но и любовь — мелодія... Взгляни:
Самъ Карлосъ тронуть, твой угрюмый гость!

Второй.

Какіе звуки! Сколько въ нихъ души!
А чьи слова, Лаура?

Лаура.

Донъ-Гуана.

Донъ-Карлосъ.

Что? Донъ-Гуанъ?

Лаура.

Ихъ сочинилъ когда-то
Мой вѣрный другъ, мой вѣтреный любовникъ.

Донъ-Карлосъ.

Твой Донъ-Гуанъ — безбожникъ и мерзавецъ;
А ты, — ты дура!

Лаура.

Ты съ ума сошелъ!
Да я сейчасъ велю тебя зарѣзать
Моимъ слугамъ, хоть ты испанскій грандъ.

Донъ-Карлосъ (встаетъ).

Зови же ихъ.

Первый.

Лаура, перестань!
Донъ-Карлосъ, не сердись. Она забыла...

Лаура.

Что?.. Что Гуанъ на поединкѣ честно
Убилъ его родного брата? Правда, жаль, ?
Что не его.

Донъ-Карлосъ.

Я глупъ, что осердился.

Лаура.

Ага! Самъ сознаешься, что ты глупъ!
Такъ помиримся.

Донъ-Карлосъ.

Виновать, Лаура!
Прости меня. Но знаешь: не могу
Я слышать это имя равнодушно...

Лаура.

А виновата ль я, что поминутно
Мнѣ на языкъ приходитъ это имя?

Гость.

Ну, въ знакъ, что ты совсѣмъ ужь не сердита,
Лаура, спой еще!

Лаура.

Да, на прощанье:
Пора—ужь ночь. Но что же я спою?
А! слушайте.

(Поетъ.) "

Всѣ.

Прелестно, неподобно!

Лаура.

Прощайте жь, господа.

Гости.

Прощай, Лаура.

(Выходятъ. Лаура останавливаетъ Донъ - Карлоса.)

Лаура.

Ты, бѣшенный, останься у меня.
Ты мнѣ понравился; ты Донъ-Гуана
Напомнилъ мнѣ, какъ выбранилъ меня
И стиснулъ зубы съ скрежетомъ.

Донъ-Карлосъ.

Счастливецъ!

Такъ ты его любила?

(Лаура дѣлаетъ утвердительный знакъ.)

Очень?

Лаура.

Очень.

Донъ-Карлосъ.

И любишь и теперь?

Лаура.

Въ сію минуту?
Нѣтъ, не люблю. Мнѣ двухъ любить нельзя.
Теперь люблю тебя.

Донъ-Карлосъ.

Скажи, Лаура,
Который годъ тебѣ?

Лаура.

Осьмнадцать лѣтъ.

Донъ-Карлосъ.

Ты молода... и будешь молода
Еще лѣтъ пять иль шесть. Вокругъ тебя
Еще лѣтъ шесть они толпятся будутъ,
Тебя ласкать, лелѣять и дарить,
И серенадами ночными тѣшить,
И за тебя другъ друга убивать
На перекресткахъ ночью. Но когда
Пора пройдетъ, когда твои глаза
Впадутъ, и вѣки, сморщась, почернѣютъ,
И сѣдина въ косѣ твоей мелькнетъ,
И будутъ называть тебя старухой,
Тогда—что скажешь ты?

Лаура.

Тогда... Зачѣмъ
Объ этомъ думать? Что за разговоръ?
Иль у тебя всегда такія мысли?
Приди — открой балконъ. Какъ небо тихо!
Недвижимъ теплый воздухъ; ночь лимономъ
И лавромъ пахнетъ; яркая луна
Блеститъ на синевѣ густой и темной,
И сторожа кричатъ протяжно: „Ясно!“⁹
А далеко, на сѣверѣ — въ Парижѣ —

Быть можетъ, небо тучами покрыто,
Холодный дождь идетъ и вѣтеръ дуетъ.
А намъ какое дѣло? Слушай, Карлосъ:
Я требую, чтобъ улыбнулся ты.
Ну! то-то жь!

Донъ-Карлосъ.

Милый демонъ!

(Стучать.)

Донъ-Гуанъ.

Гей, Лаура!

Лаура.

Кто тамъ? Чей это голосъ?

Донъ-Гуанъ.

Отпри...

Лаура.

Ужели!.. Боже!..

(Отпираетъ двери, входитъ Донъ-Гуанъ.)

Донъ-Гуанъ.

Здравствуй...

Лаура.

Донъ-Гуанъ!..

(Лаура кидается ему на шею.)

Донъ-Карлосъ.

Какъ! Донъ-Гуанъ!..

Донъ-Гуанъ.

Лаура, милый другъ!..

(Цѣлуетъ ее.)

Кто у тебя, моя Лаура?

Донъ-Карлосъ.

Я, —

Донъ-Карлосъ.

Донъ-Гуанъ.

Вотъ нечаянная встрѣча!

Я завтра весь къ твоимъ услугамъ...

Донъ-Карлосъ.

Нѣтъ!

Теперь — сейчасъ.

Лаура.

Донъ-Карлосъ, перестаньте!

Вы не на улицѣ — вы у меня —

Извольте выйти вонъ.

Донъ-Карлосъ (ея не слушая.)

Я жду. Ну, что жи?

Вѣдь ты при шпагѣ?

Донъ-Гуанъ.

Ежели тебѣ

Не терпится, — изволь.

(Бьются.)

Лаура.

Ай, ай! Гуанъ!..

(Кидается на постель. Донъ-Карлосъ падаетъ.)

Донъ-Гуанъ.

Вставай, Лаура: кончено.

Лаура.

Что тамъ?

Убить? Прекрасно! Въ комнатѣ моей!

Что дѣлать мнѣ теперь, повѣса, дьяволь?
Куда я выброшу его?

Донъ-Гуанъ.

Быть можетъ,

Онъ живъ еще.

(Осматриваетъ тѣло.)

Лаура.

Да, живъ! Гляди, проклятый!
Ты прямо въ сердце ткнулъ — небось, не мимо.
И кровь нейдетъ изъ треугольной ранки,
А ужь не дышетъ — каково?

Донъ-Гуанъ.

Что дѣлать?

Онъ самъ того хотѣлъ.

Лаура.

Эхъ, Донъ-Гуанъ,
Досадно, право. Вѣчныя проказы!..
А все не виноватъ... Откуда ты?
Давно ли здѣсь?

Донъ-Гуанъ.

Я только что пріѣхалъ
И то тихонько — я вѣдь не прощень.

Лаура.

И вспомнилъ тотчасъ о своей Лаурѣ?
Что хорошо, то хорошо. Да полно,
Не вѣрю я. Ты мимо шелъ случайно,
И домъ увидѣлъ.

Донъ-Гуанъ.

Нѣтъ, моя Лаура,
Спроси у Лепорелло. Я стою

За городомъ, въ проклятой вентѣ. Я Лауры ¹⁰
Пришелъ искать въ Мадритѣ.

(Цѣлуеть ее.)

Лаура.

Другъ ты мой!..

Постой... при мертвомъ!.. Что намъ дѣлать съ нимъ?

Донъ-Гуанъ.

Оставь его — передъ разсвѣтомъ, рано,
Я вынесу его подъ епанчею
И положу на перекресткѣ.

Лаура.

Только

Смотри, чтобъ не увидѣли тебя.
Какъ хорошо ты сдѣлалъ, что явился
Одной минутой позже! У меня
Твои друзья здѣсь ужинали. Только
Что вышли вонъ. Когда бъ ты ихъ засталъ!

Донъ-Гуанъ.

Лаура, и давно его ты любишь?

Лаура.

Кого? Ты, видно, бредишь.

Донъ-Гуанъ.

А признайся: ¹¹

А сколько разъ ты измѣняла мнѣ
Въ моемъ отсутствіи?

Лаура.

А ты, повѣса?

Донъ-Гуанъ.

Скажи жь... Нѣтъ, послѣ переговоримъ!..

Сцена III.

Памятникъ Командора.

Донъ-Гуанъ.

Все къ лучшему: нечаянно убивъ
 Донъ-Карлоса, отшельникомъ смиреннымъ
 Я скрылся здѣсь — и вижу каждый день
 Мою прелестную вдову, и ею,
 Мнѣ кажется, замѣченъ. До сихъ поръ
 Чинились мы другъ съ другомъ, но сегодня
 Пушуся въ разговоры съ ней: пора!
 Съ чего начну? „Осмѣлюсь“... или нѣтъ:
 „Сеньора“... ба! что въ голову придетъ,
 То и скажу, безъ предуготовленья,
 Импровизаторомъ любовной пѣсни...
 Пора бъ ужъ ей пріѣхать. Безъ нея,
 Я думаю, скучаетъ командоръ.
 Какимъ онъ здѣсь представленъ исполиномъ.
 Какія плечи! что за Геркулесъ!..
 А самъ, покойникъ, малъ былъ и щедушенъ;
 Здѣсь, ставъ на цыпочки, не могъ бы руку
 До своего онъ носу дотянуть.
 Когда за Эскурьяломъ мы сошлись, —
 Наткнулся мнѣ на шпагу онъ и замеръ,
 Какъ на булавокѣ стрекоза; а былъ
 Онъ гордъ и смѣлъ, и духъ имѣлъ суровый...
 А! вотъ она.

(Входитъ Дона-Анна.)

Дона-Анна.

Опять онъ здѣсь. Отецъ мой,
 Я развлекла васъ въ вашихъ помышленьяхъ —
 Простите.

Донъ-Гуанъ.

Я просить прощенья долженъ

У васъ, сеньора. Можетъ, я мѣшаю
Печали вашей вольно изливаться.

Дона-Анна.

Нѣтъ, мой отецъ: печаль моя во мнѣ.
При васъ мои моленья могутъ къ небу ¹²
Смиренно возноситься. Я прошу
И васъ свой голосъ къ нимъ соединить. ¹³

Донъ-Гуанъ.

Мнѣ, мнѣ молиться съ вами, Дона-Анна?
Я не достоинъ участи такой.
Я не дерзну порочными устами
Мольбу святую вашу повторять;
Я только издали съ благоговѣньемъ
Смотрю на васъ, когда, склонившись тихо,
Вы кудри черныя на мраморъ блѣдный
Разсыплете — и мнится мнѣ, что тайно
Гробницу эту ангель посѣтилъ.
Въ смущенномъ сердцѣ я не обрѣтаю
Тогда моленій. Я дивлюсь безмолвно
И думаю: счастливъ, чей хладный мраморъ
Согрѣтъ ея дыханіемъ небеснымъ
И окропленъ любви ея слезами.

Дона-Анна.

Какія рѣчи странныя!

Донъ-Гуанъ.

Сеньора?

Дона-Анна.

Мнѣ... вы забыли...

Донъ-Гуанъ.

Что? Что недостойный
Отшельникъ я? Что грѣшный голосъ мой
Не долженъ здѣсь такъ громко раздаваться?

Дона-Анна.

Мнѣ показалось... Я не поняла...

Донъ-Гуанъ.

Ахъ вижу я: вы все, вы все узнали!

Дона-Анна.

Что я узнала?

Донъ-Гуанъ.

Такъ, я не монахъ...

У вашихъ ногъ прощенья умоляю.

Дона-Анна.

О, Боже! Встаньте, встаньте!... Кто же вы?

Донъ-Гуанъ.

Несчастный, жертва страсти безнадежной!

Дона-Анна.

О, Боже мой! И здѣсь, при этомъ гробѣ!
Подите прочь!..

Донъ-Гуанъ.

Минуту, Дона-Анна!

Одну минуту!

Дона-Анна.

Если кто взойдетъ!..

Донъ-Гуанъ.

Рѣшетка заперта. Одну минуту!

Дона-Анна.

Ну, что? Чего вы требуете?

Донъ-Гуанъ.

Смерти!

О, пусть умру сейчасъ у вашихъ ногъ,
 Пусть бѣдный прахъ мой здѣсь же похоронятъ,
 Не подлѣ праха, милаго для васъ,
 Не тутъ, не близко, — далѣ гдѣ-нибудь,
 Тамъ — у дверей — у самага порога,
 Чтобъ камня моего могли коснуться
 Вы легкою ногой или одеждой,
 Когда сюда, на этотъ гордый гробъ,
 Пройдете кудри наклонять и плакать.

Дона-Анна.

Вы не въ своемъ умѣ...

Донъ-Гуанъ.

Или желать

Кончины, Дона-Анна, — знакъ безумства?
 Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ хотѣлъ
 Въ живыхъ остаться, я бъ имѣлъ надежду
 Любовью нѣжной тронуть ваше сердце;
 Когда бъ я былъ безумецъ, я бы ночи
 Сталъ провождать у вашего балкона,
 Тревожа серенадами вашъ сонъ;
 Не сталъ бы я скрываться — я, напротивъ,
 Старался бъ быть вездѣ замѣченъ вами;
 Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ не сталъ
 Страдать въ безмолвіи...

Дона-Анна.И такъ-то вы ¹⁴

Молчите?

Донъ-Гуанъ.

Случай, Дона-Анна, случай
 Увлекъ меня! Не то, вы бъ никогда
 Моей печальной тайны не узнали...

Дона-Анна.

И любите давно ужъ вы меня?

Донъ-Гуанъ.

Давно или недавно, — самъ не знаю;
Но съ той поры лишь только знаю цѣну
Мгновенной жизни, только съ той поры
И понялъ я, что значить слово счастье.

Дона-Анна.

Подите прочь — вы человѣкъ опасный.

Донъ-Гуанъ.

Опасный! чѣмъ?

Дона-Анна.

Я слушать васъ боюсь.

Донъ-Гуанъ.

Я замолчу; лишь не гоните прочь
Того, кому вашъ видъ — одна отрада.
Я не питаю дерзостныхъ надеждъ,
Я ничего не требую; но видѣть
Васъ долженъ я, когда уже на жизнь
Я осужденъ.

Дона-Анна.

Подите — здѣсь не мѣсто.

Такимъ рѣчамъ, такимъ безумствамъ... Завтра
Ко мнѣ придите; если вы клянетесь
Хранить ко мнѣ такое жъ уваженье,
Я васъ приму — но вечеромъ, позднѣе...
Я никого не вижу съ той поры,
Какъ овдовѣла...

Донъ-Гуанъ.

Ангелъ, Дона-Анна;

Утѣшь васъ Богъ, какъ сами вы сегодня
Утѣшили несчастнаго страдальца!

Дона-Анна.

Подите жь прочь.

Донъ-Гуанъ.

Еще одну минуту.

Дона-Анна.

Нѣтъ, видно, мнѣ уйти... Къ тому жь, моленье
Мнѣ въ умъ нейдетъ. Вы развлекли меня
Рѣчами свѣтскими; отъ нихъ ужь ухо
Мое давно, давно отвыкло. — Завтра
Я васъ приму...

Донъ-Гуанъ.

Еще не смѣю вѣрить,
Не смѣю счастью моему предаться!..
Я завтра васъ увижу!.. И не здѣсь,
И не украдкою!

Дона-Анна.

Да, завтра, завтра.

Какъ васъ зовутъ?

Донъ-Гуанъ.

Діего де-Кальвидо. ¹⁵

Дона-Анна.

Прощайте, Донъ-Діего.

(Уходитъ.)

Донъ-Гуанъ.

Лепорелло!

(Лепорелло входитъ.)

Лепорелло.

Что вамъ угодно?

Донъ-Гуанъ.

Милый Лепорелло!

Я счастливъ! — „Завтра — вечеромъ, позднѣе“ ...

Мой Лепорелло, завтра!.. Приготовь...

Я счастливъ, какъ ребенокъ!

Лепорелло.

Съ Доной-Анной

Вы говорили? Можетъ быть, она

Сказала вамъ два ласковыя слова,

Или ее благословили вы?

Донъ-Гуанъ.

Нѣтъ, Лепорелло, нѣтъ! Она свиданье,

Свиданье мнѣ назначила!

Лепорелло.

Неужто?

О вдовы! Всѣ вы таковы!

Донъ-Гуанъ.

Я счастливъ!

Я пѣть готовъ, я радъ весь міръ обнять!

Лепорелло.

А командоръ? Что скажетъ онъ объ этомъ?

Донъ-Гуанъ.

Ты думаешь, онъ станетъ ревновать?

Ужь вѣрно нѣтъ: онъ человѣкъ разумный

И, вѣрно, присмирѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ умеръ.

Лепорелло.

Нѣтъ, посмотрите на его статую.

Донъ-Гуанъ.

Что жь?

Лепорелло.

Кажется, на васъ она глядитъ
И сердится.

Донъ-Гуанъ.

Ступай же, Лепорелло,
Проси ее пожаловать ко мнѣ —
Нѣтъ, не ко мнѣ — а къ Донѣ-Аннѣ, завтра.

Лепорелло.

Статую въ гости звать! Зачѣмъ?

Донъ-Гуанъ.

Ужъ вѣрно

Не для того, чтобъ съ нею говорить.
Проси статую завтра къ Донѣ-Аннѣ
Прийти попозже вечеромъ и стать
У двери на часахъ.

Лепорелло.

Охота вамъ
Шутить, — и съ кѣмъ!

Донъ-Гуанъ.

Ступай же!

Лепорелло.

Но...

Донъ-Гуанъ.

Ступай!

Лепорелло.

Преславная, прекрасная статуя!

Мой баринъ, Донъ-Гуанъ, покорно просить
Пожаловать... Ей-Богу, не могу;
Мнѣ страшно.

Донъ-Гуанъ.

Трусъ! Вотъ я тебя!..

Лепорелло.

Позвольте.

Мой баринъ, Донъ-Гуанъ, васъ просить завтра
Прийти попозже въ домъ супруги вашей
И стать у двери...

(Статуя киваетъ головой въ знакъ согласія.)

Ай!

Донъ-Гуанъ.

Что тамъ?

Лепорелло.

Ай, ай!..

Ай, ай!.. умру!

Донъ-Гуанъ.

Что сдѣлалось съ тобою?

Лепорелло (кивая головой).

Статуя... ай!

Донъ-Гуанъ.

Ты кланяешься?

Лепорелло.

Нѣтъ,

Не я -- она!

Донъ-Гуанъ.

Какой ты вздоръ несешь!

Лепорелло.

Подите сами.

Донъ-Гуанъ.

Ну, смотри жь, бездѣльникъ!

(Статуѣ.)

Я, командоръ, прошу тебя придти
Къ твоей вдовѣ, гдѣ завтра буду я,
И стать у двери на часахъ. ¹⁶ Что? Будешь?

(Статуя киваетъ опять.)

О, Боже!

Лепорелло.

Что? Я говорилъ...

Донъ-Гуанъ.

Уйдемъ.

Сцена IV.

(Комната Доны-Анны.)

Донъ-Гуанъ и Дона-Анна.

Дона-Анна.

Я приняла васъ, Донъ-Діего! Только
Боюсь, моя печальная бесѣда
Скучна вамъ будетъ. Бѣдная вдова,
Все помню я свою потерю: слезы
Съ улыбкою мѣшаю, какъ апрѣль.
Что жь вы молчите?

Донъ-Гуанъ.

Наслаждаюсь молча,

Глубоко ¹⁷ — мыслью быть наединѣ
Съ прелестной Доной-Анной, здѣсь — не тамъ,

Не при гробницѣ мертваго счастливца —
И вижу васъ уже не на колѣняхъ .
Предъ мраморнымъ супругомъ.

Дона-Анна.

Донъ-Діего,
Такъ вы ревнивы? Мужъ мой и во гробѣ
Васъ мучить?

Донъ-Гуанъ.

Я не долженъ ревновать:
Онъ вами выбранъ былъ.

Дона-Анна.

Нѣтъ; мать моя
Велѣла мнѣ дать руку Донъ-Альвару.
Мы были бѣдны, Донъ-Альваръ богатъ.

Донъ-Гуанъ.

Счастливецъ! Онъ сокровища пустяя
Принесъ къ ногамъ богини: вотъ за что
Вкусилъ онъ райское блаженство! Если бъ
Я прежде васъ узналъ — съ какимъ восторгомъ
Мой санъ, мое богатство, все бы отдалъ,
Все за единый благосклонный взглядъ!
Я былъ бы рабъ священной вашей воли!
Всѣ ваши прихоти я бъ изучилъ,
Чтобъ ихъ предупредить, чтобъ ваша жизнь
Была однимъ волшебствомъ непрерывнымъ!
Увы, судьба сулила мнѣ иное!

Дона-Анна.

Діего, перестаньте! Я грѣшу,
Васъ слушаю, ¹⁸ — мнѣ васъ любить нельзя:
Вдова должна и гробу быть вѣрна,
Когда бы знали вы, какъ Донъ-Альваръ
Меня любилъ! О, Донъ-Альваръ ужь вѣрно

Не принялъ бы къ себѣ влюбленной дамы,
Когда бъ онъ овдовѣлъ; онъ былъ бы вѣренъ
Супружеской любви.

Донъ-Гуанъ.

Не мучьте сердца
Мнѣ, Дона-Анна, вѣчнымъ поминаньемъ,
Супруга. Полно вамъ меня казнить,
Хоть казнь я заслужилъ, быть можетъ.

Дона-Анна.

Чѣмъ же?

Вы узами не связаны святыми
Ни съ кѣмъ — не правда ль? Полюбивъ меня,
Вы предо мной и передъ небомъ правы.

Донъ-Гуанъ.

Предъ вами! Боже!

Дона-Анна.

Развѣ вы виновны
Передо мной? Скажите, въ чемъ же?... Ну! ¹⁹

Донъ-Гуанъ.

Нѣтъ, никогда!..

Дона-Анна.

Диго, что такое?
Вы предо мной неправы? ²⁰ Въ чемъ, скажите.

Донъ-Гуанъ.

Нѣтъ, ни за что!

Дона-Анна.

Диго, это страшно!
Я васъ прошу, я требую...

Донъ-Гуанъ.

Нѣтъ, нѣтъ

Дона-Анна.

А! такъ то вы моей послушны волѣ!
А что сейчасъ вы говорили мнѣ? —
Что вы бѣ рабомъ моимъ желали быть
Я разсержусь, Діего: отвѣчайте,
Въ чемъ предо мной виновны вы?

Донъ-Гуанъ.

Не мѣю:

Вы ненавидѣть станете меня.

Дона-Анна.

Нѣтъ, нѣтъ! Я васъ заранѣе прощаю,
Но знать хочу я. ²¹

Донъ-Гуанъ.

Не желайте знать
Ужасную, убійственную тайну.

Дона-Анна.

Ужасную!.. Вы мучите меня:
Я страхъ какъ любопытна — что такое?
И какъ меня могли вы оскорбить?
Я васъ не знала. У меня враговъ
И нѣтъ, и не было. Убійца мужа
Одинъ и есть.

Донъ-Гуанъ (про себя.)

Идетъ къ развязкѣ дѣло!
Скажите мнѣ: несчастный Донъ-Гуанъ
Вамъ не знакомъ?

Дона-Анна.

Нѣтъ, отъ роду его

Я не видала.

Донъ-Гуанъ.

Вы въ душѣ къ нему

Питаете вражду?

Дона-Анна.

По долгу чести.

Но вы отвлечь стараетесь меня

Отъ моего вопроса, Донъ-Діего —

Я требую...

Донъ-Гуанъ.

Что, если бъ Донъ-Гуана

Вы встрѣтили?

Дона-Анна.

Тогда бы я злодѣю

Кинжалъ вонзила въ сердце.

Донъ-Гуанъ.

Дона-Анна,

Гдѣ твой кинжалъ? — Вотъ грудь моя.

Дона-Анна.

Діего

Что вы?

Донъ-Гуанъ.

Я не Діего — я Гуанъ.

Дона-Анна.

О, Боже! Нѣтъ, не можетъ быть, не вѣрю...

Донъ-Гуанъ.

Я Донъ-Гуанъ.

Дона-Анна.

Неправда.

Донъ-Гуанъ.

Я убиль

Супруга твоего, — и не жалѣю
О томъ — и нѣтъ раскаянья во мнѣ.

Дона-Анна.

Что слышу я? Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть!

Донъ-Гуанъ.

Я Донъ-Гуанъ, и я тебя люблю.

Дона-Анна (падая.)

Гдѣ я?.. Гдѣ я?.. Мнѣ дурно, дурно

Донъ-Гуанъ.

Небо!

Что съ нею? Что съ тобою, Дона-Анна?

Проснись, опомнись: твой Діего,

Твой рабъ у ногъ твоихъ!

Дона-Анна.

Оставь меня. ²²

(Слабо.)

Ты, ²³ ты мнѣ врагъ — ты отнялъ у меня

Все, все, что въ жизни...

Донъ-Гуанъ.

Милое созданье!

Я всѣмъ готовъ ударъ мой искупить;

У ногъ твоихъ жду только приказанья:

Вели — умру; вели — дышать я буду
Лишь для тебя...

Дона-Анна.

Такъ это Донъ-Гуанъ?

Донъ-Гуанъ.

Не правда ли, онъ былъ описанъ вамъ
Злодѣемъ, извергомъ?

О, Дона-Анна! ²⁴

Молва, быть можетъ, не совѣмъ неправа;
На совѣсти усталой много зла,
Быть можетъ, дѣготѣеть; но съ тѣхъ поръ,
Какъ васъ увидѣлъ я, все измѣнилось:
Мнѣ кажется, — я весь переродился!
Васъ люблю, люблю я добродѣтель —
И въ первый разъ смиренно передъ ней
Дрожащія колѣна преклоняю. ²⁵

Дона-Анна.

О, Донъ-Гуанъ краснорѣчивъ — я знаю!
Слышала я: онъ хитрый человѣкъ...
Вы, говорятъ, безбожный развратитель,
Вы сущій демонъ. Сколько бѣдныхъ женщинъ
Вы погубили?

Донъ-Гуанъ.

Ни одной донынѣ
Изъ нихъ я не любилъ.

Дона-Анна.

И я повѣрю,
Чтобъ Донъ-Гуанъ влюбился въ первый разъ,
Чтобъ не искалъ во мнѣ онъ жертвы новой!

Донъ-Гуанъ.

Когда бъ я васъ обманывать хотѣлъ, ²⁶

Признался ль бы, сказалъ ли бѣ я то имя, ²⁷
 Котораго не можете вы слышать?
 Гдѣ жь видны тутъ обдуманность, коварство?

Дона-Анна.

Кто знаетъ васъ? Но какъ могли придти
 Сюда вы? Здѣсь узнать могли бы васъ, — ²⁸
 И ваша смерть была бы неизбѣжна.

Донъ-Гуанъ.

Что значить смерть? За сладкій мигъ свиданья
 Безропотно отдамъ я жизнь.

Дона-Анна.

Но какъ же
 Отсюда выйти вамъ, неосторожный?

Донъ-Гуанъ (цѣлуя ей руки).

И вы о жизни бѣднаго Гуана
 Заботитесь! Такъ ненависти нѣтъ
 Въ душѣ твоей небесной, Дона-Анна?

Дона-Анна.

Ахъ, если бѣ васъ могла я ненавидѣть!
 Однако жь, надобно разстаться намъ.

Донъ-Гуанъ.

Когда жь опять увидимся?

Дона-Анна.

Не знаю,

Когда-нибудь.

Донъ-Гуанъ.

А завтра?

Дона-Анна.

Гдѣ же?

Донъ-Гуанъ.

Здѣсь.

Дона-Анна.

О, Донъ-Гуанъ, какъ сердцемъ я слаба!

Донъ-Гуанъ.

Въ залогъ прощанья мирный поцѣлуй...

Дона-Анна.

Пора, поди.

Донъ-Гуанъ.

Одинъ, — холодный, мирный...

Дона-Анна.

Какой ты неотвязный! На, вотъ онъ...

(Стучать.)

Что тамъ за стукъ?.. О, скройся, Донъ-Гуанъ!

Донъ-Гуанъ.

Прощай же, до свиданья, другъ мой милый!

(Уходитъ и вбѣгаетъ опять.)

А!..

Дона-Анна.

Что съ тобой? А!..

(Входитъ статуя командора; Дона-Анна падаетъ.)

Статуя.

Я на зовъ явился.

Донъ-Гуанъ.

О, Боже! Дона-Анна!

Статуя.

Брось ее.

Все кончено. Дрожишь ты, Донъ-Гуанъ?

Донъ-Гуанъ.

Я? Нѣтъ! Я звалъ тебя и радъ, что вижу.

Статуя.

Дай руку.

Донъ-Гуанъ.

Вотъ она... О, тяжело
Пожатье каменной его десницы! ²⁹
Оставь меня, пусти, пусти мнѣ руку!..
Я гибну — кончено — о, Дона-Анна!..

(Проваливаются.)

4 ноября 1830. Болдино.

XVII.

Пиръ во время чумы

(Изъ Вильсоновой трагедіи: The city of the plague)

1830.

Этотъ отрывокъ, напечатанный въ альманахѣ бар. Розена „Альціона“ (Спб. 1832) и въ томъ же году перепечатанный въ собраніи стихотвореній Пушкина (ч. III) въ рукописи неизвѣстенъ. Онъ представляетъ довольно близкій переводъ 4-й сцены I дѣйствія драматической поэмы Уильсона: „Чумный городъ“ (1816), съ которою Пушкинъ познакомился въ книгѣ: „The poetical works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall“ (Paris 1829). Только пѣсни Мери и Президента не переведены, а сочинены самимъ Пушкинымъ и представляютъ лишь отдаленное сходство съ мотивами англійскаго подлинника.

Шотландскій поэтъ John Wilson, болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ: Chistopher North (1785—1854), принадлежалъ къ т. наз. „озерной“ школѣ поэтовъ, главными представителями которой были Вордсвортъ, Кольриджъ и Саути. Занимая въ Единбургскомъ университетѣ кафедру нравственной философіи, онъ былъ въ то же время дѣятельнымъ сотрудникомъ журнала „Blackwood's Magazine“, гдѣ помѣщалъ научныя и политическія статьи, стихотворенія и рассказы. Его драматическая поэма. „The City of the Plague“ изображаетъ эпизоды изъ эпохи „великой чумы“ въ Лондонѣ, въ 1666 году.

Улица. Накрытый столъ. Нѣсколько пирующихъ
мужчинъ и женщинъ.

Молодой человекъ.

Почтенный предсѣдатель! Я напому
О человекѣ, очень намъ знакомомъ,
О томъ, чьи шутки, повѣсти смѣшныя,
Отвѣты острые и замѣчанья,
Столъ ѣдкія въ ихъ важности забавной,
Застольную бесѣду оживляли
И разгоняли мракъ, который нынѣ
Зараза, гостя наша, насылаетъ
На самые блестящіе умы.
Тому два дня, нашъ общій хохотъ славилъ
Его рассказы; невозможно быть,
Чтобъ мы въ своемъ веселомъ пированьи
Забыли Джаксона! Его здѣсь кресла
Состоятъ пустыя, будто ожидая
Весельчака; но онъ ушелъ уже
Въ холодныя, подземныя жилища...
Хотя краснорѣчивѣйшій языкъ
Не умолкалъ еще во прахѣ гроба,
Но много насъ еще живыхъ, и намъ
Причины нѣтъ печалиться. Итакъ
Я предлагаю выпить въ его память
Съ веселымъ звономъ рюмокъ, съ восклицаньемъ,
Какъ будто бѣ былъ онъ живъ.

Предсѣдатель.

Онъ выбылъ первый
Изъ круга нашего. Пускай въ молчаньи
Мы выпьемъ въ честь его.

Молодой человекъ.

Да будетъ такъ!

(Всѣ пьютъ молча.)

Предсѣдатель.

Твой голосъ, милая, выводитъ звуки
Родимыхъ пѣсенъ съ дикимъ совершенствомъ:
Спой, Мери, намъ уныло и протяжно,
Чтобъ мы потомъ къ веселью обратились
Безумнѣе, какъ тотъ, кто отъ земли
Былъ отлученъ какимъ-нибудь видѣньемъ.

Мери (поетъ).

Было время, процвѣтала
Въ мирѣ наша сторона:
Въ воскресеніе бывала
Церковь Божія полна;
Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались голоса,
И сверкали въ свѣтломъ полѣ
Серпъ и быстрая коса.

Нынѣ церковь опустѣла;
Школа глухо заперта;
Нива праздно перерѣла;
Роща темная пуста;
И селенье, какъ жилище
Погорѣлое, стоитъ;
Тихо все — одно кладбище
Не пустѣеть, не молчить.

Поминутно мертвыхъ носятъ,
И стенанія живыхъ
Боязливо Бога просятъ
Успокоить души ихъ!
Поминутно мѣста надо,

И могилы межъ собой,
 Какъ испуганное стадо,
 Жмутся тѣсной чередой.

Если ранняя могила
 Суждена моей веснѣ —
 Ты, кого я такъ любила,
 Чья любовь отрада мнѣ, —
 Я молю: не приближайся
 Къ тѣлу Дженни ты своей;
 Устъ умершихъ на касайся:
 Слѣдуй издали за ней.

И потомъ оставь селенье!
 Уходи куда-нибудь,
 Гдѣ-бъ ты могъ души мученье
 Усладить и отдохнуть!
 И когда зараза минетъ
 Посѣти мой бѣдный прахъ;
 А Эдмонда не покинетъ
 Дженни даже въ небесахъ!

Предсѣдатель.

Благодаримъ, задумчивая Мери,
 Благодаримъ за жалобную пѣсню!
 Въ дни прежніе чума такая жъ, видно
 Холмы и доли ваши посѣтила,
 И раздавались жалкія стенанья
 По берегамъ потоковъ и ручьевъ,
 Бѣгущихъ нынѣ весело и мирно
 Сквозь дикій рай твоей земли родной;
 И мрачный годъ, въ который пало столько
 Отважныхъ, добрыхъ и прекрасныхъ жертвъ,
 Едва оставилъ память о себѣ
 Въ какой-нибудь простой пастушьей пѣснѣ,
 Унылой и пріятной... Нѣтъ, ничто
 Такъ не печалитъ насъ среди веселій,
 Какъ томный, сердцемъ повторенный звукъ.

Мери.

О, если бь никогда я не пѣвала
 Внѣ хижины родителей своихъ!
 Они свою любили слушать Мери:
 Самой себѣ я, кажется, внимаю,
 Поющей у родимаго порога.
 Мой голосъ слаще былъ въ то время: онъ
 Былъ голосомъ невинности...

Луиза.

Не въ модѣ
 Теперь такія пѣсни! Но все жь есть
 Еще простыя души: рады таять
 Отъ женскихъ слезъ, и слѣпо вѣрятъ имъ.
 Она увѣрена, что взоръ слезливый
 Ея неотразимъ; а если бь то же
 О смѣхѣ думала своемъ, то вѣрно
 Все бь улыбалась. Вальсингамъ хвалилъ
 Крикливыхъ сѣверныхъ красавицъ: вотъ,
 Она и разстоналась. Ненавижу
 Волосъ шотландскихъ этихъ желтизну.

Предсѣдатель.

Послушайте: я слышу стукъ колесъ!

(Ѣдетъ телѣга, наполненная мертвыми тѣлами. Негръ
 управляетъ ею.)

Ага! Луизѣ дурно; въ ней, я думалъ,
 По языку судя, мужское сердце.
 Но такъ-то: нѣжнаго слабѣй жестокой,
 И страхъ живетъ въ душѣ, страстями томимой!
 Брось, Мери, ей воды въ лицо. Ей лучше.

Мери.

Сестра моей печали и позора,
 Прилягъ на грудь мою.

Луиза (приходя въ чувство).

Ужасный демонъ

Приснился мнѣ: весь черный, бѣлоглазый...
Онъ звалъ меня въ свою телѣжку. Въ ней
Лежали мертвые — и лепетали
Ужасную, невѣдомую рѣчь...
Скажите мнѣ: во снѣ ли это было?
Проѣхала ль телѣга?

Молодой человѣкъ.

Ну, Луиза,

Развеселись! Хоть улица вся наша —
Безмолвное убѣжище отъ смерти,
Пріютъ пировъ, ничѣмъ невозмутимыхъ,
Но знаешь? эта черная телѣга
Имѣетъ право всюду разѣзжать —
Мы пропускать ее должны. Послушай
Ты, Вальсингамъ: для пресѣченья споровъ
И слѣдствій женскихъ обмороковъ, спой
Намъ пѣсню — вольную, живую пѣсню,
Не грустію шотландской вдохновенну,
А буйную, вакхическую пѣснь,
Рожденную за чашею кипящей!

Предсѣдатель.

Такой не знаю; но спою вамъ гимнъ
Я въ честь чумы: я написалъ его
Прошедшей ночью, какъ разстались мы.
Мнѣ странная пришла охота къ риѣмамъ
Впервые въ жизни! Слушайте жь меня:
Охриплый голосъ мой приличень пѣснѣ.

Многіе.

Гимнъ въ честь чумы! послушаемъ его!
Гимнъ въ честь чумы! прекрасно! bravo! bravo!

Предсѣдатель (поетъ).

Когда могущая зима,
Какъ бодрый вождь, ведетъ сама
На насъ косматыя дружины
Своихъ морозовъ и снѣговъ,
Навстрѣчу ей трещать камины,
И весель зимній жаръ пировъ.

Царица грозная, чума
Теперь идетъ на насъ сама,
И льстится жатвою богатой,
И къ намъ въ окошко день и ночь
Стучить могильною лопатой...
Что дѣлать намъ? и какъ помочь?

Какъ отъ проказницы зимы,
Запремся такъ же отъ чумы!
Зажжемъ огни, нальемъ бокалы,
Утопимъ весело умы —
И, заваривъ пиры да балы,
Возславимъ царствіе чумы!

Есть упоеніе въ бою
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы!

Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъясны наслажденья —
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!
И счастливъ тотъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣтаетъ и вѣдать могъ.

Итакъ — хвала тебѣ, чума!
 Намъ не страшна могилы тьма,
 Насъ не смутить твое призванье!
 Бокалы пѣнимъ дружно мы
 И дѣвы-розы пьемъ дыханье —
 Быть можетъ — полное чумы!

(Входитъ старый священникъ.)

Священникъ.

Безбожный пиръ, безбожные безумцы!
 Вы пиршествомъ и пѣснями разврата
 Ругаетесь надъ мрачной тишиной,
 Повсюду смертію распространенной!
 Средь ужаса плачевныхъ похоронъ,
 Средь блѣдныхъ лицъ, молюсь я на кладбищѣ,
 А ваши ненавистные восторги
 Смущаютъ тишину гробовъ — и землю
 Надъ мертвыми тѣлами потрясаютъ!
 Когда бы стариковъ и женъ моления
 Не освятили общей, смертной ямы,
 Подумать могъ бы я, что нынче бѣсы
 Погибшій духъ безбожника терзаютъ
 И въ тьму кромѣшную тащатъ со смѣхомъ.

Нѣсколько голосовъ.

Онъ мастерски объ адѣ говорить!
 Ступай, старикъ! Ступай своей дорогой!

Священникъ.

Я заклинаю васъ святою кровью
 Спасителя, распятаго за насъ:
 Прервите пиръ чудовищный, когда
 Желаете вы встрѣтить въ небесахъ
 Утраченныхъ возлюбленныя души.
 Ступайте по своимъ домамъ!

Предсѣдатель.

Домѣ

У насъ печальны: юность любить радость.

Священникъ.

Ты ль это, Вальсингамъ? Ты ль самый тотъ,
Кто, три тому недѣли, на колѣняхъ,
Трупъ матери, рыдая, обнималъ
И съ воплемъ бился надъ ея могилой?
Иль думаешь: она теперь не плачетъ,
Не плачетъ горько въ самыхъ небесахъ,
Взирая на пирующаго сына
Въ пиру разврата; слыша голосъ твой,
Поющій бѣшенныя пѣсни между
Мольбы святой и тяжкихъ воздыханій?
Ступай за мной!

Предсѣдатель.

Зачѣмъ приходишь ты
Меня тревожить? Не могу, не долженъ
Я за тобой идти: я здѣсь удержанъ,
Отчаяньемъ, воспоминаньемъ страшнымъ,
Сознаньемъ беззаконья моего,
И ужасомъ той мертвой пустоты,
Которую въ моемъ дому встрѣчаю,
И новостью сихъ бѣшенныхъ веселій,
И благодатнымъ ядомъ этой чаши,
И ласками (прости меня Господь!)
Погибшаго, но милаго созданья...
Тѣнь матери не вызоветъ меня
Отселѣ; поздно слышу голосъ твой,
Меня зовущій; признаю усилья
Меня спасти... Старикъ! иди же съ миромъ;
Но проклять будь, кто за тобой поидеть!

Многіе.

Bravo, bravo, достойный предсѣдатель!
Вотъ проповѣдь тебѣ! пошелъ! пошелъ!

Священникъ.

Матильды чистый духъ тебя зоветъ!

Предсѣдатель (встаетъ.)

Клянись же мнѣ, съ поднятой къ небесамъ,
Увявшей, блѣдною рукой, оставить
Въ гробу навѣкъ умолкнувшее имя!
О, если бѣ отъ очей ея безсмертныхъ
Скрыть это зрѣлище! Меня когда-то
Она считала чистымъ, гордымъ, вольнымъ —
И знала рай въ объятіяхъ моихъ...
Гдѣ я?.. Святое чадо свѣта! вижу
Тебя я тамъ, куда мой падшій духъ
Не досягнетъ уже...

Женскій голосъ.

Онъ сумасшедшій:
Онъ бредить о женѣ похороненной!

Священникъ.

Пойдемъ, пойдемъ...

Предсѣдатель.

Отецъ мой, ради Бога,
Оставь меня!

Священникъ.

Спаси тебя Господь!
Прости, мой сынъ.

(Уходитъ. Пирь продолжается. Предсѣдатель остается, погруженный въ глубокую задумчивость).

«И пошли на край додыны
У моря искать дичины.»

(Сказка о Царь Салтанѣ)

Пушкинъ.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Сказка о царь Салтанѣ.

Оригинальная акварель А. П. Рябушкина.

XVIII.

Русалка.

1832.

Пьеса эта, оставшаяся въ бумагахъ Пушкина неоконченною и неотдѣланною, напечатана уже послѣ смерти поэта, въ VI томѣ Современника 1837 г., съ произвольными передѣлками. Она извѣстна намъ въ перебѣленной, съ авторскими поправками, рукописи Моск. Муз. № 2376 А; кромѣ того, черновые листы находятся въ № 2371, л. 85 об. - 83, и отрывки изъ 1-й и 3-й сценъ въ № 2382, лл. 19 об. - 22, 39 об. и 40 (см. Рус. Стар. 1884, т. 43, стр. 50 и т. 44, стр. 77 - 78 и 349). Въ первой изъ указанныхъ рукописей находится и набросокъ программы:

„Мельникъ и его дочь. — Свадьба. — Княгиня и мамка. — Русалки. — Князь, старикъ и русалочка. — Охотники“.

Всѣ рукописи „Русалки“ изданы фототипически А. де-Бюнкуромъ, подъ ред. Л. П. Бѣльскаго (М. 1901 г.). Кромѣ того, первоначальный набросокъ третьей сцены, сохранившійся въ бумагахъ А. С. Норова и напечатанный въ Рус. Арх. 1865, № 12, воспроизведенъ въ книгѣ В. Я. Брюсова: „Письма Пушкина и къ Пушкину“ (изд. т-ва „Скорпионъ“, М. 1903).

Какъ видно изъ рукописей, „Русалка“ начата осенью 1830 г. въ Болдинѣ (одновременно написаны стихотворенія: „Осень“ и Бѣсы“); но П. не торопился съ нею и окончилъ 1-ю сцену только 27 апрѣля 1832 г. По своему сюжету она однородна съ пѣсней „Янышъ - Королевичъ“, написанной около того - же времени (II, 347) и заимствованной, по указанію Пушкина, изъ чешскаго источника, котораго, однако, до сихъ поръ не удалось отыскать. Проф. И. Н. Ждановъ („Русалка Пушкина и „Donauweibchen“ Генслера“, въ сборникѣ „Памяти Пушкина“ препод. и слушат. ист.-фил. фак. Спб. унив., Спб. 1900, стр. 139 - 178) указалъ тематическое сходство (и даже нѣкоторыя совпаденія въ мелкихъ подробностяхъ) пушкинской пьесы съ очень любимой въ свое время оперой - фееріей Генслера, передѣланной для

русской сцены Н. С. Краснопольскимъ подъ названіемъ: „Днѣпровская Русалка“ (1-я часть 1803 г., 2-я — 1804 г., 3-я и 4-я — 1807 г.). „Сопоставленіе Русалки Пушкина съ Русалкой Краснопольскаго убѣждаетъ насъ въ несомнѣнномъ родственномъ сходствѣ этихъ двухъ произведеній“,—говоритъ Ждановъ. „Но это же сопоставленіе двухъ Русалокъ открываетъ намъ и глубокую разницу „беззаконнаго рисунка“ и гениальной картины. Пушкинъ зналъ переводную Русалку, перенесъ изъ нея въ свое произведеніе нѣкоторые литературные мотивы; но въ передѣлкѣ великаго поэта и основной сюжетъ драмы, и ея частности получили не только новую, болѣе блестящую оболочку, но и новый, болѣе глубокой смыслъ. Передѣлка коснулась и построения драмы, и изложенія отдѣльныхъ подробностей...“

Указавъ, далѣе, на мотивы народной русской поэзіи, — народныя повѣрья, подробности старинныхъ свадебныхъ обрядовъ и пр., — внесенные Пушкинымъ въ свою драму, Ждановъ замѣчаетъ, что они „придали этому произведенію яркій національный колоритъ: драма, въ основу которой положена переводная пьеса, превратилась при помощи волшебнаго искусства великаго поэта въ живую картину старорусскаго быта и старо-русскихъ повѣрій... Діалоги и монологи дѣйствующихъ лицъ, пѣсни дѣвушекъ и русалокъ въ пьесѣ Пушкина представляютъ рѣдкій образецъ художественнаго пересозданія народной рѣчи или, говоря точнѣе, воспроизведенія народной рѣчи въ литературно-обработанной, художественной формѣ“.

Анненковъ (Мат., 357, 363) передаетъ слухъ, будто Пушкинъ смотрѣлъ на свою Русалку, какъ на либретто для оперы молодого музыканта А. П. Есаулова. „Въ такомъ случаѣ ни одна страна Европы не имѣетъ либретто, болѣе исполненнаго чудной поэзіи, болѣе близкаго къ гениальному воспроизведенію въ искусствѣ народныхъ представленій...“

Въ 1897 г. въ Рус. Архивѣ напечатано было „окончаніе“ Русалки, будто бы записанное „по памяти“ старцемъ Д. П. Зуевымъ, который еще въ 80-хъ гг. читалъ свою рукопись кое-кому изъ петербургскихъ литераторовъ. Грубая поддѣлка подъ Пушкина надѣлала много шума, напоминая извѣстную пословицу о томъ, что одинъ дуракъ броситъ камень въ воду, а десять умныхъ не вытащатъ... Впрочемъ, по другой пословицѣ, — „нѣтъ худа безъ

добра“, — Зуевская Русалка вызвала замѣчательный трудъ академика Ѳ. Е. Корша (Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. 1898), который, желая доказать ея подлинность, представилъ прекраснѣйшій и подробнѣйшій анализъ пушкинскаго стиха. Наиболѣе выдающіяся газетныя и журнальныя статьи по поводу зуевской рукописи собраны въ отдѣльной книжкѣ: „Поддѣлка Русалки Пушкина“, изданіе А. С. Суворина, Спб. 1900.

Въ настоящемъ изданіи „Русалка“ впервые печатается согласно подлинной рукописи Пушкина.

Сцена I.

Берегъ Днѣпра. — Мельница.

Мельникъ, дочь его.

Мельникъ.

Охъ, то-то всѣ вы, дѣвки молодья,
Всѣ глупы вы! Ужь если подвернулся
Къ вамъ челоуѣкъ завидный, не простой,
Такъ должно вамъ его себѣ упрочить;
А чѣмъ? Разумнымъ, честнымъ поведеньемъ;
Заманивать то строгостью, то лаской;
Порою исподволь, обинякомъ
О свадьбѣ заговаривать, а пуше
Беречь свою дѣвическую честь —
Безцѣнное сокровище: она —
Что слово: разъ упустишь, не воротишь.
А коли нѣтъ на свадьбу ужъ надежды,
То все-таки, по крайней мѣрѣ, можно
Какой нибудь барышъ себѣ, иль пользу
Роднымъ да выгадать; подумать надо:
„Не вѣчно жъ будетъ онъ меня любить
„И баловать меня.“¹ Да нѣтъ! куда
Вамъ помышлять о добромъ дѣлѣ! Кстати ль?
Вы тотчасъ одурѣете: вы рады
Исполнить даромъ прихоти его,
Готовы цѣлый день висѣть на шеѣ²
У милаго дружка; а милый другъ
Глядь — и пропалъ, и слѣдъ простылъ; а вы
Остались ни съ чѣмъ... Охъ, всѣ вы глупы!³
Не говорилъ ли⁴ я тебѣ сто разъ:

Эй, дочь, смотри, не будь такая дура,⁵
 Не прозѣвай ты счастья своего,
 Не упускай ты князя, да спроста
 Не погуби самой себя. Что жь вышло?
 Сиди теперь,⁶ да вѣчно плачь о томъ,
 Чего ужь не воротишь.

Дочь.

Почему же
 Ты думаешь, что бросилъ онъ меня?

Мельникъ.

Какъ почему? Да сколько разъ бывало,
 Въ недѣлю⁷ онъ на мельницу ѣзжалъ?
 А?.. всякій Божій день, а иногда
 И дважды въ день; а тамъ все рѣже, рѣже
 Сталь пріѣзжать — и вотъ девятый день,⁸
 Какъ не видали мы его. Что скажешь?

Дочь.

Онъ занятъ; мало ль у него заботы?⁹
 Вѣдь онъ¹⁰ не мельникъ: за него не станеть
 Вода работать! Часто онъ твердитъ,
 Что всѣхъ трудовъ его труды¹¹ тяжелѣ.

Мельникъ.

Да, вѣрь ему! Когда князя трудятся?
 И что ихъ трудъ? Травить лисицъ и зайцевъ,
 Да пировать, да обижать сосѣдей,¹²
 Да подговаривать васъ, бѣдныхъ дурь.
 Онъ самъ работаетъ — куда какъ жалко!
 А за меня вода!.. А мнѣ покою
 Ни днемъ, ни ночью нѣтъ; а тамъ посмотришь:
 То здѣсь, то тамъ нужна еще починка,
 Гдѣ гниль, гдѣ течь. Вотъ, если бъ ты у князя
 Умѣла выпросить на перестройку
 Хоть нѣсколько деньжонокъ, было бъ лучше.¹³

Дочь.

Ахъ!

Мельникъ.

Что такое?

Дочь.

Чу! Я слышу топотъ
Его коня... Онъ! онъ!

Мельникъ.

Смотри же, дочь,
Не забывай моихъ совѣтовъ, помни... ¹⁴

Дочь.

Вотъ онъ, вотъ онъ!

(Входитъ князь. Конюшій уводитъ его коня.)

Князь.

Здорово, милый другъ!
Здорово, мельникъ.

Мельникъ.

Милостивый князь,
Добро пожаловать! Давно, давно ¹⁵
Твоихъ очей мы свѣтлыхъ не видали.
Пойду тебѣ готовить угощенье. (Уходитъ).

Дочь.

Ахъ, наконецъ ты вспомнилъ обо мнѣ!
Не стыдно ли тебѣ такъ долго мучить
Меня пустымъ, жестокимъ ожиданьемъ?
Чего мнѣ въ голову не приходило?
Какимъ себя я страхомъ не пугала?
То думала, что конь тебя занесъ
Въ болото или пропасть; что медвѣдь ¹⁶

Тебя въ лѣсу дремучемъ одолѣлъ;
 Что боленъ ты; что разлюбилъ меня... ¹⁷
 Но, слава Богу, живъ ты, невредимъ...
 И любишь все по-прежнему меня,
 Не правда ли?

Князь.

По-прежнему, мой ангель!
 Нѣтъ, больше прежняго.

Она.

Однако ты ¹⁸
 Печаленъ; что съ тобою?

Князь.

Я печаленъ?
 Тебѣ такъ показалось. Нѣтъ, я весель ¹⁹
 Всегда, когда тебя лишь вижу.

Она.

Нѣтъ,
 Когда ты весель, издали ко мнѣ
 Спѣшишь и кличешь: гдѣ моя голубка?
 Что дѣлаешь она? А тамъ цѣлуешь
 И вопрошаешь: ²⁰ рада ль я тебѣ
 И ожидала ли тебя такъ рано?
 А нынче — слушаешь меня ты молча,
 Не обнимаешь, не цѣлуешь въ очи.
 Ты чѣмъ нибудь встревоженъ, вѣрно? Чѣмъ же?
 Ужъ на меня не сердись ли ты?

Князь.

Я не хочу притворствовать напрасно; ²¹
 Ты права: въ сердцѣ я ношу печаль
 Тяжелую, — и ты ея не можешь
 Ни ласками любовными разсѣять,
 Ни облегчить, ни даже раздѣлить.

Она.

Но больно ²² мнѣ съ тобою не грустить
 Одною ²³ грустью. Тайну мнѣ повѣдай.
 Позволишь — буду плакать, не позволишь —
 Ни слезкой ²⁴ я тебѣ не досажу.

Князь.

Зачѣмъ мнѣ медлить? Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.
 Мой милый другъ, ты знаешь, нѣтъ на свѣтѣ ²⁵
 Блаженства прочнаго: ни знатный родъ,
 Ни красота, ни сила, ни богатство, ²⁶
 Ничто бѣды не можетъ миновать ²⁷
 И мы — не правда ли, моя голубка? —
 Мы были счастливы! — По крайней мѣрѣ,
 Я счастливъ былъ тобой, твоей любовью;
 И что впередъ со мною ни случится,
 Гдѣ бъ ни былъ я, всегда я буду помнить
 Тебя мой, другъ; того, что я теряю,
 Ничто на свѣтѣ мнѣ не замѣнитъ!

Она.

Я словъ твоихъ еще не понимаю,
 Но ужъ мнѣ страшно. Намъ ²⁸ судьба грозитъ,
 Готовить намъ невѣдомое горе —
 Разлуку, можетъ быть...

Князь.

Ты угадала:
 Разлука намъ судьбою суждена.

Она.

Кто насъ разлучить? Развѣ за тобою ²⁹
 Идти вослѣдъ я всюду не властна? ³⁰
 Я мальчикомъ ³¹ одѣнусь; вѣрно буду
 Тебѣ служить дорогою, въ походѣ
 Иль на войнѣ; войны я не боюсь,

Лишь видѣла бѣ тебя. Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрю!
Иль вывѣдать мои ты мысли хочешь,
Или со мной пустую шутку шутишь... ³²

Князь.

Нѣтъ, шутки мнѣ на умъ нейдутъ сегодня;
Вывѣдывать тебя не нужно мнѣ;
Не снаряжаюсь я ни въ дальній путь,
Ни на войну; я дома остаюсь,
Но долженъ я съ тобой навѣкъ проститься.

Она.

Постой, теперь я понимаю все: ³³
Ты женишься? (Князь молчитъ). Ты женишься?

Князь.

Что дѣлать?

Сама ты разсуди. Князья не вольны, ³⁴
Какъ дѣвицы: не по сердцу они
Себѣ подругъ берутъ, а по расчетамъ
Иныхъ ³⁵ людей, для выгоды чужой...
Твою печаль утѣшить Богъ и время!
Не забывай меня! Возьми на память
Повязку — дай, тебѣ я самъ надѣну.
Еще привезъ съ собою ожерелье —
Возьми его. ³⁶ Да вотъ еще: отцу
Я это посулилъ — отдай ему.

(Даетъ ей въ руки мѣшокъ съ золотомъ.)

Прощай!

Она.

Постой, тебѣ сказать должна я —
Не помню что.

Князь.

Припомни.

Она.

Для тебя

Я все готова... Нѣтъ не то... Постой...
Нельзя, чтобы навѣки, въ самомъ дѣлѣ,
Меня ты могъ покинуть... Все не то...
Да, вспомнила: сегодня у меня
Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся. ³⁷

Князь.

Несчастная! Какъ быть? Хоть для него
Побереги себя! Я не оставлю ³⁸
Ни твоего ребенка, ни тебя.
Современемъ, быть можетъ, самъ приѣду
Васъ навѣститъ. Утѣшься, не крушишься. ³⁹
Дай, обниму тебя въ послѣдній разъ.
(Уходя). Ухъ, кончено! Душѣ какъ будто легче
Я бури ждалъ, но дѣло обошлось
Довольно тихо. (Уходитъ. Она остается неподвижною.)

Мельникъ (входитъ).

Не угодно ль будетъ
Пожаловать на мельницу... Да гдѣ жь онъ?
Скажи, гдѣ князь нашъ? Ба, ба, ба! Какая
Повязка! Вся въ каменьяхъ дорогихъ!
Такъ и горитъ! И бусы!.. Ну, скажу,
Подарокъ царскій. Ахъ онъ, благодѣтель!
А это что? Мошонка! Ужъ не деньги ль?..
Да что же ты стоишь, не отвѣчаешь,
Не вымолвишь словечка? Али ты
Отъ радости неожиданной одурѣла,
Иль на тебя столбнякъ нашель?

Дочь.

Не вѣрю,
Не можетъ быть. Я такъ его любила...

Или онъ звѣрь? Иль сердце у него
Косматое?

Мельникъ.

О комъ ты говоришь?

Дочь.

Скажи, родимый: какъ могла его
Я прогнѣвить? Въ одну недѣлку развѣ
Моя краса пропала? Иль его ⁴⁰
Отравой опоили?

Мельникъ.

Что съ тобою?

Дочь.

Родимый, онъ уѣхалъ! Вонъ онъ скачетъ!
И я, безумная, его пустила!
Я за полы его не уцѣпилась!
Я не повисла на уздѣ коня!
Пушкой же бѣ онъ съ досады отрубилъ
Мнѣ руки по локоть; пускай бы тутъ же
Онъ растопталъ меня своимъ конемъ!

Мельникъ.

Что съ нею? ⁴¹

Дочь.

Видишь ли — князя не вольны, ⁴²
Какъ дѣвицы: не по сердцу они
Берутъ жену себѣ... А вольно имъ,
Небось, подманивать, божиться, плакать
И говорить: „тебя я повезу
„Въ мой свѣтлый ⁴³ теремъ, въ тайную свѣтлицу,
„И наряжу въ парчу и въ бархатъ алый!“
Имъ вольно бѣдныхъ дѣвушекъ учить
Съ полуночи на свистъ ихъ подыматься,

И до зари за мельницей сидѣть!
 Имъ любо ⁴⁴ сердце княжеское тѣшить
 Бѣдами нашими! А тамъ — прощай:
 Ступай, голубушка, куда захочешь;
 Люби, кого замыслишь! ⁴⁵

Мельникъ.

Вотъ въ чемъ дѣло!.. ⁴⁶

Дочь.

Да кто жь она, невѣста? На кого ⁴⁷
 Онъ промѣнялъ меня? О, я узнаю!
 Я доберусь; я ей скажу, злодѣйкѣ:
 Отстань отъ насъ! Ты видишь: двѣ волчихи ⁴⁸
 Не водятся въ одномъ оврагѣ...

Мельникъ.

Дура!

Ужь если князь беретъ себѣ невѣсту,
 Кто можетъ помѣшать ему? Вотъ, то-то! ⁴⁹
 Не говорилъ-ли я тебѣ...

Дочь.

И могъ онъ, ⁵⁰

Какъ добрый человѣкъ, со мной прощаться
 И мнѣ давать подарки! Каково?
 И деньги! Выкупить себя онъ думалъ!
 Онъ мнѣ хотѣлъ языкъ засеребрить, ⁵¹
 Чтобъ не прошла о немъ худая слава
 И не дошла до молодой жены!..
 Да, бишь, ⁵² забыла я: тебѣ отдать
 Велѣлъ онъ это серебро, за то,
 Что былъ хорошъ ты до него, ⁵³ что дочку
 За нимъ ⁵⁴ пускалъ таскаться, что ее
 Держалъ не строго... Въ прокъ тебѣ пойдетъ ⁵⁵
 Моя погибель! (Отдаетъ ему мѣшокъ.)

Мельникъ (въ слезахъ).

До чего я дожилъ!
 Что Богъ привелъ услышать! Грѣхъ тебѣ
 Такъ горько упрекать отца родного. ⁵⁶
 Одно дитя ты у меня на свѣтѣ,
 Одна отрада въ старости моей:
 Какъ было мнѣ тебя не баловать? ⁵⁷
 Богъ наказалъ меня за то, что слабо
 Я выполнилъ ⁵⁸ отцовскій долгъ.

Дочь.

Охъ, душно!
 Холодная змя мнѣ шею давить...
 Змѣей, змѣею онъ меня — ⁵⁹
 Не жемчугомъ опуталъ... (Рветъ съ себя жемчугъ.)
 Такъ бы я
 Разорвала тебя, змѣю-злудѣйку, ⁶⁰
 Проклятую разлучницу мою!

Мельникъ.

Ты бредишь, право бредишь.

Дочь (снимаетъ съ себя повязку).

Вотъ вѣнецъ мой,
 Вотъ вѣнецъ позора! Вотъ чѣмъ насъ вѣнчалъ
 Лукавый врагъ, когда я отреклася
 Ото всего, чѣмъ прежде дорожила! ⁶¹
 Мы развѣнчались. Сгинь ты, мой вѣнецъ!
 (Бросаетъ повязку въ Днѣпръ.)
 Теперь все кончено... (Бросается въ рѣку.)

Старикъ (падая).

Охъ, горе, горе!

27 апрѣля 1832 года.

Сцена II.

Княжескій теремъ.

Свадьба. Молодые сидятъ за столомъ. Гости. Хоръ дѣвушекъ.

Свать.

Веселую мы свадебку сыграли.
 Ну, здравствуй, князь съ княгиней молодой!
 Дай Богъ вамъ жить въ любви да совѣтѣ,
 А намъ у васъ почаще пировать.
 Что жь, красныя дѣвицы, вы примолкли?
 Что жь, бѣлыя лебедушки, притихли?
 Али всѣ пѣсенки вы перепѣли?
 Аль горлышки отъ пѣнья пересохли?

Хоръ.

Сватушка, сватушка,
 Безтолковый сватушка!
 По невѣсту ѣхали —
 Въ огородъ заѣхали,
 Пива бочку пролили,
 Всю капусту полили,
 Тыну поклонилися,
 Вереѣ молилися:
 Верея ль, вереюшка,
 Укажи дороженьку
 По невѣсту ѣхати.
 Сватушка, догадайся,
 За мошоночку принимайся:
 Въ мошнѣ денежка шевелится,
 Краснымъ дѣвушкамъ норовится.

Свать.

Насмѣшницы, ужъ выбрали вы пѣсню! ¹
 На, на, возьмите, не корите свата.

(Дарить дѣвушкамъ.)

Одинъ голосъ.

По камушкамъ, по желтому песочку
 Пробѣгала быстрая рѣчка;
 Въ быстрой рѣчкѣ гуляютъ двѣ рыбки;
 Двѣ рыбки, двѣ малыя плотицы.
 А слышала ль ты, рыбка-сестрица,
 Про вѣсти то наши, про рѣчныя?
 Какъ вечеръ у насъ красна дѣвица утопилась,
 Утопая, мила друга проклинала?

Сватъ.

Красавицы! Да это что за пѣсня? ²
 Она, кажись, не свадебная, — нѣтъ.
 Кто выбралъ эту пѣсню? а?

Дѣвушки.

Не я;

Не я, не мы...

Сватъ.

Да кто жь пропѣлъ ее?
 (Шопотъ и смятенье между дѣвушками).

Князь.

Я знаю, кто.

(Встаетъ изъ-за стола и говоритъ тихо конюшему).

Вѣдь мельничиха здѣсь: ³

Скорѣ выведи ее. Да свѣдай,
 Кто смѣлъ ее впустить?

(Конюшій подходитъ къ дѣвушкамъ).

Князь (садится; про себя).

Она, пожалуй,
 Готова здѣсь надѣлать столько шуму,
 Что со стыда не буду знать, куда
 И ⁴ спрятаться.

Конюшій.

Я не нашель ея.

Князь.

Ищи. Она, я знаю, здѣсь. Она
Пропѣла эту пѣсню. ⁵

Гость.

Ай да медь!
И въ голову, и въ ноги такъ и бьетъ.
Жаль, горекъ: подсластить его бѣ не худо...
(Молодые цѣлуются. Слышенъ слабый крикъ).

Князь.

Она! Вотъ крикъ ея ревнивый! Что?

Конюшій.

Я не нашель ея нигдѣ.

Князь.

Дуракъ. ⁶

Дружко (вставая).

Не время ль намъ княгиню ⁷ выдать мужу,
Да молодыхъ въ дверяхъ осыпать хмѣлемъ?
(Всѣ встаютъ).

Сваха.

Вѣстимо, время. Дайте жь пѣтуха.

(Молодыхъ кормятъ жаренымъ пѣтухомъ, осыпаютъ хмѣлемъ и ведутъ въ спальню).

Сваха.

Княгиня-душенька, не плачь, не бойся,
Послушна будь.

(Молодые уходятъ въ спальню. Всѣ расходятся, кромѣ свахи и дружка).

Дружко.

Гдѣ чарочка? ⁸ Всю ночь
Подъ окнами я буду разѣзжать,
Такъ укрѣпиться мнѣ виномъ не худо.

Сваха (наливаетъ ему чарку).

На, кушай на здоровье.

Дружко.

Ухъ, спасибо!
Все хорошо, не правда ль, обошлось?
И свадьба хоть куда?

Сваха.

Да, слава Богу,
Все хорошо; одно не хорошо...

Дружко.

А что?

Сваха.

Да не къ добру пропѣли эту пѣсню,
Не свадебную, а Богъ вѣсть какую.

Дружко.

Ужъ эти дѣвушки! Никакъ нельзя имъ
Не попоказить. Статочно ли дѣло —
Мутить нарочно княжескую свадьбу! ⁹
Прощай, кума!

Сваха.

Охъ, сердце не на мѣстѣ!
Не въ пору сладили мы эту свадьбу!

Сцена III.

Свѣтлица.

Княгиня и мамка.

Княгиня.

Чу! кажется, трубятъ. ¹ Нѣтъ, онъ не ѣдетъ.
 Ахъ, мамушка! какъ былъ онъ женихомъ,
 Онъ отъ меня на шагъ не отлучался,
 Съ меня очей, бывало, не сводилъ;
 Женился онъ — и все пошло не такъ! ²
 Теперь меня ранешенько разбудить,
 И ужь велить себѣ коня сѣдлатъ,
 Да до ночи, Богъ вѣдаетъ, гдѣ ѣздить.
 Воротится — чуть ласковое слово
 Промолвить мнѣ, чуть ласковой рукой
 По бѣлому лицу меня потреплеть.

Мамка.

Княгинюшка! ³ Мужчина, что пѣтухъ:
 Кури-куку! махъ, махъ крыломъ — и прочь!
 А женщина — что бѣдная насѣдка:
 Сиди себѣ, да выводилы цыплятъ.
 Пока женихъ — ужь онъ не насидится,
 Не пьетъ, не ѣстъ, глядитъ, не наглядится;
 Женился — и заботы настаютъ:
 То надобно сосѣдей навѣстить,
 То на охоту ѣхать съ соколами,
 То на войну нелегкая несеть;
 Туда, сюда — а дома не сидится.

Княгиня.

Какъ думаешь? Ужь нѣтъ ли у него
 Зазнобы тайной?

Мамка.

Полно, не грѣши.

Да на кого тебя онъ промѣняетъ?
 Ты всѣмъ взяла: умомъ и красотою,
 Обычаемъ веселымъ и смиреннымъ.
 Подумай же: ну, въ комъ ему найти,
 Какъ не въ тебѣ, сокровища такого? ⁴

Княгиня.

Когда бъ услышалъ Богъ мои молитвы
 И мнѣ послалъ дѣтей, къ себѣ тогда бъ
 Умѣла вновь я мужа привязать...

А! полонъ дворъ охотниками. Мужъ ⁵
 Домой прѣхалъ. Что жъ его не видно?

(Входитъ ловчій).

Что князь, гдѣ онъ?

Ловчій.

Князь приказалъ домой

Отѣхать намъ.

Княгиня.

А гдѣ жъ онъ самъ?

Ловчій.

Остался

Одинъ въ лѣсу, на берегу Днѣпра.

Княгиня.

И князя вы осмѣлились оставить
 Такъ одного? Усердные вы слуги!
 Сейчасъ назадъ, сейчасъ къ нему скачите!
 Сказать ему ⁶, что я прислала васъ!

(Ловчій уходитъ).

Ахъ, Боже мой! Въ лѣсу ночной порою
 И дикій звѣрь, и лютый человѣкъ,
 И лѣшій бродить — долго ль до бѣды!
 Скорѣй зажги свѣчу передъ иконою.

Мамка.

Бѣгу, мой свѣтъ, бѣгу.

Сцена IV.

Днѣпръ. Ночь.

Русалки.

Веселой толпою
Съ глубокаго дна, ¹
Мы ночью всплываемъ;
Насъ грѣетъ луна... ²

Любо намъ порой ночью
Дно рѣчное покидать,
Любо вольной головою
Высь рѣчную разрѣзать, ³
Подавать другъ дружкѣ голось,
Воздухъ звонкій раздражать, ⁴
И зеленый, влажный волось ⁵
Въ немъ сушить и отряхать. ⁶

Одна.

Тише, тише! Подъ кустами
Птичка дрогнула во мглѣ. ⁷

Другая.

Между мѣсяцемъ и нами
Кто-то ходитъ по землѣ.

(Прячутся).

Князь.

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила...

Все здѣсь напоминает мнѣ бывшее
 И вольной, красной юности моеи
 Любимую, хоть горестную повѣсть.
 Здѣсь нѣкогда любовь меня встрѣчала
 Свободнаго — свободная любовь.⁸
 Я счастливъ былъ. Безумецъ! И я могъ
 Такъ вѣтрено отъ счастья отказаться!..
 Знакомыя, печальныя мѣста!
 Я узнаю окрестные предметы:
 Вотъ мельница... Она ужъ развалилась;⁹
 Веселый¹⁰ шумъ ея колесъ умолкнулъ;
 Сталь жерновъ;¹¹ видно, умеръ и старикъ!
 Дочь бѣдную оплакивалъ¹² не долго!
 Тропинка тутъ вилась — она заглохла...
 Давно, давно сюда никто не ходитъ.
 Тутъ садикъ былъ съ заборомъ — неужели
 Разросся онъ кудрявой этой рощей?
 Ахъ, вотъ и дубъ завѣтный! Здѣсь она
 Обнявъ меня, поникла и умолкла...
 Возможно ли?..

(Идетъ къ деревьямъ; листья сыплются).

Что значить это? Листья,
 Поблекнувъ, вдругъ свернулись, и съ шумомъ
 Посыпались, какъ пепель, на меня.
 Передо мной стоитъ онъ голъ и черенъ,
 Какъ дерево проклятое.

(Входитъ старикъ въ лохмотьяхъ и полунагой).

Старикъ.

Здорово,

Здорово, зять!

Князь.

Кто ты?

Старикъ.

Я здѣшній воронъ.

Князь.

Возможно ль? Это мельникъ!

Старикъ.

Что за мельникъ!

Я продалъ мельницу бѣсамъ запечнымъ,
А денежки отдалъ на сохраненье
Русалкѣ, вѣщей дочери моей;
Онѣ въ песку Днѣпра-рѣки зарыты,
Ихъ рыбка одноглазка ¹³ стережетъ.

Князь.

Несчастный, онѣ помѣшанъ! Мысли въ немъ
Разсѣяны, какъ тучи послѣ бури.

Старикъ.

Зачѣмъ вечеръ ты не пріѣхалъ къ намъ?
У насъ былъ пиръ, тебя мы долго ждали.

Князь.

Кто ждалъ меня?

Старикъ.

Кто ждалъ? Вѣстимо, дочь.
Ты знаешь, я на все гляжу сквозь пальцы
И волю вамъ даю: сиди она
Съ тобою хоть всю ночь, до пѣтуховъ —
Ни слова не скажу я.

Князь.

Бѣдный мельникъ!

Старикъ.

Какой я мельникъ! Говорятъ тебѣ,
Я воронъ, а не мельникъ. Чудный случай: ¹⁴
Когда (ты помнишь) бросилась она

Въ рѣку, я побѣжалъ за нею слѣдомъ, ¹⁵
 И съ той скалы прыгнуть хотѣлъ, да вдругъ
 Почувствовалъ: два сильныя крыла
 Мнѣ выросли внезапно изъ-подъ мышекъ
 И въ воздухѣ сдержали. Съ той поры
 То здѣсь, то тамъ летаю, то клюю
 Корову мертвую, то на могилкѣ
 Сижу да каркаю.

Князь.

Какая жалость!

Кто жь за тобою смотреть?

Старикъ.

Да, за мною

Присматривать не худо: старъ я сталъ
 И шаловливъ. ¹⁶ За мной, спасибо, смотреть
 Русалочка.

Князь.

Кто?

Старикъ.

Внучка.

Князь.

Невозможно

Понять его! Старикъ, ты здѣсь въ лѣсу
 Иль съ голоду умрешь, иль звѣрь тебя
 Заѣстъ. Не хочешь ли пойти въ мой теремъ,
 Со мною жить?

Старикъ.

Въ твой теремъ? Нѣтъ, спасибо! ¹⁷

Заманишь, а потомъ меня, пожалуй,
 Удавишь ожерельемъ. Здѣсь я живъ,
 И сытъ, и воленъ. Не хочу въ твой теремъ.
 (Уходитъ).

Князь.

И этому все я виною! Страшно
 Ума лишиться! Легче умереть:
 На мертвеца глядимъ мы съ уваженьемъ, ¹⁸
 Творимъ о немъ молитвы — смерть равняетъ
 Съ нимъ каждаго. Но человѣкъ, лишенный
 Ума, становится не человѣкомъ:
 Напрасно рѣчь ему дана — не править
 Словами онъ; ¹⁹ въ немъ брата своего
 Звѣрь узнаетъ; онъ людямъ въ посмѣянье;
 Надъ нимъ всякъ воленъ; Богъ его не судить...
 Старикъ несчастный! ²⁰ Видъ его во мнѣ
 Раскаянья всѣ муки растравиль.

Ловчій.

Вотъ онъ. Насилу-то его сыскали. ²¹

Князь.

Зачѣмъ вы здѣсь?

Ловчій.

Княгиня насъ послала:
 Она боялась за тебя.

Князь.

Несносна
 Ея заботливость! Иль я ребенокъ,
 Что шагу мнѣ ступить нельзя безъ няньки?

(Уходитъ. Русалки показываются надъ водой).

Русалки.

Что, сестрицы: въ полѣ чистомъ ²²
 Не догнать ли ихъ скорѣй?
 Плескомъ, хохотомъ и свистомъ
 Не пугнуть ли ихъ коней?
 Поздно. Волны охладѣли, ²³

Пѣтухи вдали пропѣли,
Высь небесная темна,
Закатилася луна. ²⁴

Одна.

Погодимъ еще, сестрица.

Другая.

Нѣтъ, пора, пора, пора!
Ожидаетъ насъ царица,
Наша строгая ²⁵ сестра.

(Скрываются).

Сцена V.

Днѣпровское дно.

Теремъ русалокъ. Русалки прядутъ около своей царицы.

Старшая русалка.

Оставьте пряжу, сестры. Солнце сѣло,
Столбомъ луна блеститъ надъ нами. Полно!
Плывите вверхъ, подъ небомъ поиграть,
Да никого не трогайте сегодня:
Ни пѣшехода щекотать не смѣйте,
Ни рыбакамъ ихъ неводъ отягчать
Травой и тиной, ни ребенка въ воду
Заманивать разказами о рыбакахъ.

(Входитъ Русалочка).

Гдѣ ты была?

Дочь.

На землю выходила
Я къ дѣду. Онъ вечеръ мнѣ приказалъ ¹
Со дна рѣки собрать ему тѣ деньги,
Которыя когда-то въ воду къ намъ
Онъ побросалъ. Я долго ихъ искала;
А ² что такое деньги, я не знаю.
Однако же, я вынесла ему

Пригоршню ракувинокъ самоцвѣтныхъ:
Онъ очень былъ имъ радъ.

Русалка.

Безумный скряга!

Послушай, дочка: нынче на тебя
Надѣюсь я. На берегъ нашъ сегодня
Придетъ мужчина. Стереги его
И выдь ему на встрѣчу. Онъ намъ близокъ —
Онъ твой отецъ.

Дочь.

Тотъ самый, что тебя
Покинулъ и на женщинѣ женился?

Русалка.

Онъ самъ. Къ нему нѣжнѣе приласкайся
И расскажи все то, что отъ меня
Ты знаешь про свое рожденье, также
И про меня. И если спросить онъ:
Забыла ль я его иль нѣтъ — скажи,
Что все его я помню и люблю,
И жду къ себѣ. Ты поняла меня?

Дочь.

О, поняла!

Русалка.

Ступай же. (Одна). Съ той поры,
Какъ бросилась безъ памяти я въ воду
Отчаянной и презрѣнной ³ дѣвчонкой,
И въ глубинѣ Днѣпра-рѣки ⁴ очнулась
Русалкою холодной и могучей,
Прошло ужъ восемь долгихъ [долгихъ] лѣтъ;
Я каждый день о мщенѣ помышляю —
И нынѣ, кажется, мой часъ насталь.

Сцена VI.

Берегъ

Князь.

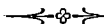
Печальныя, печальныя мечты
 Вчерашняя мнѣ встрѣча оживила.
 Отецъ несчастный! Какъ ужасенъ онъ!
 Авось опять его сегодня встрѣчу,
 И согласится онъ оставить лѣсъ
 И къ намъ переселиться...

(Русалочка выходитъ на берегъ)

Что я вижу!

Откуда ты, прекрасное дитя?

.

XIX.

Г а л у б ъ.

1829 — 1833.

Эта вторая кавказская поэма Пушкина, оставшаяся въ его бумагахъ неоконченною и неотдѣланною, напечатана послѣ его смерти, въ VII томѣ Современника 1837 г., съ произвольными передѣлками, устраненными (отчасти) въ изд. Лит. Фонда (III, 539). Она была начата еще въ 1829 г., подъ впечатлѣніемъ поѣздки Пушкина въ Арзрумъ, и ея начальная сцена — похороны Галубова сына — представляютъ точное во всѣхъ подробностяхъ воспроизведеніе похоронной обрядности, которую наблюдательный путешественникъ имѣлъ случай видѣть въ одномъ изъ осетинскихъ ауловъ близъ Владикавказа (см. первую главу „Путешествія въ Арзрумъ“) Три четверти вѣка отдѣляютъ насъ отъ этого времени; въ Большой Кабардѣ, гдѣ происходитъ дѣйствіе поэмы, многое измѣнилось въ бытѣ и нравахъ черкесовъ. Почти замолкли преданія объ аулѣ Татартубѣ, старинномъ средоточіи Кабарды, котораго слѣды видѣлъ Пушкинъ; недоступенъ болѣе и знаменитый Минаретъ, посѣщенный поэтомъ. Нельзя у черкесовъ уже встрѣтить, наряду съ ружьями, броней, луковъ и стрѣлъ, которые еще видѣлъ Пушкинъ. И тѣмъ большій этнографическій интересъ представляютъ для насъ его записки и вторая кавказская поэма (см. Этногр. Обзор. 1899, № 1—2, стр. 181).

Названіе поэмы дано редакціей Современника; правильнѣе, однако, было бы назвать ее Тазитомъ. Въ рукописяхъ поэта отысканы были Анненковымъ (Мат., 219 — 220) двѣ программы, позволяющія, до нѣкоторой степени, судить о замыслѣ поэта; вотъ первая изъ нихъ:

„Обрядъ похоронъ. — Узденъ и меньшей сынъ. — I день (отсутствія Тазита). Лань — почта — грузинскіе купцы. — II день. Орелъ — казакъ. — III день. Отецъ его гонитъ. — Юноша и монахъ. — Любовь отвергнута. — Битва и монахъ“.

Неспособность Тазита къ такъ наз. доблестямъ своего племени, — мщенію, жестокости, корыстолюбію, и отвращеніе его ко всей нравственной основѣ существованія единокровнаго народа приводятъ къ разрыву съ отцомъ. Юноша ищетъ

любви и сватается за дочь одного чеченца; но тотъ ему отказываетъ: Тазитъ выступилъ изъ круга понятій своего народа и не можетъ снова войти въ общую съ нимъ жизнь. „Въ томъ видѣ, въ какомъ дошла до насъ поэма, читатель остается въ недоумѣннн: гдѣ и какой истокъ найдеть вся эта тревога мощной души, пробужденной къ истинѣ, чѣмъ и когда можетъ завершиться эта неожиданная драма? Программа отвѣчаетъ на этотъ вопросъ и сообщаетъ настоящее слово поэмы, ея истинную мысль: вся драма должна была объясниться и закончиться христіанствомъ... Недаромъ слово монахъ оба раза подчеркнуто въ программѣ. Если принять въ соображеніе одну жаркую страницу въ „Путешествіи въ Арзрумъ“, гдѣ Пушкинъ говоритъ о значеніи вообще христіанской проповѣди для дикихъ племенъ, то даже представляется возможность думать, что просвѣтленный и умиротворенный Тазитъ долженъ былъ снова явиться среди своего народа въ качествѣ учителя — и, по всѣмъ вѣроятіямъ, искупительной жертвы (Анн. 1. с.). На это, повидимому, указываетъ и вторая программа:

„1. Похороны. — 2. Черкесь - христіанинъ — 3. Купецъ. — 4. Рабъ. — 5. Убійца. — 6. Изгнаніе. — 7. Любовь. — 8. Сватовство. — 9. Отказъ. — 10. Миссіонеръ. — 11. Война. — 12. Сраженіе. — 13. Смерть. — 14 Эпилогъ“.

По мѣрѣ исполненія этой программы, Пушкинъ зачеркивалъ въ ней нумера, соотвѣтствовавшіе уже написаннымъ частямъ. Такъ зачеркнуты были семь цифръ; слѣдовательно, поэма доведена только до половины.

Наконецъ, въ рукописи Моск. Муз. № 2382, л. 22 об. (см. Рус. Стар. 1884, т. 44, стр. 350) находится отрывокъ еще третьей программы:

„Галубъ. — Тазитъ. — Чу... — Танас...“ (послѣднія два слова недописаны; вѣроятно, надо читать: „Танась“ — христіанское имя — Аванасій).

Поэма извѣстна въ двухъ рукописяхъ: черновой (Муз. № 2373, лл. 3 - 12 об., см. Рус. Стар. XLIII, 321, и № 2382, л. 22 об. - 23, Рус. Стар. XLIV, 350) и бѣловой, но съ поправками автора (Муз. № 2375, лл. 12 - 15 об. и 37 - 40 об., см. Рус. Стар. XLIII, 646 - 647), по которымъ и исправленъ текстъ, поэмы, а въ примѣчаніяхъ даны немногіе варианты.

Не для бесѣдъ и ликованій,
Не для кровавыхъ совѣщаній,
Не для разспросовъ кунака,
Не для разбойничьей потѣхи
Такъ рано съѣхались адехи
На дворъ Галуба-старика.
Въ неожиданной встрѣчѣ сынъ Галуба
Рукой завистника убить
Вблизи развалинъ Тартуба:
Въ родимой саклѣ онъ лежитъ;
Обрядъ творится погребальный;
Звучить уныло пѣснь муллы;
Въ арбу впряженные волы
Стоять предъ саклею печальной;
Дворъ полонъ тѣсною толпой;
Подъемяютъ гости скорбный вой,
И съ плачемъ бьютъ въ нагрудны брони,
И, внемля шумъ не боевой,
Мянутся спутанные кони.
Всѣ ждуть. Изъ сакли, наконецъ,
Выходитъ между женъ отецъ;
Два узденя за нимъ выносятъ
На буркѣ хладный трупъ. Толпу
По сторонамъ раздаться просятъ,
Слагаютъ тѣло на арбу,
И съ нимъ кладутъ снарядь воинскій:
Неразряженную пищаль,
Колчанъ и лукъ, кинжалъ грузинскій,
И шашки крестовую сталь,
Чтобы крѣпка была могила,

Гдѣ храбрый ляжетъ поживать,
 Чтобъ могъ на зовъ онъ Азраила
 Исправнымъ воиномъ возстать.

Въ дорогу шествіе готово,
 И тронулась арба. За ней
 Адехи слѣдуютъ сурово,
 Смирняя молча пыль коней.
 Ужь потухаль закатъ огнистый,
 Златя нагорныя скалы,
 Когда долины каменистой
 Достигли тихіе волны.
 Въ долинѣ той враждою жадной
 Сраженъ наѣздникъ молодой —
 Тамъ нынѣ въ тѣнь могилы хладной
 Онъ ляжетъ, блѣдный и нѣмой...¹

Ужь трупъ землю взять. Могила
 Завалена. Толпа вокругъ
 Мольбы послѣднія творила.
 Изъ-за горы явились вдругъ
 Старикъ сѣдой и отрокъ стройный.
 Даютъ дорогу пришлецу,
 И къ скорбному старикъ отцу
 Такъ молвилъ, важный и спокойный:
 „Тому прошло тринадцать лѣтъ,
 „Какъ ты, въ ауль чужой пришедь,
 „Вручилъ мнѣ слабаго младенца,
 „Чтобъ воспитаньемъ изъ него
 „Я сдѣлалъ храбраго чеченца.
 „Сегодня сына одного
 „Ты преждевременно хоронишь.
 „Галубъ, покорень будь судьбѣ!
 „Другого я привель тебѣ —
 „Вотъ онъ. Ты голову преклонишь
 „Къ его могучему плечу,
 „Свою потерю имъ замѣнишь;

„Труды мои ты самъ оцѣнишь —
„Хвалиться ими не хочу.“

Умолкнулъ. Смотритъ торопливо
Галубъ на отрока. Тазитъ,
Главу потупя молчаливо
Ему недвижимъ предстоитъ.
И въ горѣ имъ Галубъ любуюсь,
Влеченью сердца повинуюсь,
Объемлетъ ласково его,
Потомъ наставника ласкаетъ,
Благодаритъ и приглашаетъ
Подъ кровлю дома своего.
Три дня, три ночи съ кунаками
Его онъ хочетъ угощать,
И послѣ честью провожать,
Съ благословеньемъ и дарами.
„Ему жь“, отецъ печальный мнитъ,
„Обязанъ благомъ я безцѣннымъ:
„Слугой и другомъ неизмѣннымъ,
„Могучимъ мстителемъ обидь.“

* * *

Проходятъ дни. Печаль заснула
Въ душѣ Галуба. Но Тазитъ
Все дикость прежнюю хранить.
Среди родимаго аула
Онъ какъ чужой; онъ цѣлый день
Въ горахъ одинъ молчитъ и бродитъ.
Такъ въ саклѣ пойманный олень
Все въ лѣсъ глядитъ, все въ глушь уходитъ
Онъ любить по крутымъ скаламъ
Скользить, ползти тропой кремнистой,
Внимая бурѣ голосистой
И въ безднѣ воющимъ волнамъ.
Онъ иногда до поздней ночи
Сидитъ, печаленъ, надъ горой,

Недвижно въ даль уставя очи,
 Опершись на руку главой.
 Какія мысли въ немъ проходятъ?
 Чего желаетъ онъ тогда?
 Изъ міра дольнаго куда
 Младые сны его уводятъ?..
 Какъ знать? Незрима глубь сердець!
 Въ мечтаньяхъ отрокъ своеволенъ,
 Какъ вѣтеръ въ небѣ...

Но отецъ

Уже Тазитомъ недоволенъ.
 „Гдѣ жь, мыслить онъ, въ немъ плодъ наукъ, —
 „Отважность, хитрость и проворство,
 „Лукавый умъ и сила рукъ?
 „Въ немъ только лѣнь и непокорство...
 „Иль сына взоръ мой не проникъ,
 „Иль обманулъ меня старикъ.“

* * *

Тазить изъ табуна выводитъ
 Коня, любимца своего.
 Два дня въ аулѣ нѣтъ его;
 На третій онъ домой приходитъ.

Отець.

Гдѣ былъ ты, сынъ?

Сынъ.

Въ ущельѣ скалъ,
 Гдѣ прорванъ каменистый берегъ
 И путь открытъ на Даріаль.

Отець.

Что дѣлалъ тамъ?

Сынъ.

Я слушалъ Терекъ.

Отець.

А не видалъ ли ты грузинъ
Иль русскихъ?

Сынъ.

Видѣлъ я, — съ товаромъ
Тифлисскай ѣхалъ армянинъ.

Отець.

Онъ былъ со стражей?

Сынъ.

Нѣтъ, одинъ.

Отець.

Зачѣмъ нечаяннымъ ударомъ
Не вздумалъ ты свалить его,
И не прыгнулъ къ нему съ утеса?

Потупилъ очи сынъ черкеса,
Не отвѣчая ничего.

* * *

Тазить опять коня сѣдлаетъ,
Два дня, двѣ ночи пропадаетъ,
Потомъ является домой.

Отець.

Гдѣ былъ?

Сынъ.

За Бѣлою горой.

Отець.

Кого ты встрѣтилъ?

Сынъ.

На курганѣ
Отъ насъ бѣжавшаго раба.

Отець.

О, милосердная судьба! ²
 Гдѣ жь онъ? Ужели на арканѣ
 Ты бѣглеца не притащилъ?

Тазить опять главу склонилъ.
 Галубъ нахмурился въ молчаньѣ,
 Но скрылъ свое негодованье:
 „Нѣтъ“, мыслить онъ, — „не замѣнитъ.
 „Онъ никогда другого брата!
 „Не научился мой Тазить,
 „Какъ шашкой добываютъ злата;
 „Ни стадъ моихъ, ни табуновъ
 „Не надѣлятъ его разѣзды;
 „Онъ только знаетъ безъ трудовъ
 „Внимать волнамъ, глядѣть на звѣзды,
 „А не въ набѣгахъ отбивать
 „Коней съ ногайскими быками
 „И съ боя взятыми рабами
 „Суда въ Анапѣ нагружать.“

* * *

Тазить опять коня сѣдлаетъ,
 Два дня, двѣ ночи пропадаетъ;
 На третій, блѣденъ какъ мертвецъ,
 Приходитъ онъ домой. Отець,
 Его увидя, вопрошаетъ:
 Гдѣ былъ ты?

Сынъ.

Около станицъ
 Кубани, близъ лѣсныхъ границъ.

.....

Отець.

Кого ты видѣлъ?

Сынъ.

Супостата.

Отець.

Кого, кого?

Сынъ.

Убійцу брата.

Отець.

Убійцу сына моего?..

Тазить! Гдѣ голова его?

Мнѣ черепъ этотъ нуженъ...

Дай, нагляжусь!

Сынъ.

Убійца былъ

Одинъ, израненъ, безоруженъ..

Отець.

Ты долга крови не забылъ?

Врага ты навзничь опрокинулъ, —

Не правда ли? Ты шашку вынулъ,

Ты въ горло сталь ему воткнулъ

И трижды тихо повернулъ?

Упился ты его стенаньемъ,

Его змѣинымъ издыханьемъ?

Гдѣ жь голова? Подай!.. Нѣтъ силъ...

Но сынъ молчить, потупя очи

И сталь Галубъ чернѣе ночи,

И сыну грозно возопилъ:

„Поди ты прочь — ты мнѣ не сынъ,

„Ты не чеченець, ты старуха,

„Ты трусь, ты рабъ, ты армянинъ!

„Будь проклять мной! — Поди, чтобъ слуха
 „Никто объ робкомъ не имѣлъ,
 „Чтобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи,
 „Чтобъ мертвый братъ тебѣ на плечи
 „Окровавленной кошкой сѣлъ,
 „И къ безднѣ гналъ тебя нещадно;
 „Чтобъ ты, какъ раненый олень,
 „Бѣжалъ, тоскуя безотрадно;
 „Чтобъ дѣти русскихъ деревень
 „Тебя веревкою поймали,
 „И какъ волченка затерзали —
 „Чтобъ ты... Бѣги, бѣги скорѣй!
 „Не оскверняй моихъ очей!“

Сказалъ, и на земь легъ — и очи
 Закрылъ, и такъ лежалъ до ночи.
 Когда же приподнялся онъ,
 Былъ темень синій небосклонъ. ³

* * *

Ущелій горныхъ поселенцы
 Въ долинѣ шумно собрались;
 Привычны игры начались:
 Верхами юные чеченцы,
 Въ пыли несясь во весь опоръ,
 Стрѣлою шапку пробиваютъ,
 Иль трижды сложенный коверъ
 Булатомъ сразу разсѣкаютъ,
 То скользкой тѣшатся борьбой,
 То пляской быстрой. Жены, дѣвы
 Межъ тѣмъ поютъ — и гулъ лѣсной
 Далече вторить ихъ напѣвы.
 Но между юношей — одинъ
 Забавъ наѣздничьихъ не дѣлитъ,
 Верхомъ не мчится вдоль стремнинъ,
 Изъ лука звонкаго не цѣлитъ. ⁴
 Но между дѣвами — одна

Молчить, уныла и блѣдна.
 Они въ толпѣ четою странной
 Стоять, не видя ничего.
 И горе имъ: онъ — сынъ изгнанный,
 Она — любовница его...
 О, было время!.. Съ ней украдкой
 Видался юноша въ горахъ;
 Онъ пилъ огонь отравы сладкой
 Въ ея смятенѣ, въ рѣчи краткой,
 Въ ея потупленныхъ очахъ,
 Когда съ домашняго порогу
 Она смотрѣла на дорогу,
 Съ подружкой рѣзвой говоря,
 И вдругъ садилась и блѣднѣла,
 И, отвѣчая, не глядѣла,
 И разгоралась какъ заря;
 Или у водъ когда стояла,
 Текущихъ съ каменныхъ вершинъ,
 И долго кованный кувшинъ
 Волною звонкой наполняла...
 И онъ, не властный превозмочь
 Волненій сердца, разъ приходитъ
 Къ ея отцу, его отводитъ
 И говорить: „Твоя мнѣ дочь
 „Давно мила; по ней тоскуя,
 „Одинъ и сирь давно живу я;
 „Благослови любовь мою.
 „Я бѣденъ — но могучъ и молодъ,
 „Мнѣ трудъ легокъ. Я удалю
 „Отъ нашей сакли тощій голодъ. ⁵
 „Тебѣ я буду сынъ и другъ
 „Послушный, преданный и нѣжный,
 „Твоимъ сынамъ кунакъ надежный,
 „А ей — приверженный супругъ...“

Ему внималъ старикъ угрюмый,
 Главою бѣлой покачалъ,

Махнулъ рукой ⁶ и отвѣчалъ:
„Я не отдамъ моей орлицы
„Тому, кто въ бой идти не смѣеть,
„Кто мститъ за брата не умѣеть,
„Кто робокъ даже предъ работою,
„Кто изгнанъ и проклятъ отцомъ.“

.

Пушкинъ.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Сло

Дуэль А. С. Пушкина.
Картина К. Н. Чичагова.

Примѣчанія.

1. Русланъ и Людмила (стр. 1 · 105).

Тема Пролога къ поэмѣ, написаннаго въ 1828 г. (стр. 23), взята Пушкинымъ изъ сказки няни Арины Родіоновны о царѣ Салтанѣ: „У моря-лукоморья стоитъ дубъ, а на гомъ дубу — золотыя цѣпи, и по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ: вверху идетъ — сказки сказываетъ, внизъ идетъ — цѣсни поетъ“ (см. II, 588).

Пѣснь первая.

Стр. 28, ст. 6 сн. (¹). Ср. Жуковскаго, „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“:

.....на високомъ
Крыльцѣ великіи князь стоитъ;
Въ очахъ его кручина;
Передъ крыльцомъ народъ кипитъ
И строится дружина,
И смѣлыхъ вызываетъ онъ
Въ погоню за княжною,
И избавителю свой тронъ
Сулитъ съ ея рукою,

Стр. 30, ст. 12 сн. (²). У Жуковскаго, тамъ же:

„Что жъ медлить? Вѣрь, — не выбирай!
„Впередъ, во имя Бога!
„Куда и какъ привестъ меня, —
„То вождь мой знаетъ болѣ!“

Такъ онъ подумаль, и коня
Пустилъ бѣжать по волѣ.

Стр. 39, ст. 11 св. (³). „Онъ обольстилъ меня, несчастный!“ Последнее слово, по указанію Ѳ. Е. Корша, пред-

ставляетъ галлицизмъ, — переводъ французскаго: „Il m'a séduit, le misérable!“

Тамъ же, ст. 24 св. (4). Сюда относится помѣщенный въ т. I, стр. 569, набросокъ: „Но все Наташи не забылъ“; онъ прочитанъ невѣрно: вмѣсто „Наташи“ въ рукописи стоитъ: „Наинны“,—какъ указано В. Е. Якушкинымъ въ Рус. Вѣдом. 1903, № 120.

Пѣснь вторая.

Стр. 40, ст. 7 сн. (1). Вариантъ изъ черновой:

Кому судьбою вѣчной
Дѣвичье сердце суждено,
Тотъ овладѣтъ имъ, конечно...

Стр. 42, ст. 22 св. (2). Въ черновой: „Въ его глазахъ...“

Стр. 47, ст. 1. Въ первомъ изданіи: Вездѣ,.. Но, благо, мнѣ не надо...“

Стр. 51, ст. 3 сн. (3). У Вольтера въ „Дѣвственницѣ“:

Fallut diner, car malgré leurs chagrins
(Chétif mortel, j'en ai l'expérience!)
Les malheureux ne font point abstinence.

(Кирпичниковъ)..

Тамъ же, ст. 12 сн. (4). У Хераскова въ „Бахаріянѣ“

И Фелана размышляетъ,
Тихо говоря съ собой:
.....
Ахъ! Но живъ ли мой любезный?
.....

Нѣтъ его! На что уборы,
Мнѣ на что, на что краса?
Я сама на что на свѣтъ?
Безъ него мнѣ жизнь на что?
Будто перлы покатались
Слезы изъ ея очей,
Грудь лилейну оросили,
И смягчили въ сердцѣ грусть;
Нѣчто въ тайнѣ ей сказало:
„Успокойся! Другъ твой живъ!“

„Живъ! Тебя онъ страстно любить,
 „Будетъ нѣкогда твоимъ!“
 Успокоилась Фелана,
 Слезъ потоки отеревъ,
 Пожелала сладкой пищи, —
 Столбъ растворится и дастъ.

(Шефферъ).

Стр. 54, ст. 8 св. (3). Орловскій, Александръ Осиповичъ, живописецъ-баталистъ и жанристъ (1777-1832), славился въ обществѣ своими рисунками и карикатурами.

Пѣснь третья.

Стр. 59, ст. 3 сн. (1). Здѣсь въ рукописи № 2364, л. 59, набросана программа дальнѣйшаго разсказа: „Людмила, обманутая призракомъ, попадаетъ въ сѣти и усыпляется Черноморомъ. Поле битвы. Русланъ и Голова. Фарлафъ въ загородной дачѣ. Ратмиръ у двѣнадцати спящихъ дѣвъ. [Русланъ, русалки, Соловей-разбойникъ]. Русланъ и Черноморъ. Убійство. Конецъ“.

Стр. 62, ст. 7 св. (2). Въ сказкѣ о Ерусланѣ Лазаревичѣ: „Ерусланъ же ѣхалъ полгода и, не доѣхавъ до Щетина града поприщъ на пять, наѣхалъ на рать силу битую, и въ той рати лежала богатырская голова, какъ великой бугоръ. Ерусланъ объѣхалъ рать силу побитую кругомъ... И провѣщаетъ ему богатырская голова: „... Я былъ богатырь силенъ; многіе меня боялися цари и богатыри восточные и западные, не токмо меня, но и взору моего... У меня въ чистомъ полѣ никакой звѣрь не прорыскивалъ, ни богатырь не проѣзживалъ, ни доброй конь не ускакивалъ и никакой человѣкъ мимо не прохаживалъ... Царь силенъ, и при немъ войска много, мечъ его не сѣчетъ, ни сабля его не беретъ, на огнѣ не горитъ и въ водѣ не тонетъ; да у меня и такой мечъ, которой можетъ его взять; но на меня грѣхъ такой пришелъ, и онъ меня скорѣе убилъ; только я тебѣ добра хочу и разуму поучу,... и какъ пріѣдешь ко мнѣ, тоя для тебя съ меча сдвинуся и оной тебѣ отдамъ...“ (Шефферъ).

Стр. 65, ст. 1 сн. (3). Въ сказкѣ: „Въ длину тѣло мое десять сажень, промежь плечъ двѣ сажени, да между очей моихъ калена стрѣла вмѣщается, а голова моя какъ пивной котель, руки у меня по три сажени“, и пр.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Стр. 69, ст. 15 св. (4). Обращеніе къ Жуковскому: въ этой пѣсни пародируется его поэма „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“. Зависимость Руслана отъ этой поэмы Жуковскаго была указана А. И. Незеленовымъ (Пушк. въ его поэзіи, стр. 48 - 49): онъ обратилъ вниманіе на то, что въ обѣихъ поэмахъ разсказывается о похищеніи кievской княжны и появляются 12 прекрасныхъ дѣвъ. Только Вадимъ Жуковскаго раздѣлился у Пушкина на двѣ личности — на Руслана и Ратмира: первый отправляется на поиски за княжной, а второй увлекается 12-ю дѣвами. Великанъ Жуковскаго, похитившій княжну, также раздвоился у Пушкина: на карлу - Черномора и его брата — Голову; Русланъ борется и съ тѣмъ, и съ другимъ. Святой угодникъ Жуковскаго превратился у Пушкина въ Финна, бѣсъ — въ Наину: какъ угодникъ и бѣсъ состязаются изъ - за Громобоя, такъ Финнъ и Наина спорятъ и враждуютъ изъ - за Руслана; наконецъ, какъ Вадимъ, такъ и Русланъ привозятъ въ Кіевъ похищенную княжну. Противъ этого мнѣнія высказался проф. П. В. Владиміровъ (Происх. Русл. и Людм., стр. 7 - 8): онъ указываетъ на то, что Пушкинъ хотѣлъ противопоставить „прелестной лжи“ романтическихъ поэмовъ „печальную истину“, основанную на „преданьяхъ старины глубокой“ и на естественномъ взглядѣ на человѣка и его страсти. П. Н. Шефферъ, въ указ. выше статьѣ, приходитъ къ среднему выводу: во - первыхъ, словарный матеріалъ поэмы Пушкина до извѣстной степени опредѣлился словарнымъ матеріаломъ „Двѣнадцати спящихъ дѣвъ“, а во - вторыхъ, и нѣкоторыя отдѣльныя мѣста Руслана „навѣяны“ поэмой Жуковскаго.

Стр. 70, ст. 5 св. (2). Въ черновой: „Дерзну ль предъ вами рисовать“...

Тамъ же, ст. 21 св. (°). Въ черновой:

Онъ ѣхалъ мимо темныхъ скаль,
Угрюмымъ боромъ осѣненныхъ...

Вдругъ выѣзжаетъ на долину
И видитъ замокъ предъ собой.

Стр. 72, ст. 9 св. (4). У Хераскова въ „Бахаріанѣ“:
Лукавы нимфы дорожили
Его цвѣтушей красотой:

Уставшаго отъ пляски той
 Подъ дикимъ пальмомъ положили, —
 И прочь геройскій духъ летить,
 Уходитъ миловидный стыдъ;
 Иная бѣлыми руками
 Вънець ему изъ розъ плететь,
 Иная вина подаеть,
 Убравъ сосудъ кругомъ цвѣтами;
 Въ объятіяхъ онъ держитъ ихъ,
 Лежитъ въ объятіяхъ у нихъ,
 Отъ нихъ лобзанья получаетъ,
 И самъ лобзанья возвращаетъ;
 Какъ ледъ весною, таетъ онъ,
 И сталь не витязь, — Целадонъ;
 Исчезъ герой, — какая жалость!

(Шефферъ).

Пѣснь пятая.

Стр. 78, ст. 13 св. (¹). Въ черновой рукописи эта пѣснь начинается такъ:

Какъ я люблю мою княжну,
 Мою прекрасную Людмилу,
 Въ печаляхъ сердца тишину,
 Невинной страсти огонь и силу,
 Унынье, вѣтренность, покой,
 Улыбку сквозь нѣмыя слезы,
 И съ этимъ — юности златой
 Всѣ нѣжны прелести, всѣ розы...

.....

Далѣе говорится о Русланѣ:

Повѣрьте [мнѣ: я] вамъ желаю
 Такого точно жениха,
 Какого здѣсь изображаю
 По волѣ риѣмы и стиха.

Стр. 79, ст. 14 св. (²). По словамъ П. И. Бартенева (Рус. Арх. 1866, ст. 1094), подъ именемъ Дельфиры П. изобразилъ одну дальнюю родственницу, графиню Екатерину Артемьевну Воронцову (1780 — 1836), которая передавала его матери дурные слухи, ходившіе про него въ городѣ.

Стр. 82, ст. 2 св. (3). Въ черновой: „Людмилу съ трепетомъ зоветь.“

Стр. 84, ст. 14 сн. Въ первомъ изданіи: „И юныхъ персей волнованье“.

Стр. 85, ст. 5 св. (4). Въ „Дѣвственницѣ“:

..... Un bonheur homme

N'est heureux qu'en dormant des plaisirs.

(Кирпичниковъ).

Стр. 85, ст. 17 св. (5). По указанію В. Е. Якушкина (Рус. Вѣд. 1903, № 120), сюда же относится набросокъ: „Недавно, тихимъ вечеркомъ“ (I, 264).

Стр. 86, ст. 2 св. Въ первомъ изданіи: „Уста дрожащія открыты“.

Тамъ же, ст. 2 сн. Въ первомъ изданіи: „Туманный закатился взоръ“.

Пѣснь шестая.

Стр. 93, ст. 5 сн. (1). „Обращеніе, видимо, относится къ вымышленной особѣ“, писалъ П. А. Плетневъ, отвѣчая на вопросъ Я. К. Грота („Переписка“, III, 396). „Это писано вскорѣ по выходѣ иль Лицея, когда поэту хотѣлось выдавать себя за счастливо влюбленнаго.“

Стр. 94, ст. 13 св. (2). Ср. конецъ Эпилога, стр. 105.

Стр. 94, ст. 9 сн. (3). Въ черновой: „Пою про витязя младого“.

Стр. 95, ст. 6 св. (4). Въ черновой: „И знаетъ Богъ, когда онъ встанетъ“.

Стр. 98, ст. 6 св. (5) Въ первомъ изданіи это мѣсто сокращено:

И видятъ: въ утреннемъ туманѣ

Шатры бѣлѣютъ на холмахъ...

.....

Въ черновой № 2364, л. 68, слѣдуетъ программа: „Источники воды живой и мертвой. Воскресеніе. Битва. Заключение“.

Стр. 104, ст. 12 св. (6). Въ № 2364, л. 69 об., здѣсь находится помѣта: „26 ночью“. Въ виду надписи, сдѣланной Жуковскимъ на подаренномъ Пушкину портретѣ (см. введение), слѣдуетъ заключить, что послѣднія строки поэмы написаны въ ночь на 26 марта 1820 г.

Эпиграфъ (стр. 104) извѣстенъ намъ въ черновой рукописи Имп. Публ. Б-ки (Записная книжка 1820—21 гг.), гдѣ находятся слѣдующіе первоначальные варианты:

- ¹ О дружба, вѣрный искупитель
[мирный утѣшитель]
[тихий исцѣлитель]
Волнуемой души моей!
- ² Ты возвратила мнѣ свободу,
Мятежной младости кумирь!
Забутый злобною судьбою...
[Теперь заброшенный судьбою]
- ³ Ищу напрасно вдохновеній...
- ⁴ Пора сердечныхъ заблужденій...
- ⁵ Блаженства краткій день протекъ...
- ⁶ Ср. выше, стр. 94, прим. 2.

II. Кавказскій Пльнникъ. (107 — 142).

Для исторіи созданія этой поэмы любопытно указаніе В. В. Сиповскаго („Пушкинъ, Байронъ и Шатобрианъ“, Спб. 1899, стр. 28 - 30) на сходство ея, въ общихъ чертахъ, съ романомъ Шатобріана „Atala“. Герой этого романа, Ренэ, оставилъ родину вслѣдствіе несчастной любви, а также, повидимому, и оттого, что среди цивилизованныхъ людей ему мало мѣста съ его безмѣрнымъ эгоизмомъ. Впрочемъ, мотивы, заставившіе его покинуть родину, имъ самимъ такъ же мало выяснены, какъ и нашимъ Кавказскимъ Пльнникомъ. Самая свобода, „веселый призракъ“ которой мерещился вдали обоимъ героямъ, также не ясна обоимъ. Ренэ бѣжитъ къ дикарямъ, но тоска слѣдуетъ за нимъ по пятамъ; его охлажденное сердце не долго наслаждалось радостями бытія вдали отъ суеты мірской; теплая, самоотверженная любовь дикарки не вытѣсняетъ изъ его сердца думъ о той женщинѣ, которая осталась на его родинѣ... Атала, влюбленная въ пльнника, появляется къ нему ночью и съ тѣхъ поръ постоянно тайкомъ ходитъ къ юношѣ и ведетъ съ нимъ долгія бесѣды о любви. Потомъ она освобождаетъ юнаго пльнника и умираетъ въ борьбѣ со своею любовью... Другая героиня Шатобріана, Селюта, отдавшая всю свою жизнь Ренэ, въ награду за это услышала отъ него признаніе, что его сердце занято думой о другой женщинѣ; она

ведеть жизнь несчастную и, наконецъ, потерявъ дорогого человѣка, которому она принесла столько жертвъ, бросается въ рѣку... И всѣ эти трогательныя исторіи развиты на фонѣ блестяще - написанныхъ картинъ американской природы, въ самой своеобразной, романтической обстановкѣ. Шатобрианъ нарочно, въ погонѣ за „мѣстнымъ колоритомъ“, ѣздилъ въ Америку, присматривался къ природѣ, къ обычаямъ и нравамъ тѣхъ племенъ, жизнь которыхъ служить фономъ для его романа. Пушкинъ, какъ видно изъ его предисловія къ поэмѣ, также придавалъ „мѣстному колориту“ очень важное значеніе. Его герой, подобно Ренэ, покидаетъ цивилизованный міръ и, гоняясь за „призракомъ свободы“, является на Кавказъ, — единственное мѣсто въ Россіи, гдѣ можно было встрѣтить романтическую обстановку. Г. Сиповскій указываетъ, что Кавказъ и его жители еще въ XVIII столѣтіи рисовались глазамъ нашихъ мечтателей въ особомъ, романическомъ освѣщеніи. Такъ, Карамзина въ ранней юности влекло на Кавказъ: онъ, оказывается, тоже „мечталъ быть завоевателемъ чернойбровой, пылкой черкешенки“, и проч. Пушкинъ, сочиняя въ 1821 г. свою поэму, еще очень мало могъ судить о Кавказѣ по личнымъ впечатлѣніямъ: онъ успѣлъ побывать только на Минеральныхъ водахъ, и въ „мѣстномъ колоритѣ“ Плѣнника отразились, конечно, не столько собственныя наблюденія поэта, сколько слышанныя имъ рассказы, а также — и нѣкоторые литературные источники, какъ напр. приводимые имъ стихи Державина и Жуковского.

Посвященіе (стр. 118) при первомъ своемъ появленіи въ печати подверглось значительнымъ цензурнымъ сокращеніямъ и измѣненіямъ, которыя позднѣйшими изданіями были устранены только отчасти. Именно, послѣ ст. 4 поставлено было:

Когда мнѣ бѣдствія грозили,
Я при тебѣ еще спокойство находилъ,
Я сердцемъ отдыхалъ, — другъ друга мы
любили, и т. д.

Конецъ посвященія былъ передѣланъ такъ:

Отечество тебя ласкало съ умиленьемъ,
Какъ жертву милую, надежды вѣрный цвѣтъ;
Я рано скорбь узналъ, узналъ людскіи и свѣтъ;

Но, сердце укрѣпивъ терпѣньемъ,
 Я ждалъ безопасно юныхъ дней,
 И счастье моихъ друзей
 Мнѣ было сладкимъ утѣшеньемъ.

Въ нашемъ изданіи Посвященіе возстановлено по рукописи Г; ниже приводятся варианты изъ рукописей К, М и Ч.

¹ Ты сердце зналъ мое: другъ друга мы любили (М, Ч)

² Въ степяхъ Молдавіи, въ печальны дни
 разлуки (М, Ч)

³ Тамъ пасмурный Бешту... (К, М)

⁴ Забуду ли, мой другъ, Кавказскія вершины (М, Ч)
 NB. Въ обѣихъ рукописяхъ стихи 1 — 26 идутъ въ такомъ
 порядкѣ: 1 — 13, 20 — 26, 17 — 19, 14 — 16.

⁵ сердечныя страданья (М, К)

⁶ „Надежды вѣрный цвѣгъ“ — передѣлано для цензуры.

⁷ Добыча клеветы, завистливыхъ невѣждъ (М)

Я — жертва клеветы, зоиловъ и невѣждъ (Ч)

Мой духъ не унывалъ — и счастье друзей (К, М)

Часть первая (стр. 120).

¹ Несчастный плѣнникъ приподнялся... (Ч)

² каменистыхъ горъ (Ч)

³ взволновалась думой... (Г)

⁴ Въ Ч здѣсь добавлено:

Родился онъ среди снѣговъ,
 Но въ немъ страстей таился пламень;
 Въ минуты счастья — сынъ пировъ,
 Во дни гоненья — твердый [хладный] камень,
 Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ, и пр.

Въ Г добавочные стихи замѣнены уже двумя строками точекъ.

⁵ Презрѣнной, скучной суеты... (Ч)

⁶ Слѣдующіе 8 стиховъ въ Ч зачеркнуты, а въ Г замѣнены двумя строками точекъ.

⁷ въ пустынномъ мірѣ (Ч)

⁸ Страстями чувства истребя (Ч)

⁹ Ужь вечеръ. Солнце за горами. (Ч)

¹⁰ Во мглѣ луной озарена (Ч)

¹¹ и путникъ оживаетъ (Г, изд. 1822)

¹² Собрать остатокъ слабый силъ (Ч)

¹³ И долго дѣва передъ нимъ,
Опершись на руку, снѣла... (Ч)

¹⁴ Уста живыя каждый часъ... (Ч)

¹⁵ Въ изд. 1822: ...темная прохлада

¹⁶ ...сію прекрасную страну... (Г)

¹⁷ сонъ давно забытый (Ч)

¹⁸ Небесный пламень уползъ (Ч, Г). Исправлено по требованію цензуры, см. письмо къ Гнѣдичу отъ 27 іюня 1822 г.

¹⁹ Въ душѣ глубокой... (Г)

²⁰ Остановлялъ онъ долго взоръ (Г, изд. 1822).

Остановлялъ онъ долгій взоръ (Ч)

²¹ Къ этому стиху въ издд. 1822 и 1828 гг. сдѣлано было примѣчаніе:

„Державинъ, въ превосходной своей одѣ графу Zubovu, первый изобразилъ въ слѣдующихъ строфахъ дикія картины Кавказа:

О юный вождь! Сверша походы,
Прошелъ ты съ воинствомъ Кавказъ,
Зрѣлъ ужасы, красы природы:
Какъ, съ ребръ тамъ страшныхъ горъ ляясь,
Рсвуть въ мракъ безднъ сердиты рѣки;
Какъ съ чель ихъ съ грохотомъ снѣга
Падутъ, лежавши цѣлы вѣки;
Какъ серны, внизъ склонивъ рога,
Зрятъ въ мглѣ спокойно подъ собою
Рожденье молній и громовъ;
Ты зрѣлъ, какъ ясною порою
Тамъ солнечны лучи средь льдовъ,
Средь водъ, играя, отражаясь,
Великолѣпный кажутъ видъ;
Какъ, въ разноцвѣтныхъ разсѣваясь
Тамъ брызгахъ, тонкій дождь горить;
Какъ глыба тамъ сизоянтарна,
Навѣсясь, смотреть въ темный боръ,
А тамъ заря златобагряна
Сквозь лѣсъ увеселяетъ взоръ.

„Жуковскій, въ своемъ посланіи къ г-ну Воейкову, также посвящаетъ нѣсколько прелестныхъ стиховъ описанію Кавказа:

Ты зрѣлъ, какъ Терекъ въ быстромъ бѣгѣ
Межъ виноградниковъ шумѣлъ,
Гдѣ часто, притаясь на брегѣ,
Чеченецъ иль черкесь сидѣлъ
Подъ буркой съ гибельнымъ арканомъ,
И вдаль передъ тобой,
Одѣты голубымъ туманомъ,
Гора вздымалась надъ горой,
И въ сонмѣ ихъ гигантъ сѣдой,
Какъ туча, Эльборусъ двуглавый.
Ужасною и величавой
Тамъ все блистаетъ красотой:
Утесовъ мшистыя громады,
Бѣгущи съ ревомъ водопады
Во мракъ пучинъ съ гранитныхъ скалъ;
Лѣса, которыхъ сна отъ вѣка
Ни стукъ сѣкирь, ни человѣка
Веселый гласъ не возмущалъ,
Въ которыхъ сумрачныя сѣни
Еще лучъ дневный не проникъ,
Гдѣ изрѣдка одни елени,
Орла слышавъ грозный крикъ,
Тѣснясь въ толпу, шумя въ вѣтвями,
И козы легкими ногами
Перебѣгаютъ по скаламъ.
Тамъ все является очамъ
Великолѣпіе творенья!
Но тамъ, среди уединенья
Долинъ, таящихся въ горахъ,
Гнѣздятся и Балкаръ, и Бахъ,
И Абазехъ, и Камуцинецъ,
И Корбулакъ, и Албазинецъ,
И Чечереецъ, и Шапсукъ.
Пищаль, кольчуга, сабля, лукъ
И конь, соратникъ быстроногій, ---
Ихъ и сокровища, и боги;
Какъ серны, скачутъ по горамъ,
Бросають смерть изъ-за утеса,
Или по топкимъ берегамъ,
Въ травѣ высокой, въ чащѣ лѣса
Разсыпавшись, добычи ждуть;

Скалы — свободѣ ихъ пріютъ;
 Но дни въ аулахъ ихъ бредутъ
 На костыляхъ угрюмой лѣни;
 Тамъ жизнь ихъ — сонъ; стѣснясь въ кружокъ
 И въ братскій съ табакомъ горшокъ
 Вонзивши чубуки, какъ тѣни
 Въ дыму клубящемся сидятъ
 И объ убійствахъ говорятъ,
 Иль хвалятъ мѣткія пищали,
 Изъ коихъ дѣды ихъ стрѣляли,
 Иль сабли на кремняхъ острятъ,
 Готовясь на убійства новы...

²² надъ ауломъ (Г)

²³ прахъ летучій (Г)

²⁴ Въ изд. 1822 — опечатка: „И вдругъ на дома...“

²⁵ на вѣтви вѣковая (Ч)

²⁶ на курганахъ омраченныхъ (Ч)

²⁷ У стѣнъ Парижа твой бивакъ (Ч)

²⁸ Съ [уединеннаго] кургана (Ч)

²⁹ Послѣ этого стиха въ М зачеркнуто:

Когда черкесы молодые
 Съ ковшами полными въ рукахъ
 Пируютъ, сидя на коврахъ, —
 Онъ внемлетъ гимны боевые:
 Они поютъ своихъ князей,
 Поютъ измѣну, поединокъ
 И смертный сонъ богатырей
 На лонѣ мстительныхъ грузинокъ;
 Они поютъ ужасный часъ,
 Когда съ побѣдою кровавой
 На негодующій Кавказъ
 Орелъ поднялся двоеглавый,
 Когда на Терекъ родномъ
 Впервые грянулъ битвы громъ
 И грохотъ русскихъ барабановъ,
 И въ сѣчѣ, съ дерзостнымъ челомъ,
 Явился пылкій Циціановъ.
 Тебя клянутъ они, герой,
 О Котляревскій, и пр., см. эпилогъ, стр. 141.

³⁰ И жены робкія трепещутъ (Ч, Г, изд. 1822).

³¹ Далѣ въ Ч слѣдуетъ:

Когда роскошныхъ дѣвъ веселья
Младыми розами вѣнчалъ
И жаръ безумства и похмѣлья
Минутной страсти посвящалъ.

Эти же стихи находятся и въ М, съ вариантомъ въ 3-мъ стихѣ: „И жаръ безумнаго похмѣлья“.

Часть вторая (стр. 131).

¹ Послѣ этого стиха въ Ч слѣдовали 4 стиха, перенесенные затѣмъ, въ нѣсколько измѣненной редакціи, въ конецъ рѣчи черкешенки:

Непостижимой, тайной силой
Къ тебѣ я вся привлечена,
Люблю тебя, невольникъ милый,
Тобою жизнь моя полна!

² Онъ обнажилъ свои страданья (Ч)

³ Въмѣсто этихъ 4 стиховъ первоначально было написано:

Несчастный другъ! Твоей любви
Душа страдальца недостойна.
Забудь меня, живи спокойна,
Другого юношу зови. (Ч)

⁴ Безъ упоенья... (Ч)

⁵ Противъ этого мѣста въ М сбоку набросано: „Я пережилъ мои желанья“ и пр., см. I, 279.

⁶ Въ изд. 1822 — опечатка: „И уповательнымъ мечтамъ“. Въ Ч далѣ слѣдуютъ 5 зачеркнутыхъ стиховъ:

Въ тѣ дни, когда холмы, дубравы,
[Могучихъ вѣтровъ вольный шумъ]
Дѣвичій взоръ, веселій шумъ,
Дары любви [и клики славы] желанья славы
Еще плѣняли жадный умъ.

(Ср. „Демонъ“, 340).

Въ М эти стихи читаются:

Въ тѣ дни, когда луна, дубравы,
Морей и бури вольный шумъ,
Дѣвичій голосъ, гимны славы
Еще плѣняли жадный умъ.

⁷ Одно унынье — мой удѣлъ (Ч)

^{7a} Въ рукахъ невольника лежала (Ч)

⁸ Въ изд. 1822 — цензорская поправка: „Не много радостныхъ ей дней“.

⁹ Тамъ на костяхъ моихъ изгнанныхъ (Г)

¹⁰ Въ Ч это мѣсто читается такъ:

Ихъ прадѣды въ тѣни сидятъ:
У каждого чубукъ дымится,
Чихирь въ завѣтный рогъ струится;
Сѣдые пьютъ — и юныхъ дѣвъ
Знакомый [унылый] [протяжный]

слушаютъ припѣвъ

Затѣмъ 2-й стихъ исправленъ:

Изъ трубокъ легкой дымъ синѣтъ
и, соотвѣтственно этому, прибавленъ стихъ:

И старцевъ сердце молодѣетъ.

Первый куплетъ Черкесской пѣсни напоминаетъ стихи Батюшкова въ „Воспоминаніяхъ 1808 года“:

Какъ сладко я мечталъ на Гейльсбергскихъ поляхъ,
Когда весь станъ дремалъ въ покоѣ,
И ратникъ, опершись на копіе стальное,
Въ усталости почилъ...

Къ 1-му стиху третьяго куплета Пушкинымъ, въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 14 окт. 1823, сдѣлано замѣчаніе: „Кубань — граница. На ней — карантинъ, и строго запрещается казакамъ переѣзжать обонъ полъ. Изъясни это потолковѣе забавникамъ Вѣстника Европы“.

¹¹ея кинжалъ булатный (Г)

¹² Въ Ч это мѣсто первоначально было написано такъ:

[На плѣнника возведши взоръ],
„Спѣши!“ сказала дѣва горь:
„Все спитъ въ аулѣ. Стражи взоръ
„Теперь нигдѣ тебя не встрѣтитъ.
„Вотъ, лишъ не трать ночныхъ часовъ, —
„Возьми кинжалъ —
„Бѣги, никто твоихъ слѣдовъ
„Въ пустынь мрачной не замѣтитъ.“
И молча, твердою рукой
Его цѣпей она коснулась;
Упали слезы; подъ пилой

Визжитъ желѣзо; цѣпь согнулась
И, падши на скалы, гремитъ...

¹³ Въ изд. 1822: „И горькій поцѣлуй разлуки...“ — вѣроятно, поправка Гнѣдича, которому Пушкинъ писалъ 27 сент. 1822: „Горькій поцѣлуй — прелесть“, замѣчая въ другомъ письмѣ 27 іюня, что „долгій поцѣлуй поставлено слишкомъ на выдержку (trop hasardé)“. — Однако, въ изд. 1828 онъ возстановилъ первоначальный эпитетъ, бывший уже и въ рукописи Г.

За стихомъ: „Союзъ любви запечатлѣлъ“ въ Ч и Г слѣдуютъ еще 9 стиховъ:

Его томительную нѣгу *)
Вкусила тутъ она вполнѣ.
Потомъ, рука съ рукой, ко брегу
Сошли — и русскій въ тишинѣ
Ревущей ввѣрился волнѣ.
Плыветъ и быстры пѣнить волны,
Живыхъ надеждъ и силы полный.
Желанныхъ скалъ уже достигъ,
Уже хватается за нихъ...

Эти стихи забракованы были цензурою, и Пушкинъ писалъ Гнѣдичу, 27 іюня 1822: „Его томительную нѣгу вкусила тутъ она вполнѣ — дурно, очень дурно, и потому осмѣливаюсь замѣнить этотъ киргизь-кайсацкій стихъ слѣдующими: какой угодно поцѣлуй разлуки“ и пр., какъ напечатано.

Въ альманахѣ „Новыя Аониды“ 1823 г. (М.) напечатано семь отрывковъ изъ „Кавк. Плѣнника“: 1) первое свиданіе съ черкешенкой (стр. 118 - 120); 2) посѣщеніе черкешенки (31 - 32); 3) описаніе Кавказа (65 - 67); 4) описаніе жизни горцевъ (70 - 76); 5) признаніе черкешенки (80 - 87); 6) черкесская пѣсня (99 - 100) и 7) освобожденіе плѣнника (105-108)

Эпилогъ (стр. 140).

¹ Народа, склоннаго къ войнѣ (Ч)

² Измѣну, битву, поединокъ

И смерть ужасныхъ россіянь (Ч)

³ Циціановъ, кн. Павелъ Дмитріевичъ (1754 - 1806), участвовалъ въ польской войнѣ 1794 г., гдѣ заслужилъ по-

*) [гаинственную] нѣгу.

хвалу Суворова; въ 1796 г. находился въ кавказскомъ походѣ подъ начальствомъ гр. Зубова; въ царствованіе Александра I покорилъ лезгинъ и мингрельцевъ и присоединилъ Имеретію. Убитъ измѣннически при сдачѣ Баку, у воротъ крѣпости. „Жизнь кн. Циціанова“, М. 1823.

⁴ Котляревскій, Петръ Степановичъ (р. 12 іюня 1782, ум. 21 окт. 1851) всю жизнь провелъ на Кавказѣ, въ бояхъ съ горцами, и довершилъ свои подвиги взятіемъ неприступной крѣпости Ленкорани, куда онъ вошелъ по грудамъ тѣлъ, покрытый ранами. (Восп. Вигеля, IV, 182; „Біографія ген. Котляревскаго“, Тифлисъ, 1854).

⁵ Все жертва пламенной войны (М)

⁶ Вмѣсто послѣднихъ восьми стиховъ въ М читается:

Смирились вы, — умолкли брани,
И тамъ, гдѣ трепетныя лани
За вами пробѣгать могли,
Князя заоблачной державы,
Тамъ мы, при кликахъ громкой славы,
Знамена наши пронесли.

Въ Ч эти стихи имѣютъ иную редакцію:

Смирились вы — умолкли брани!
И тамъ, гдѣ прежде только лани
За вами пробѣгать могли, —
Торжественно, при кликахъ славы,
Князя заоблачной державы,
Мы наше знамя провели.

По поводу Эпилога кн. П. А. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу 27 сент. 1822: „Мнѣ жаль, что Пушкинъ окривилъ послѣдніе стихи своей поэмы. Что за герой Котляревскій, Ермоловъ? Что тутъ хорошаго, что онъ „какъ черная зараза, губилъ, ничтожилъ племена“? Отъ такой славы кровь стынетъ въ жилахъ и волосы дыбомъ становятся. Если мы просвѣщали бы племена, то было бы что воспѣть. Поэзія не союзница палачей; политикъ они, можетъ быть, нужны, — и тогда суду исторіи рѣшить, можно ли ее оправдывать, или нѣтъ; но гимны поэта не должны быть никогда славословіемъ рѣзни. Мнѣ досадно на Пушкина: такой восторгъ — настоящей анахронизмъ. Досадно и то, что, разумѣется, мнѣ даже о томъ и намекнуть нельзя будетъ въ моей статьѣ: челолюбивое и нравственное

чувство мое покажется движеніемъ мятежническимъ и бѣ совскимъ внушеніемъ въ глазахъ нашихъ христілюбивыхъ цензоровъ...“ (Ост. Арх., II, 274).

III. Программа и отрывки комедіи (стр. 143 - 148).

Программа, напечатанная П. В. •Анненковымъ въ книгѣ: „Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 160-163, находится, вмѣстѣ съ первымъ отрывкомъ, въ рукописи Моск. Муз. № 2365, лл. 40 и 41 (см. Рус. Стар. 1884, т. 42, стр. 98). Второй отрывокъ напечатанъ Анненковымъ же, въ т. VII Соч. Пушкина (1857).

Пушкинъ еще въ Лицеѣ пробовалъ писать комедію въ стихахъ, подъ заглавіемъ „Философъ“, и читалъ ея отрывки своимъ товарищамъ, которымъ она очень нравилась (см. письмо Илличевскаго къ Фусу, отъ 16 января 1816 г. у Грота, Пушкинъ, 67). Но отъ этой комедіи не осталось никакихъ слѣдовъ. Только уже въ Кишиневѣ у поэта снова явилась мысль о комедіи изъ петербургской жизни, и онъ набросалъ программу, назвавъ дѣйствующихъ лицъ именами тѣхъ актеровъ и актрисъ, которые, по его мысли, должны были бы ихъ играть. По объясненію Анненкова, дѣло должно было заключаться въ томъ, что вдова-аристократка, имѣющая любимаго брата, желаетъ спасти его отъ несчастной страсти къ картамъ. Она совѣтуется съ своимъ любовникомъ, тоже изъ высшаго свѣта и тоже игрокомъ, но уже опытнымъ и знакомымъ съ продѣлками шулеровъ. Онъ обѣщаетъ ей содѣйствіе, и на первомъ же игорномъ вечерѣ у „Сосницкаго“ встрѣчаетъ шулера „Рамазанова“, узнаетъ его и заставляетъ обыграть хозяина пополамъ съ собою, но въ шутку. Такъ и дѣлается. Подъ конецъ сеанса они заставляютъ „Сосницкаго“ поставить на карту своего крѣпостного дядьку „Величкина“. Происходитъ раздирающая сцена, кончающаяся наставленіями и поученіями и пр. Второй отрывокъ принадлежитъ, вѣроятно, къ той же комедіи, только ея планъ здѣсь уже нѣсколько измѣненъ, и вмѣсто брата и сестры на сцену выведены мать и женатый сынъ. Оба отрывка, вмѣстѣ съ программой, такъ и остались заброшенными въ кишиневской тетради: написавъ ихъ наскоро, Пушкинъ къ нимъ уже не возвращался.

Въ первомъ отрывкѣ можно отмѣтить историческія черты: намеки на либеральную военную молодежь александ-

дровскаго времени, съ которою Пушкинъ, какъ извѣстно былъ близокъ. Эти люди, скучая пустотою окружающей ихъ жизни, предпочитаютъ „свѣту“ вольное препровождение времени — въ шлафроктъ, съ трубками и за картами, которыми увлекался одно время и самъ Пушкинъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, „въ кругу своемъ они о дѣльномъ говорятъ, читаютъ Жомини“, — извѣстнаго французскаго военнаго писателя (1779 - 1869), автора книги: „Traité des grandes opérations militaires en 1804“, сочиненіями котораго увлекались въ свое время даже „отпѣтые“ гусары, къ досадѣ ихъ пѣвца, Дениса Давыдова:

„Жомини“ да „Жомини“,
А объ водкѣ — ни полслова!

Впослѣдствіи Пушкинъ еще вернется къ этимъ своимъ друзьямъ въ программѣ романа „Русскій Пеламъ“, также оставшагося ненаписаннымъ.

Въ рукописи перваго отрывка, въ стихѣ: „Но ты, который съ годъ учиться пересталъ“ подчеркнутыя слова — зачеркнуты, а въ слѣдующемъ стихѣ вмѣсто „походной пыли“ было сначала написано: военной жизни.

IV. Братья-разбойники (стр. 149 - 160).

¹ Ср. въ одѣ Державина „На рожденіе царицы Гремиславы“:

Какіе разные народы,
Языкъ, одежда, лица, станъ!

² Заключительные стихи, впервые напечатанные въ Посм. II, 202:

Умолкъ и буйной головою
Разбойникъ въ горести поникъ,
И слезъ горячею рѣкою
Свирѣпый оросился ликъ.
Смѣясь, товарищи сказали:
„Ты плачешь? Полно, брось печали!
„Зачѣмъ о мертвыхъ вспоминать?
„Мы живы: станемъ пировать!
„Ну, подчивай сосѣдъ сосѣда!“
И кружка вновь пошла кругомъ;
На мигъ утихшая бесѣда
Вновь оживляется виномъ;

У всякаго своя есть повѣсть,
 Всякъ хвалить мѣткій свой кистень.
 Шумъ, крикъ... Въ ихъ сердцѣ дремлетъ совѣсть:
 Она проснется въ черный день.

V. Вадимъ (стр. 161 - 171).

· Отрывокъ изъ драмы въ рукописи начинается такъ:

[Я ждалъ тебя, Рогдай! Скорѣй, — какую вѣсть]

[О нашей родинѣ ты можешь мнѣ принести?]

Ты видѣлъ Новгородъ, ты слышалъ гласъ народа:

[Жива ль въ ихъ памяти] славянская свобода?

² Къ пришельцамъ ненависть я зрѣлъ на каждой
 встрѣчѣ (передѣлка Анненкова).

³ Далѣе первоначально было:

Явись — и перемѣнь ударить грозный часъ!

вадимъ.

Безумные! Давно ль въ восторгѣ звалъ я васъ,

Когда судьбу свою варягамъ поручили

И вольныя главы подъ иго преклонили!

Затѣмъ Пушкинъ зачеркнулъ эти стихи и написалъ от-
 вѣтъ Вадима, какъ напечатано.

⁴ Отрывокъ, начинающійся этимъ стихомъ, до стиха
 „Межь тѣмъ привычныя заботы“, напечатанъ въ „Памяти.
 отец. музъ“ и въ Посм.

⁵ Въ Посм.: И сходить сонъ на славянина.

⁶ къ горнымъ берегамъ...

⁷ скальдовъ вдохновенныхъ...

⁸ Каріаландія — Карелія. Ср. описаніе Финляндіи
 въ „Эдѣ“ Баратынскаго.

⁹ Правдивыхъ сѣчъ...

¹⁰ И пламя яркое пировъ...

¹¹ Къ товарищамъ...

¹² Глядитъ — и тяжкій стонъ...

¹³ Здѣсь кончается отрывокъ, напечатанный въ альма-
 нахѣ и Посм. Всѣ приведенные выше варианты взяты изъ
 Посм. Рукопись поэмы неизвѣстна.

VI. Бахчисарайскій фонтанъ (стр. 173 - 196).

Набросокъ „Исполню я твое желанье“ (стр. 176) напе-
 чатанъ по рукописи Моск. Муз. № 2369, л. 1 об. (Русск.
 Стар. 1884, т. 42, стр. 551). Другая его редакція дана

Анненковымъ (Мат., 99), по рукописи, намъ неизвѣстной (ср. Шляпкинь, 66):

Печалень будетъ мой разказъ.
 Давно, когда мнѣ въ первый разъ
 Любви повѣдали преданье, —
 Я въ шумѣ радостномъ уныль
 И на минуту позабыль
 Роскошныхъ оргій ликованье.
 Но быстрой, быстрой чередой
 Тогда смѣнялись впечатлѣнья:
 Веселье — тихою тоской,
 Печаль — восторгомъ упоенья...

¹ Рук. Муз. № 2365, л. 49 об.:

Онъ долго въ думы погружень...
 Опомнясь, онъ махнулъ рукою —
 И всѣ, склонившись головою...

² И самыя главы Корана (изд. 1824).

³ Рук. Муз. № 2365, л. 69:

(Съ турецкаго).

Даруетъ небо человѣку
 [Часы отрадъ въ] замѣну бѣдъ;
 Блаженъ факирь, узрѣвшій Мекку
 На старости суровыхъ лѣтъ.

Блаженъ, кто на берегу Дуная
 Собою умножить падшихъ рядъ:
 Къ нему навстрѣчу дѣвы рая
 Толпою страстной полетять.

Но всѣхъ блаженнѣй, о Зарема,
 Кто, миръ и нѣгу возлюбя,
 Въ прохладѣ тайнаго гарема
 Обниметъ радостно тебя.

„Татарская пѣсня“ съ музыкой кн. В. Θ. Одоевскаго напеч. въ „Мнемозинѣ“ 1824, III, прил.

⁴ Прочитавъ эти стихи, Гнѣдичъ, одинъ глазъ котораго былъ пораженъ давнею болѣзнию, говорилъ, шутя, что за нихъ онъ готовъ отдать и послѣднее свое око (Анн. Мат., 75).

⁵ Твоихъ пронзительныхъ лобзаній (изд. 1824).

Любопытно, что еще въ записной книжкѣ Пушкина 1820 - 21 гг. (Имп. Публ. Б-ка) занесено четверостишіе, включенное впоследствии въ поэму:

Чей голосъ выразить яснѣй
И нѣжность, и тоску желаній?
Чей страстный поцѣлуй живѣй
Твоихъ язвительныхъ лобзаній?

Въ поэмѣ также сначала написано было „язвительныхъ“, но потомъ Пушкинъ написалъ Вяземскому: „Поставь: пронзительныхъ. Это будетъ ново. Дѣло въ томъ, что моя грузинка кусается, и это непременно должно быть извѣстно публикѣ.“ Въ слѣдующемъ изданіи онъ, однако, восстановилъ прежній эпитетъ. „Не знаю, почему здѣсь встрѣчается извѣстная читателю перемѣна?“ — спрашивалъ по этому поводу Алексѣй Перовскій въ Сынѣ Отеч. 1824, ч. 92, № 13: „между поцѣлуемъ страстнымъ и язвою поэтъ усмотрѣлъ соотношеніе смѣлое, новое, но справедливое. Язва и пламень удобнѣе сравниваются, нежели пронзительность и пламень. Если словомъ пронзительныя лобзанія, хотя не близко, переведемъ *baisers répétrants*, то словомъ язвительныя лобзанія неподражаемо выразимъ другой эпитетъ, изобрѣтенія Руссо. Что я говорю? *Baisers âgres* холодны предъ огненнымъ выраженіемъ Пушкина. Быть можетъ, замѣченная перемѣна сдѣлана въ угожденіе принятому словоупотребленію. Ахъ, сей тиранъ и такую жертвою не будетъ доволенъ!“ (Зелинскій, Крит. ст. о Пушк., I, 136).

⁶ Въ письмѣ къ Вяземскому изъ Одессы, ноябрь, 1823, Пушкинъ написалъ этотъ стихъ такъ: „Но вѣрой матери твоей...“ и прибавилъ: „Если найдешь удачную перемѣну то подари меня ею; если жъ нѣтъ — оставь такъ.“ Можно подумать поэтому, что стихъ исправленъ кн. Вяземскимъ.

⁷ Такъ въ изд. 1835 г.; такъ же было и въ рукописи; но для 1-го изданія Пушкинъ, по совѣту кн. Вяземскаго далъ другой вариантъ: „Хладнаго скопца уничтожаю, изъ уваженія къ давней дѣвственности Александра Павловича:

Забытый, преданный презрѣнью,
Не зрять лица его гаремъ;
Тамъ, обреченныя мученью
И не утѣшены никѣмъ,
Старѣютъ жены.

„Меня ввелъ въ искушеніе Бобровъ: онъ говоритъ въ своей „Тавридѣ“: Подъ стражею скопцовъ гарема. Миѣ хотѣлось что-нибудь у него украсть, а къ тому же — я желалъ бы оставить русскому языку нѣкоторую библейскую откровенность...“

⁸ „Вина — culpa, faute; symbole téméraire, faute deplorable de l'ignorance“, — объясняетъ Пушкинъ въ письмѣ къ Вяземскому отъ 20 дек. 1823. — „У насъ слово вина имѣетъ два значенія: одно изъ нихъ здѣсь не имѣло бы смысла. Оставь эти стихи, пускай они aux Saumaises futurs preparent des tortures.“

⁹ Ср. I, 255: „Забвенью брошенный дворець.“

¹⁰ Начиная съ этого стиха, 10 стиховъ были откинута Пушкинымъ при отсылкѣ поэмы въ печать, какъ „любовный бредъ“. Поэтъ говорилъ В. И. Туманскому, что не желалъ бы печатать этой поэмы, „потому что многія мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ, и что роль Петrarки миѣ не по нутру.“ Откинутае стихи напечатаны только въ изд. Анненкова, VII, 68.

¹¹ Ср. I, 307:

Несчастный, — полно, перестань,

.....

Заплачена тобою дань...

и Онѣгина гл. VII, строфа 52.

¹² Ср. „Желаніе“, I, 277, 589.

VII. Отрывки изъ поэмы (стр. 197 - 207).

¹ Ср. I, 186:

Стократъ блаженъ, кто въ юности прелестной
Сей быстрый мигъ поймаетъ на лету
Кто къ радостямъ и нѣгѣ неизвѣстной
Стыдливую преклонитъ красоту!

² Ср. I, 260: „Платонизмъ“.

³ Ср. II, 377: „Вы помните ль то розовое поле“ и пр.

VIII. Цыганы (стр. 209 - 235).

¹ Въ рук. Муз. № 2369, л. 48:

По городамъ ходи съ медвѣдемъ,
Иль подаянія проси.

² Ср. варианты къ XVII строфѣ второй главы Онѣгина.

³ Въ рук. Муз. № 2370, л. 31: „И молятъ денегъ да цѣпей“. Ср. слова Радищева въ „Путешествіи“, гл. „Чудово“: „Теперь прощусь я съ городомъ навѣки, не вѣду никогда въ сіе жилище тигровъ. Единое ихъ веселіе — грызть другъ друга; отрада ихъ — тѣснить слабого до издыханія и раболѣпствовать власти. И ты хотѣлъ, чтобъ я поселился въ городъ? Нѣтъ, мой другъ! Заѣду туда, куда люди не ходятъ, гдѣ не знаютъ, что есть человѣкъ, гдѣ и имя его неизвѣстно.“

⁴ Въ рук. Муз. № 2370, л. 3 об. (Рус. Стар. 1884, т. 43 стр. 2):

Моей любовью насладись
Въ молчаньи ночи безмятежной,
Приди,—я таю, другъ мой нѣжный,
Не измѣнись. не измѣнись...

⁵ Въ Сѣв. Цвѣтахъ: „Не оскорбляя никого.“

⁶ Тамъ же: „Но онъ къ печалямъ жизни бѣдной...“

⁷ Тамъ же: „О, Римъ, о, дивная держава!“

⁸ Тамъ же: „Минутный гуль...“

⁹ „Радуюсь участи моей пѣсни: Рѣжь меня. Это — очень близкій переводъ. Посылаю тебѣ дикій напѣвъ подлинника. Покажи это Вельегорскому. Кажется, мотивъ чрезвычайно счастливый. Отдай его Полевому и съ пѣсней“, — писалъ Пушкинъ кн. Вяземскому 24 сент. 1825 г. Пѣсня Земфиры была напечатана въ Моск. Телегр. 1825, № 31, стр. 69, съ замѣткою: „Прилагаемъ ноты дикаго напѣва сей пѣсни, слышаннаго самимъ поэтомъ въ Бессарабіи.“ Ср. Моск. Вѣд. 1858, № 19, стр. 80, и замѣтку А. Яцимирскаго: „Пѣсня Замфиры (Земфиры?) въ Цыганахъ Пушкина и цыганская хора“, въ Извѣстіяхъ Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ 1899, т. IV, кн. 1, стр. 301 - 304. Г. Яцимирскій приводитъ молдаванскій подлинникъ этой пѣсни („Арде-мэ, фридже-мъ“) и слѣдующій ея переводъ: „Жги меня, жарь меня, положи меня на слабый огонь, хоть на угольяхъ жарь меня, — я не назову тебѣ любовника, потому что онъ молоденькій, любимый и хорошенькій. А тебя, злой мужъ, съ этихъ поръ я больше не хочу; и хотя бы ты и билъ меня до смерти, жегъ бы меня и рѣзалъ на куски, — все же я сдѣлаю, какъ захочу.“

¹⁰ Буджакъ—бывшая татарская часть Бессарабіи, между Прутомъ и Днѣстромъ. Ср. II, 93, 455.

¹¹ Радищевъ, Собр. соч., I, 176:
 Осень листы ошипала съ деревъ,
 Иней сѣдой на траву упадалъ;
 Стадо тогда журавлей собралоса,
 Чтобъ прелетѣть въ теплу, дальню страну,
 За море жить. Одинъ бѣдный журавль,
 Нѣмъ и уныль, пригорюнясь сидѣлъ:
 Ногу стрѣлой перешибъ ему ловчій...

¹² Этихъ восьми стиховъ нѣтъ въ пушкинскихъ изданіяхъ „Цыганъ“; они вписаны самимъ поэтомъ въ экземплярѣ изд. 1827 г., принадлежавшемъ кн. П. А. Вяземскому и нынѣ находящемся въ Имп. Публ. Б-кѣ. Анненковъ (Мат., 83) приводитъ ихъ съ вариантами: „Въ пустыняхъ праздный я бродилъ“ и „Ихъ пѣсней радостны гулы“, и сообщаетъ, что въ 1822 г. „Пушкинъ на нѣсколько дней пропалъ изъ Кишинева: онъ отправился въ Измаилъ и на пути пригналъ къ цыганскому табору, ночевалъ въ шатрахъ его и жилъ дикою жизнью кочевого племени.“

Приведемъ, въ заключеніе, любопытныя замѣчанія кн. П. А. Вяземскаго, вписанныя имъ въ упомянутомъ выше экземплярѣ изд. 1827 г.

Кто жь отъ меня его отгонить? (стр. 217) — подчеркнуто.

Предразсужденій приговоръ,
 Толпы безумное гоненье
 Или блистательный позоръ (стр. 220) —

слишкомъ отвлеченно.

Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ веселій (стр. 220) —
 „Голубокъ“ Крылова.

Но не всегда мила свобода:
 Тому, кто къ нѣгѣ приученъ.

Царемъ когда-то сосланъ былъ

Полудня житель къ намъ въ изгнанье (стр. 220-221).

Можно ли назвать свободою — ссылку?

Прошло два лѣта (стр. 222) —

Въ началѣ прямо: „сегодня“, здѣсь: „два лѣта“.

Алеко съ пѣнемъ звѣря водить (стр. 222) —

Алеко можетъ быть цыганомъ по любви къ Земфирѣ и ненависти къ обществу; но все же не мо-

жетъ и не долженъ онъ исправлять цыганское ремесло, водить медвѣдя, заставляя его дѣлать палкою на караулъ, искать въ головѣ, ходить за горохомъ, etc.

Я пѣсню про тебя пою (стр. 224) —
Алеко долженъ бы тутъ убить Земфиру.

Ни даже сердцу твоему (стр. 226) —
Послѣ словъ: „Я пѣсню про тебя пою“, — какъ ему и вѣрить?

Съ этихъ поръ

Постыли мнѣ всѣ дѣвы міра (стр. 229) —
Разсказъ старика — не утѣшеніе Алеко. Добро, еще сказалъ бы, что онъ позабылъ измѣнницу и полюбилъ другую!
И съ камня на траву свалился (стр. 234) — подчеркнуто.

. рекъ (тамъ же) — тоже.

Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ (стр. 234) —
Цыганы — не особенный народъ, а подчиняются законамъ земли, къ которой приписаны.

И отъ судебъ пощады нѣтъ (стр. 235) —
слишкомъ греческое окончаніе.

Быть можетъ, именно эти замѣчанія кн. Вяземскаго и вызвали эпиграмму Пушкина: „Прозаикъ и поэтъ“ (II, 17, 368).

IX. Борисъ Годуновъ (стр. 237 - 357).

Сцена I (стр. 264).

¹ Наряжены смотрѣть мы за устройствомъ,
А между тѣмъ — и не за кѣмъ смотрѣть... I.
Наряжены Москву мы вмѣстѣ вѣдать... II; въ III такъ же, но карандашемъ исправлено: „мы вмѣстѣ городъ“.

² Народъ еще повоюетъ на колѣняхъ,
Борисъ еще посердится немного
И, наконецъ, изъ милости къ нему... I.

³ Какъ, заключась въ обители святой... I.

⁴ ни частымъ увѣщаньямъ... I.

⁵ И на престоль открытый не взойдетъ... I.

⁶ Въ I послѣ этого слѣдуютъ прямо слова Воротынского:

Ужасное злодѣйство! О, конечно,

Губителя раскаянье грызеть:
 Быть можетъ, кровь царевича святого
 Ему шагнуть мѣшаетъ на престоль.

Затѣмъ тутъ же написана и другая редакція этихъ стиховъ:

Ужасное злодѣйство! Жаль, однако:
 Борисъ умень; правленіе его
 Покоило, величило Россію;
 Онъ — прямо царь; что будетъ безъ него?

(Шуйскій).

И, — не тужи: онъ будетъ государемъ,
 Какая честь для насъ, для всей Россіи!

⁷ Не захочу я даромъ... II; въ III исправлено карандашемъ: „не соглашуся“.

⁸ Да, родъ его не знатенъ: мы знатнѣе;
 Вѣдь ты да я — природные князья... I.

⁹ Такъ, слѣдственно, и мы бѣ имѣли право... I.

¹⁰ Чѣмъ Годуновъ, вчерашній рабъ. Ну, право,
 Когда Борисъ хитритъ не перестанетъ... I.

¹¹ пусть

Изъ насъ они любого изберутъ
 Себѣ царемъ.

— Да, хорошо бѣ, но трудно:

Уже давно мы лишены удѣловъ,
 Давно царямъ мы какъ дворяне служимъ;
 Народъ отвыкъ въ насъ видѣтъ древній корень
 Воинственныхъ властителей своихъ.

И много насъ, наслѣдниковъ варяга,
 Но мудрено тягаться съ Годуновымъ:
 Онъ привязалъ и страхомъ, и любовью,
 И славою всѣ русскія сердца.

— Онъ смѣлъ, — вотъ все... А мы... Но тише.
 Видишь, —

Народъ идетъ, разсыпавшись, назадъ...

¹² Да, много насъ... III

Сцена II (стр. 268).

¹ О, Господи! Кто будетъ нами править?
 — [Онъ обѣщалъ съ боярами рядить
 По прежнему].

— А царство безъ царя

Какъ устоять? Подымется раздоръ,
 А хищный ханъ набѣгъ опять готовитъ
 И явится внезапно подъ Москвой.
 Кто отразитъ поганые полки?
 Кто сдвинетъ Русь въ грозящую дружину?
 О, горе намъ!

— Но вотъ, верховный дьякъ
 Выходитъ намъ вѣщать рѣшеніе думы.
 — Послушайте Щелкалова! Молчать!
 (Щелкаловъ).

Бояре всѣ соборомъ положили... I.
² Предшествуемъ хоругвями святыми,
 Иконами Владимірской, Донской,
 Воздвигнется, а съ нимъ синклить, бояре,
 И сонмъ бояръ, и выборные люди,
 И весь народъ московскій православный:
 Мы всѣ пойдемъ въ послѣдній разъ Бориса
 Въ слезахъ молить, да царствуетъ надъ нами,
 Да сжалится надъ сирю Россіей.
 Идите же вы съ Богомъ по домамъ,
 Затеплите всенощную лампаду,
 Молитесь, — да ниспошлетъ отраду
 Господь своимъ *) рабамъ... I.

Сцена III (стр. 269).

Эта сцена, выпущенная въ изд. 1831 г., явилась только въ Посм., IX, 193, съ пропускомъ стиховъ, отмѣченныхъ цензурою III Отдѣленія.

¹ Съ толпой вельможъ. I.

² Не плачь, не плачь! Агу! Вотъ бука, бука,
 Отдамъ тебя. Агу, не плачь, не плачь!
 — Народъ завылъ... О чемъ ты плачешь, баба?
 — А какъ намъ знать? То вѣдаютъ бояре, —
 Не намъ чета! Ну, что жъ? Какъ должно плакать,
 Такъ и примолкъ! Вотъ, бука съѣсть тебя!
 Плачь, баловень! I.

³ Главы церквей и самые кресты
 Унизаны народомъ любопытнымъ.
 Смотри, смотри: всѣ падаютъ, какъ волны,
 За рядомъ рядъ... I.

*) Въ рукописи оставленъ пробѣлъ.

⁴ Начиная съ этого стиха и до словъ: „Что тамъ еще?“
отмѣчено въ рукописи III знакомъ NB.

⁵ Заплачемъ же и мы.

Я силюсь, братъ,

Да не могу.

— Я тоже. Нѣтъ ли луку?

Потремъ глаза.

— Нѣтъ, я слюней помажу. *) I.

Въ Посм. это мѣсто сокращено такъ:

Заплачемъ, братъ, и мы!

— Да слезъ-то нѣтъ.

Что тамъ еще?

— Да кто ихъ разбереть!

⁶ Онъ воспріялъ вѣнецъ! Онъ согласился!

Борись нашъ царь! Царь! Слава! Слава!

Слава! I.

Сцена IV (стр. 272).

¹ Внемлите, — ты, владыко, вы, бояре! I.

² Наслѣдую великимъ Юаннамъ,

[Прославившимъ державною рукою
Столь много лѣтъ страдавшую Россію...]

³ на слезы слугъ твоихъ... I.

⁴ Служите мнѣ, какъ вы царю служили,

Когда служилъ я съ вами наравнѣ... I.

⁵ Шуйскій. О, государь! Мы всѣ твои рабы!

Не измѣнимъ присягѣ, нами данной! .

Бояре. Не измѣнимъ присягѣ, нами данной!.. I.

⁶ Всѣмъ вольный входъ въ великія палаты,

Всѣ званые, всѣ гости дорогіе!.. I.

⁷ пошелъ въ Дѣвичье поле,

И мы одни остались въ Москвѣ, —

Ты говорилъ... I.

⁸ Здоровѣе бывшее забывать.

Но — чу! Народъ привѣтствуетъ царя... I.

Сцена V (стр. 274).

¹ Исполню долгъ, мнѣ Богомъ завѣщанный,

И въ памяти навѣки успокою

*) Въ I приписано сбоку:

Да не могу. Дай, ущипну тебя

Иль вырву клокъ изъ бороды. Молчи,

Не во время ты шутишь! Нѣтъ ли луку?

Земное все, — въ могилу нисходя,
 Оставлю трудъ смиренный, безмянный.
 Найдеть его монахъ трудолюбивый... I.
 2) Пречистую смиренно умоляютъ.
 Но близокъ день, лампада догораетъ...
 Еще одно ужасное преданье.
 Борисъ, Борисъ! Престола ты достигъ,
 Исполнились надменные желанья!
 Вокругъ тебя — послушные рабы,
 Всѣ съ трепетомъ твоей гордыни служить,
 Но счастья нѣтъ твоей душѣ преступной,
 И ты забылъ младенца кровь святую.
 А въ келии безвѣстное перо
 Здѣсь на тебя доносъ безмолвный пишетъ,
 И не уйдетъ злодѣйство отъ суда
 И на землѣ, какъ въ вышнихъ передъ Богомъ!

.....
 Какъ быстро, какъ неясно
 Минувшее проходитъ предо мной!
 Давно ль оно неслось, событій полно,
 Какъ океанъ, усѣянный волнами, —
 И какъ теперь безмолвно, безмятежно...
 Передо мной опять выходятъ люди,
 Уже давно покинувшіе міръ, —
 Властители, которымъ былъ покоренъ,
 Князья, враги и старые друзья,
 Товарищи мои въ пирахъ и битвахъ
 И въ сладостныхъ семейственныхъ бесѣдахъ *).
 Какъ ласки ихъ мнѣ радостны бывали,
 Какъ живо жгли мнѣ сердце ихъ обиды!
 Но гдѣ же ихъ знакомый ликъ и голосъ
 И дѣйствія, и страсти **)
 Не много словъ доходитъ до меня,
 Чуть-чуть ихъ слѣдъ ложится легкой тѣнью...
 И мнѣ давно, давно пора за ними... I.

(Черезъ нѣсколько страницъ находимъ краткую замѣтку,

*) Варіантъ:

И недруги, и старые друзья,

Товарищи моей швѣтушей жизни

И въ шумѣ битвъ, и въ сладостныхъ бесѣдахъ...

***) Оставленъ пробѣлъ.

относящуюся къ этой рѣчи Пимена: „Приближаюсь къ тому времени, когда земное перестало быть для меня занимательнымъ...“)

Три раза въ ночь злой врагъ меня будилъ: .
 Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
 Меня вела на башню; съ башни той
 И видѣль я Москву, какъ муравейникъ.
 Народъ, шумя, на площади кипѣль
 И на меня указываль со смѣхомъ...
 И тотъ же сонъ три раза видѣль я,
 И три раза я падалъ съ той же башни...
 Чудесный сонъ...
 Проснусь, гляжу, — и все передъ лампадой
 За хартіей святой старикъ сидитъ,
 [То думаетъ, то пишетъ]
 И во всю ночь онъ не смыкаль очей...

4 [Минувшихъ лѣтъ онъ пишетъ повѣсть]
 Какъ я люблю его спокойный ликъ,
 Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
 Онъ лѣтопись свою ведетъ! И часто
 Я угадать хотѣль, о чемъ онъ пишетъ:
 О битвахъ ли, о казняхъ Іоанна?
 О мятежахъ новгородской воли?
 О [гибельномъ] владычествѣ татаръ?
 О славѣ ли святой Руси? Напрасно!
 Все тотъ же видъ, холодный, величавый;
 Ни на челѣ высококъ, ни во взорахъ
 Нельзя прочесть его завѣтныхъ думъ;
 Такъ мудрый дьякъ, въ приказѣ посѣдѣлый,
 Спокойно зригъ на правыхъ и виновныхъ,
 Добру и злу внимая равнодушно,
 Не вѣдая ни гнѣва, ни любви... I.

5 Святыи отецъ. I.

6 Святыи отецъ, — отъ вечера до утра
 Ты все писалъ... I.

7 видѣній райскихъ будутъ... I.

8 если я,
 На хладный одръ монаха отходя,
 Не сотворю... I.

⁹ Мой слабый сонъ мечтаньемъ врагъ смущаетъ... I.

¹⁰ плѣняетъ слава, роскошь... III.

¹¹ Противу ихъ... III.

¹² Златый вѣнецъ... III.

¹³ игуменомъ смиреннымъ. III.

¹⁴ игумену и братьи... III.

¹⁵ И схимію честную восприму. III.

¹⁶ Ср. въ стихотвореніи о Мицкевичѣ (II, 194):

О, Боже! Возврати

Твой миръ въ его озлобленную душу!

¹⁷ На нѣкое былъ посланъ послушанье... III.

¹⁸ Вдругъ между ихъ... III.

¹⁹ народъ имъ загремѣлъ. III.

²⁰ Я лѣтопись мою... III.

²¹ За этой сценой слѣдуетъ въ рукописи III откинутая Пушкинымъ при печатаніи сцена: „Монастырская ограда“. Она помѣщена въ концѣ пьесы, стр. 355.

СЦЕНА VII (стр. 282).

¹ чего желаетъ онъ? II; въ III исправлено карандашомъ: „о чемъ гадаетъ“.

² Даровъ любви... II; въ III исправлено: „Утѣхъ“.

СЦЕНА VIII (стр. 284).

¹ Бродяги въ видѣ чернецовъ. Изд. 1831.

² Пушкинъ нѣсколько разъ мѣнялъ пѣсню монаховъ: въ рукоп. II Мисаиль поетъ: „Ахъ, любя, ты любя моя“, а Варлаамъ продолжаетъ: „Посмотри-т-ка ты, любя на меня“, въ III первый поетъ: „Ты проходишь, дорогая, мимо кельи“, а второй продолжаетъ: „Гдѣ неволей добрый молодецъ постригся“; наконецъ, въ изд. 1831 — уже разногосица: Мисаиль затягиваетъ: „Какъ во городѣ было во Казани“, а Варлаамъ — свое: „Молодой чернецъ постригся“.

³ Начиная съ этой фразы и до словъ Григорія: „Да кого жъ имъ надобно?“ (стр. 287) все отмѣчено въ рук. III знакомъ NB.

⁴ Это выраженіе въ изд. 1831 пропущено. „Кобылу нюхалъ“ значить — былъ битъ кнутомъ или плетьюми на „кобылѣ“, т. е. на деревянной доскѣ, къ которой привязывали наказываемыхъ.

⁵ По разсказу А. Н. Вульфа (Майковъ, Пушк., 221), эту приговорку Пушкинъ перенялъ у Святогорскаго архимандрита, который прїѣзжалъ въ Михайловское для „назиданія“ ссыльнаго поэта.

⁶ Зачеркнуто карандашемъ: „И съ примѣтами того Гришки“. Ш.

⁷ Отстаньте, сукины дѣти! II; Отстаньте, бл . . . ны дѣти! Ш.

Сцена IX (стр. 293).

¹ Весь этотъ монологъ Пушкина въ рукописи Ш отмѣченъ знакомъ NB.

² Во всѣхъ изданіяхъ опечатка: „Что на полу...“

Сцена X (стр. 298).

¹ держитъ географическую карту — Ш. Оригиналъ этой карты неизвѣстенъ; она издана въ 1614 г. голландцемъ Герритсомъ. См. статью Н. Д. Чечулина: „О такъ наз. картѣ царевича Ѳедора Борисовича Годунова“, въ Ж. М. Нар. Пр. 1903, апр., ч. 346, стр. 335 - 344.

² своего королевича. II.

³ не сулила... Ш.

⁴ Что скажешь мнѣ, Семень Ильичъ?

— Сегодня... Ш

⁶ Вокругъ его... Ш.

Сцена XI (стр. 306).

¹ не будетъ затрудненій — Ш.

² вся сѣверная церковь — II; въ Ш слова „вся сѣверная“ зачеркнуты и сверху написано карандашемъ: „и вся восточна“.

³ Аминь! II.

⁴ Шляхтичъ Собаньскій былъ въ Одессѣ соперникомъ Пушкина въ ухаживаніи за г-жей Ризничъ.

⁵ Въ рукописи II зачеркнуть весь разговоръ Самозванца съ Хрущовымъ отъ словъ: „Но это кто?“ до обращенія къ казаку; въ изд. 1831 г. это мѣсто читается такъ:

Лишь дайте мнѣ добратся до Москвы,

А тамъ Борисъ расплатится во всемъ.

Ты кто?

— Казакъ; къ тебѣ и пр.

⁶ Этого стиха въ рук. III нѣтъ.

⁷ Хватая — III.

⁸ латинскій музы голось — III.

Сцена XII (стр. 321).

Эта сцена, пропущенная въ изд. 1831, явилась только въ Посм., IX, 196.

¹ превыше онъ похвалъ — Посм.

Сцена XIII (стр. 315).

¹ ужъ онъ въ ея сѣтяхъ.

Идетъ, идетъ, — и съ панною Мариной! III.

² Музыки громъ... (изд. 1831)

Мазурки громъ не подзываетъ насъ... II.

Сцена XIV (стр. 317).

По словамъ П. В. Анненкова (Мат., 112), Пушкинъ разсказывалъ, что эту сцену онъ обдумалъ всю, возвращаясь верхомъ изъ Восѣдной деревни. Какое-то обстоятельство помѣшало ему записать ее сейчасъ по прїѣздѣ, а когда онъ принялся за нее черезъ двѣ недѣли, многія черты уже сгладились въ его памяти. Онъ говорилъ потомъ друзьямъ своимъ, восхищавшимся этой встрѣчей страстнаго Самозванца съ хитрой Мариной, что первоначальная сцена, совершенно оконченная въ умѣ его, была несравненно выше, несравненно превосходнѣе той, какую онъ написалъ.

¹ Нѣтъ, это страхъ. День цѣлый ожидалъ... изд. 1831.

² A parte III.

³ Виновенъ я; но не тебѣ, Марина... II

Сцена XV (стр. 325).

¹ Забывъ отцомъ несенныя обиды,

Его вину за гробомъ искупилъ:

Ты кровь излить... II.

² Ты возвратить... II.

Сцена XVI (стр. 327).

¹ Зачеркнуто: „безпечнымъ“ и карандашемъ написано: „усерднымъ“ III.

² въ желѣзной клѣти III.

³ изъ кладезовъ святыхъ III.

- ⁴ Народъ и такъ [волнуется] безумно... III.
⁵ не время [воспалить]... III.
⁶ когда [прикажешь] ты... III.
⁷ Прошу [теперь] пожаловать въ палату... III.
⁸ [Какъ хладный] потъ... III.
⁹ [не смѣлъ пошевелиться]. III.

СЦЕНА XVII (стр. 331).

- ¹ Тебѣ любо, заморскому коршуну... III.
² Diable, il y fait chaud! Ce diable de samozvanets, comme il s'appelle, est un brave à trois poils, — изд. 1831. Въ рукописи III это мѣсто, написанное, какъ напечатано у насъ въ текстѣ, отмѣчено знакомъ NB.

СЦЕНА XVIII (стр. 334).

- ¹ [Зашумѣли]. Не царь ли? III.
² Имя „Николка“ въ изд. 1831 г. вездѣ замѣнено словомъ: „юродивый“.
³ Мѣсяць свѣтитъ... II.
⁴ Юродивый, вставай,
 Бай, бай, бай,
 Богу помолися. III.
⁵ Нѣтъ, нѣтъ, не надо молиться... III.

СЦЕНА XIX (стр. 336).

- ¹ Богъ вѣсть: вѣдь о тебѣ... III.
² въ вашемъ войскѣ? III.
³ [Да] говорятъ... III,
⁴ Да, — [издали!] А какъ дойдетъ до драки... III.

СЦЕНА XX (стр. 340).

- ¹ Несчастный другъ! III.
² И [оживетъ]. III.
³ Мой [добрый] конь! III.
⁴ въ тучу боя III.
⁵ [Какъ] зыбкіе колосья... III.
⁶ Я [васъ] ужо!.. III.
⁷ А дѣло было бѣ наше... III.
⁸ Я было смялъ... III.
⁹ какъ мирное дитя... III.
¹⁰ И намъ, друзья, не должно унывать. III.

Сцена XXI (стр. 342).

- ¹ Смѣются имъ... III.
- ² Лишь дай сперва [волненіе] народа... III.
- ³ Эти семь стиховъ въ рукописи III отмѣчены знакомъ NB.
- ⁴ Я [за вѣнецъ] одинъ... III.
- ⁵ не [ослѣпляйся] ложно... III.
- ⁶ О милый [другъ!] III.
- ⁷ А! Схимія... святое постриженье... III.

Сцена XXII (стр. 348).

- ¹ Въ III зачеркнуто на ходу письма:
[Пока Борисъ еще былъ живъ, Димитрій
Въ разговоръ съ тобою не вступалъ;
Теперь] тебѣ онъ дружбу предлагаетъ...
- ² Ему [престолъ] уступить... III.
- ³ престола не [уступить] III.
- ⁴ Галлицизмъ: „*regarde la confiance*“.

Сцена XXIII (стр. 351).

- ¹ Онъ къ вамъ идетъ съ любовію и миромъ... III.
- ² [Конечно], нѣтъ. III.
- ³ Вязать! Вязать!.. III.

Сцена XXIV (стр. 252).

¹ Обыкновенно печатается: „крики замолкли.. шумъ продолжается“; но послѣднія два слова, противорѣчащія двумъ первымъ, въ рукописи II зачеркнуты.

² Въ изд. 1831 г.: Народъ безмолвствуетъ. Но въ обѣихъ рукописяхъ — II и III — драма оканчивается такъ, какъ у насъ напечатано. Трудно сказать рѣшительно вызвана ли эта замѣна требованіями цензуры или сдѣлана Пушкинымъ добровольно; нельзя, однако, упускать изъ виду, что официальный критикъ находилъ привязанность народа къ Самозванцу „предосудительною въ политическомъ отношеніи“. Съ другой стороны, вариантъ рукописей: „Народъ кричитъ“ и т. д. находитъ себѣ косвенное подтвержденіе въ отзывахъ о „черни“ Бориса (с. VII) и Шуйскаго (с. X) и напоминаетъ поведение толпы въ „Генрихъ VI“ Шекспира (ч. II, д. IV, с. 8): Букингамъ и Клиффордъ обращаются къ народу съ увѣщаніемъ отстать

отъ бунтовщика Када и провозгласить: „Да здравствуетъ законный государь!“ Народъ кричитъ: „Да здравствуетъ король!“ Вслѣдъ затѣмъ Кадъ раздражается бранью и упреками, — и тотъ же народъ кричитъ: „Мы идемъ за Кадомъ!“ А послѣ новой рѣчи Клиффорда — новые крики: „Да здравствуетъ Клиффордъ! Мы идемъ за королемъ!“ Заключительная сцена трагедіи Пушкина могла быть под- сказана изученіемъ Шекспира...

Х. Графъ Нулинъ (стр. 359 - 378).

Варианты изъ рукописи г. Онѣгина и изъ печатныхъ изданій:

¹ Рук.: У эмигрантки *Falbala*

(Той, что мадамою была
При маленькомъ Наполеонѣ).

² Рук.: Любовь Элизы и Армана

Или Несчастья двухъ семей —
(Романъ классическій, старинный,
Отмѣнно длинный, длинный, длинный,
Отрада дѣвушки невинной,
Покойной тетушки моей).

³ Рук.: Но мимо, мимо звонъ несется...

⁴ Рук.: И говорить: „*Monsieur, courage*“.

⁵ Рук.: Ужь, ободрясь вина стаканомъ,
Французъ кряхтитъ за чемоданомъ,
Ужь изъ передней двое слугъ
Несутъ отвинченный сундукъ.
Пока весь домъ, шума, хлопочеть...

(Ср. стр. 378).

⁶ Рук.: Теперь въ Петрополь ѣдетъ онъ
Съ запасомъ фраковъ, панталонъ,
Шляпъ, вѣровъ, плащей, корсетовъ...

⁷ Сѣв. Цв. и изд. 1827: Донинѣ поддержаль одинъ.

⁸ Галлицизмъ: *Permettez-moi de voir votre pature*.

⁹ Рук.: Проходитъ вечеръ незамѣтно.

¹⁰ Сѣв. Цв. и изд. 1827: Порою барина смѣшитъ.

¹¹ Къ этому стиху Надеждинъ въ Вѣстн. Евр. 1829, № 3, сдѣлалъ такое примѣчаніе: „Кто не чувствуетъ, что послѣднее слово есть вставка, замѣнившая другое, равно созвучное, но болѣе идущее къ дѣлу слово, принесенное поэтомъ съ истинно героическимъ самоотверженіемъ въ

жертву тиранскому приличію?“ Въ статьѣ „О чутьѣ критика Имярекъ, живущаго на Патріаршихъ прудахъ“, — въ Сынѣ Отеч. 1829, ч. 124, стр. 319, по этому поводу было замѣчено: „Подобный подобнымъ любитъся... Г. Критикъ подозрѣваетъ, что принесенный Нулину слугою будильникъ замѣнилъ другое слово: какое тонкое чутье!“

¹² Ср. строфу XIII первой главы „Онѣгина“.

¹³ Галлицизмъ: Ouvrant des grands yeux.

¹⁴ Сѣв. Цв. и изд. 1827:

...И дерзновенною рукой
Уже руки ея коснулся,
Но тутъ опомнилась она,
Гнѣвъ благородный въ ней проснулся,
И, честной гордости полна
(А впрочемъ, можетъ быть, и страха)...

¹⁵ Въ рук. г. Онѣгина весь этотъ эпизодъ изложенъ иначе:

Ему не спится — бѣсъ не дремлетъ,
И графа неизвѣстный жаръ
Сильнѣй часъ отъ часу объемлетъ.
Онъ весь кипитъ, какъ самоваръ,
Пока не отворила крана
Хозяйка нѣжною рукой,
Иль какъ отверстіе вулкана,
Или какъ море предъ грозой,
Или... сравненій подъ рукой
У насъ довольно, но сравненій
Бойся мой смиренный геній:
Живѣй безъ нихъ рассказъ простой.
Въ потемкахъ пылкій нашъ герой
Теперь воображаетъ живо
Хозяйки взоръ краснорѣчивый,
Немножко круглый, полный станъ,
Пріятный голосъ, прямо женскій,
Лица румянецъ деревенскій
(Деревня лучше всѣхъ румянъ).
Графъ помнитъ кончикъ ножки нѣжной
И говорить: „О, точно такъ!
„Она мнѣ ручкою небрежной
„Пожала руку... я дуракъ,
„Я долженъ былъ остаться съ нею.

„Ахъ! разумѣю, разумѣю:
 „Насъ ожидаютъ — и теперь
 „Отворена, конечно, дверь.“
 И тотчасъ, на себя накинувъ
 Свой пестрый шалевый халатъ
 И стулъ въ потемкахъ опрокинувъ,
 Въ надеждѣ сладостныхъ наградъ,
 Къ Лукреціи Тарквиніи новый
 Отправился, на все готовый. —
 Графъ мѣстной памяти *) органъ
 Имѣлъ по Галлевой примѣтѣ:
 Онъ въ темнотѣ, какъ и при свѣтѣ,
 Нашелъ бы дверь, окно, диванъ.
 Онъ чуть дыханье переводить,
 Желаньемъ пламеннымъ томимъ,
 (Или боязнью) — полъ подъ нимъ
 Скрипнуть — украдкой онъ подходитъ
 Къ безмолвной спальнѣ. „Здѣсь она
 „Ждетъ, нетерпѣніемъ полна,
 „И умолить ее не трудно,“ —
 Глядитъ — однако жъ, это чудно!
 Дверь заперта — но графъ слегка
 Жметъ ручку мѣдную замка.
 Дверь тихо, тихо уступаетъ —
 Взмошелъ — въ тазу свѣча горитъ,
 Хозяйка мирно поживаетъ
 Иль притворяется, что спитъ.
 Надѣясь твердо на прошенье,
 Графъ падаетъ къ ея ногамъ...
 Прошу я петербургскихъ дамъ
 Себѣ представить пробужденье
 Натальи Павловны моей
 И разрѣшить, что дѣлать ей.
 Она, открывъ глаза большіе,
 Глядитъ на графа. Нашъ герой
 Ей сыплеть чувства выписныя
 И дерзновенною рукой
 (Совсѣмъ смутивъ ее сначала)
 Уже коснулся одѣяла —

*) „Мѣстной памяти“ подчеркнуто Пушкинымъ.

Но что же дѣлаетъ она?
 Смятенья, ужаса полна,
 Она, коль вѣрить хронографу,
 Даетъ довѣрчивому графу,
 ...Пощечину, да, да!
 Я правду чисту повѣствую —
 Пощечину, да вѣдь какую!
 Сгорѣлъ графъ Нулинъ со стыда.
 Любовью, бѣшенствомъ пылая,
 Не знаю, чѣмъ бы кончилъ онъ,
 Но шпиць...

¹⁶ Рук.:

Къ хозяйкѣ какъ ему явиться,
 Не покраснѣвъ? Что скажетъ ей?
 Не лучше ль — мыслить — въ путь пуститься?
 Да не готово колесо —
 Какая мука это все!
 За чьи грѣхи я погибаю?
 Но вотъ его позвали къ чаю.

¹⁷ Рук.: Смѣялся Вѣринъ...

XI Сцена изъ Фауста (стр. 379 - 387).

¹ Эти два стиха не были пропущены высшею цензурою, на разсмотрѣніе которой Пушкинъ представлялъ свои произведенія, и до 1861 г. не печатались. См. Соч. Плетнева, III, 345.

XII. Полтава (стр. 389 - 418).

¹ Три строчки эпиграфа въ поэмѣ взяты изъ 1-й строфы „Мазепы“ Байрона. Въ рук. Моск. Муз. № 2371, л. 70 об., Пушкинъ выписалъ всю эту строфу и затѣмъ, какъ видно изъ листка, найденнаго Шляпкинымъ (Неизд. бум., 11), хотѣлъ перевести половину ея стихами: „То было вскорѣ послѣ боя“, и пр., см. II, 480; но переводъ остался неоконченнымъ, только въ видѣ подготовительнаго черняка: „Власть и слава измѣнили, подобно людямъ, ихъ суетнымъ поклонникамъ, перешли на сторону торжествующаго царя...“

¹ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, въ Библиографѣ 1888 стр. 379, указалъ, что это — повѣсть Е. Аладьина „Мазепа“, напеч. въ Невск. Альманахѣ на 1828 г. Здѣсь Мазепа велитъ іезуиту утопить няньку, которая способство-

вала бѣгству Маріи (такъ и здѣсь названа Матрена Кочубей), подъ видомъ казака проникаетъ въ темницу Кочубея, уговариваетъ его бѣжать; Марія, вооруженная, идетъ къ Мазепѣ: тотъ пугается и обманываетъ ее, обѣщая помиловать отца и пр.

Посвященіе (стр. 401). Рук. Моск. Муз. № 2371, лл. 70 - 69 об., представляетъ слѣдующіе варианты:

¹ слуха твоего

² безъ привѣта

³ О, если примешь тайны звуки

Мечты, преданныя тебѣ, —

Вѣрь, ангель, что во дни разлуки...

⁴ „печальная“ — зачеркнуто и написано: далекая пустыня.

Пѣснь первая (стр. 402 - 418).

¹ Ср. въ Бахч. Фонтанѣ (стр. 184): „Вокругъ лилейнаго чела ты косу дважды обвила.“

² Въ рук. № 2372: Друзья [мятежной новизны]

³ Галлицизмъ: „Il vengera sa fille déshonorée.“

⁴ Въ рук.: [Доносъ] обдуманъ...

⁵ Ср. II, 458: „буду я у вашихъ ногъ, въ тѣни украинскихъ черешень.“

⁶ Въ рук. слѣдуютъ еще стихи, исключенные при печатаніи поэмы:

Убитый ею, къ ней одной
Стремилъ онъ страстныя желанья,
И горькій ропоть, и мечтанья
Души кипящей и больной.
Еще хотъ разъ ее увидѣтъ
Безумной жаждой онъ горѣлъ;
Ни презирать, ни ненавидѣтъ
Ее не могъ и не хотѣлъ.
Но ежели средь мутной думы
Мазепу онъ воображалъ,
То всѣ черты его угрюмы
Смѣхъ ярый звѣрски искажалъ.

⁷ Казакъ не [смѣетъ] отдохнуть

Ни въ [бѣлой хатѣ], ни въ дубравѣ...

⁸ Галлицизмъ: „Il avait refusé son assistance.“

Пѣснь вторая (стр. 418 - 434).

¹ Въ черновой:

Мнѣ пережить тебя не можно,
Но за отца тобой мнѣ должно..

и опять:

Мнѣ пережить тебя нельзя,
Но жертвовать должна тобою. .

² Но не отшельника святого

Миролюбивыя черты, —
Среди тюремной темноты
Онъ гостя узнаеть инога.

Пѣснь третья (стр. 435 - 449).

¹ Папа Сикстъ V.

² Ср. въ Русланѣ, стр. 58: „На встрѣчу утреннимъ лучамъ постель оставила Людмила.“

³ Ср. стр. 102: „То былъ Русланъ. Какъ Божій громъ нашъ витязь палъ на басурмана...“

⁴ Ср. описаніе битвы въ Русланѣ, стр. 100 - 101.

⁵ Эти три стиха напечатаны съ поправкой Жуковского. Въ рукописи было:

Среди волненья и тревоги
Вожди, спокойные какъ боги,
Очами ясными глядятъ...

⁶ Далѣе въ рук. № 2372 слѣдуетъ еще 16 стиховъ, зачеркнутыхъ Жуковскимъ, рукою котораго приписано „Не набирать этого.“ Вотъ эти стихи:

Но вихрю мыслей предана,
„Ей-Богу,“ — говорить она, —
„Старуха лжетъ. Сѣдой проказникъ
„Тамъ, въ башнѣ, спрятался. Пойдемъ,
„Не будемъ горевать о немъ,
„Пойдемъ... Какой сегодня праздникъ?
„Народъ бѣжитъ, народъ поетъ, —
„Пойду за ними; я на волѣ,
„Меня никто не стережетъ...
„Алтарь готовъ; въ веселомъ полѣ
„Не кровь... о, нѣтъ! вино течетъ!
„Сегодня праздникъ: разрѣшили...
„Женихъ — не крестный мой отецъ;
„Отецъ и мать меня простили:

„Идетъ невѣста подѣ вѣнецъ!..“

Но вдругъ, потупя взоръ безумный,
Видѣнья страшнаго полна, —

„Однако жь, — говоритъ она... и пр.

⁷ Я помню праздникъ этотъ шумный,

Я помню мертвыя тѣла...

⁸ Могила Мазепы самъ Пушкинъ разыскивалъ въ 1824 г. въ Бендерахъ и спрашивалъ о ней стараго казака Мыколу Искру, но ничего не могъ добиться. См. Воспоминанія Липранди въ Рус. Арх. 1866, ст. 1459, 1461 - 65.

⁹ Надпись напечатана нами съ исправленіемъ ошибокъ, сдѣланныхъ въ томъ источникѣ, откуда Пушкинъ ее выпи-салъ.

XIII. Домикъ въ Коломнѣ (стр. 451 - 467).

Варианты изъ рук. № 2376 А.

. Отчего? спрошу.

² Кн. С. А. Шихматовъ, о которомъ см. I, 393, не употреблялъ въ своихъ стихахъ риѣмъ на глаголы, почему Батюшковъ и назвалъ его въ своей сатирѣ „Пѣвецъ въ бесѣдѣ славенороссовъ“, — „безглагольнымъ“.

³ Такъ пишетъ ***, такъ и я пишу.

⁴ дождавшихся увѣчья.

⁵ Какъ лошадей за шерсть ихъ или статью...

⁶ У насъ война! Гвардейцы затяжные...

(Строфы IV - IX не были въ печати при жизни Пушкина).

⁷ мы риѣмы заморили...

⁸ Послѣ этой строфы въ рукописи зачеркнуто:

Октавы трудны! Взявъ уловку лисью,

Сказать я бь могъ, что кисель виноградъ;

Мнѣ, видно, съ ними надѣ парнасской высью

Вѣкъ не бывать! Не лучше ли назадъ

Скорѣй вести свою дружину рысью?

Ужь риѣмами кой-какъ онѣ бренчатъ...

Кой-какъ ужь до конца октаву эту

Я дотянулъ. Стыдъ русскому поэту.

⁹ Послѣ этой строфы зачеркнуто:

Какъ рѣзвая покойница Жако,

Александрійскій стихъ по всѣмъ суставамъ

Развинченъ, гнется, прыгаетъ легко

И высоко, какъ бѣлка по дубравамъ,
 Ломается проворно и легко,
 На диво всѣмъ парнасскимъ костоправамъ.
 Они ворчатъ: „Уймется ль негодяй?
 „Какой повѣса! Экой разгильдяй!“

¹⁰ Послѣ этой строфы въ рукописи помѣчено: 5 октября.

¹¹ Строфы XV - XXII при жизни Пушкина не были въ печати. Строфа XV первоначально была написана такъ:

И тамъ копышутся себѣ въ грязи
 Густой, болотистой, прохладной, клейкой,
 Кто съ жабой, кто съ лягушкою въ связи,
 Кто ракомъ пятится, кто вьется змѣйкой...
 Но, муза, имъ и въ шутку не грози, —
 Не то тебя покроемъ тѣлогрѣйкой
 Оборванной, и вмѣсто похвалы
 Поставимъ въ уголь „Сѣверной Пчелы“.

„Тѣлогрѣйка“ — намекъ на выраженіе: „душегрѣйка новѣйшаго унынія“ — въ статьѣ И. В. Кирѣевскаго въ альманахѣ Максимовича „Денница“. „Журналисты наши, говоритъ Пушкинъ, подхватили эту душегрѣйку, разорвали на мелкіе лоскутки, и вотъ уже годъ, какъ ими щеголяютъ, стараясь насмѣшить свою публику...“

Въ строфѣ XVIII Пушкинъ, желавшій напечатать свою повѣсть безъ подписи, намекаетъ на свое авторство, вспоминая слова Руслана: „Я ѣду, ѣду, не свищу, а какъ наѣду, — не спущу!“

¹² Эминъ, Ѳеодоръ Александровичъ (1735 - 1770), плодовитый писатель, издатель „Адской Почты“ и авторъ многихъ романовъ, изъ которыхъ въ особенности славились „Похожденія Мирамонда“.

¹³ „Стонетъ сизый голубочекъ,
 Стонетъ онъ и день и ночь:
 Его миленькій дружочекъ
 Улетѣлъ навѣки прочь.“ —

очень распространенный въ свое время романсъ И. И. Дмитриева.

„Выйду ль я на рѣченьку,
 Посмотрю на быстрюю, —
 Унеси ты мое горе,
 Быстра рѣченька, съ собой* —

также очень популярная пѣсня Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго.

¹⁴ „Кто знаетъ голоса русскихъ народныхъ пѣсень, — говоритъ Радищевъ („Путешествіе“, глава „Софія“), — тотъ признается, что есть въ нихъ нѣчто, скорбь душевную заключающее.“

¹⁵ По словамъ Н. С. Маевскаго („Семейныя воспоминанія“ въ Истор. Вѣстн. 1880, № 10, стр. 399), это была графиня Екатерина Александровна Стройновская, урожд. Буткевичъ. Ср. Переписку Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, II, 693.

XIV. Скупой рыцарь (стр. 469 - 492).

Заглавный листъ рукописи Муз. № 2376 В имѣетъ такой видъ: сверху крупными буквами старательно написано: „СКУПОЙ“; затѣмъ, нѣсколько отступя, эпитафъ:

Престань и ты жить въ погребахъ,

Какъ кротъ въ ущельяхъ подземельныхъ.

Державинъ.

Внизу — англійское заглавіе, въ скобкахъ: (the covetous Knight).

Эпитафъ и англійское заглавіе перечеркнуты нѣсколькими косыми чертами. Приводимые ниже изъ этой рукописи варианты въ прямыхъ скобкахъ — зачеркнуты поэтому, а безъ скобокъ — исправлены имъ при печатаніи драмы.

¹ [Самъ герцогъ звалъ меня на балъ. Матильда Тамъ будетъ, — нѣтъ, во что бы то ни стало]

² А все же онъ въ долгу...

³ А грудь ему не стоила двухъ [су] ливровъ.

⁴ Прелестная невольно закричала...

⁵ [Безумной] храбрости моей и силы!

⁶ [Геройства моего виною — скупость!]

⁷ А, дружище!

⁸ Любезный жидъ...

⁹ [въ ихъ нуждѣ] посильно помогая...

¹⁰ [Съ тобой червонцы?]...

¹¹ [голландскихъ] богачей...

¹² И [юнопу]...

¹³ Да, на бароновыхъ похоронахъ

(Высокомощнаго владѣльца) больше

Прольется денегъ, нежь слезъ.

— Ты правъ.

¹⁴ [Сюда, въ подвалъ, мою привычну дань]...

¹⁵ подымутся чертоги...

¹⁶ [Придетъ злодѣйство въ рубищѣ кровавомъ]...

¹⁷ передъ [моимъ] окномъ... [день цѣлый подъ]
ОКНОМЪ...

¹⁸ И совѣсть никогда не грызла, — этотъ
Когтистый звѣрь, скребущій сердце, — этотъ
Незванный гость...

¹⁹ Стыдъ бѣдности, нужду, ... когда бъ не крайность...

²⁰ [Какъ давно мы съ вами
Не видѣлись!] Вы дворъ забыли мой.

²¹ Его къ весельямъ, [дамамъ] и турнирамъ...

²² Это что-то странно.

²³ Молчите, — ты, безумецъ,
И ты, тигренокъ! Полно. Бросьте это.
Такъ и впился въ нее когтями, извергъ!
Отдайте мнѣ перчатку эту.

— Жаль!

— Подите, и пр.

²⁴ мои колѣни...

Ср. замѣтку П. В. Петрова: „О текстѣ драмы П. „Скупой Рыцарь“ въ Литер. Вѣстн. 1901, т. I, 432.

По вопросу объ источникѣ „Скупого Рыцаря“ А. А. Чебышовъ, въ замѣткѣ, напеч. въ сборникѣ „Памяти Л. Н. Майкова“ Спб, 1903, стр. 489 - 501, указываетъ на пьесу англійскаго писателя Мильмана (1791 - 1868) „Фаціо“, съ которою Пушкинъ могъ познакомиться въ бывшемъ у него подъ руками парижскомъ изданіи: „The Poetical Works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall“, P. 1829. Въ этой пьесѣ выводится, эпизодически, на сцену старый скряга Бартоло, о которомъ Фаціо, между прочимъ, рассказываетъ: „Онъ любовался сквозь боязливо приподнятую крышку огромнаго сундука на монеты, драгоценности, слитки золота, на блескъ которыхъ падали тусклые лучи фонаря; казалось, будто Новый Свѣтъ, избѣжавъ испанца, высыпалъ все содержаніе своихъ рудниковъ въ эту убогую лачугу. Его хорьковые глаза сладострастно наслаждались этими драгоценностями, подобно сатиру, любующемуся спя-

шей нимфой. И когда ему вдругъ послышался шумъ, онъ поспѣшно захлопнулъ крышку и задулъ фонарь“.

Указанная черта сходства этого разсказа съ сценой въ подвалѣ представляется, однако, незначительною. Гораздо ближе къ монологу стараго Барона стоятъ строфы VIII - X двѣнадцатой пѣсни байроновскаго „Донъ-Жуана“, конечно, также хорошо извѣстныя Пушкину:

„Скряга — поэтъ въ душѣ. Скупость, — эта чистѣйшая изъ страстей, будучи отраженіемъ его золотыхъ слитковъ, для приобрѣтенія которыхъ народы переплываютъ океанъ, — доставляетъ ему блаженство обладанія. Для него слитки изъ темныхъ рудниковъ блещутъ золотыми лучами, брилліанты проливаютъ на него свое сверкающее пламя, а нѣжный блескъ изумрудовъ умѣряетъ цвѣтъ другихъ камней, услаждающихъ его взоры. Ему принадлежать земли обоихъ полушарій. Корабли, плывущіе изъ Индіи, съ Цейлона или изъ дальняго Китая, везутъ ему благовонные продукты далекихъ странъ; земля дрожитъ подъ безконечными обозами, нагруженными его собственностью, — дарами Цереры; его виноградники наливаются, какъ уста Авроры; его погреба могли бы служить жилищемъ для королей, — а онъ, чуждый всѣхъ порывовъ чувственности, довольствуется тѣмъ, что повелѣваетъ всѣмъ его окружающимъ, какъ нравственный неограниченный монархъ. Кто знаетъ, — можетъ быть, въ его умѣ гнѣзятся грандіозные проекты, въ родѣ основанія коллегіи, устройства скачки, сооруженія госпиталя или церкви, желаніе оставить послѣ себя величественное зданіе, увѣнчанное бюстомъ его исхудалой фигуры? Можетъ быть, онъ вырабатываетъ планъ освобожденія человѣчества съ помощью именно того самаго золота, которое для него составляетъ все? Или, наконецъ, можетъ быть, онъ просто хочетъ сдѣлаться богатѣйшимъ человѣкомъ въ странѣ и затѣмъ погрузиться въ наслажденіе счета денегъ?“

XV. Моцартъ и Сальери (стр. 493 - 508).

¹ Глюкъ, Христіанъ-Вилибальдъ, знаменитый нѣмецкій композиторъ (1714 - 87), оперы котораго имѣли огромный успѣхъ въ Парижѣ.

² Пиччини, Никколо (1728 - 1800), итальянскій компо-

зиторъ, прославившійся своими операми въ Римѣ и Парижѣ. См. I, 391.

³ „Ифигенія въ Авлидѣ“ (1774) и „Ифигенія въ Тавридѣ“ (1779) — двѣ лучшія оперы Глюка.

⁴ *Voi che sapete che cosa è amor* — арія Керубина изъ „Женитьбы Фигаро“ Моцарта.

⁵ Гайднъ, Іосифъ (1732 - 1809), знаменитый нѣмецкій композиторъ, авторъ многочисленныхъ симфоній, ораторій („Сотвореніе міра“ и „Четыре времени года“), сочинившій также 14 оперъ итальянскихъ и 8 нѣмецкихъ.

⁶ Бомарше (Пьеръ - Огюсть Каронъ, 1732 - 1799), авторъ знаменитыхъ комедій: „Севильскій Цирюльникъ“ (1775) и „Женитьба Фигаро“ (1784).

⁷ Гоголь, въ письмѣ къ Максимовичу отъ 22 марта 1835 г., говоритъ: „Есть чудная вещь на свѣтѣ: это — бутылка добраго вина. Когда душа твоя потребуеть другой души, чтобы разказать всю свою полугрустную исторію, заберись въ свою комнату и откупори ее, и когда выпьешь стаканъ, то почувствуешь, какъ оживятся всѣ твои чувства“. См. Письма Гоголя, изд. 1901, I, 340.

⁸ Буонаротти, Микель-Анджело (1474 - 1564), гениальный итальянскій художникъ, — скульпторъ, живописецъ и зодчій.

XVI. Каменный Гость (стр. 509 - 548).

Первоначальные варианты рукописи:

¹ Ахъ! Наконецъ...

² Въ плащѣ [и шляпѣ съ перьями, при шпагѣ].

³ Ну, то-то жь!

⁴ Мой [милый] Лепорелло.

⁵ [дивную] пріятность...

⁶ Анненковъ (Соч. Пушк., IV, 461) высказываетъ „положительное убѣжденіе“, что для первой пѣсни Лауры былъ назначенъ романсъ: „Я здѣсь, Инезилья“ (II, 149). Едва ли, однако, необходимо доискиваться, что именно поетъ Лаура въ этой сценѣ: дѣло, вѣдь, вовсе не въ содержаніи пѣсни, а только въ томъ, что Лаура поетъ. По времени написанія, два испанскихъ романса: „Я здѣсь, Инезилья“ и „Предъ испанкой благородной“ (II, 149) близко подходят къ „Каменному Гостю“ и могли назначаться для этой драмы. Что касается третьяго романса: „Ночной зефиръ“ (I, 354),

то онъ былъ написанъ шестью годами раньше, и Пушкинъ едва ли могъ имѣть его въ виду, сочиняя въ 1830 г. свою пьесу.

⁷ Слово: „правда“, по размѣру стиха, лишнее; но въ рукописи оно не зачеркнуто, почему мы и оставили его въ текстѣ.

⁸ См. прим. 6.

⁹ Такъ въ сборникѣ „Сто рус. лит.“; въ другихъ изданіяхъ: „И сторожа кричатъ протяжно, ясно“. В. П. Гаевскій замѣчаетъ, что первая редакція правильнѣе и представляетъ мѣстную черту: и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ испанскихъ городахъ ночные сторожа, возвѣщая о состояніи погоды, кричатъ: *segepo!* или *apublado!* и пр.; да и по смыслу должно быть такъ, потому что ясному кастильскому небу вслѣдъ за тѣмъ противоплагается другое, парижское.

¹⁰ Въ этомъ стихѣ — лишніе два слога.

¹¹ Кого? Ты бредишь! — [Милая плутовка!]

¹² При васъ мое моленье можетъ къ небу...

¹³ съ нимъ соединить.

Выраженіе: „къ нимъ соединить“ представляетъ галлицизмъ.

¹⁴ Такъ это вы молчите?

¹⁵ Діего де-Кальвадо.

¹⁶ И`стать на стражѣ у дверей.

¹⁷ Глубокой мыслью...

¹⁸ Внимая вамъ...

¹⁹ Скажите, въ чемъ же? Въ чемъ?

²⁰ Вы предо мной виновны...

²¹ Но знать желаю.

²² Далѣ зачеркнуто:

Донъ-Гуанъ.

О, какъ она прекрасна въ этомъ видѣ!

Въ лицѣ томленье, взоръ полу-закрѣтъ,

Волненье груди, блѣдность этихъ устъ...

(Цѣлуетъ ее).

Дона-Анна (слабо).

²³ О, ты мнѣ врагъ, и пр.

²⁴ Такъ, — это я. Не правда ль, вамъ описанъ Я извергомъ безсовѣстнымъ? О, Анна!

²⁵ передъ нею

Дрожація колѣна преклонилъ.

- ²⁶ Когда бъ я васъ обманывалъ, сеньора
²⁷ Признался-ль я, сказалъ бы я то имя...
²⁸ Сюда? Узнать могли бы люди васъ...
²⁹ Пожатіе твое! Оставь! Пусти!

XVII. Пиръ во время чумы (стр. 549 - 560).

Буквальный переводъ 4-й сцены I-го дѣйствія трагедіи Вильсона напечатанъ Поливановымъ, Соч. Пушк. III, 361. Мы беремъ изъ него только пѣсни Мери и Президента, такъ какъ все остальное переведено Пушкинымъ очень близко къ подлиннику.

Пѣсня Мери Грей *).

Я гуляла одна по прелестнымъ холмамъ Яро, когда земля была покрыта одеждою іюля. Грустно звучала пѣсня и было холодно, какъ въ прошлогоднемъ гнѣздѣ.

Я смотрѣла на голубое улыбающееся утро: не было видно ни одного облачка; ни малѣйшаго тумана не поднималось къ небу, осѣняя домикъ или прозрачную пеленою повиснувъ надъ зеленымъ деревцомъ, его укрывающимъ.

Съ перваго взгляда угадала я, что жилище то покинуто, что не слышно шаговъ на полу его. О, какъ громко пѣлъ тогда пѣтухъ, между тѣмъ, какъ ему некого было будить тамъ, и дикій воронъ каркалъ на лавкѣ у двери!

Какъ тягостно было это грустное безмолвіе и печальное одиночество! Не слышно было пѣнія дѣвушки, пасущей своихъ овецъ; не встрѣчались мнѣ веселыя группы рѣзвыхъ малютокъ, бѣгущихъ въ школу, только-что проснувшихся ото сна.

Я прошла мимо школы, гдѣ, бывало, когда проходилъ кто-нибудь, окна оживлялись веселыми личиками. Я прислушивалась съ минуту, и не услышала тамъ милаго жужжанія: мрачная ночь погрузила улей въ молчаніе.

Я прошла и мимо пруда, гдѣ бывало на зарѣ раздавались громкіе голоса дѣвушекъ, которыя полоскали свои бѣлыя одежды, а теперь одна пѣна неслась среди общей тишины и не раздавалось громкаго смѣха сквозь шумъ волнь.

Когда мнѣ наскучило бродить, я пошла въ гостиницу, гдѣ, бывало, раздавались скрипка, барабанъ и флейта. То былъ любимый часъ труда, озареннаго улыбкою. Но те-

*) Въ подлинникѣ — на шотландскомъ нарѣчій.

перь пусто и безмолвно стояла зелень, окружающая гостиницу.

На луга, усыпанные желтыми цвѣтами, и на рѣдко воздѣланныя нивы пришли изъ долины всѣми забытыя овцы; голуби ворковали среди деревушки, а ласточки улетѣли къ жилищамъ людей.

Милый Денгольмъ! Не такъ было, когда я жила въ тебѣ! Не былъ ты такъ неподвиженъ и въ послѣдній день недѣли. Никто не былъ тогда такъ печаленъ, чтобы и любовь не оживляла его. Тогда то горе, то смѣхъ играли на лицѣ каждаго.

Грустныя мысли вызываютъ слезы изъ глазъ моихъ при свѣтѣ луны, озаряющемъ бѣлую безмолвную колокольню. Блѣдный прозрачный свѣтъ падалъ на часы, но неподвижная стрѣлка не указывала болѣе часа ночи.

Темная ночь прошла въ слезахъ и столахъ. Я проснулась, а природа была такъ же безмолвна и весела; надъ священной Шотландіей проносилось воскресенье, и небеса во всей красѣ сошли на землю.

Улыбнулось утро — но не раздался звонъ церковнаго колокола; не показались на спускѣ холма ни клѣтчатый платокъ, ни синяя шляпа; церковная дверь заперта, — и не слышно напѣва псалмовъ. И вспомнились мнѣ нѣжные и звонкіе голоса ихъ.

Я взглянула на спокойствіе Смерти въ ея пустынной обители. Безмолвствовалъ жаворонокъ среди этой грустной картины, и пятьдесятъ темныхъ, свѣжихъ могилъ поднимались надъ денгольмскимъ кладбищемъ, которое такъ зеленѣло прошлымъ лѣтомъ.

Младенецъ умеръ на груди матери; и безмолвно стояла колыбель у ея постели. Играя, младенецъ упалъ на руки своихъ братьевъ; на горѣ, въ овчарнѣ, пастухъ лежалъ мертвый.

О! тяжело весною, когда миновала зима, и птицамъ пришло время появиться въ лѣсахъ и поляхъ, когда бѣлая коноплянка и сѣрый дроздъ показываются на желтыхъ листьяхъ, и черный дроздъ поетъ звонко съ верхушки дерева.

Но еще тяжеле, когда среди радостной весны, съ благодарностью улыбающейся небесамъ, прислушаешься — и нигдѣ не слышишь милаго голоса людей, — и мрачна душа челоуѣка въ свѣтлую пору весны.

ПѢСНЯ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ПИРА.

Два флота повстрѣчались на морѣ, и подобно могиламъ, вокругъ разверзались волны. Свирѣпствуетъ битва; моряки падаютъ одинъ за другимъ и исчезаютъ за бортомъ въ волнахъ; раненые поглощаются моремъ вмѣстѣ съ убитыми. Съ каждымъ утопающимъ раздается отчаянный стонъ, а волна яростно тѣшится кровью каждой новой жертвы... Что же послѣ этого чума для моряка, земледѣльца, женщины и мужчины?

Чума посягаетъ насъ, какъ сонъ, и голова наша на подушкѣ, когда чума насъ поражаетъ. Мы идемъ въ ближнюю могилу, опускаясь туда такъ же быстро, какъ хлопья снѣга! Что же въ томъ? Тѣло, лишенное жизни, не страдаетъ болѣе, и стонъ не нарушаетъ спокойствія тюрьмы принявшей плѣнниковъ смерти.

Хоръ.

И потому-то, склоняясь на бѣлоснѣжную грудь, я пою хвалу Чумѣ! Если, о Чума, ты намѣрена сразить меня сегодня ночью, то приходи и рази меня въ объятіяхъ веселья!

Два войска встрѣтились на горѣ. Вотъ они удалились, и кругомъ снова стало тихо. Нѣтъ, нѣтъ! Тридцать тысячъ человѣкъ лежатъ на полѣ битвы, умирая отъ холода и голода. Но что тамъ за крики, привѣтствующіе закатъ дня въ то время, когда одинъ изъ раненыхъ склонилъ голову на трупъ убитаго товарища? То пожаръ, вызванный на помощь войнѣ.

Всѣхъ, кого днемъ убила чума, ночью подбираетъ телѣга; порою на стѣнахъ кладбища развѣвается знамя ея — мрачная пелена. Тамъ, при свѣтѣ Гекаты, со страшной улыбкой Чума считаетъ убитыхъ и складываетъ высокимъ холмомъ свои трофеи въ честь побѣды.

Хоръ.

И потому-то, склоняясь на бѣлоснѣжную грудь, и пр.

Царица церковныхъ погостовъ и могилъ! Какъ пристали тебѣ царственные одежды твои съ желтыми пятнами, подобными зловѣщимъ звѣздамъ, предвѣстницамъ войнъ,

потрясающих престолы; мрачность твоя, подобная ночи украшена искрами золота, когда ты, населяя могилы, удаляешь ихъ холодъ и сырость. Рука твоя не сжимаетъ бесполезнаго оружія: одно прикосновеніе перста твоего обращаетъ сердце въ камень. Если же твоя упрямая жертва не хочетъ покориться тебѣ, то ты угрожаешь своими кровавыми очами, и безуміе, разрывая узы, поражаетъ мозгъ, нанося ей сильныя удары, или, раздражаясь смѣхомъ, подноситъ чашу крѣпкаго напитка—и низко падаетъ несчастный пьяница; онъ ложится въ могилу безъ савана.

Хоръ.

И потому-то, склоняся на бѣлоснѣжную грудь, и пр.

Ты — духъ горячаго дыханія — одна заслуживашь имени Смерти! Скройся, пристыженная Лихорадка! Девять дней ты владѣешь своею жѣртвою, но врачъ принесетъ вешней воды и спугнетъ тебя, и ты улетишь на смоченныхъ крыльяхъ. Чахотка! И ты устраняешься по желанію; въ теплому краю не удастся тебѣ сразить свою жертву и свѣжее здоровье громко насмѣется надъ тобою, когда побѣдишь ты, крадучись, съ пустымъ своимъ саваномъ. О глупый Параличъ! Хладенъ ты, но все же половина человѣка продолжаетъ жить. Одна рука, одна нога, одна щека, одна сторона осмѣиваютъ злобу твою! Но кто осмѣлится противостать могуществу Царицы церковныхъ погостовъ и кладбищъ?

Хоръ.

И потому-то, склоняся на бѣлоснѣжную грудь, и пр.

О Чума! Тебѣ слагаю я пѣснь свою. Съ тѣхъ поръ какъ явилась ты, я оцѣнилъ тебя! Ты разишь законника во время его лжи, попа во время его лицемѣрія. Скупецъ изнемогаетъ передъ своими богатствами, и злато достается своему достойному обладателю. Спадаютъ съ супруга его узы, и онъ воленъ жениться на стыдливой дѣвушкѣ. Много вдовъ лицемѣрно плачутъ надъ могилами, гдѣ спятъ ихъ старые чудачки, когда любовь ужъ свѣтится сквозь влажные взоры, обращенныя къ тому высокому юношѣ, что проходить мимо.

Тотъ нашъ, кто цвѣтетъ весенними годами, чтобы осушить слезы любви прекрасной дѣвушки; кто, отвернувшись

отъ холоднаго мертвеца, забываетъ прежняго милаго съ новымъ.

Хоръ.

И потому-то, склонясь на бѣлоснѣжную грудь, я пою хвалу Чумѣ! Если, о Чума, ты намѣрена сразить меня нынче ночью, то приходи и рази меня въ объятіяхъ веселья!

XVIII. Русалка (стр. 561 - 589).

Сцена первая (стр. 566).

¹ Начало монолога мельника по черновой рукописи:

Охъ, то-то, всѣ вы, дѣвки молодья,
 Всѣ глупы вы! Ужь если подвернулся
 Къ вамъ человѣкъ богатый, сильный, знатный,
 Такъ должно бы стараться до грѣха
 [Изъ волокиты сдѣлать] жениха
 Ужь какъ-нибудь упрочить жениха.
 А чѣмъ? — Разумнымъ, честнымъ [хитрымъ] пове-
 деньемъ:

Не [баловать] докучать излишнею любовью,
 Не слишкомъ и суровостью пугать,
 А исподволь то строгостью, то лаской,
 Заманивать, порой обинякомъ
 О свадьбѣ заговаривать; а пуще —
 Беречь свою дѣвическую честь,
 Безцѣнное сокровище. А если
 Уже надежды нѣтъ на бракъ законный,
 То можно, все-таки, по крайней мѣрѣ,
 Какой-нибудь барышъ себѣ, иль пользу
 Роднымъ да выгадать. Подумать должно:
 „Не вѣчно жъ будетъ онъ меня любить
 „И слушаться моей малѣйшей воли,
 „И баловать меня“.

² Пушкинъ писалъ: „на шѣ“.

³ Черн.: Охъ, дуры, дуры!

⁴ Черн.: Не толковалъ ли...

⁵ Черн.: Эй, дочь, смотри, опомнись, будь умнѣе.

⁶ Черн.: Что жъ вышло?

Потѣшила ты сердце на часокъ, —
 Сиди теперь...

- 7 Весною онъ...
 8 Черн.: а тамъ сталъ ѣздить рѣже,
 А нынче вотъ уже девятый день
 Бѣл.: зачѣмъ же ѣздить рѣже
 Сталъ послѣ онъ? Вотъ ужь девятый день...
 9 Черн.: заботъ.
 10 Вѣдь [князь]...
 11 [державный трудъ]
 12 Да пировать чредою у сосѣдей
 13 если бѣ ты, мой свѣтъ,
 У князя денегъ хоть на перестройку
 Умѣла взять, такъ дѣло было-бѣ лучше.
 14 Не забывай моихъ благихъ совѣтовъ.
 15 Давнымъ-давно...
 16 Въ рѣку иль въ бездну; что медвѣдь свирѣпый
 [что свирѣпый звѣрь]
 17 Что боленъ ты, что на войну собрался,
 Что разлюбилъ меня, — подумать ужасъ!
 18 [Однако, что съ то]...
 19 Тебѣ такъ показалось. Веселья
 20 И [спраши]...
 21 Отъ сокола не скрыться вороненку,
 Отъ глазъ любви душѣ не утаиться;
 [печаль не утаится]
 Я не хочу...
 22 Но тяжко...
 23 Единой...
 24 Ни вздохомъ...
 25 нѣтъ подъ небомъ
 26 ни невинность
 27 Ничто судьбы не можетъ избѣжать.
 Кто разъ сказалъ: „Я счастливъ“, тотъ ужь
 вѣдай,
 Что близокъ, близокъ счастію конецъ.
 И мы...
 28 Мнѣ
 29 [Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрю, вѣрить не хочу!]
 Кто насъ разлучить?
 30 не могу?
 31 Я отрокомъ...
 32 Нѣтъ, нѣтъ, я вижу:

[Досадную со мной ты шутку шутишь,
Не думая...]

Иль вывѣдать мои ты мысли хочешь,
Или со мною только шутку шутишь.

33 Постой, теперь я понимаю: ты
Ты женишься?.. Охъ, [мнѣ] душно, темно,
тошно! [больно]

34 Что дѣлать, милая? Князья не вольны...

35 Чужихъ...

36 Возьми на память

Алмазную повязку, — дай, я самъ
Тебѣ ее надѣну; вотъ еще
Жемчужное на память [въ подарокъ] ожерелье,
Храни его.

37 Нѣтъ, не то.

Князь.

[Прости же].

Она.

Постой... Ты женишься... Ты навсегда
Меня покинуть хочешь... Боже, Боже!
Нѣтъ, — все не то... Да! У меня сегодня
Младенецъ нашъ...

38 не покину

39 Покамѣстъ не крушися.

40 Иль меня

41 Ты бредишь?

42 Въ выборѣ князья не вольны

43 Въ мой крѣпкій...

44 Имъ вольно...

45 А тамъ — сказать:

Ступай, голубушка, куда захочешь,
Люби, кого замыслишь, — Богъ съ тобой!

46 Вотъ дѣло въ чемъ! Теперь я понимаю!

47 Да кто жъ [она], скажи, разлучница моя?

Да кто жъ она, невѣста? На кого...

48 Оставь мнѣ князя! Видишь: двѣ волчихи

49 Не ты ли?

50 И смѣлъ онъ...

- ⁵¹ И деньги! Деньгами меня купить
И мнѣ языкъ засеребрить онъ думалъ!
- ⁵² Иль нѣтъ, —
- ⁵³ Что былъ-де добръ ты до него...
- ⁵⁴ Ты съ нимъ...
- ⁵⁵ Держалъ не строго и глядѣлъ сквозь пальцы
На стыдъ дочерній... Въ прокъ тебѣ пойдетъ
- ⁵⁶ Грѣхъ [на жалость
Отцовскую такъ горько клеветать!]
. Грѣхъ тебѣ,
Мой свѣтъ, отца такъ горько упрекать!
- ⁵⁷ Ужъ какъ тебя не баловать мнѣ было?
Какъ огорчить тебя бѣ я могъ рѣшиться?
- ⁵⁸ Исполнилъ я...
- ⁵⁹ Змѣю подколодной онъ меня...
- ⁶⁰ Змѣю другую.
Ото всего чѣмъ сердце дорожить,
И предалась обманщику. [Сегодня] Довольно!

Сцена вторая (стр. 576).

- ¹ Вотъ выбрали ужъ пѣсню!
- ² [Князь. Чей это голосъ?]
- ³ Я знаю, кто. — Она сюда прокралась.
- ⁴ Мнѣ спрятаться.
- ⁵ Ищи. Она, я знаю, здѣсь. Сейчасъ
Она пропѣла пѣсню.
- ⁶ Ты глупъ.
- ⁷ невѣсту
- ⁸ Готовъ ли конь? Всю ночь
- ⁹ Далѣе зачеркнуто:
(Слышенъ крикъ).
- Ба! Это что? Да это — голосъ князя...
(Дѣвушка подъ *) покрываломъ
переходитъ черезъ комнату).

Ты видѣла?

СВАХА.

Да, видѣла.

Князь (выбѣгаетъ).

Держите!

*) покрытая.

Гоните со двора ея долой! *) ·
Вотъ слѣдъ ея, — съ нею вода течеть.

Дружко.

Юродивая, можетъ статья. Слуги **),
Смѣясь надъ ней, ея зная, окатили.

Князь.

Ступай, прикрикни ты на нихъ. Какъ смѣли
Надъ нею издѣваться и ко мнѣ
Впустить ея? (Уходитъ).

Дружко.

Ей-Богу, это странно!
Кто тамъ? (Входятъ слуги). Зачѣмъ пустили эту дѣвку? *

Слуга.

Какую?

Дружко.

Мокрую!

Слуга.

Мы мокрыхъ дѣвокъ

Не видѣли.

Дружко.

Куда жъ она дѣвалась?

Слуга.

Не вѣдаемъ.

Свѣхла.

Охъ, сердце замираеть!

Нѣтъ, — это не къ добру!

Дружко.

Ступайте вонъ,
Да никого, смотрите, не впускайте!

*) Гоните прочь юродивую женку!

**) Да, такъ: вода. Юродивая, видно:
Нечаянно сюда прокралась, — слуги
Ее, зная, окатили на дворѣ.

***) Куда дѣвалась эта дѣвка?

Пойти-ка мнѣ, садиться на коня.
Прощай, кума!

Сваха.

Охъ, сердце не на мѣстѣ!
Не въ пору сладили мы эту свадьбу! *)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ (стр. 580).

¹ Въ бумагахъ А. С. Норова сохранился и напечатанъ въ Рус. Арх. 1865, № 12, и точнѣе, съ приложеніемъ факсимиле, — у В. Я. Брюсова, Письма Пушкина, стр. 133, слѣдующій первоначальный набросокъ начала этой сцены:

Мамка.

Княгиня-княгинюшка,
Дитя мое милое,
Что сидишь невесело,
Головку повѣсила?
Ты не вѣсь головушку,
Не печаль меня старую,
Свою няню любимую.

Княгиня.

Ахъ, нянюшка, нянюшка, милая моя!
Какъ мнѣ не тужить, какъ веселой быть?
[Какъ] Была я въ дѣвицахъ, другъ [князь] любилъ
меня
Вышла за него — разлюбилъ меня.
Бывало, дружокъ мой супротивъ меня сидить,
Сидить цѣлый день и съ мѣста нейдетъ,
Сидить да глядитъ **), не смигиваетъ,
А нынче дружокъ мой ни свѣтъ ни заря
Разбудить меня, да самъ на коня,

*) Ей-Богу странно!

Сваха.

Сердце замираетъ!

Недаромъ пѣсню чудную пропѣли,
Недаромъ чудеса творятся. Чѣмъ-то
Все кончится? Все это не къ добру.

***) Бывало, дружокъ мой цѣлый день сидитъ
Супротивъ меня, глядитъ на меня,
Глядитъ на меня, не смигиваетъ,
Любовныя рѣчи пошептываетъ.

Весь день до ночи [по гостямъ] разгуливаетъ ;
 Приѣдетъ — не молвить *) словечушка мнѣ
 Онъ ласковаго, привѣтливаго.

Мамка.

Дитя мое, дитятко, не плачь, не тужи,
 Не плачь, не тужи, сама разсуди:
 Удадь добрый молодець, что вольный пѣтухъ --
 Махъ-махъ крыломъ, запѣлъ, полетѣлъ,
 А красная дѣвица, что насѣдочка —
 Сиди, да сиди, цыплятъ выводи.

Княгиня.

Ужь нѣтъ ли у него зазнобы какой?
 Ужь нѣтъ ли на меня разлучницы?

Мамка.

Полно-те, милая **), сама разсуди:
 Ты всѣмъ-то взяла, всѣмъ-то хороша, ***)
 Лицомъ-красотой, умомъ-разумомъ,
 Лебединою походочкой,
 Соловиной поговорочкой,
 Тихимъ, ласковымъ обычаемъ.

² Годокъ одинъ прошелъ — и ужь не такъ.

³ Дитя мое!..

⁴ красою ненаглядной,
 Обычаемъ и разумомъ. Подумай:
 Ну, въ комъ ему найти, какъ не въ тебѣ,
 Сокровища такова?

Княгиня.

Я слыхала,
 Что будто бы до свадьбы онъ любилъ
 Какую-то красавицу, простую,
 Дочь мельника.

* не скажетъ.

*) дитятко.

**) Ты всѣмъ хороша, --- умомъ-разумомъ.

Мамка.

Да, такъ и я слыхала,
Тому давно, — годовъ ужъ пять и больше;
Но дѣвушка, какъ слышно, утопилась,
Такъ нечего объ ней и поминать.

Княгиня.

Коль ужъ одну любилъ онъ, да покинулъ,
Такъ и меня покинуть можетъ онъ.

Когда бъ услышалъ... и пр.

⁴ Князь.

⁵ Скажи...

Сцена четвертая (стр. 582).

Пѣсня русалокъ стоила Пушкину большого труда: онъ нѣсколько разъ принимался писать и исправлять ее. Крайне исчерканная черновая рукопись (№ 2382) позволяетъ возстановить слѣдующіе главные варианты:

Прохладно, прохладно

Въ рѣчной глубинѣ,

Тепло и отрадно

При свѣтлой лунѣ. *)

—
Сестры милыя, — темно;

Сестры, кинемъ наше дно!

Не пора ль подняться мнѣ

Кверху, къ воздуху, къ лунѣ,

[Подышать прохладой ночи],

Порѣзвиться на землѣ,

Подышать въ воздушной мглѣ,

На деревьяхъ поиграть

И висѣть, и хохотать,

И, качаясь, отдыхать.

—
Надъ подводными цвѣтами [песками]

Любо, любо надъ травами [волнами]

*) Тепло подъ волнами
Въ рѣчной глубинѣ:
Лучъ луны надъ нами
Играетъ на днѣ.

- ²¹ Насилу мы его нашли
²² [Удалились, ускакали!]
²³ [Скоро утро, — намъ пора!]
²⁴ Поздно. Роши потемнѣли,
 Холодѣеть глубина,
 Пѣтухи въ селѣ пропѣли,
 Закатилася луна.
²⁵ милая.

Сцена пятая (стр. 587).

- ¹ Онъ вечеръ меня просилъ
² Но...
³ бѣшеной
⁴ Днѣпра потомъ...

Сцена шестая (стр. 589).

Въ первомъ и во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ „Русалки“ эта сцена начиналась монологомъ князя: „Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ...“ Между тѣмъ, изъ рукописи видно, что Пушкинъ хотѣлъ перенести первые девять стиховъ этого монолога въ сц. 4-ю, для чего и сдѣлалъ соотвѣтствующія помѣтки, ускользнувшія, какъ и многое другое, отъ вниманія издателей. Мы напечатали сцены 4-ю и 6-ю согласно этимъ исправленіямъ автора.

XIX. Галубъ (стр. 591 - 604).

Нѣсколько добавленій изъ рукописи:

- ¹ [Восприметь трупъ его могила]...
² Стихъ зачеркнуть, но не замѣненъ другимъ.
³ Первоначально было:

Сказалъ и [на земь] легъ, и очи
 Закрылъ. Глядѣть не стало мочи.
 И день противенъ былъ ему,
 И, равнодушный ко всему,
 Лежалъ онъ до глубокой ночи.
 Когда же приподнялся онъ,
 Былъ темень синій небосклонъ
 Луна, блистая, восходила
 И скалъ вершины серебрила.
 Тазита онъ [тогда] позвалъ, —

Никто ему не отвѣчалъ.

[Онъ былъ одинъ]...

⁴ Эти четыре стиха зачеркнуты, но не замѣнены другими.

⁵ Эти два стиха въ „Современникѣ“ были передѣланы такъ:

Я агнецъ дома, звѣрь въ бою;

Къ намъ въ саклю не впущу я голодъ.

⁶ И мрачно...

Дополнительныя примѣчанія.

къ тому I.

Стр. 286. Стихотвореніе „Къ моей чернильницѣ“, по недосмотру, напечатано въ неисправленной редакціи. Перепечатываемъ его въ исправленномъ видѣ.

Подруга думы празднои,
Чернильница моя!
Мой вѣкъ разнообразный
Тобой украсилъ я.
Какъ часто другъ веселья
Съ тобою забывалъ
Условный часъ похмѣлья
И праздничный бокаль!
Подъ сѣнью хаты скромной,
Въ часы печали томной,
Была ты предо мной
Съ лампадой и мечтой.
Въ минуты вдохновенья
Къ тебѣ я прибѣгалъ
И музу призывалъ
На пиръ воображенья.
Прозрачный, легкій дымъ
Носился надъ тобою,
И съ трепетомъ живымъ
Въ немъ быстрой чередою
.
Сокровища мои
На днѣ твоємъ таятся.
Тебя я посвятилъ
Занятіямъ досуга
И съ лѣнью примирилъ:
Она — твоя подруга!

Съ тобой успѣхъ узналъ
 Отшельникъ неизвѣстный...
 Завѣтный твой кристалль
 Хранить огонь небесный;
 И подъ вечеръ, когда
 Перо по книжкѣ бродить,
 Безъ вялаго труда
 Оно въ тебѣ находитъ
 Концы моихъ стиховъ
 И вѣрность выраженья,
 То звуковъ или словъ
 Нежданное стеченье,
 То ѣдкой шутки соль,
 То правды слогъ суровой,
 То странность риѣмы новой,
 Неслыханной дотоль *).
 Съ глупцовъ сорвавъ одежду,
 Я весело клеймилъ
 Зоила и невѣжду
 Пятномъ твоихъ чернилъ,
 Но ихъ не разводилъ
 Ни тайной злости пѣной,
 Ни ядомъ клеветы, —
 И сердца простоты
 Ни лестью, ни измѣной
 Не замарала ты.
 Но здѣсь, на лонѣ лѣни,
 Я слышу нѣжны пени
 Заботливыхъ друзей...
 Ужели ихъ забуду,
 Друзей души моей,
 И имъ невѣренъ буду?
 Оставь, оставь порой
 Привычныя затѣи,

*) Далѣе въ рукописи зачеркнуто:

Любовница свободы,
 Ты съ нею заодно
 Прославила вино
 И прелести природы;
 Ты смѣху обрекла
 Пустыхъ любимцевъ моды
 И рѣчи, и дѣла.

И дактиль, и хорей,
 Для прозы почтовой.
 Минуты хладной скуки,
 Сердечной пустоты,
 Уныніе разлуки,
 Всегдашнія мечты,
 Мои надежды, чувства
 Безъ лести, безъ искусства,
 Бумагъ передай;
 Болтливостью небрежной,
 И вѣтреной, и нѣжной,
 Ихъ сердце утѣшай...
 Безпечный сынъ природы,
 Пока златые годы
 Въ забвеньи трачу я.
 Со мною неразлучно
 Живи благополучно
 Наперсница моя!

Когда же берегъ ада
 Навѣкъ меня возьметъ,
 Когда со мной заснетъ
 Перо, моя отрада,
 И ты, въ углу пустомъ
 Осиротѣвъ, остынешь
 И навсегда покинешь
 Поэта тихій домъ, —
 Тебя возьметъ унылый
 Чадаевъ, другъ мой милый.
 Послѣдній будь привѣтъ
 Любимцу прежнихъ лѣтъ!
 Изсохшая, пустая,
 Межь двухъ его картинъ
 Останься вѣкъ нѣмая,
 Укрась его каминъ.
 Взыскательнаго свѣта
 Очей не привлекай,
 Но вѣрнаго поэта
 Друзьямъ напоминай.

Стр. 355. Варианты въ посланіи къ Языкову:
 Ст. 10: Я вышелъ раннею зарей

- Ст. 12: Понесъ смиренный посохъ мой
 „ 15: Бесѣдой вольной, вдохновенной
 „ 18: Давно я бурями ношусь
 „ 21: Теперь одинъ, въ глухомъ изгнаньѣ
 „ 22: Влачу томительные дни
 „ 33: Объ милой Африкѣ своей

Стр. 539. Въ эпиграммѣ на кн. Голицына, точно такъ же, какъ и въ посланіи къ цензору, рѣчь идетъ не о Н. Н. Бантышъ-Каменскомъ, а объ его сынѣ Владимірѣ, который служилъ въ коллегіи иностр. дѣлъ и скандально прославился своими безнравственными наклонностями. Въ 1822 г. онъ высланъ былъ въ Вятку, откуда переведенъ въ Тобольскъ, къ брату, бывшему тамъ губернаторомъ; умеръ въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ. См. Вигеля. Восп., I, 164; Ост. Арх., II, 368 и Рус. Стар. 1903, т. СХV, стр. 208.

Стр. 622. Эпиграмма: „Хоть, впрочемъ, онъ поэтъ изрядный“ напеч. въ изд. 1826, стр. 114, и 1829, ч. II, стр. 165.

Стр. 682, строка 5 снизу, напечатано: упоительный, слѣдуетъ: утомительный.

Къ тому II.

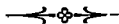
Стр. 96. Въ стихотвореніи „Примѣты“ — вариантъ 4-го стиха:

Осеребрялъ мнѣ бѣгъ ретивый

или:

Сопровождалъ мой путь ретивый

(Рук.)

Опечатка.

При печатаніи за границей иллюстрированныхъ приложенийъ вкралась ошибка въ подписяхъ къ картинамъ А. С. Наумова и К. Н. Чичагова, тракующимъ одинъ и тотъ же сюжетъ, дуэль А. С. Пушкина: имена художниковъ оказались поставленными одно взамѣнъ другого. Та же ошибка повторена затѣмъ и въ приложенныхъ къ тт. III и IV перечняхъ иллюстрацій. Въ дѣйствительности снимокъ, помѣщенный въ III т., сдѣланъ съ картины *А. А. Наумова*, снимокъ же, помѣщенный въ IV т., — съ картины *К. Н. Чичагова*.